Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
(ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ)

1937

83

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

Постановление 4-й сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР VII созыва

Об утверждении „Положения о выборах в Верховный Совет СССР“

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

Утвердить «Положенце о выборах в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик».

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР

М. Калинин

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль. 9 июля 1937 г.

Положение о выборах в Верховный Совет СССР

Глава I

Избирательная система

Статья 1. На основании статьи 134 Конституции СССР выборы депутатов в Верховный Совет СССР производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 2. На основании статьи 135 Конституции СССР выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными в Верховный Совет СССР, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Статья 3. На основании статьи 136 Конституции СССР выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

Статья 4. На основании статьи 137 Конституции СССР женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

СТАТЬЯ 5. На основании статьи 138 Конституции СССР граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

Статья 6. На основании статьи 141 Конституции СССР кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Глава II

Списки избирателей

Статья 7. Списки избирателей составляются в городах городским Советом депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районным Советом; в сельских местностях — сельским (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советом депутатов трудящихся.

Статья 8. В списки избирателей включаются все граждане, имеющие избирательное право и проживающие (постоянно или временно) к моменту составления списков на территории данного Совета, достигшие ко дню выборов 18 лет.

Статья 9. Не вносятся в списки избирателей лица, лишенные избирательных прав по судебным приговорам в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав, а также лица, признанные в установленном законом порядке умалишенными.

Статья 10. Списки избирателей составляются по каждому избирательному участку в алфавитном порядке с указанием фамилии, имени, отчества, возраста и места жительства избирателя и подписываются председателем и секретарем Совета депутатов трудящихся.

Статья 11. Никто из избирателей не может быть внесен более, чем в один избирательный список.

Статья 12. Списки избирателей, состоящих в воинских частях и войсковых соединениях, составляются командованием за подписями командира и военного комиссара. Все прочие военнослужащие вносятся в списки избирателей по месту жительства соответствующими Советами депутатов трудящихся.

Статья 13. За 30 дней до выборов Совет депутатов трудящихся вывешивает списки избирателей для всеобщего обозрения или обеспечивает избирателям возможность ознакомляться с этими списками в помещении Совета.

Статья 14. Подлинник списков избирателей хранится соответственно в Совете депутатов трудящихся и в воинской части или в войсковом соединении.

Статья 15. При перемене избирателем места своего пребывания в срок между опубликованием списка избирателей и днем выборов соответствующий Совет депутатов трудящихся выдает ему по форме, установленной Центральной избирательной комиссией, «удостоверение на право голосования» и отмечает в списке избирателей — «выбыл»; в пункте нового местожительства — постоянного или временного — избиратель вносится в список избирателей при предъявлении удостоверения личности, а также «удостоверения на право голосования».

Статья 16. Заявление о неправильности в списке избирателей (невключение в списки, исключение из списков, искажение фамилии, имени, отчества, неправильное включение в списки лиц, лишенных избирательных прав) подается в Совет депутатов трудящихся, опубликовавший списки.

Статья 17. Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан рассмотреть каждое заявление о неправильности в списке избирателей в трехдневный срок.

Статья 18. По рассмотрении заявления о неправильности в списке избирателей, исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан либо внести необходимые исправления в список избирателей, либо выдать заявителю письменную справку о мотивах отклонения его заявления; при несогласии с решением Совета депутатов трудящихся заявитель может подать жалобу в народный суд.

Статья 19. Народный суд в течение трех дней обязан в открытом судебном заседании с вызовом заявителя и представителя Совета рассмотреть жалобу на неправильность в списке и свое решение немедленно сообщить как заявителю, так и Совету. Решение народного суда окончательно.

Глава III

Избирательные округа по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей

Статья 20. На основании статьи 34 Конституции СССР Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам.

Статья 21. Избирательный округ по выборам в Совет Союза составляется по принципу: 300 000 населения — на округ. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Союза посылает одного депутата.

Статья 22. На основании статьи 35 Конституции СССР Совет Национальностей избирается гражданами СССР по избирательным округам. Избирательный округ по выборам в Совет Национальностей составляется по принципу: 25 округов по каждой союзной республике, 11 округов по каждой автономной республике, 5 округов по каждой автономной области и 1 избирательный округ в каждом национальном округе. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Национальностей посылает одного депутата.

Статья 23. Образование избирательных округов по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей производится Президиумом Верховного Совета СССР.

Статья 24. Список избирательных округов по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей опубликовывается Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с назначением дня выборов.

Глава IV

Избирательные участки

Статья 25. Для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов территория городов и районов, входящих в избирательные округа, делится на избирательные участки, общие для выборов в Совет Союза и Совет Национальностей.

Статья 26. Образование избирательных участков производится в городах городскими Советами депутатов трудящихся, в городах с районным делением — районными Советами депутатов трудящихся; в сельских местностях — районными Советами депутатов трудящихся.

Статья 27. Образование избирательных участков производится не позднее, чем за 45 дней до выборов.

Статья 28. Территория сельсовета, насчитывающего не более двух тысяч жителей, составляет, как правило, один избирательный участок; в каждой станице, деревне, кишлаке, ауле, насчитывающем от 500, но не более 2 000 жителей, организуется отдельный избирательный участок.

Статья 29. В отдаленных северных и восточных районах, где преобладают мелкие поселения, допускается организация избирательных участков с количеством не менее 100 человек населения.

Статья 30. Города, промышленные пункты, а также села и территория сельсовета, насчитывающие более 2 000 жителей, делятся на избирательные участки из расчета один избирательный участок на 1 500—2 500 человек населения.

Статья 31. Воинские части и войсковые соединения составляют отдельные избирательные участки с количеством не менее 50 и не более 1 500 избирателей, которые входят в избирательный округ по месту нахождения части или войскового соединения.

Статья 32. Суда, с количеством избирателей не менее 50, находящиеся в плавании в дни выборов, могут составить отдельные избирательные участки, входящие в избирательные округа по месту приписки судна.

Статья 33. При больницах, родильных домах, санаториях, домах инвалидов с количеством избирателей не менее 50 создаются отдельные избирательные участки.

Глава V

Избирательные комиссии

Статья 34. Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР составляется из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждается Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с опубликованием дня выборов.

Статья 35. Центральная избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 12 членов.

Статья 36. Центральная избирательная комиссия:

а) наблюдает на всей территории СССР за неуклонным исполнением в ходе выборов «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»;

б) рассматривает жалобы на неправильные действия избирательных комиссий и выносит по жалобам окончательные решения;

в) устанавливает образцы избирательных ящиков, форму «удостоверения на право голосования», форму и цвет избирательных бюллетеней и конвертов для них, форму списка избирателей, форму протоколов по подсчету голосов, форму удостоверений об избрании;

г) регистрирует избранных депутатов в Верховный Совет СССР;

д) сдает мандатным комиссиям Совета Союза и Совета Национальностей делопроизводство по выборам.

Статья 37. В каждой союзной и автономной республике, автономной области и национальном округе создаются Избирательные комиссии союзной и автономной республики, автономной области и национального округа по выборам в Совет Национальностей.

Статья 38. Избирательные комиссии по выборам в Совет Национальностей составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик, Советами депутатов трудящихся автономных областей и национальных округов не позднее, чем за 50 дней до выборов.

Статья 39. Избирательные комиссии союзной и автономной республик, автономной области и национального округа по выборам в Совет Национальностей образуются в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 6—10 членов.

Статья 40. Избирательная комиссия союзной, автономной республики, автономной области и национального округа по выборам в Совет Национальностей:

а) наблюдает на территории республики, автономной области, национального округа за неуклонным исполнением в ходе выборов в Совет Национальностей «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»;

б) рассматривает жалобы на неправильные действия по выборам в Совет Национальностей.

Статья 41. В каждом округе по выборам в Совет Союза создается Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия.

Статья 42. В республиках, имеющих краевое или областное деление, Окружные по выборам в Совет Союза избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Советами депутатов трудящихся краев и областей, в республиках, не имеющих областного или краевого деления,— Президиумами Верховных Советов республик — не позднее, чем за 55 дней до выборов.

Статья 43. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов.

Статья 44. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия:

а) наблюдает за своевременной организацией избирательных участков соответствующими исполнительными комитетами Советов депутатов трудящихся;

б) наблюдает за своевременным составлением и доведением до всеобщего сведения списков избирателей;

в) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Союза;

г) снабжает Участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Союза и конвертами по установленной форме;

д) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

е) представляет в Центральную избирательную комиссию делопроизводство по выборам;

ж) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Статья 45. В каждом округе по выборам в Совет Национальностей создается Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия.

Статья 46. Окружные по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей — не позднее, чем за 50 дней до выборов.

Статья 47. Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов.

Статья 48. Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия:

а) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Национальностей;

б) снабжает Участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Национальностей по установленной форме;

в) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

г) представляет делопроизводство по выборам в Центральную избирательную комиссию и соответственно в Республиканскую избирательную комиссию по выборам в Совет Национальностей или в Избирательную комиссию автономной области по выборам в Совет Национальностей;

д) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Статья 49. Участковые избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются в городах городскими Советами депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районными Советами депутатов трудящихся; в сельских местностях — районными Советами депутатов трудящихся — не позднее, чем за 40 дней до выборов.

Статья 50. Участковая избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 4—8 членов.

Статья 51. Участковая избирательная комиссия:

а) производит по избирательному участку прием избирательных бюллетеней;

б) производит подсчет голосов по каждому кандидату в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей;

в) передает делопроизводство по выборам соответственно в Окружную по выборам в Совет Союза и в Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии.

Статья 52. Заседания Центральной избирательной комиссии, Республиканской избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей, Избирательных комиссий автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей, Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии и Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии, а равно Участковых избирательных комиссий считаются действительными, если на них участвует больше половины общего состава комиссий.

Статья 53. Все вопросы в избирательных комиссиях решаются простым большинством голосов; при равенстве голосов — голос председателя дает перевес.

Статья 54. Расходы, связанные с производством выборов в Верховный Совет СССР, производятся за счет государства.

Статья 55. Центральная избирательная комиссия, Республиканские избирательные комиссии по выборам в Совет Национальностей, Избирательные комиссии автономной области, национального округа по выборам в Совет Национальностей, Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия, Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия и Участковые избирательные комиссии имеют свою печать по образцу, установленному Центральной избирательной комиссией.

Глава VI

Порядок выставления кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР

Статья 56. Право выставления кандидатов в Верховный Совет СССР обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся — на основании статьи 141 Конституции СССР: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами и другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке.

Статья 57. Право выставления кандидатов осуществляют как центральные органы общественных организаций и обществ трудящихся, так и их республиканские, краевые, областные и районные органы, равно как общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общие собрания крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам.

Статья 58. Кандидаты в депутаты не могут состоять членами Окружных по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей избирательных комиссий, а также Участковых избирательных комиссий того округа, где они выставлены кандидатами в депутаты.

Статья 59. Не позднее, чем за 30 дней до выборов, все общественные организации или общества трудящихся, выдвигающие кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, обязаны зарегистрировать кандидатов в депутаты соответственно или в Окружной по выборам в Совет

Союза избирательной комиссии, или в Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии.

Статья 60. Окружные по выборам в Совет Союза и по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии обязаны зарегистрировать всех кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, выставленных общественными организациями и обществами трудящихся с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР».

Статья 61. Общественная организация или общество трудящихся, выдвигающие кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, обязаны представить в Окружную избирательную комиссию следующие документы:

а) протокол собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, подписанный членами Президиума, с указанием их возраста, местожительства, наименования организации, выдвинувшей кандидата, указания о месте, времени и количестве участников собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, причем в протоколе должны быть указаны фамилия, имя, отчество кандидата в депутаты, его возраст, местожительство, партийность, занятие;

б) заявление кандидата в депутаты об его согласии баллотироваться по данному избирательному округу от выставившей его организации.

Статья 62. Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР может голосоваться только в одном округе.

Статья 63. Отказ Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии в регистрации кандидата в депутаты может быть обжалован в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным.

Статья 64. Отказ Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии в регистрации кандидата может быть обжалован в двухдневный срок в Избирательную комиссию союзной, автономной республики, автономной области, а решение последней — в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным.

Статья 65. Фамилия, имя, отчество, возраст, занятие, партийность каждого зарегистрированного кандидата в депутаты Верховного Совета СССР и наименование общественной организации, выдвинувшей кандидата, опубликовываются соответственно Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссией и Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссией не позже, чем за 25 дней до выборов.

Статья 66. Все зарегистрированные кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР подлежат обязательному включению в избирательный бюллетень.

Статья 67. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия и Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия обязаны не позднее, чем за 15 дней до выборов в Верховный Совет СССР, напечатать и разослать всем Участковым избирательным комиссиям избирательные бюллетени.

Статья 68. Избирательные бюллетени печатаются на языках населения соответствующего избирательного округа.

Статья 69. Избирательные бюллетени печатаются по форме, установленной Центральной избирательной комиссией, и в количестве, обеспечивающем снабжение всех избирателей избирательными бюллетенями.

Статья 70. Каждой организации, выставившей кандидата, зарегистрированного в Окружной избирательной комиссии, равно как каж-

дому гражданину СССР, обеспечивается право беспрепятственной агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами, согласно статьи 125 Конституции СССР.

Глава VII

Порядок голосования

Статья 71. Выборы в Верховный Совет СССР производятся в течение одного дня — общего для всего СССР.

Статья 72. День выборов в Верховный Совет СССР устанавливается Президиумом Верховного Совета СССР, согласно статьи 54 Конституции СССР не позднее, чем за 2 месяца до срока выборов. Выборы производятся в нерабочий день.

Статья 73. Ежедневно в течение последних 20 дней перед выборами Участковая избирательная комиссия опубликовывает или широко оповещает избирателей каким-либо иным способом о дне выборов и месте выборов.

Статья 74. Подача голосов избирателями производится в день выборов от 6 часов утра до 12 часов ночи.

Статья 75. В 6 часов утра в день выборов председатель Участковой избирательной комиссии в присутствии ее членов проверяет избирательные ящики и наличие составленного по установленной форме списка избирателей, после чего закрывает и опечатывает ящики печатью комиссии и приглашает избирателей приступить к подаче голосов.

Статья 76. Каждый избиратель голосует лично, являясь для этого в помещение для голосования, причем подача голосов избирателями производится путем опускания в избирательный ящик избирательных бюллетеней, запечатанных в конверте.

Статья 77. В помещении для выборов выделяется для заполнения бюллетеней особая комната, в которой во время голосования запрещается присутствие кого бы то ни было, в том числе и членов Участковой избирательной комиссии, кроме голосующих; при допуске в комнату для заполнения бюллетеней одновременно нескольких избирателей, она должна быть оборудована перегородками или ширмами по числу допускаемых одновременно избирателей.

Статья 78. Явившийся в избирательное помещение избиратель предъявляет секретарю Участковой избирательной комиссии либо паспорт, либо колхозную книжку, либо профсоюзный билет, либо иное удостоверение личности и после проверки по списку избирателей и отметки в списке избирателей получает избирательные бюллетени и конверт установленного образца.

Статья 79. На лиц, явившихся в помещение для выборов с «удостоверением на право голосования», согласно статьи 15 настоящего «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», Участковая избирательная комиссия ведет особый список, который прилагается к списку избирателей.

Статья 80. Избиратель в комнате, отведенной для заполнения избирательных бюллетеней, оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальных; заклеив бюллетени в конверт, избиратель переходит в комнату, где помещается Участковая избирательная комиссия, и опускает конверт с избирательными бюллетенями в избирательный ящик.

Статья 81. Избиратели, не имеющие возможности в силу неграмотности или какого-нибудь физического недостатка самостоятельно за-

полнить избирательные бюллетени, вправе пригласить в комнату, где заполняются избирательные бюллетени, любого другого избирателя для заполнения избирательных бюллетеней.

Статья 82. Выборная агитация в избирательном помещении во время подачи голосов не допускается.

Статья 83. Ответственность за порядок в избирательном помещении несет председатель комиссии, и его распоряжения для всех присутствующих обязательны.

Статья 84. В 12 часов ночи дня выборов председатель Участковой избирательной комиссии объявляет подачу голосов законченной, и комиссия приступает к вскрытию избирательных ящиков.

Глава VIII

Определение результатов выборов

Статья 85. В помещении, где Участковая избирательная комиссия производит подсчет голосов, при подсчете голосов имеют право присутствовать специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

Статья 86. Участковая избирательная комиссия, вскрыв ящики, сверяет число поданных конвертов с числом лиц, участвовавших в голосовании, и результаты сверки заносит в протокол.

Статья 87. Председатель Участковой избирательной комиссии вскрывает конверты и оглашает в присутствии всех членов Участковой избирательной комиссии результаты голосования по каждому бюллетеню.

Статья 88. Запись результатов голосования ведется отдельно по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей.

Статья 89. На каждого кандидата в депутаты ведется счетный лист в 2-х экземплярах секретарем комиссии и уполномоченными на то членами Участковой избирательной комиссии.

Статья 90. Признаются недействительными бюллетени:

а) неустановленного образца и цвета;

б) поданные без конверта или в конверте неустановленного образца;

в) с количеством кандидатов, превышающим число избираемых депутатов.

Статья 91. При возникновении сомнений в действительности избирательного бюллетеня вопрос резрешается Участковой избирательной комиссией путем голосования, что отмечается в протоколе.

Статья 92. Участковая избирательная комиссия составляет по установленной форме протокол голосования в трех экземплярах, подписываемых всеми членами Участковой избирательной комиссии, в том числе обязательно председателем и секретарем.

Статья 93. В протоколе голосования Участковой избирательной комиссией должно быть указано:

а) время начала и окончания подачи голосов;

б) число избирателей, подавших голоса по списку избирателей;

в) число избирателей, подавших голоса по «удостоверениям на право голосования»;

г) число поданных конвертов;

д) краткое изложение заявлений и жалоб, поданных в Участковую избирательную комиссию, и принятые Участковой избирательной комиссией решения;

е) результаты подсчета голосов по каждому кандидату.

Статья 94. После окончания подсчета голосов и составления протокола, председатель комиссии оглашает результаты голосования в присутствии всех членов комиссии.

Статья 95. Один экземпляр протокола голосования, составленного Участковой избирательной комиссией, с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Союза направляется с нарочным в течение 24 часов в Окружную по выборам в Совет Союза избирательную комиссию; второй экземпляр протокола голосования, составленного Участковой избирательной комиссией, с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Национальностей направляется с нарочным в течение 24 часов в Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательную комиссию.

Статья 96. Все избирательные бюллетени (отдельно действительные и отдельно признанные недействительными) отдельно по Совету Союза и отдельно по Совету Национальностей должны быть опечатаны печатью Участковой избирательной комиссии и вместе с третьим экземпляром протокола голосования и печатью сданы председателем Участковой избирательной комиссии на хранение: в городах — городским Советам депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районным Советам депутатов трудящихся; в сельских местностях — районным Советам депутатов трудящихся.

Статья 97. На Советы депутатов трудящихся возлагается обязанность хранить избирательные бюллетени впредь до утверждения мандатов депутатов от соответствующего округа Верховным Советом СССР.

Статья 98. Окружная избирательная комиссия производит подсчет голосов на основании протоколов, представленных Участковыми избирательными комиссиями.

Статья 99. В помещении, где Окружная избирательная комиссия производит подсчет голосов, имеют право присутствовать при подсчете голосов специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

Статья 100. На каждого кандидата Окружной избирательной комиссией ведется в 2-х экземплярах счетный лист, в котором отмечается количество голосов, полученных каждым кандидатом в депутаты.

Статья 101. Окружная избирательная комиссия составляет протокол голосования в 2-х экземплярах, подписываемых всеми членами Окружной избирательной комиссии, в том числе обязательно председателем и секретарем.

Статья 102. В протоколе Окружной избирательной комиссии должно быть указано:

а) общее число избирателей по округу;

б) общее число избирателей, принявших участие в голосовании;

в) число голосов, поданных за каждого кандидата в депутаты;

г) краткое изложение заявлений и жалоб, поданных в Окружную избирательную комиссию, и принятые Окружной избирательной комиссией решения.

Статья 103. Не позднее 24 часов после окончания подсчета голосов председатель Окружной по выборам в Совет Союза, а также председатель Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии обязаны переслать первый экземпляр протокола с приложенными счетными листами в запечатанном виде через нарочного в Центральную избирательную комиссию, второй экземпляр протокола — в Избирательную по выборам в Совет Национальностей комиссию союзной республики, автономной республики, автономной области.

Статья 104. Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, получивший абсолютное большинство голосов, т. е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считается избранным.

Статья 105. После подписания протокола председатель Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии оглашает результаты выборов и выдает избранному кандидату в депутаты Совета Союза удостоверение об избрании.

Статья 106. После подписания протокола председатель Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии оглашает результаты выборов и выдает избранному кандидату в депутаты Совета Национальностей удостоверение об избрании.

Статья 107. Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая Окружная избирательная комиссия отмечает об этом особо в протоколе и сообщает: в Центральную избирательную комиссию и Избирательную комиссию республики, автономной области или национального округа по выборам в Совет Национальностей и одновременно объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов, а также назначает день перебаллотировки не позднее, чем в двухнедельный срок по истечении первого тура выборов.

Статья 108. Если поданное количество голосов по округу составляет меньше половины избирателей, имеющих право голосовать по этому округу, Окружная избирательная комиссия по выборам в Совет Союза или по выборам в Совет Национальностей отмечает об этом особо в протоколе и сообщает немедленно в Центральную избирательную комиссию и в Избирательную комиссию республики, автономной области по выборам в Совет Национальностей, причем в этом случае Центральная избирательная комиссия назначает новые выборы не позднее, чем в двухнедельный срок после первых выборов.

Статья 109. Перебаллотировка кандидатов в депутаты, равно как новые выборы взамен признанных недействительными, производятся по спискам избирателей, составленным для первых выборов, и в полном соответствии с настоящим «Положением о выборах в Верховный Совет СССР».

Статья 110. В случае выбытия депутата из состава Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР в 2-недельный срок назначает в соответствующем избирательном округе срок выборов нового депутата, не не позднее, чем в 2-месячный срок после выбытия депутата из состава Верховного Совета СССР.

Статья 111. Всякий, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР,— карается лишением свободы на срок до 2-х лет.

Статья 112. Должностное лицо Совета или член избирательной комиссии, совершившие подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов,— караются лишением свободы на срок до 3-х лет.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 9 июля 1937 г.

Коммунистические субботники тыла — Красному фронту в годы гражданской войны

Советской республике в годы гражданской войны пришлось выдержать натиск озверевших империалистов, пытавшихся совместно с белогвардейской контрреволюцией уничтожить первую в мире страну победившего пролетариата.

Красная армия под руководством Ленина и Сталина героически сражалась на многочисленных фронтах и одерживала победу за победой. В этих славных победах большую роль играл тыл Советской республики.

«Ни одна армия в мире не может победить без устойчивого тыла» [1] — писал товарищ Сталин в 1919 году по поводу причин поражения армий Колчака, Деникина, Юденича и войск интервентов.

Тыл контрреволюционных армий был непрочен, потому что царские генералы Деникин, Колчак, Юденич и другие несли с собой ярмо помещиков для народов России, кабалу русского и иностранного капитала. «Этот факт непрочности тыла контрреволюционных войск объясняется социальным характером правительства Деникина — Колчака, создававшего эти войска» [2],— указывал товарищ Сталин.

В ином положении находился советский фронт.

Красная армия, созданная рабочим классом и трудящимся крестьянством, располагала прочным тылом, пополнялась надежными кадрами и с первого же дня своего рождения встречала самое любовное и заботливое отношение со стороны трудящихся масс.

«У нас,— говорит товарищ Сталин,— народ и армия составляют одно целое, одну семью» [3], а Советское правительство является правительством освобождения русского народа, пользующимся «максимальным доверием широких слоев населения» [4].

Рабочий класс и трудящиеся массы советского тыла имели теснейшую связь с фронтом, оказывали ему активную материальную помощь и по первому зову коммунистической партии выставляли новые силы для укрепления боевой мощи Красной армии. Так, например, весной 1919 года, когда наступление колчаковской армии на восточном фронте угрожало Советской республике, Центральный комитет большевистской партии в тезисах, написанных Лениным, бросил клич: все на борьбу с царским генералом Колчаком. Рабочий класс и трудящиеся массы, организованные в профессиональные союзы, активно откликнулись, по собственному почину объявили 10%-ю мобилизацию всех членов союза и дали на фронт, помимо государственной мобилизации, около 100 тысяч человек [5].

Миллионы оставшихся в тылу на трудовом фронте под руководством большевистской партии и профсоюзов принимали все меры к укреплению Красного фронта, к обеспечению армии всем необходимым. Рабочий класс и трудящиеся массы организовали на фабриках и заводах коммунистические субботники и воскресники в помощь Красному фронту.

---

[1] И. Сталин — К военному положению на Юге.
[2] Там же.
[3] «Речь на торжественном заседании Моссовета, посвященном десятилетию Красной армии», «Правда» от 23 февраля 1935 г.
[4] И. Сталин — К военному положению на Юге.
[5] По данным отчета ВЦСПС за 1919 г.

«...Голодные рабочие,— говорит Ленин,— окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно б е з в с я к о й п л а т ы и достигают г р о м а д н о г о п о в ы ш е н и я п р о и з в о д и т е л ь н о с т и т р у д а, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием» [1].

Так зародились замечательные формы помощи тыла фронту, больным и раненым красноармейцам и их семьям. Это — «неделя помощи фронту», «неделя красного бойца», «неделя западного» и «южного фронта», «неделя раненого и больного красноармейца» и т. д.

В январе 1920 года, по инициативе В. И. Ленина, по всей Советской республике была организована «неделя помощи фронту». Центральный комитет РКП(б) обратился ко всем партийным организациям тыла и фронта и ко всем трудящимся с письмом [2], в котором призывал в решающий момент гражданской войны, «когда рабоче-крестьянская республика приближается к победе над всеми белогвардейцами», напрячь все силы тыла «на поддержку красного фронта, Красной армии». В ответ на этот призыв все заводы и фабрики, красноармейские казармы и многие квартиры рабочих превратились в одну громадную мастерскую, работающую на фронт.

«Неделя фронта» разрослась во всероссийский коммунистический субботник помощи фронту и продолжалась до полной победы над белогвардейщиной и интервентами.

В Москве «неделя фронта» началась 14 января 1920 года и открылась грандиозным общегородским субботником в помощь фронту. Предприятия всех отраслей промышленности в «неделю» работали с удвоенной энергией; рабочий класс знал, что самый главный вид помощи фронту это — массовая производственная помощь.

На всех предприятиях проводились субботники и воскресники, на которых работы исполнялись исключительно для Красной армии. Рабочие железнодорожники депо Москва-Бутырки отремонтировали коммунистическими субботниками и в сверхурочное время сверх задания один паровоз в подарок южному фронту [3]. Их примеру последовали железнодорожники Московско-Курской жел. дороги [4].

Большую помощь оказали фронту, больным и раненым красноармейцам и их семьям женщины тыла. Работницы текстильных, швейных, кондитерских и других фабрик организовали коммунистические субботники по пошивке одежды и белья для фронта [5].

Помимо этого, в каждом районе Москвы рабочие и работницы, служащие и домохозяйки в свободное от работы время устраивали коммунистические субботники и собственными средствами ремонтировали и приводили в порядок красноармейские казармы, госпитали и больницы. В районах были организованы швейные мастерские и прачечные, где работницы и домохозяйки чинили, мыли одежду и белье красноармейцев. На предприятия рабочие и работницы, помимо отчисления части зарплаты в помощь фронту, также отчисляли из своих скудных продовольственных пайков продукты, собирали одежду, обувь, табак, папиросы [6] и т. д.

В Петрограде «неделю фронта» начали проводить с 21 января. В голодном и лишенном всего необходимого городе, рабочие, работницы, матросы и красноармейцы также нашли самые разнообразные формы для помощи фронту. Рабочие заводов Путиловского, Александровского, Арсенала, Обуховского, Балтийского судостроительного и др. 25 января провели субботники. Весь заработок от суб-

---

[1] В. И. Ленин — Соч., т. XXIV, стр. 341.
[2] См. ниже, стр. 17.
[3] См. стр. 27.
[4] См. стр. 28,
[5] См. стр. 30, 31.
[6] См. стр. 26, 31, 32.

ботников отчислили в фонд помощи Красной армии [1]. Путиловцы в этот день в цехах завода производили ремонт паровозов, вагонов, автомобилей. Производительность труда была выше обычной на 150%.

По примеру пролетариев Москвы и Петрограда, развернулась помощь фронту во всех городах, губерниях и республиках Советской страны.

Рабочие Верещагинских мастерских (Пермская ж. д.) в «неделю западного фронта» организовали сверхурочные бесплатные работы и отремонтировали в подарок западному фронту один паровоз, двадцать вагонов и сделали надпись: «Трудовой подарок борцам западного фронта от верещагинских железнодорожников».

Собрав подарки, они отправились с этим поездом к екатеринбургским железнодорожникам и на совместном митинге призвали последовать их примеру. Екатеринбургские рабочие в ответ на призыв верещагинских железнодорожников в порядке соревнования постановили: отремонтировать сверхурочно, бесплатно в течение месяца один паровоз и 90 вагонов, проложить ж.-д. путь для стоянки паровозов [2].

Одновременно с рабочим классом городов во главе с коммунистами организовали помощь фронту и крестьяне.

Их работа также не ограничивалась сбором средств для Красной армии, они проявляли большую заботу о семьях красноармейцев и их детях, обрабатывали их землю в коммунистические субботники, собирали семена для посева, ремонтировали их избы, сараи, производили заготовку дров на зиму [3] и т. п.

Вместе с рабочими фабрик и заводов оказывали посильную помощь фронту даже и их дети. Так, например, в Петрограде дети-школьники домкомсода дома № 9 устроили по своему почину детский спектакль и вырученные средства 8 500 рублей передали в фонд помощи Красной армии [4]. Дети-школьники рабочих Подольского патронного завода изготовили для красноармейцев кисеты. И таких примеров было масса.

В годы гражданской войны рабочий класс и трудящиеся массы тыла Советской республики оказали колоссальную материальную помощь фронту, больным и раненым красноармейцам и их семьям. Так, например, по далеко не полным данным, из одной только Москвы и губернии за один октябрь 1920 года было отправлено на фронт и роздано в лазареты изготовленных на коммунистических субботниках и собранных населением подарков: рубах верхних и нижних — свыше 150 тысяч штук, кальсон — 80 тыс., брюк — 60 тыс., шинелей, пальто и полушубков — свыше 20 тысяч [5] и много других вещей и продуктов.

Публикуемые документы являются главой из подготовляемого к печати Центральным архивом профдвижения и организации труда сборника документов «Коммунистические субботники в годы гражданской войны» [6].

П. Деркач.

---

[1] «Петроградская правда» от 25 января 1920 г., № 17.
[2] См. стр. 25.
[3] См. стр. 29, 32, 33.
[4] «Петроградская правда» от 12 октября 1920 г., № 228.
[5] Данные взяты из отчетов Комиссии помощи фронту, опубликованных в газете «Коммунистический труд» за 1920 г.
[6] Печатаемые ниже документы подготовлены к печати П. И. Деркач и Р. С. Гассановой.

I. Призыв партии Ленина—Сталина ко всем трудящимся

Из письма Центрального комитета РКП(б) всем губернским и уездным комитетам РКП(б), политотделам фронтов и армий, 21 декабря 1919 г. [1]

Дорогие товарищи!

Центральный комитет РКП (большевиков) постановил провести по всей республике, начиная с 21 января 1920 г., «неделю фронта» для установления действительной связи тыла с фронтом.

Для проведения «недели» образуются особые губернские комиссии «недели фронта» в составе представителей: 1) губернского комитета РКП(б), 2) губисполкома, 3) губвоенкома, 4) губернского центра профсоюзов, 5) комитета союза молодежи, 6) губкомдезертир [2]; для уездов образуются уездные комиссии такого же состава...

Задача «недели» — разъяснить рабочим и крестьянам причины и цели нашей войны, значение для трудящихся победы или поражений Красной армии, решающее значение настоящего момента, когда рабоче-крестьянская республика приближается к победе над всеми белогвардейцами и тем заставит Антанту прекратить блокаду и поддержку нашей буржуазии. В этот решающий момент все силы трудящихся тыла должны быть отданы на поддержку красного фронта, Красной армии. Поддержка должна быть оказана не на словах, а на деле...

Воззвание 3-го Всероссийского съезда рабочих и служащих кожевенного производства, принятое вместо резолюции по докладу В. И. Ленина, 2 октября 1920 г. [3]

Заслушав доклад тов. Ленина о текущем моменте и положении на фронтах [4], 3 Всероссийский съезд профсоюзов кожевников обращается со следующим воззванием:

К всем рабочим и служащим кожевенной, меховой и щетино-щеточной промышленности!

Переживаемый нами момент исключительно острой и напряженной борьбы на польском и врангелевском фронтах требует от нас, товарищи, исключительного напряжения наших сил и новых жертв.

Но жертвы нам не страшны, к новым усилиям мы готовы.

Мы прекрасно понимаем и учитываем, что судьба нашей промышленности, наших фабрик и заводов решает судьбу рабочей революции, определяет нашу собственную судьбу.

---

[1] Опубликовано в газете «Правда» 21 декабря 1919 г., № 287.

[2] Губернская комиссия по борьбе с дезертирством.

[3] Центральный архив профдвижения и организации труда (ЦАП и ОТ), ф. 3, 1920 г., д. № 1. Б., л. 1.

3-й Всероссийский съезд рабочих и служащих кожевенного производства происходил в Москве 2—6 октября 1920 г. В. И. Ленин выступал с речью в день открытия съезда. Опубликовано в отчете о 3-м Всеросс. съезде рабочих и служащих кожевенной промышленности. Изд. ЦК Всеросс. проф. союза раб. и служ. кожев. произв., 1920 г.

[4] Доклад Ленина — см. В. И. Ленин — Соч., т. XXV, стр. 398—408.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НЕДЕЛЯ КРАСНОГО ФРОНТА.

Наши победы и их источник.

Всего только два месяца тому назад советская республика была, казалось, на краю гибели. Деникин наступал на Москву и стоял на полпути между Орлом и Тулой. Юденич подходил к Петербургу, и с Пулковских высот его офицеры любовались в бинокль на колыбель революции. Колчак делал попытки перейти в наступление. Буржуазия в тылу ковала заговоры и составляла министерства.

Но, достигнув вершины успехов, контрреволюция стремглав покатилась под гору. Армии Колчака уничтожены. Армия Юденича разбита, прогнана обратно, и эстонцы, с согласия союзников, вынуждены разоружить ее. Армии Деникина откатились обратно на юг, разорваны на части, и красные войска бьют их по частям. Красная Армия уже вернула Советской Республике Бердянск, Таганрог, Новочеркасск и Ростов и Д.

Великий подъем среди рабочих и крестьян дал нам эти победы. Тысячи новых членов сразу влились в коммунистическую партию, тысячи добровольцев двинулись на фронт. Дух войск поднялся на небывалую высоту. Оставшиеся в тылу удвоили свою работу на фронт: военные заводы за эти дни сделали чудеса, женщины—работницы взялись за помощь больным и раненым. Буржуазные заговоры, как нарывы, лопнули под давлением рабочей руки. Пролетарии Питера, держа в одной руке винтовку, а в другой молот, отстояли красную столицу. Рабочие и крестьяне всей России одержали победу на всех фронтах.

Нужна полная победа!

Но мало отбросить врага, мало разбить его в боях. Надо уничтожить его раз навсегда, чтобы он не мог, передохнув, опять начать душить нас голодом, разорять красные города, мешать нам взяться за мирную работу по восстановлению всего разрушенного. Надо уничтожить его, потому что нет сил дольше переносить разруху гражданской войны. Железные дороги должны ходить и подвозить хлеб, копи должны работать и давать уголь, фабрики должны пойти в ход и снабжать рабочих и крестьян всем необходимым. Для этого нужно кончить гражданскую войну, вырвать с корнем ее виновников—буржуазию, помещиков, генералов. Только победив в гражданской войне, мы добьемся мира и с ее вдохновителями—**союзниками**. Они снимут тогда свою блокаду, дадут нам свои товары, и Советская Республика вздохнет свободнее.

Что нужно для полной победы?

То же самое, что дало нам первые победы над тремя царскими генералами. Нужен подъем—**неустанный подъем**, нужна неустанная работа тыла для фронта, вплоть до полной победы.

Не раз бывало раньше, что нашего подъема хватало ненадолго. Отбив ожесточенный натиск, мы задремывали, и враг снова наступал нам на горло. Сколько раз брали мы и отдавали назад Киев, Харьков, Уфу, Пермь.

Красный фронт ждет помощи трудового тыла. Мы должны поэтому сделать все для того, чтобы в кратчайший срок обуть и одеть Красную армию.

Мы, собравшиеся представители рабочих и служащих кожевенной промышленности Сибири, Туркестана, Кавказа, Азербайджана, Украины, Белоруссии и всей Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, призываем вас, тт. рабочие, к максимальному напряжению своих сил и максимальному увеличению производительности своего труда.

От вашего имени мы постановляем: ввести в ударных предприятиях наших, имеющих особо важное значение для производства, 10-часовой рабочий день. Путем добровольного удлинения рабочего дня на всех наших предприятиях, усиления интенсивности труда, проведения массовых субботников и сверхурочных работ, проявления массового трудового энтузиазма мы доведем выработку нашу до максимума.

Московское областное архивное управление (МОАУ), фонд заводского комитета «Динамо», 1920 г., д. № 74, л. 4. (примеч. к фото).

Этого не должно быть больше. Взятое нами должно быть взято навсегда. А для этого до полной победы рабочие не должны спускать натянутых вожжей. Как бы не было тяжело и трудно — ни шагу назад до полной победы!

Для чего нужна неделя фронта?

Неделя фронта есть всероссийский боевой смотр тыла: не заснул ли ты, часовой тыла, пролетарий России? Помнишь ли ты пароль: все для фронта до полной победы? Объясняя ли ты всем своим братьям-трудящимся, что для этого нужно сделать и почему нужно сделать? Всех ли трудящихся втянул ты в эту великую работу?

Неделя фронта есть всероссийский субботник на помощь фронту для достижения скорейшей победы. Много сделано для фронта, но еще не все. Вспомни, пролетарий, не забыл ли ты чего? Много сделано, но нужно усилить эту работу, чтобы ускорить победу. И потому посвятим целую неделю одному только фронту, отодвинув назад менее важное.

Неделя фронта есть неделя братания тыла с фронтом. Тогда фронт будет силен и крепок, если чувствует, что о нем думают в тылу и если видит вещественные доказательства такой заботы. Недостаточно, чтобы по отдельности рабочие одного завода, крестьяне одного села посылали подарки на фронт, раненым и больным и т. д. Пусть в течение недели вся рабоче-крестьянская Россия думает об этом.

Что надо сделать в неделю фронта?

Надо делать все то, что усилит под'ем в тылу, что увеличит работу для фронта и что укрепит связь между фронтом и тылом. Сами рабочие и крестьяне должны подумать, как это лучше сделать.

Нужно вести широчайшую агитацию — везде и повсюду, не только на собраниях и митингах, но на улицах, площадях и в домах и раз'яснять каждому трудовому человеку и красноармейцу вместе и порознь, почему нужна полная победа и что он может для нее сделать.

Нужно помогать фронту трудом. Нужно увеличить работу на фабриках, работающих для фронта. Крестьяне должны сдавать для фронта излишние продукты. Женщины должны готовить для армии одежду и белье и т. д.

Нужно помочь военным учреждениям в их работе для фронта. В эту неделю надо еще раз пройтись метлой по дезертирам, и всех уклоняющихся от исполнения долга погнать на фронт. Нужно еще раз проверить, не осталось ли где-нибудь на руках оружия. Нужно собрать шинели и обмундирование, имеющиеся у граждан.

Нужно особенно позаботиться о раненых и больных красноармейцах. Это — гости фронта в тылу, которых мы должны принимать, как самых почетных и дорогих гостей. Женщины — работницы должны в госпиталях и лазаретах сделать огромную работу, чтобы красноармейцы на деле почувствовали это.

Нужно двинуть на фронт целую груду подарков, а для этого провести отчисления и тщательно обдумать, чем можно помочь и, доставить удовольствие защитникам советской республики.

Целая неделя — фронту.

Многое другое можно придумать и сделать. Чем больше будет придумано и сделано, тем больше массы трудящихся в тылу дружески сольются с борцами за их свободу на фронте.

Товарищи рабочие и работницы! Посвятим фронту целую неделю и покажем, что наша сознательность и организованность безмерно возросли. Не только в крайности, но в дни успехов дружными сознательными усилиями дадим победному шествию новый толчок, вдохнем новые силы в красные войска и сократим путь к победе.

Неделя фронту — за многие недели его геройской борьбы!

Все для фронта, все для полной победы!

Московский Комитет Р. К. П. (большевиков).

Каждое предприятие и каждый рабочий, получая определенное задание, должен выполнить его с максимальной точностью, аккуратностью и быстротой. Расхлябанности, разгильдяйству, безшабашности, праздношатанию — смерть. Лентяям, дезертирам труда нет места в рядах наших...

Все к станку!

Пусть же этот лозунг станет боевым кличем и разнесется повсюду, по городам и весям РСФСР, пробуждая в массах профессионально-организованных рабочих и служащих пламенный энтузиазм, волю к труду и к победе. Пусть передовые рабочие подадут живой пример отсталым и зажгут в их сердцах священное сознание своего великого долга перед революцией и мировым пролетариатом.

За дело же, товарищи!

II. Все силы на поддержку Красной армии

...«Всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращается в усиление Красной армии, в укрепление их настроения, в уменьшение числа болезней и в увеличение наступательной способности».
(В. И. Ленин — Собр. соч., т. XXV, стр. 408).

Резолюция общего собрания рабочих и служащих военно-броневого автомобильно-ремонтного завода в Москве, 15 января 1920 г.[1]

Общее собрание военно-броневого автомобильного ремонтного завода приветствует неделю фронта, устроенную Московским комитетом РКП(б).

Вся рабочая и трудовая семья Советской республики должна почтить великой благодарностью нашу Красную армию за разгром боевой силы генералов, помещиков и фабрикантов, упрочить победу удесятеренной работой во всех областях, для укрепления социалистической революции.

Постановляем:

а) Немедленно, с завтрашнего дня, приложить все усилия, чтобы удвоить производительность труда на своем заводе.

б) Провести [отчисление] однодневного заработка на Красную армию и произвести три вечера сверхурочных работ.

в) Во время всей недели фронта призвать всех знакомых нам граждан, [чтобы] отдать фронту все, чем они могут поделиться с красноармейцами, а также и мы сами должны уделить, что возможно, из своего скудного имущества.

г) Мы обязываемся потребовать от всех дезертиров, о которых мы узнаем, немедленно явиться или же доставить их в Военный комиссариат.

д) Мы примем меры, чтобы военному ведомству было сдано воинское оружие и снаряжение, а также обмундирование с тем, чтобы неимущие другой одежды получили таковую взамен сданного.

Да здравствует красный фронт, да здравствует вся трудовая семья освобожденных от ига капитала рабочих и крестьян, да здравствует неустанная работа для социалистической республики!

Резолюция общего собрания рабочих и служащих завода «Серп и молот» в Москве, 17 января 1920 г.[2]

Выйти на работу в 8½ ч[асов] в воскресенье [18 января и] отчислить однодневный заработок.

Резолюция общего собрания рабочих и служащих государственного Климовского механического завода Московской губ., 17 января 1920 г.[3]

Общее собрание рабочих и служащих единогласно постановило отчислить по одному аршину ситца с каждого работающего на заводе в пользу «недели фронта» из полученной мануфактуры от Центротекстиля за второе полугодие 1919 года.

---

[1] МОАУ, ф. Московского райкома союза металлистов, 1920 г., д. № 451, л. 67. На собрании присутствовало 623 человека.

[2] МОАУ, ф. завода «Серп и молот», 1920 г., д. № 11, л. 1.

[3] МОАУ, ф. Подольского подрайкома союза металлистов, 1920 г., д. № 84, л. 6 об. Государственный Климовский завод № 1, быв. Московского т-ва механических изделий, Климовского у., ст. Гривно, Московско-Курской ж. д.

Резолюция объединенной конференции фабрично-заводских комитетов, кустовых и местных правлений текстильной секции СНХ и представителей вязальных мастерских в Петрограде, 21 января 1920 г.[1]

Крепче напряжем силы на борьбу с империализмом: мы победили и побеждаем на всех фронтах. Наше положение крепко и твердо. Когда победим на фронтах, так же будем побеждать все, как один, разруху, и мы победим ее. Твердо все сплотимся и не выпустим красное знамя труда из своих мозолистых рук. Все на борьбу с империализмом и все на [борьбу] с разрухой. Поручается членам правления союза провести самую широкую агитацию по фабрикам с объяснением рабочим значения разрухи транспорта и подарков Красной армии, совместно с другими союзами и фабриками.

На подарках должна быть надпись: «Тов. красноармеец! Мы, текстильщики Северного района, всегда с вами; вы побеждаете на фронтах, мы в тылу». Прочь руки, кровавый империализм! Мы все, как один, на защите рабоче-крестьянской власти.

Объединиться для подарков с союзом печатников и дать от имени союза Красной армии — 15 000 арш. лоскутов мерного [размера] для мешков, 6 000 катушек суровых ниток, 1 500 арш. шнура для шнурков.

Из резолюции делегатского собрания Рязанского участка Всероссийского профессионального союза рабочих и служащих железнодорожного транспорта, 23 января 1920 г.[2]

Делегатское собрание Рязанского участка, заслушав доклад о «неделе фронта», принимая во внимание доблестные победы нашей Красной армии, в ознаменование единения тыла с фронтом, признает необходимым... напрячь все силы к поднятию производительности труда и к улучшению транспорта: следуемые суточные деньги делегатам съезда отчислить в пользу Красной армии и принять участие в сегодняшнем воскреснике, перенеся рассмотрение [текущих] дел на следующий день.

Из резолюции объединенного пленума Саратовского губернского совета профессиональных союзов совместно с членами правлений и фабрично-заводских комитетов, 28 января 1920 г.[3]

1) Воскресение 1 февраля объявляется воскресником во всех предприятиях. Работа должна производиться во всех предприятиях и учреждениях, связанных с производством, в течение 6 часов. Плата за работу в этот день поступает в губкомиссию «недели фронта» для подарков Красной армии.

2) Члены профсоюзов, работающие в одиночку, и работники учреждений, не связанные с производством, работают на общем воскреснике, устраиваемом губкомом РКП(б), для чего предварительно собираются в своих союзах.

3) В течение всей «недели фронта» рабочий день увеличивается на два часа с оплатой в одинарном размере.

---

[1] ЦАП и ОТ, ф. 7, 1920 г., д. № 14а, л. 1. Присутствовали представители от 32 текстильных фабрик, 4 кустовых правлений, местных правлений текстильной секции СНХ и 3 вязальных мастерских.

[2] МОАУ, ф. районного отд. проф. союза ж.-д. транспорта, 1920 г., св. 4, оп. 198, д. № 37, л. 20.

[3] ЦАП и ОТ, ф. 1, 1920 г., д. № 76, л. 7.

4) Профсоюзы без ущерба для хода работ в предприятиях должны откомандировать необходимое количество квалифицированных и неквалифицированных рабочих в распоряжение районного управления ж. д. на недельный срок [1].

5) Высшее напряжение своих сил, военная трудовая дисциплина должны господствовать в предприятиях и учреждениях, как в «неделе фронта», так и во всей дальнейшей работе.

6) Наблюдение за исполнением настоящего постановления возлагается на президиумы союзов, завкомы, месткомы и заводоуправления.

Да здравствует солидарность рабочего тыла с рабочим фронтом. Да здравствует победа на военном и хозяйственном фронтах.

Да здравствует коммунизм!

Резолюция конференции Екатеринославского отделения союза рабочих металлистов, 9 февраля 1920 г. [2]

Заслушав доклад о «неделе фронта», конференция Екатеринославского отделения союза рабочих металлистов заявляет, что победы Красной армии являются победами рабочего класса, конференция призывает весь рабочий класс к активной поддержке и пополнению рядов борющейся за освобождение трудящихся Красной армии. Конкретно конференция постановляет:

1) Произвести однодневное отчисление заработка на укрепление красного фронта.

2) Произвести на заводах возможное количество нужных для Красной армии металлических фабрикатов.

3) Дать в распоряжение центральной комиссии определенное количество, согласно разосланной правлением инструкции, товарищей, могущих помочь организации «недели фронта».

4) Созвать митинги на всех заводах, где доложить всем товарищам заслуги Красной армии на внутреннем и внешнем фронте.

III. «Неделя западного фронта — все для войны с Польшей»

> ... «Без напряжения всех сил в тылу и на фронте мы не сможем выйти победителями. Без этого нам не одолеть врагов с Запада».
> (И. Сталин — «Коммунист» № 140, 24 июня 1920 г.)

Резолюция общего собрания рабочих, мастеровых и служащих Ташкентского ж.-д. узла по докладу тов. Фрунзе, 14 мая 1920 г. [3]

Общее собрание рабочих, мастеровых и служащих ж. д. узла 14 мая 1920 года, заслушав доклад тов. Фрунзе о положении западного фрон-

---

[1] Собранием принята следующая разверстка: квалифицированных рабочих: металлистов — слесарей — 31; трубоваров — 2; котельщиков — 5; пищевиков — слесарей — 3; химиков — слесарей — 3; строителей — кровельщиков — 10; домовых рабочих — кочегаров — 10; водников — пом. командиров — 4; народного питания — поваров — 7. Чернорабочих: союза транспортных рабочих — 150; химиков — 30; строителей — 20; деревообделочников — 20; табачников — 10; пожарных — 20; домовых работников — 30; муниципальных работников — 10; металлистов — 20.

[2] ЦАП и ОТ, ф. 20, 1920 г., д. № 20, л. 4.

[3] ЦАП и ОТ, ф. 25, 1920 г., д. № 91/54, л. 2.

та, т. е. о наступлении белых польских банд на Советскую Россию, постановило: выразить разбойникам Польши, желающим задушить Российскую рабоче-крестьянскую власть, наше пролетарское презрение; мы, пролетариат Туркестанских ж. д., заявляем что наше революционное коммунистическое убеждение белым бандам не убить, мы в тылу, открывая трудовой фронт, положим все свои силы для того, чтобы восстановить наш ж.-д. транспорт, хозяйство, чтобы в любой момент перебросить наших красных бойцов против польских банд, а если потребуется, то мы все, как один, пойдем.

Да здравствует революционный пролетариат Польши.

Да здравствует Красная армия.

Да здравствует, Российская рабоче-крестьянская власть.

Добавление к резолюции.

Предложить власти взять на учет местную буржуазию без различия национальности, в силу того, что вся эта банда будет провоцировать рабочий класс, превращая в глазах трудящихся войну классовую в войну национальную.

Резолюция объединенного пленума совета профсоюзов, правлений союзов, комитетов старост, фабзавкомов и членов заводоуправлений Астраханского края, 3 июля 1920 г.[1]

Астраханский пролетариат, давший неисчислимое количество своих лучших сынов на фронт войны, отдаст и последних, если этого потребует дело революции. От имени рабочего класса Астраханского края объединенное заседание призывает всех передовых, сознательных, стойких товарищей взять винтовку и пойти на фронт, чтобы зажечь могучим революционным пылом нашу рабоче-крестьянскую армию, дабы она несокрушимой волной не только захлестнула империалистическую Польшу, но и дала последний удар по западно-европейскому капиталистическому миру. Да будет лозунгом настоящего момента: все для борьбы на фронте, и все, преданные сыны рабочего класса, способные носить винтовку, добровольцами на фронт. От лиц, остающихся в тылу[2], мы клянемся употребить все свои силы к поднятию производительности труда, борьбе с разрухой и всемерной помощи нашим красным бойцам. В качестве показательной меры нашего объединения и временной маленькой помощи фронту обязать всех членов профсоюзов Астраханского края произвести однодневные отчисления заработка в пользу красных бойцов западного фронта. Да будет опять все внимание астраханского рабочего на вооруженной борьбе, на гражданской войне до окончательной победы над капитализмом.

Да здравствует скорая по времени победа рабочего класса.

Да здравствует мировая социалистическая революция.

Да здравствует всемирный союз профсоюзов.

Да здравствует III Интернационал.

Да здравствует всемирная власть Советов.

---

[1] ЦАП и ОТ, ф. 1, 1920 г., д. № 66, л. 39.—Присутствовало 243 делегата.

[2] Так в подлиннике.

Резолюция конференции представителей профессиональных союзов Пинежского уезда, 25 июля 1920 г.[1]

Мы, представители конференции профсоюзов Пинежского уезда, с далекой окраины Севера приветствуем представителей второго конгресса III Коммунистического Интернационала, как штаб великой мировой социальной революции, и даем честное свое слово встать на защиту Коммунистического Интернационала по первому его зову, приложив все силы на борьбу с нанесенной нам капиталистической междоусобной войной разрухой. В протест капиталу, Антанте и белой Польше, для слияния тыла с фронтом, увеличить рабочий день на два часа.

Долой шкурников и лентяев из наших рядов.
Все на борьбу с разрухой.
Да здравствует III Интернационал.
Да здравствует всемирная социальная революция.
Да здравствует великая русская Красная армия.

Из резолюции общего собрания членов союза рабочих водного транспорта, в Кронштадте, 26 июля 1920 г.[2]

Мы, водники, все, как один, шлем привет нашим братьям красноармейцам, которые победоносно шаг за шагом раскрепощают пролетариат Польши, зная, что фронт силен только тогда, когда тыл заботится о нем.

Мы, водники, в «неделю запфронта» добровольно увеличиваем свой рабочий день на 3 часа по экстренным работам в водном транспорте, а также деньги, вырученные за эти рабочие часы, и целиком однодневный заработок отчисляется тов. красноармейцам.

Постановление правления губернского профессионального союза швейной промышленности в гор. Иваново-Вознесенске, 28 июля 1920 г.[3]

Борющаяся Красная армия на западном фронте переносит все лишения, не щадя своей жизни, в настоящее время нуждается в нашей тыловой помощи, а поэтому с 20 июля с. г. устраивается неделя [помощи] западному фронту. Кроме того, еще предполагается открытие при лазарете отделения на 15 человек для больных и раненых красноармейцев, детского городка на 200 человек. Признавая нужду товарищей западного фронта [и их детей], правление в помощь открытия лазарета и детского городка постановило: устроить воскресник по пошивке необходимых вещей для открываемых отделений. В пользу западного фронта устроить спектакль. Поручить комиссии организовать воскресник на 8 августа сего года.

Из выступления на митинге екатеринбургских рабочих и служащих Монетного двора и Верещагинских железнодорожных мастерских 6 августа 1920 г.[4]

Мы, верещагинские рабочие, хотели участвовать в происходящей борьбе и в победе; мы думали, чем бы нам помочь нашим товарищам на фронте.

---

[1] ЦАП и ОТ, ф. 1, 1920 г., д. № 45, л. 9. Пинежский уезд Архангельской губ. Присутствовали представители союза совучреждений и торг. предприятий, нарсвязи, деревообделочников, просвещения и соц. культуры, уфинотдела и всемедикосантруд.

[2] ЦАП и ОТ, ф. 5, 1920 г., д. № 56, л. 63.

[3] ЦАП и ОТ, ф. 8, 1920 г., д. № 6, л. 152.

[4] Опубликовано в газете «Уральский рабочий» от 11 августа 1920 г., № 189.

Денег нет, одежды нет. И вот у нас зародилась мысль: сверхурочным бесплатным трудом выпустить состав в подарок западному фронту. Это предложение было принято всеми верещагинскими железнодорожниками, и в очень короткое время мы выпустили этот состав.

И вот теперь мы со своим составом останавливались на многих станциях, и всюду железнодорожники решали следовать нашему примеру и так же, как и мы, слать свои трудовые подарки борцам западного фронта.

Резолюция, принятая на митинге екатеринбургских рабочих и служащих Монетного двора и Верещагинских железнодорожных мастерских, 6 августа 1920 г. [1]

Мы, рабочие и служащие ст. Екатеринбург и рабочие Монетного двора, шлем горячий привет дорогой защитнице мирового пролетариата — Красной армии. В знак искреннейшей благодарности мы приносим трудовой подарок, обязуемся сверхурочно, бесплатно в течение месяца: по службе тяги 3 участка ст. Екатеринбург 1-я выпустить из среднего ремонта один паровоз и 50 вагонов периодического осмотра; по службе пути проложить 17 деповский путь для стоянки паровозов; по главным Екатеринбургским мастерским (Монетный двор) отремонтировать 40 вагонов среднего ремонта.

Мы, рабочие и служащие, бросаем клич мировому пролетариату и просим подхватить поднятое нами красное знамя, развернуть его по всему миру. Да пусть же подарок мозолистых рук послужит символом дорогим нашим товарищам, проливающим кровь за дело революции...

Приветствие первой Прикамской губернской конференции союза кожевников Красной армии южного фронта, 17 августа 1920 г. [2]

Красному южному фронту

Первая губернская конференция союза кожевенного дела при г. Сарапуле шлет горячий привет красным орлам южного фронта, выражая свою братскую солидарность и твердо веря, что усилиями орлов Красной армии будет также разбит оплот последней контрреволюции международного капитала, замаскированного в лице Врангеля и Польши, причем, сознавая тяжелое положение страны, а также красного фронта, мы, находящиеся на фронте труда в тылу, клянемся поднять производительность промышленности и тем самым выполнить боевую задачу тыла. Протягиваем дружескую руку единения с боевым фронтом. С приветом. Конференция сделала добровольное пожертвование всех собравшихся конферентов, которое выразилось в 10 360 рублях по нижеприлагаемому списку [3].

Из резолюции общего собрания рабочих и служащих водного транспорта Ильменского района, 11 октября 1920 г. [4]

Мы, рабочие водного транспорта, заслушав доклад о неделе помощи западному фронту, согласились:

---

[1] Опубликовано в газете «Уральский рабочий» от 11 августа 1920 г. № 189.

[2] ЦАП и ОТ, ф. 3, 1920 г., д. № 2, лл. 59—60. Первая Прикамская губернская конференция происходила 16—17 августа 1920 г. Приветствие было передано по телеграфу.

[3] Далее следует список делегатов, пожертвовавших в помощь красного фронта.

[4] ЦАП и ОТ, ф. № 25, 1920 г., д. № 12, л. 57.

1) Увеличить на неделю рабочий день на 2 часа, с 15 октября, заработанную плату за сверхурочные пожертвовать в пользу Красной армии запфронта.

2) Конторским служащим устроить субботник, в общей сложности отработать 12 часов.

3) Согласны жертвовать вещи, кто что может.

4) Предлагаем, кроме добровольного пожертвования, отдать часть причитающейся нам прозодежды: гимнастерок, шаровар и нательного белья.

Резолюция общего собрания рабочих и служащих завода «Динамо» в Москве, 12 октября 1920 г. [1]

Кроме добровольных пожертвований и отработки в воскресение 17-го с. м. с 9 до 3 часов без перерыва, пожертвовать от всех работающих остатки продфазтоповского пайка [2]: табаку, папирос, спичек, мыла и кофе.

Из протокола объединенного собрания членов Новгородского отделения Всероссийского союза рабочих швейной прмышленности с рабочими починочных мастерских штаба 7-й армии (октябрь 1920 года) [3].

Заслушав доклад о помощи западному фронту, мы, рабочие Всероссийского союза швейной промышленности, даем слово честного пролетариата,— до тех пор, пока наши дорогие бойцы борются на фронтах, всеми силами итти им навстречу, ибо вся сила в объединении фронта боевого с фронтом труда, и мы добьемся окончательной победы.

Предложение принято единогласно и вынесли постановление: увеличить рабочий день на два часа, отчислить двухдневный заработок и сделать сбор теплых вещей по желанию.

IV. «Неделя южного фронта»

«Пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными. Только с ликвидацией Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими панами обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле»! «Смерть Врангелю!»

(И. Сталин — «Правда» № 151, 11 июля 1920 г.

Резолюция расширенного пленума совета профессиональных союзов Татреспублики совместно с фабрично-заводскими комитетами и комитетами служащих, 11 октября 1920 г. [4]

Заслушав доклад о кампании помощи фронту, расширенное заседание совета профсоюзов Татреспублики, совместно с правлениями союзов, фабкомами и месткомами, шлет товарищеский привет Красной армии, отражающей натиск западно-европейских капиталистов. Собра-

[1] МОАУ, ф. завкома «Динамо», 1920 г., св. 4, д. № 67, л. 27.

[2] Продфазтоповский паек — в период гражданской войны основная норма продовольственного снабжения рабочих, занятых в наиболее важных отраслях промышленности.

[3] ЦАП и ОТ, ф. 8, 1920 г., д. № 13, л. 60.

[4] ЦАП и ОТ, ф. 1, 1920 г., д. № 70, л. 8.

ние заявляет, что рабочие фабрик и заводов Татреспублики приложат все усилия, дабы снабдить Красную армию всем необходимым. Собрание целиком присоединяется к постановлению С. Р. и К. депутатов о необходимости добровольного сбора теплых вещей, белья и пр. для Красной армии, привлекая к этому самые широкие слои населения. Кроме того, собрание постановляет:

1) Обязать все фабрики, заводы, учреждения работать 15 и 16 октября 2 часа сверхурочно, причем деньги должны быть обращены на подарки Красной армии.

2) Объявить всеобщий субботник в воскресенье 17 октября, обязав фабрики и заводы, работающие на Красную армию, работать на местах, всех остальных использовать для другой работы.

В заключение собрание обращается ко всем членам профсоюза с предложением принять самое активное участие в кампании помощи фронтам.

Из резолюции общего собрания рабочих депо Москва — Бутырки, 13 октября, 1920 г.[1]

... Дабы не быть безучастными зрителями в великой борьбе пролетариата, борющегося за освобождение человечества от гнета и эксплоатации капитала: отчислить однодневный заработок и выпустить из ремонта один паровоз сверх задания[2].

Резолюция общего собрания рабочих и служащих Осташковской прядильни московских камвольных фабрик, [15 октября] 1920 г.[3]

Безотлагательно притти на помощь фронту, увеличив производительность шерстяной пряжи, так нужной в настоящий момент на изготовление теплых вещей для нашей доблестной Красной армии, перейдя для этого с 8 час. работы на 10 часов.

Постановление общего собрания довести до сведения через Дмитровское отделение профсоюзов текстильщиков Центрального комитета Всероссийского совета текстильщиков, с выражением пожелания тт. рабочих другим ф-кам последовать нашему примеру.

Резолюция I губернского съезда Владимирского отделения Всероссийского союза работников швейной промышленности, 20 октября 1920 г.[4]

Заслушав доклад по текущему моменту, I губернский съезд союза швейной промышленности констатирует, что вся борьба с бандами Врангеля, а также и с мировым капиталом требует максимальной поддержки нашей доблестной Красной армии, а поэтому съезд и высказывается за необходимость увеличить работоспособность работающих в швейной промышленности; учитывая же тяжелое положение в данный момент Красной армии, съезд высказывается за необходимость отчислить однодневный заработок в пользу помощи Красной армии и [необходимость] в течение недели отрабатывать каждый день по 2 часа

---

[1] Опубликовано в газете «Коммунистический труд», 18 ноября 1920 г., № 206.

[2] 11 ноября был выпущен из ремонта паровоз № 2755 с надписью «Паровоз, выпущенный в помощь фронту, от мастеровых и рабочих депо Москва—Бутырки».

[3] МОАУ, ф. Дмитровского отд. профсоюза текстильщиков, 1920 г., д. № 2, л. 12.

[4] ЦАП и ОТ, ф. 8, 1920 г., д. № 6, л. 4 об. На съезде присутствовал 41 делегат от 1728 рабочих.

сверхурочных работ, заработок от которых тоже отчислить в фонд помощи красного фронта.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует Красная армия!

Все на помощь фронту!

Постановление I съезда профессионального союза железнодорожников Московско-Курской железной дороги, [22] октября 1920 г.[1]

В знак братской солидарности железнодорожников с героями Красной армии съезд постановил: отремонтировать сверх нормы 5 паровозов и 200 вагонов в подарок красному фронту.

Резолюция городской конференции рабочих и служащих союза кожевенного производства гор. Симбирска, 26 октября 1920 г.[2]

Принимая во внимание то тяжелое положение, в котором находятся красноармейцы на наших красных фронтах из-за недостатка в обмундировании, который переживает в настоящий момент республика, общее собрание кожевников постановляет: в неделю [южного фронта] (с первого по седьмое ноября) с. г. усилить производительность труда во всех мастерских, обслуживающих нужды Красной армии, и призвать всех товарищей рабочих к единодушной работе на помощь нашему красному фронту.

Выполнить полностью производственную программу губсовнархоза в эту неделю, увеличить рабочий день в неделю фронта на два часа, отдавая это время в помощь рабочим и крестьянам, которые, переодетые в красноармейские шинели, своей жизнью защищают республику трудящихся.

В воскресенье (первый день недели) объявить всеобщий воскресник, к участию в котором привлечь всех рабочих союза кожевников в порядке союзной и трудовой дисциплины. В продолжение воскресника работать всем по своим специальностям, на своих местах, в течение 10 часов, в субботу (последний день недели) устроить после работы субботник, работая в таком же порядке.

В течение всей недели все мастерские города должны исполнять работу исключительно для Красной армии, не исполняя заказов граждан.

Обратиться с призывом к сапожникам-кустарям, не состоящим в союзе и работающим на дому, о том, чтобы они приняли участие в работе для Красной армии в течение этой недели.

Объявить неделю фронта показательной к тому, как нужно работать все время на пользу республики. В эту неделю не должно быть ни одного прогула, ни одного опоздания, все должны исполнять свой долг перед братьями красноармейцами.

В одном единодушном стремлении сольются борцы на фронте труда с борцами фронта войны. Пусть нашим лозунгом, лозунгом рабочих, от нападения международных хищников, будет: «красный тыл на помощь красному фронту». Если этот лозунг будет нами проведен в жизнь, тогда нам не страшны будут никакие угрозы наших врагов.

Да здравствует же красный фронт, защищающий республику от внешних врагов, и да здравствует рабочий тыл, который последние свои силы отдает на помощь фронту!

---

[1] Опубликовано в газете «Правда», 24 октября 1920 г., № 238.

[2] ЦАП и ОТ, ф. 3, 1920 г., д. № 1, л. 10 и об.

Резолюция расширенного пленума бюро профессиональных союзов совместно с фабрично-заводскими комитетами и комитетами служащих гор. Бугульмы, 3 ноября 1920 г.[1]

Мы, с своей стороны, как трудящийся класс, считаем, что не для того в течение 3 лет проливали кровь лучшие люди республики, чтобы в данный момент опустить руки перед последышем контрреволюции, белогвардейским бароном и капиталистическим наймитом Врангелем. Смело, товарищи, дружным усилием тыла с фронтом раздавим эту гадину, ставшую на дороге нашего революционного строительства, стремящуюся отнять у трудового народа добытую потом и кровью свободу. Докажем мировому капитализму, что трудовой народ Красной России непобедим. А посему постанавливаем в течение 2 недель, т. е. с 9 по 21 сего месяца, отрабатывать по 2 часа бесплатно на помощь нашей защитнице — доблестной Красной армии, о чем просим президиум поставить в известность все предприятия и советские учреждения, чтобы на деле увидели наши красные бойцы, что тыл также напрягает усилия для победы, дышит одним духом и живет одной жизнью с ними.

Вперед, товарищи! Все на помощь фронту; все для фронта: труд, сила, знание, энергия. Только дружным усилием мы освободимся от ига капитализма. Да здравствует победа народа! Да здравствует всесозидающий труд! Да здравствует наша доблестная Красная армия, защитница угнетенных! Да здравствует наше рабоче-крестьянское правительство и вождь тов. Ленин! Да здравствует Российская Коммунистическая партия, ведущая к светлому будущему трудящийся класс!

Резолюция общего собрания членов профессиональных союзов гор. Сольцы, Новгородской губ., 5 ноября 1920 г.[2]

Заслушав доклад о помощи красному фронту и учитывая необходимость борьбы с белогвардейцами в лице Врангеля и др. для окончательной победы над нашими врагами, когда Красной армии приходится вести тяжелую борьбу в период зимней кампании, мы, члены профсоюзов гор. Сольцы, постановили приложить все силы и помочь нашим красным борцам. Для сего отчисляем 2-дневный свой заработок и по 2 арш. мануфактуры с каждого члена союза. Пусть наш посильный дар послужит тесным сближением тыла с красным фронтом — красноармейцами, истинными защитниками интересов крестьян и рабочих.

Все для победы.

Все на помощь красному фронту.

V. Помощь раненым и больным красноармейцам и их семьям

«Пусть же каждый в тылу помнит о своем долге — помочь всем, чем можно, раненому красноармейцу» (В. И. Ленин — Соч., т. XXV, стр. 305).

Из резолюции съезда крестьян Рыбновской волости, Рязанской губ., 2 марта 1920 г.[3]

Обсудив вопрос об обработке полей неимущим семьям красноармейцев, съезд постановля[ет] вменить в обязанность [сельским] советам...

---

[1] ЦАП и ОТ, ф. 1, д. 7, 1920 г., лл. 48—об.—49. Гор. Бугульма Автономной Татарской Социалистической Республики.

[2] ЦАП и ОТ, ф. 1, 1920 г., д. № 86, л. 66.

[3] ЦАОР, ф. 393, 1920 г., оп. 28, д. № 253, ч. II., л. 6.

землю неимущих красноармейцев обработать в 1920 году без всякой платы.

Постановление пленума профессиональных союзов Быховского уезда, Гомельской губ., 25 июня 1920 г.[1]

Заслушав доклад о «дне больного и раненого красноармейца», пленум профсоюзов находит [необходимым] принять самое активное участие в организации этого дня:

1) В субботу, 26 июня, организовать для всех профсоюзов субботники в пользу больных и раненых красноармейцев.
2) Отчислить однодневный заработок для этой же цели.
3) Принять участие в манифестации и кружечном сборе.

Из резолюции общего собрания рабочих и служащих Екатеринбургского союза рабочих полиграфического производства, 13 сентября 1920 г.[2]

Мы, печатники Екатеринбургского союза, стоящие у печатных станков и машин в то время, когда на Юге и Западе сотни тысяч наших товарищей с винтовкой в руках проливают кровь за раскрепощение пролетариата, мы уже, в глубоком тылу, сознавая всю важность настоящего момента, с верстаткой[3] в руках, обещаем напрячь все усилия трудовой энергии, а также заботиться и помогать семьям этих красных героев, дабы облегчить хоть чем-нибудь их тяжелую позиционную жизнь. А если потребуется в тяжелую минуту, то не замедлим и не задумаемся заменить верстатку винтовкой.

Да здравствует победа как на кровном, так и на бескровном фронтах!

Да здравствует тесное, дружное единение беспартийных с коммунистами!

Из протокола Краевого бюро профессионального союза горнорабочих Туркестанской республики, 15 сентября 1920 г.[4]

О «неделе раненого и больного красноармейца».

Обсудив этот вопрос, Туркгорбюро[5] постановило: назначить на 25 сентября сего года воскресник по предприятиям, весь добытый продукт представить в распоряжение комиссии по проведению недели «раненого и больного красноармейца», о чем уведомить для сведения: турцик[6], совком[7], штаб туркфронта, туркомиссию по проведению недели «раненого и больного красноармейца» и туртоп[8].

Резолюция общего собрания рабочих и служащих государственной кондитерской фабрики № 1 в Москве, 9 октября 1920 г.[9]

Работницы, имеющие дома швейные машины, должны брать определенное количество материи и сшить для Красной армии белье, но кто машины на дому не имеет, должны субботниками отработать при фабричной белошвейной [мастерской].

---

[1] ЦАП и ОТ, ф. 1, 1920 г., д. № 68, л. 90.
[2] ЦАП и ОТ, ф. 90, 1920 г., д. № 4, л. 16.
[3] Инструмент, употребляемый в типографии для ручного набора.
[4] ЦАП и ОТ, ф. 1, 1920 г., д. № 101, л. 228.
[5] Туркестанское краевое бюро производ. союза горнорабочих.
[6] Туркестанский центральный исполнительный комитет.
[7] Совет народных комиссаров.
[8] Туркестанский комитет топлива.
[9] МОАУ, ф. Моск. губ. отд. профсоюза пищевиков, 1920 г., д. № 90, л. 10.

Резолюция общего собрания рабочих и служащих Московского огнесклада, 14 октября 1920 г.[1]

1. Из отчисленной рабочими и служащими Московского огнесклада в помощь красному фронту мануфактуры, в количестве 8 995 аршин, пошить белье силами работниц, рабочих и служащих.

2. Полученные трикотажные изделия из профсоюза на рабочих и служащих в количестве: 1 120 вязаных фуфаек, 1 032 вязаных кальсон, 672 пары носков также отдать для нужд Красной армии.

3. Произвести добровольный сбор теплых вещей, папирос, табаку, спичек и др. предметов.

4. Сшитое белье, трикотажные изделия и собранные вещи послать с представителями от рабочих в одну из воинских частей по указанию центра.

Из резолюции митинга рабочих и служащих Подольского патронного завода, 26 октября 1920 г.[2]

Собрание трудящихся Подольского патронного завода... все, как один человек, заявляем, что рабочие Советской России будут бороться до конца со всеми белогвардейскими бандами до полной победы трудящихся всего мира и не пойдут ни на какие контрреволюционные обманы как внутренней, так и мировой контрреволюции.

В помощь красного фронта отработать воскресник, отчислить по 1/8 махорки, по 2 пачки папирос (40 шт.) и по 2 коробки спичек.

Да здравствует объединение трудящихся всего мира!

Да здравствует Красная армия!

Да здравствует мировая Советская власть рабочих и крестьян!

Резолюция съезда инструкторов участковых политуправлений по работе среди женщин Николаевской ж. д., 22 ноября 1920 г.[3]

Мы, работники-организаторы (по работе среди женщин) Николаевской дороги, помним о наших усталых товарищах и поможем им, пойдем с нашими работниками в госпитали, будем шить для них белье, поедем в деревню, призовем и наших крестьянок помочь им. Мы должны позаботиться о детях красноармейцев, устроить их в ясли и приюты, тех сирот, отцы которых погибли за правое дело.

Красная армия разбила Врангеля, укротила польскую армию и доказала нам на деле, что не страшны угрозы золотопогонников, капиталистов Англии и Франции.

Да здравствуют дорогие борцы красноармейцы!

Да здравствует рабочий и крестьянин!

Да здравствует единение тыла с фронтом!

---

[1] МОАУ, ф. Мосрайком союза металлистов, 1920 г., д. № 462, л. 37.
[2] МОАУ, ф. Подольского подрайкома металлистов, 1920 г., д. № 61, л. 20.
[3] ЦАП и ОТ, ф. 25, 1920 г., д. № 29, л. 12 об.

VI. Из итогов помощи фронту, больным и раненым красноармейцам и их семьям

«Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам. Вот где источник сил нашей Красной армии».

(Из речи товарища Сталина на торжественном заседании Моссовета, посвященном десятилетию Красной армии. «Правда» № 50 (3882) от 28 февраля 1928 г.)

Из отчета Московского комитета РКП(б), 2 марта 1920 г. [1]

Московским комитетом РКП(б) было произведено обследование результатов, которые дала «неделя фронта» в Москве; ... бесед с больными и ранеными красноармейцами проведено 26, число обслуженных—15 000 чел. Бесед с работницами—2 и с женами красноармейцев—1. Субботников в лазаретах — 27; число работавших — 1 700—1 800 человек. Субботников общих в пользу красного фронта — 7, число работавших — 2 500—3 000 чел. Пожертвования и отчисления деньгами по предприятиям и учреждениям — 5 731 623 руб. 07 коп., по воинским частям — 1 818 992 руб. 46 коп.; с концертов, спектаклей и кинематографических сеансов — 1 218 872 руб. 21 коп. Всего — 16 579 885 руб. 86 коп. Продуктов собрано: хлеба — 829 пуд., муки — 141 пуд, крупы — 2 пуда, мяса — 65 пуд., сала — 6 пуд., масла — 20 фунт., сахару — 64 пуда 20 фунт., конфет — 7½ фунт., сиропа — 1 300 бут., чаю — 2 пуда, кофе — 23 фунта, мыла простого — 8½ пуд., туалетного — 2 000 кусков, табаку — 5 пуд. 10 фунт., махорки — 10 пуд. 22 фунта, гильз — 6 750 шт., папирос — 38 120 шт., спичек — 517 кор. Вещами: кальсон — 3 686 шт., фуфаек — 86 шт., рубах 3 660, гимнастерок — 48, шаровар — 55, сапог — 500 пар, туфлей — 320 пар, шинелей — 5 шт., материи — 648 арш., портсигаров — 281 шт., кисетов — 1 026 шт., ложек металлических — 4 500 шт., книг — 242...

Из газеты «Уральский рабочий» [2].

С 1 января по 15 августа комиссией помощи красноармейским хозяйствам обслужено в Челябинской губернии 52 волости [3] с 9 993 хозяйствами. Выдано денежных пособий в размере 3 033 101 руб. Выдано под яровые посевы — 32 645 пудов, под озимые посевы — 32 пуда, корнеплодов — 613 пудов, обработано красноармейцам земли — 34 598 десятин. Выдано 497 плугов, 217 борон, 3 сеялки и 68 веялок.

Из газеты «Коммунистический труд» [4].

Тамбов, 28 ноября. В Усманском уезде комячейки организовали воскресник по запашке и обсеменению полей семей красноармейцев и бедняков. В Куликовской волости на таком воскреснике приняли участие

---

[1] МОАУ, ф. Моссовета (секретариат), 1920 г., св. 35, д. № 297, л. 263. Отчет Московского комитета РКП(б).

[2] «Уральский рабочий», 9 октября 1920 г., № 228.

[3] Челябинская губерния в 1920 году имела 201 волость.

[4] «Коммунистический труд», 1 октября 1920 г., № 159.

1 235 человек с 563 лошадьми. Засеяно земли семьям красноармейцев 196 десятин и 6 сажен. Безлошадным беднякам засеяно 89 десятин. В селе Кривкино на воскреснике засеяно семьям красноармейцев 12 десятин, причем на обсеменение было выдано 59 пудов 10 фунтов семян.

Из отчета Московского комитета РКП(б), октябрь 1920 г.[1]

В «неделю помощи фронту» с помощью отдела работниц устраивались субботники 9, 10, 17, 24 октября. На этих субботниках принимало участие 11 245 работниц, которыми сшито 4 139 шинелей, 13 833 рубашки, 5 526 кальсон, 186 халатов, 1 953 рукавицы, 4 735 гимнастерок, 10 553 шаровар, 1 037 шапок, 120 костюмов, 365 одеял, 2 146 наволочек, 100 матрацов и связано 195 носков, починено 134 шинели, 267 гимнастерок, 1 765 шаровар, 1 895 рубах, 1 296 кальсон, 421 халат, 120 рукавиц, 836 носков...

Отношение президиума Московского отделения Всероссийского профессионального союза табачников Центральному комитету союза, 22 октября 1920 г., № 3366/2126[2].

Президиум союза табачников настоящим сообщает вам, что в воскресенье, 17 октября, было выработано запфронту 13 340 500 штук курительных единиц и 40 000 штук раскурочных книжек.

Из ежемесячного отчета Омского учпрофсожа за ноябрь 1920 г.[3]

Сшито женами рабочих и служащими женщинами нового белья из казенного материала 1 270 шт., и, кроме этого, рабочие сверхурочными часами, по 2 часа в течение недели, выпустили паровозов из текущего ремонта 69 шт.

Выпущено:

Вагонов классных	периодического осмотра	3
» »	текущего »	11
Товарных вагонов	периодического осмотра	29
» »	текущего »	26

Оборудовано для снеговой базы — 32 вагона, установлен станок для круглой пилы в новом депо № 325. Погружено разного металлолома 500 пудов.

Резолюция пленума Московского совета РК и КД от 30 ноября 1920 г.[4]

Московский совет РК и КД, заслушав доклад представителя комиссии по сбору вещей о результатах работ комиссии, постановил: принять доклад к сведению и благодарить всех граждан, рабочих и крестьян г. Москвы и Московской губ. за единодушный отклик на нужды Красной армии. Связь тыла с боевым фронтом, выразившаяся в колоссальных результатах пожертвований, свидетельствует лишний раз, что все рабочие, сознательные граждане и крестьяне Москвы и Московской губ. понимают необходимость активной защиты завоеваний пролетарской революции. Красная армия разгромила последний оплот внутрен-

---

[1] Отчет о деятельности Московского комитета РКП(б) на октябрь 1920 г. Изд. МК РКП(б), 1920 г.
[2] МОАУ, ф. МГСПС., 1920 г., д. № 20, л. 51.
[3] ЦАП и ОТ, ф. 25, 1920 г., д. № 15, л. 46 об.
[4] МОАУ, ф. Моссовета (секретариат), 1920 г., д. № 367, л. 42.

ней белогвардейщины — Врангеля; московские граждане и рабочие своим участием в сборе помогли перейти республике на мирное строительство.

Из резолюции 3-й Южно-Уральской районной конференции Всероссийского союза рабочих металлистов в Златоусте, 10 декабря 1920 г.[1]

Третья Южно-Уральская конференция ВСРМ в г. Златоусте единогласно постановила послать от имени конференции приветствие славной Красной армии с выражением чувства восторга и благодарности славным красным бойцам-богатырям за освобождение и счастье всех трудящихся, а также заявить, что все трудящиеся Южного Урала, вдохновленные примером своих красных бойцов, в полном единении, под лозунгом: «Все для производства», готовы ринуться форсированным маршем в последнюю «решительную атаку» с внутренним врагом — разрухой — и биться, несмотря ни на какие преграды, до победного конца и до полного восстановления промышленности.

---

[1] ЦАП и ОТ, ф. 20, 1920 г., д. № 23, лл. 41—41 об.

О ленском расстреле

(Запрос с.-д. фракции в IV государственную думу)

1 марта 1913 г. социал-демократическая фракция IV Государственной думы (совместно с трудовой группой) внесла запрос «по поводу неправильных действий должностных лиц в связи с событиями, имевшими место на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в 1912 г.» [1].

3 мая 1913 г. запрос социал-демократической фракции был поставлен на обсуждение Государственной думы. Черносотенное большинство Думы отклонило предложение социал-демократической фракции о рассмотрении запроса в порядке спешности. Запрос был передан в комиссию по запросам. Лишь через полгода — 31 октября 1913 г.— комиссия по запросам представила соответствующий доклад для внесения на заседание Государственной думы. Таким образом, спешный запрос социал-демократической фракции, внесенный 1 марта 1913 г., был фактически поставлен на обсуждение в Государственной думе лишь 13 ноября 1913 г. после того как он пролежал полгода в запросной комиссии.

Запрос министрам внутренних дел, торговли и промышленности и военному был сформулирован комиссией по запросам в следующем виде:

«Так как гг. министрам известно, что во время возникновения в апреле 1912 г. на Ленских золотых приисках волнений среди рабочих пострадало до 440 рабочих, включая сюда и убитых, вследствие того, что было применено действие огнестрельного оружия без достаточного к тому основания, то:

1) Закончено ли расследование событий на Ленских приисках.

2) Приняты ли, на основании этого расследования, меры к восстановлению законного порядка на приисках.

3) Привлечены ли к ответственности лица, нарушившие при этом закон» [2].

13 ноября 1913 г. Государственная дума обсуждала доклад комиссии по запросу социал-демократической фракции Думы.

Большинством 151 голоса против 100 Государственная дума приняла запрос в формулировке комиссии по запросам.

15 ноября 1913 г. запрос был направлен министрам внутренних дел и торговли и промышленности. И лишь 12, 19 и 26 марта 1914 г., т. е. год спустя после внесения запроса социал-демократической фракцией, Государственная дума заслушала объяснения по запросу товарища министра внутренних дел И. М. Золотарева и министра торговли и промышленности С. И. Тимашева.

Речь министра торговли и промышленности Тимашева была попыткой выгородить царское правительство и центральные правительственные учреждения от какой бы то ни было ответственности за ленские события. Свою речь он закончил следующей фразой:

«Заканчивая мои объяснения, я хотел бы по настоящему делу засвидетельствовать перед вами, что правительство не оказывало и не намерено оказывать поддержки и помощи промышленным предприятиям в интересах владельцев или заправил этих предприятий, кто бы они ни были. Оказывая промышленным пред-

[1] Настоящий запрос был сделан до раскола социал-демократической фракции Государственной думы. — *Ред.*

[2] Фонд IV Государственной думы, д. № 2992, 1913 г., л. 12.

приятиям поддержку, правительство считает необходимым руководствоваться исключительно только соображениями государственной пользы, без всякого отношения к личностям»... [1].

К этому же по существу сводилась и речь товарища министра внутренних дел Золотарева.

19 марта 1914 г. по объяснениям министра торговли и промышленности и товарища министра внутренних дел выступил в Государственной думе член большевистской думской фракции М. К. Муранов. Он дал достойный ответ представителям правительства и черносотенному большинству Государственной думы.

Большевик Муранов с думской трибуны прямо заявил, что рабочий класс требует не только предания суду виновников ленского расстрела, но что он будет бороться до конца против всего самодержавного строя. В таком же духе была составлена предложенная им от имени большевистской фракции Думы формула перехода к очередным делам.

Мартовское (1914 г.) обсуждение в Государственной думе запроса о ленском расстреле вызвало новое движение протеста среди петербургских рабочих. В начале марта Петербургский комитет большевиков выпустил специальную листовку «К товарищам рабочим и работницам Петербурга», в которой он писал:

«В среду 12 марта в Гос. думе будет разбираться с.-д. запрос о «Ленском расстреле». Сегодня на вызов рабочих депутатов запятнанные рабочей кровью царские министры взойдут на думскую трибуну и будут осыпать клеветами геройски боровшихся мучеников «Лены» и оправдывать бесстыдной ложью чудовищное злодеяние, совершенное над рабочими ротмистром Трещенковым по предписанию департамента полиции и «Ленского т-ва». Но пусть лгут и клевещут палачи и грабители народа в белой зале Гос. думы. Пусть нагло зажимают они рты рабочим избранникам. Зато за стенами Таврического дворца тысячные массы сознательных рабочих Петербурга грозно скажут на всю Россию открытую сенаторской ревизией страшную правду о ленских событиях и провозгласят: проклятие ненасытным, бесчеловечным эксплоататорам, которые, получая 5—6 миллионов руб. чистой прибыли с 5 000 ленских рабочих, жестоко обворовывали их, выдавая им половину их нищенской платы (да и то «талонами» или «товарами», а не наличными), заставляя приходящих за 2 версты в легкой одежде на приски при 40° морозе рабочих работать по 11½ часов, иногда под потоками холодной воды, кормили их хлебом «с навозом и конским калом, тухлой рыбой, гнилым мясом, отбросами конины и морозили их в покосившихся, грязных, кишащих насекомыми, казармах, переделанных часто из конюшен, где волосы примерзали к стене и сапоги примерзали к полу». Проклятие им, которые, пользуясь нуждой рабочих, заброшенных в тайгу за 200 верст от жилья, опутывали их кабальным договором, обращая в крепостное рабство, насиловали их жен и дочерей, принуждая их к проституции под страхом голодной смерти. Проклятие им за то, что они после неудавшейся попытки выбросить бастующих рабочих из казармы на мороз, привели палача Трещенкова, чтобы он за их темные деньги учинил кровавую бойню 4 апреля. Проклятие и всем высшим и низшим агентам кровавого царского правительства, которые в угоду «золотым королям» Лены, предупредивши заранее больницы, врачей и священника, подкараулили мирно идущих к прокурору с прошениями рабочих и без предупреждения расстреляли их; а на другой день, засыпавши золой окровавленный снег, откопавши на месте бойни старые камни и палки и подкупивши лжесвидетелей, послали министру донос, что рабочие нападали на войска, за что их представители были преданы суду, тогда как убийца Трещенков оставлен на воле и кутит по ресторанам на темные деньги.

Пусть тяготеет проклятие рабочих и над черным большинством Государственной думы, которое скрывало в комиссии ленский запрос, схоронило на-днях в новой комиссии внесенный год тому назад законопроект рабочих депутатов «об

[1] Фонд IV Государственной думы, д. 2679, 1914 г., лл. 106—107.

обеспечении семей жертв Лены» и аплодировало словам кровавого министра, который в ответ на обличительные речи рабочих депутатов бросил стране красноречивые слова: «так было, так и будет». Рабочий класс знает, что действительно «так будет» с пролетариатом, пока в стране царит воровская шайка царских чиновников, черносотенных помещиков и жадных капиталистов. Что только свержение восставшим народом окровавленного царского трона и созыв всенародного Учредительного собрания положит конец этой дикой эксплоатации, насилиям и издевательствам над рабочим народом. Пусть же завтра, 13 марта, весь сознательный пролетариат Петербурга объявит мощную стачку-протест, бросив грозное проклятие грабителям и палачам народа, мощно провозгласит:

Да здравствует великая народная революция!

Долой кровавую монархию Романова!

Да здравствует демократическая республика!

8-часовой рабочий день и конфискация земли для крестьянства!

Да здравствует революционное сплочение, сплочение рабочего класса в великую Р. С.-Д. Р. Партию для грядущих битв» [1].

На призыв Петербургского комитета большевиков откликнулся весь петербургский пролетариат. 13 и 14 марта 1914 года, по уменьшенным данным охранки, в Петербурге бастовало 63 692 человека.

Таким образом, ленский запрос социал-демократической фракции IV Государственной думы, хотя он был провален в самой Думе, на самом деле имел большое значение. Большевистской фракции Думы удалось с думской трибуны показать всей стране, что истинными виновниками расстрелов являлось самодержавное правительство и весь строй крепостников-помещиков. Речь большевика Муранова явилась призывом к упорной и жестокой борьбе за новую революцию в России.

Публикуемый нами запрос социал-демократической фракции IV Государственной думы и речь по запросу большевика М. К. Муранова хранятся в Центральном государственном архиве внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде.

М. Л. Лурье.

Запрос социал-демократической фракции IV Государственной думы (совместно с трудовой группой) по поводу неправильных действий должностных лиц на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в 1912 г., 1 марта 1913 г. [2]

1 марта исполнился год с того времени, как на приисках Ленского золотопромышленного товарищества вспыхнула забастовка, сопровождавшаяся расстрелом 4 апреля сотен рабочих.

Уже 27 апреля 1912 г. состоялось высочайшее повеление о возложении на члена Государственного совета сенатора С. С. Манухина расследования всех обстоятельств, вызвавших и сопровождавших забастовку на Ленских золотых приисках. Облеченная широкими полномочиями, сенаторская ревизия имела время и, на основании предоставленных ей полномочий, возможность собрать исчерпывающий материал для выяснения положения рабочих на Ленских золотых приисках, причин возникшей весною 1912 г. там забастовки рабочих и обстоятельств расстрела их 4 апреля 1912 г.

Прошло более полугода со времени возвращения ревизии с Ленских приисков и около полугода со времени изготовления доклада о результатах произведенного расследования, срок, достаточный для того,

[1] ЦАОР, Отдел печати, листовка № 11168.

[2] Центральный государственный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд IV Государственной думы, дело № 2992, 1913 г., лл. 1—5. Печатается по подлинному запросу социал-демократической фракции (совместно с трудовой группой) Государственной думы.

чтобы правительство, обладая всеми данными расследования, могло бы проявить свое отношение к тем должностным лицам и учреждениям, деятельность которых неразрывно связана с событиями, предшествовавшими и сопровождавшими забастовку, а также с самым расстрелом сотен невинных людей. Однако правительство предпочитает хранить красноречивое молчание, и мы, нижеподписавшиеся, считаем в настоящее время необходимым сделать следующее заявление.

I

Забастовка ленских рабочих явилась результатом невыносимого экономического положения рабочих на приисках, вследствие систематического неисполнения Ленским товариществом всех требований закона и обязательных постановлений. Еще в отчете за 1909 г. окружный горный инженер Н. К. Тульчинский доносил в горный департамент о неисполнении Ленским товариществом ст. 31 приложения к ст. 661 Устава горного, т. е. о несвоевременной уплате рабочим заработной платы, о неисполнении обязательных постановлений о медицинской помощи и устройстве жилищ рабочих. В отчете за 1910 г. тот же окружный инженер прямо уже предупреждал министерство торговли и промышленности, что продолжение крайне ненормальных отношений Ленского товарищества к рабочим может вызвать «уже в недалеком будущем совершенно нежелательные осложнения во взаимоотношениях между Ленским товариществом и рабочими». 15 февраля 1911 г. о ряде нарушений закона и изданных в развитие его обязательных постановлений со стороны Ленского товарищества пишет директор горного департамента Хованский к директору правления Ленского товарищества барону Гинцбургу, и в то же время г. Хованский местному горному надзору предлагает «иметь неуклонное и постоянное наблюдение за точным исполнением Ленским товариществом закона и изданных в развитие его постановлений, донося о всех случаях нарушений непосредственно в горный департамент». Однако, вскоре, по указанию самого г. министра, отношение горного департамета к Ленскому товариществу резко меняется, все попытки горного надзора заставить Ленское товарищество исполнять закон и обязательные постановления были безрезультатны, а министерство торговли и промышленности, руководствуясь сторонними сведениями и соображениями, летом 1911 г. преподало окружному горному надзору новые указания, а именно, 11 июня 1911 г. и. д. директора горного департамента было послано окружному инженеру Н. К. Тульчинскому письмо следующего содержания: «До сведения г. министра дошло, что деятельность ваша по осуществлению горного надзора ставит Ленское товарищество в столь тяжелые условия, что, если неудовлетворительное отношение между горным надзором и администрацией товарищества не изменится к лучшему, предприятие это вынуждено будет закрыть свои менее богатые прииски и ограничиться разработкою одного только Феодосиевского. Указанные тяжелые условия создались, повидимому, главным образом потому, что, исполняя свои обязанности в той их части, которая касается охранения и защиты интересов рабочих, и останавливаясь при этом на чисто формальной почве требований закона, вы в то же время почти совершенно игнорировали интересы предприятия, подрывая престиж и дисциплину в дальней тайге; вы восстановили против себя всех старших служащих, также всех врачей. Ввиду изложенного, во исполнение приказаний г. министра, имею честь уведомить о нижеследующем. Г. министр придает особое значение созданию горным надзором таких условий для

Ленского товарищества, при которых деятельность этого исключительно хорошо поставленного во всех отношениях предприятия не только не тормозилась, а, наоборот, нормально развивалась и преуспевала. Судя по имеющимся в распоряжении горного департамента данным, местное заведывание этим делом находится в руках опытного, с весьма хорошей стороны зарекомендовавшего себя администратора, лично известного министру, репутация которого сама по себе является порукой правильной постановки предприятия, хотя бы и в смысле надлежащего урегулирования отношений между предприятием и рабочими. При таких условиях вашему высокородию надлежало бы при осуществлении вверенного вам горного надзора, наряду с самой стойкой защитой справедливых и законных претензий рабочих, не игнорировать также и интересов предприятия, причем образ ваших действий в сем случае несомненно будет подсказан вам вашим служебным тактом».

Этим письмом министерством торговли и промышленности не только было оказано недопустимое давление на подчиненный ему горный местный надзор, но и преподаны указания, противоречащие прямому смыслу ст.ст. 87 и 93 Устава горного и наказу 4 апреля 1902 г. чинам горного надзора. Поддерживаемое центральной властью, Ленское товарищество действовало на приисках все более и более беззастенчиво, нарушая самые элементарные требования закона (выдача рабочим талонов вместо денег), довело, наконец, рабочую массу до стихийного протеста-забастовки. Приехавший 23 марта на прииски Н. К. Тульчинский стал принимать меры, согласно ст. 21 наказа, к достижению миролюбивого соглашения сторон и ликвидации забастовки. Действия его в этом направлении были небезуспешны, и выборные рабочих стали высказываться за прекращение забастовки. Однако, 30 марта Тульчинский получил следующую телеграмму от и. д. директора горного департамента: «Хотя вы уже несколько дней на приисках, от вас, вопреки данному 7 марта Александрову предписания ежедневно телеграфировать, донесений не поступает. Знакомый поэтому с положением дела лишь окольным путем, министр, на основании имеющихся сведений, считает данные вам летом указания вами совершенно не усвоенными. В частности, министр обращает внимание на требование уплаты дней забастовки, как не основанное на законе, не может быть поддерживаемо горным надзором. Имеются сторонние сведения о предположении вашем выдавать удостоверение о нарушении договора. Департамент полагает, такая выдача не входит в круг ваших обязанностей. Установление факта нарушения есть дело суда.

Иванов».

Этим новым вмешательством министерства был положен конец посреднической деятельности местного горного надзора в самые критические дни забастовки.

II

Характерно, что эта телеграмма г. Иванова совпадает с телеграммой и. д. директора департамента полиции г. Белецкого на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления, с несомненностью устанавливающею незакономерное вмешательство департамента полиции в распоряжения местной губернской власти.

В разгар забастовки на прииски Ленского товарищества был командирован жандармский ротмистр Трещенков и назначен заведывающим полицией на приисках с подчинением иркутскому губернатору. Между тем г. Белецкий телеграммою от 30 марта 1912 г. предложил началь-

нику жандармского иркутского управления «предложить непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет и, если не будет данных для дознания или следствия, возбудить охранную переписку». А 31 марта тот же г. Белецкий телеграфирует тому же адресату: «Правление Лензото получило депешу от главноуправляющего, который удостоверяет, что почти все рабочие согласны приступить к работам, но для ускорения необходимо удалить зачинщиков, которые угрожают рабочим. Телеграфируйте, произведена ли, согласно депеши моей от 30 марта за № 167, ликвидация стачечного комитета, если нет, то почему не исполнено это требование. Если произведена, сообщите списки». Какое значение эти телеграммы имели для развития последующих событий, видно, с одной стороны, из показаний, данных ротмистром Трещенковым чиновнику особых поручений А. Б. Майшу, командированному на Ленские прииски сейчас же после событий 4 апреля. «Арест стачечного комитета я произвел бы, и не получив телеграммы от иркутского губернатора, так как имел предписание от департамента полиции немедленно ликвидировать стачечный комитет». И, действительно, арест выборных в ночь на 4 апреля состоялся, хотя в телеграмме иркутского губернатора от 2 апреля категорически говорится, что аресты допустимы только в том случае, если «по местным условиям это будет содействовать мирному улажению конфликта».

А, с другой стороны, иркутский губернатор, когда ему сделалось известно об этих распоряжениях департамента полиции, телеграфировал 5 апреля министру внутренних дел Макарову: «... Прошу предложить департаменту полиции прекратить какое-либо вмешательство в мои распоряжения в отношении дальнейшей ликвидации забастовки, ибо, в противном случае, я буду лишен физической и моральной возможности ясного понимания последствий, вызываемых моими распоряжениями».

На эту телеграмму министр внутренних дел Макаров послал ответ 10 апреля и нашел возможным удостоверить, что «непосредственных указаний Трещенкову не давалось из департамента полиции». Таково участие центральных органов министерства внутренних дел в событиях, предшествовавших расстрелу рабочих 4 апреля, причем действия и. д. директора департамента полиции заключают в себе признаки превышения власти, а телеграмма сенатора Макарова от 10 апреля, в лучшем случае, дает основание утверждать, что г. Белецкий скрыл свои служебные действия от г. министра внутренних дел.

III

4 апреля прошлого года у народного дома на Надеждинском приске Ленского товарищества мирная безоружная многотысячная толпа рабочих, шедшая с прошением к товарищу прокурора Преображенскому и на всем своем пути ни разу не остановленная и не получавшая предупреждений вернуться или разойтись, была внезапно подвергнута беспощадному расстрелу. Стрельба началась в то время, когда толпа остановилась для беседы с окружным инженером Тульчинским, и продолжалась по лежавшим и прятавшимся за штабелями леса рабочим, причем у подавляющего большинства убитых и раненых рабочих не оказалось фронтальных ран. Всего было выпущено солдатами 789 боевых патронов. Все это произошло в присутствии ротмистра Трещенкова, мирового судьи Хитуна, товарища прокурора Преображенского и штабс-капитана Лепина; последний непосредственно командовал ротою

солдат. Приведенные выше обстоятельства расстрела рабочих были установлены как административным расследованием чиновника особых поручений при иркутском губернаторе Майша, так и производившими следствие мировым судьею Рейном и судебным следователем по особо важным делам при Иркутском окружном суде Сечкиным. Установление объективной картины расстрела и вызвало прекращение возбужденного Хитуном против рабочих судебного преследования по ст. 123 Уг. ул.

Между тем все указанные должностные лица, присутствовавшие и участвовавшие в растреле рабочих, сообщили в официальных документах ряд сведений об обстоятельствах расстрела совершенно ложных. Так, уже в телеграмме от 4 апреля на имя начальствующих лиц в Иркутске, за подписями Трещенкова, Хитуна и Преображенского, сообщалось о вооруженной толпе, нападавшей на войска. Того же 4 апреля штабс-капитан Лепин телеграфировал начальству штаба Иркутского военного округа следующее: «Сегодня около 5 часов дня были вызваны войска для задержания вооруженной толпы: с фронта более 3 тысяч и с тыла более 2 тысяч. Толпа двинулась на прииски. На требование полиции остановиться последовали бурные протесты. Ввиду особо крайне угрожающего положения, полиция передала полномочия. После троекратного сигнала на рожке толпа энергично двинулась на войска с целью обезоружить. Положение заставило прибегнуть к употреблению оружия на расстоянии 106 шагов».

11 апреля ротмистр Трещенков телеграфировал своему начальству, что «акт обнаружения на месте столкновения 4 апреля кольев, кирпичей и железных прутьев составлен тогда же следственной властью в присутствии товарища прокурора и сторонних свидетелей». В действительности же перечисленные в телеграмме предметы никакого отношения к толпе не имели, хотя и были собраны под наблюдением ротмистра Трещенкова, мирового судьи Хитуна и товарища прокурора Преображенского.

Кроме того, мировой судья Хитун, первоначально производивший следствие по ст. 123 Уг. ул., не произвел осмотра трупов убитых рабочих, хотя эти трупы пролежали несколько дней непогребенными у ледника Александровского прииска. Вообще все судебное следствие велось таким образом, что 12 апреля окружный инженер Тульчинский послал в Иркутск генерал-губернатору, прокурору судебной палаты и губернатору следующую телеграмму: «В интересах правосудия, в целях самого полного беспристрастного выяснения условий катастрофы 4 апреля, ходатайствую изъять следствие от мирового судьи Хитуна, который, совместно с товарищем прокурора Преображенским, присутствовал при войсках во время стрельбы по толпе рабочих, являясь ближайшим участником тягостного события. Необходимо немедленно командировать для производства означенного следствия другого следователя, ввиду распутицы, хотя из Киренска или Витима. В крайнем случае поручить Рейну, не участвовавшему в событиях 4 апреля».

На основании ст. 33 учр. Гос. думы, мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной думе предъявить председателю совета министров, министрам военному, внутренних дел, юстиции и торговли и промышленности нижеследующий запрос:

1) Известно ли им о вышеуказанных случаях злоупотреблений должностных лиц.

2) Если известно, то почему лица, совершившие злоупотребления, не преданы суду.

Запрос этот просим признать спешным.

Речь депутата-большевика М. К. Муранова при обсуждении запроса социал-демократической фракции Думы по поводу неправильных действий должностных лиц на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в 1912 г., 19 марта 1914 г.[1]

Я, гг., не стану говорить о том, считают ли ленские события важными (шум) гг. хозяева: фабриканты, помещики, заводчики и т. д. (шум; звонок председательствующего). Я даже думаю, гг., что (шум)...

Председательствующий (звонит). Покорнейше прошу гг. членов Государственной думы занять места (шум).

Муранов. Я даже думаю, гг., что вся эта публика вместе с чиновниками очень хотела бы, чтобы изгладить из памяти людской эти события. Ведь победа Трещенкова над безоружными рабочими — это Цусима для существующего строя. Но, гг., есть в России многочисленный пролетариат. Как он отозвался на события на Лене? Чувством негодования и возмущения наполнились сердца русских рабочих после событий 4 апреля [1912 г.], после раздавшихся залпов по безоружной толпе. 4 апреля совершено властями ленское преступление, а не прошло и недели, 7—8 числа уже начались митинги рабочих в Москве, Петербурге и других городах, выносились резолюции протеста против этой бойни; разразились политические забастовки протеста; забыли рабочие о своем личном горе, о своих заботах и о своих обидах; останавливались фабрика за фабрикой, мастерская за мастерской, завод за заводом, и апрельские ленские дни в Петербурге можно сравнить по силе движения пролетариата только с октябрьскими днями 1905 г., с теми днями, которые привели и к созданию этой Думы, и этот протест рабочих разразился самой могучей волной после того, как министр Макаров заявил в этой самой зале, что «так было, так и будет». На эти слова министра пролетариат всей России сказал: «так было, но так не будет».

В резолюциях протеста рабочие требовали прежде всего суда над убийцами ленских рабочих; но рабочие знали, что в России нет суда для чиновников и капиталистов, убивающих рабочих и крестьян, и чтобы осуществить такой суд, который охранял бы пролетария и земледельца, рабочие в своих резолюциях видели один исход: этот исход, гг.,—организованная борьба рабочего класса против бессудия, борьба на жизнь и смерть, борьба до конца.

Вот какие резолюции выносили рабочие, вот одна из них: «Братья рабочие, мы призываем всех, кому дороги интересы труда и свободы, в ком живет еще человеческое достоинство, объединиться в одну тесную семью, встать и заявить, что мы хозяева своей жизни, что мы имеем такое же право на жизнь, как и господа современного строя. Долой этих господ со сцены! У них так было, так и будет; у нас так не будет». Вот, гг., какие мысли, какие стремления возбудила в рабочих ленская бойня.

Для успокоения рабочих была назначена сенаторская ревизия. Что же эта ревизия там нашла? В своем выступлении министр торговли и промышленности заявляет, что правительство вполне разделяет суровую оценку, данную сенатором Манухиным тем тяжелым условиям труда и быта, в которые были поставлены рабочие Ленского товарищества. Так вот, гг., как раз вот эти условия, по заявлению самого

[1] Центральный государственный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд IV Государственной думы, дело № 2682, 1914 г., лл. 128—135. Печатается по подлинной стенограмме заседаний Государственной думы.

министра, и вызвали забастовку, а не так, как, по заявлению другого представителя правительства — министарства внутренних дел, что там были агитаторы, и забастовка носила политический характер. Как раз министр торговли и промышленности высказывает, что квартирные условия были неудовлетворительны, невыносимы даже, пищевые припасы были скверны, что подтверждается тоже ревизией сенатора Манухина, недопустимы, что расчет также производился не по правилам, какие существуют там, но все же в конце своей речи он заявляет, что, оказывая промышленным предприятиям поддержку, правительство считает необходимым руководствоваться исключительно только соображениями государственной пользы. И вот, благодаря этим соображениям о государственной пользе, и расстреливаются 500 чел. на Лене рабочих.

Товарищ министра внутренних дел, тот говорит, что это происходит потому, что невозможно было уследить, потому что это далеко от Петербурга, от центра, в далекой Сибири. Но, если мы возьмем в Петербурге, посмотрим, разве у нас кто-нибудь, хотя бы один раз, проверил, в каких условиях находятся рабочие. Этого нет. Здесь каждый день происходят именно экономические забастовки и забастовки протеста из-за тех обращений, какие происходят с рабочими при работах. И еще не было ни одного случая, чтобы, благодаря соображениям государственной пользы, которыми правительство должно было бы руководствоваться, хотя бы один капиталист был им расстрелян или повешен за эти притеснения рабочих.

Но вот на защиту правительства, как всегда, выступает у нас г. Марков 2, и как раз своей речью точь в точь напоминает ту речь, которую он говорил в своем выступлении в 1912 г. Он говорит о том, что товарищество Лензото — все это или евреи или нерусские. Скажите, гг., разве для рабочего класса, для нас, рабочих, не все равно, кто нас грабит, эксплоатирует. Для нас это безразлично. Мы, если предъявляем когда какие-либо требования, то не к евреям или не к нерусским, а к тем, кто нас именно эксплоатирует. Он очень «понимает» рабочих, очень «жалеет» и «любит» их, но «жалеет» их по-своему, как тот волк жалел ягненка, который задушил овцу. Но со своей любовью Марков 2 пусть обращается к Вере Чебыряк, но пусть он оставит рабочих, потому что мы можем сказать: «рабочий, береги свою шкуру, Марков 2 начинает вас любить». Затем Марков 2 говорит, что ни с того, ни с сего не станут солдаты русские или русские офицеры расстреливать русских рабочих. Что это так или нет, можно привести такой пример: что, ни с того, ни с сего, может ли русский офицер русского офицера полоснуть шашкой, только из-за того, что он рассказывает, как происходило дело на Ленских приисках. И тот же самый, которому он поет дифирамбы, Трещенков, от другого офицера получает удар шашкой.

Мне кажется, что все объяснения гг. министров, представителей правительства, они нас не только мало-мальски не удовлетворяют, но совсем не могут удовлетворить, и во-первых и в-последних, потому, что все они, и ротмистр Трещенков со своими расстрелами, и Макаров со своим «так было, и так будет» и с обязательным постановлением — употреблять оружие и патронов не жалеть, — все это, гг., одного поля ягода [1].

Итак, гг., я вношу от имени социал-демократической рабочей фракции формулу следующего содержания:

---

[1] Дальше председателем Государственной думы фраза зачеркнута: «И там от министра до палача всего один шаг».

«Заслушав объяснения правительства по запросу о расстреле мирной толпы рабочих 4 апреля 1912 г. на приисках Ленского товарищества, Государственная дума, полагая: 1) что вся ответственность за ленскую бойню ложится на современный третьеиюньский режим, не терпящий никакого проявления самодеятельности рабочих даже тогда, когда она выражается в форме мирной экономической стачки, благодаря чему ротмистр Трещенков, ранивший и убивший до 500 рабочих, явился лишь достойным представителем этого антинародного режима, 2) что подобная бесстыдная форма эксплоатации, раскрытая как ревизией сенатора Манухина, так и частными расследованиями и признанная здесь самим министром торговли и промышленности, могла развиться и процветать только в атмосфере зарвавшейся реакции, с благословения и поддержки нашей внутренней политики — министерства внутренних дел, департамента полиции и министерства торговли и промышленности, провоцировавших и сам расстрел, 3) что до полного и коренного искоренения всего существующего порядка в стране, установления полной демократии и народовластия — нет и не может быть никакой гарантии в предотвращении повторения подобных кровавых расправ, какие имели место на Лене, и, наоборот, может быть уверенность, что «так было и так будет»,— Государственная дума, выражая свое глубокое недоверие современному правительству, как совершенно не отвечающему своему назначению и долженствующему очистить место правительству, свободно выбранному всем народом, переходит к очередным делам».

Положение рабочих на постройке Петербурго-Московской железной дороги

(1843—1851 гг.)

В указе Николая I от 1 февраля 1842 г. говорится: «Мы положили возвести железную дорогу от Петербурга до Москвы и, по примеру других держав, возвести оную на счет казны, дабы удержать постоянно в руках правительства и на пользу общую сообщение, столь важное для всей промышленной и деятельной жизни государства» *.

Указу о постройке дороги предшествовало решение вопроса о финансировании этого строительства. Отпустить из казны на постройку дороги 40—50 млн. руб. сер., намеченных по первоначальной смете, правительство никак не могло. В то время оно было занято проведением реформы, имевшей целью упрочить финансовое положение страны путем перехода от ассигнаций и депозиток на твердый курс кредитного билета **. В связи с этим, коммерческому дому банкира барона Штиглица было поручено провести для нужд строительства дороги ряд внешних 4% займов. Таких займов было пять, всего на сумму 76 300 тыс. руб. сер., давших по реализации 70 285 096 руб. сер. Вполне понятно поэтому, что Штиглиц, как отмечается в указе министру финансов, «изъявил при сем случае похвальную готовность с особым усердием содействовать благополучному совершению сего важного отечественного предприятия». Кроме внешних займов, были и внутренние, но последние шли, главным образом, на выплату процентов по внешним займам и на некоторые дополнительные работы по дороге уже после завершения основных работ ***.

Таким образом, иностранные капиталы являлись основным источником финансирования строительства.

В том же указе от 1 февраля 1842 г. было объявлено о создании комитета Петербурго-Московской железной дороги. Тогда же при этом комитете была создана строительная комиссия под председательством шефа жандармов ген.-ад. графа Бенкендорфа. Комитету поручалась вся основная руководящая работа, а строительной комиссии — организация строительства и производство всех работ. В августе того же года, с назначением главноуправляющим путями сообщения и публичных зданий графа Клейнмихеля, строительная комиссия была упразднена, а ее обязанности были переданы организованному при главном управлении путями сообщения и публ. зданиями Департаменту железных дорог ****.

Тотчас же по выходе вышеупомянутого указа, пользуясь еще зимним временем, удобным для работ на болотах, приступили к изысканиям. Изыскания и

---

* О введении в России железнодорожного транспорта и о предложениях и проектах сооружения Петербурго-Московской железной дороги см. публикацию «Первые железные дороги в России», — «Красный архив», т. 76, стр. 83—155. Цитируемый здесь указ Николая I приведен в издании «Постройка и эксплоатация Николаевской железной дороги (1842—1851—1901 гг.). Краткий исторический очерк». СПБ, 1901, стр. 8.

** Выкуп ассигнаций продолжался с 1839 по 1843 г. Гос. кредитный банк выплачивал за 3 руб. 50 коп. ассигнациями 1 кредитный рубль.

*** Сумма, ежегодно выплачиваемая по процентам, достигала $6^1/_2$ — 7 млн. руб. сер.

**** Строительная комиссия, а равно и самый комитет Петербурго-Московской железной дороги были созданы Николаем I в целях изъятия дела сооружения дороги из ведения главноуправляющего пут. сообщ. и публ. зд. графа К. Ф. Толя, отрицательно относившегося к предпринимаемому строительству (см. об этом в предисловии к публикации «Первые железные дороги в России»,

нивелировку линии закончили в 1843 г. При организации изысканий был применен встречный метод одновременной работы с двух конечных пунктов, с разделением всего расстояния между Петербургом и Москвою на две приблизительно равные части: северную и южную *. Во главе первой, называвшейся впоследствии северной дирекцией, был поставлен полковник корпуса инженеров путей сообщения П. П. Мельников, и во главе второй — южной дирекции — инженер-полковник Н. О. Крафт **. Ко времени начала строительства дирекции были подразделены на участки, по пяти участков в каждой, а участки в свою очередь — на дистанции. Во главе этих подразделений были поставлены также инженеры корпуса путей собщения.

Перед началом земляных работ встал вопрос и об обеспечении строительства орудиями производства. Колоссальный для того времени объем земляных работ, достигший к концу строительства 10 млн. куб. саж., вызвал заказы огромного количества лопат, кирок, ломов, тачек и пр. Для этих же работ, по предложению консультанта строительства Уистлера, были выписаны из Америки четыре «паровых землекопа» (экскаваторы) и копры, но они оставались исключением, одинокими чужеземцами, затерявшимися в многотысячной армии крестьян с лопатами и тачками. От паровых экскаваторов долго не могли получить того количества выработки, которое показало бы их преимущество перед ручным трудом. Их эксплоатация обходилась подрядчикам сначала даже дороже работы крепостных: «Нынешнего лета, произведя оными работу в продолжение целого лета, потерпели убыток, может быть, по непривычке рабочих, работавших при оных»,— писал в 1845 г. в департамент жел. дорог подрядчик Кузьмин. С 8 июля 1845 г. по 15 декабря 1847 г. «паровыми землекопами» было вырыто 6 874,2 куб. саж. Таким образом, почти вся тяжесть земляных работ пала на долю крестьян крепостной России.

В условиях крепостного хозяйства снабжение строительства достаточным количеством рабочих было сложной задачей. Сложность заключалась в полном отсутствии резервов свободной рабочей силы. Ранее эта задача решалась наймом воинских частей. Так строились шоссейные дороги. «Последние солдаты, высылаемые на государственные работы по устройству шоссе, получали от ведомства путей сообщения или подрядчиков по рублю в день ***.

Но такие рабочие были дороги, и соображения экономии заставляли искать более дешевых. В этом деле на помощь пришли подрядчики. Они хорошо знали, где и у кого искать эту рабочую силу, и брались за поставку ее в любом коли-

---

«Красный архив», т. 76, стр. 89). С назначением на эту должность Клейнмихеля, беспрекословного исполнителя воли и пожеланий Николая I, надобность строительной комиссии отпала, и она была, как новый департамент, передана в главное управление путями сообщ. и публ. зд. Роль комитета Петербурго-Московской железной дороги постепенно тоже сводилась к минимуму, к заслушиванию и одобрению отчетов Клейнмихеля. Последний все больше и больше прибирал дело постройки к своим рукам.

* Граница между этими частями пролегала около деревни Бологое.

** Оба начальника дирекций, и Мельников и Крафт, до назначения их на эти должности, были неоднократно командируемы за границу специально для изучения там железнодорожного строительства. В частности, оба они для этих целей были в Америке. Но так как они все же не являлись практиками, то на срок строительства дороги был приглашен в качестве консультанта строитель американских железных дорог инженер Уистлер, а после его смерти, в 1849 г.,— инженер Броун.

*** Ген.-м. Фабрициус — «Столетие военного министерства. Главное инженерное управление. Историч. очерк, часть 1». СПБ, 1902, стр. 555. Далее автор указывает, что поселенные солдаты никогда не получали заработанных ими денег полностью. Им выдавалась на руки только «нормальная» плата за работы в округах военных поселений — 25 коп. ассиги. в день, считая в том числе деньги на «продовольствие улучшенною пищею». Остальная сумма, заработанная солдатами, обычно шла в общий капитал военных поселений.

честве и в три раза дешевле, чем платили воинским частям. Ее источником являлась масса крепостных и государственных крестьян. Нужно было лишь умело подойти к ее владельцам, и эта несвободная рабочая сила начинала работать еще и на второго хозяина. Голод в неурожайных местностях, большие недоимки крестьян, с одной стороны, и расчеты наличными деньгами, с другой, помогали подрядчикам в сговорах с помещиками и палатами гос. имуществ.

Войти в сделку с подрядчиками оказалось выгодным не только с точки зрения экономии государственных средств, но и из соображений политического свойства. При наличии подрядчика, заключающего от своего имени договоры с рабочими, правительственные организации не входили в непосредственные сношения с ними. Отсюда, в случае недоразумений, недовольства или волнений среди рабочих, правительство всегда имело возможность переложить всю вину на подрядчиков. В этих случаях оно нередко надевало даже личину защитника пострадавших, но, поскольку последними были рабочие, защита никогда не ущемляла интересов подрядчиков.

Приняв такой способ разрешения вопроса о рабочей силе, департамент железных дорог разработал типовые условия найма, постарался согласовать их не с рабочими, а с подрядчиками, и вменил последним эти условия к «неукоснительному выполнению». Почти все пункты этих контрактов были на руку подрядчикам, особенно пункт о «круговой поруке». Наличие одного только этого пункта в контрактах с рабочими обеспечивало подрядчикам безубыточные операции по договорам, заключенным ими с департаментом жел. дорог *.

Подрядчики, как было отмечено, хорошо знали, где раздобыть рабочую силу. Неурожайные, либо испытавшие те или иные бедствия районы были наилучшим полем жатвы для них. Также хорошо они знали, где какую рабочую силу им искать. Западные губернии (Витебская, Могилевская, Смоленская) и Псковская давали наибольшее количество рабочих для земляных работ. Западные губернии притягивали внимание подрядчиков и тем, что там сохранялось еще за помещиком право отдавать любых из своих крестьян на работы по подрядам. В остальной же России в эти годы на работы могли быть направляемы лишь одни недоимщики. Поскольку таковых в стране было достаточное количество, то на земляных работах встречались крестьяне из различных мест, отстоящих иногда за несколько сот километров от линии строительства. На земляные работы, также помимо своей воли, попадала еще одна категория населения. Это были солдаты гренадерских полков, составлявших когда-то (до 1831 г.) военные поселения Новгородской губ. Начальство этих солдат, озабоченное пополнением полковой казны, а нередко и своих карманов, охотно входило в сделки с подрядчиками уже на новых условиях.

Прочие рабочие, нужные для строительства, как плотники, каменщики и т. п., вербовались в Тверской, Калужской, Владимирской губ., а лепщики и маляры — в Ярославской и Костромской **.

Получая от департамента жел. дорог требования на поставку рабочих, подрядчики направляли своих вербовщиков к помещику, в палаты гос. имуществ или конторы удельных имений, и этот аппарат крепостной эксплоатации, а не сами крестьяне, был в первую очередь заинтересован условиями найма. Авансы, полагавшиеся крестьянам при подписании контрактов, целиком удерживались вперед на выплату оброка или покрытие недоимок и оплату паспортов и пр. В связи с этим крестьяне по выходе из деревень во время пути и в первые месяцы работы имели в лучшем случае не свыше трех рублей. Бывало и так, что, придя на работу, крестьянин узнавал, что весь его заработок уже получен помещиком вперед и ему на все время работы необходимо довольствоваться несколькими рублями, а иногда даже одним полтинником ***.

---

* См. донесение ген.-лейт. А. И. Мясоедова, стр. 101.
** Там же, стр. 96.
*** См. ниже, стр. 99.

Таковы были условия контрактации.

Огромные толпы согнанных вербовщиками крестьян представляли собой целую армию, вооруженную заступами, кирками, ломами и пр. Такая армия, превышавшая в некоторые годы строительства 50 000 человек, расположенная вблизи от столицы, беспокоила правительство и власти. Еще не был изжит унаследованный со времен пугачевщины страх перед крестьянским восстанием. Вооруженное восстание военных поселян 1831 г., вспышки крестьянских волнений по всей стране вызывали беспокойство в лагере крепостников. Для многих из них было вполне ясно, что крестьянство готовилось «казаковать и гнать пана». Учитывая это и ожидая возможных волнений на постройке, власти спешили принять соответствующие предохранительные меры. Для наблюдения за «порядком» среди рабочих строительства было организовано «особое при железной дороге полицейское управление». Во главе управления был поставлен ген.-м. князь Белосельский-Белозерский, которому вручили жандармский дивизион и дали в помощь опытных жандармских офицеров.

Официально, для отвода глаз, этому управлению якобы поручалась «защита» интересов рабочих от алчности подрядчиков, как широко о том оповещалось Клейнмихелем. Управлению для вида было вменено в обязанность следить за правильной и своевременной выдачей рабочим заработной платы, за их питанием и бытовыми условиями, за тем, чтобы подрядчики не спрашивали с рабочих бóльшей выработки, чем это положено по «Урочному положению», и т. д. Под этой декларацией Клейнмихеля скрывался все тот же страх перед крестьянским восстанием. Меры, которые предполагали принять жандармы в случае «нарушения порядка» на строительстве, ясно показывают, в чьих интересах было введено упомянутое полицейское управление. А «нарушений порядка» и причин к этому было вполне достаточно.

Выплачивая помещику или казне оброк и подати, крестьяне, отданные на произвол подрядчика, подпадали под невыносимый гнет двойной эксплоатации. Условия их работы на строительстве дороги были исключительно тяжелы. «Урочное положение», специально изданное главным управлением путей сообщения и публичных зданий в 1838 г. для руководства при строительных работах, в 1840 г. было изменено, на основании проделанных опытов, в сторону увеличения выработки. При сводке опытов брались результаты, полученные у здоровых, сильных и «приобыкших» рабочих. Пользуясь этими нормами выработки, инженеры высчитывали потребное количество рабочих для выполнения того или иного задания. Подрядчики получали авансы и вели все дальнейшие расчеты с департаментом железных дорог, исходя из этого «нормального», по расчетам инженеров, количества рабочей силы. На практике же, при исполнении подрядов, всегда уменьшали число рабочих и добивались от них выполнения заданий путем удвоенных объемов выработки. Таким образом, за счет усиленной эксплоатации заподряженных крестьян-рабочих, подрядчики увеличивали свой доход на 100%. Ряд приводимых ниже документов свидетельствует об этом. Наиболее ярко вскрываются эти махинации подрядчиков в донесении ген.-лейт. А. И. Мясоедова, посланного на обследование положения рабочих на строительстве *. Да и сами подрядчики вполне открыто заявляют департаменту, что они заключили такие условия найма, которые обязывают рабочих вырабатывать больше, чем это полагается по «Урочному положению».

Для того, чтобы выполнить такую работу, нехватало ни сил, ни времени. По контрактам нанятые должны были выходить на работы с рассветом и кончать их с наступлением темноты. Сколько темного времени в сутки бывает летом, высчитать нетрудно, и правы те рабочие, которые жаловались, что им приходится работать от «зари до зари» **. Здесь следует отметить, что с началом

* Ниже, стр. 96.

** Отношение помощника нач-ка южной дирекции Загоскина нач-ку полиц. управления дороги бар. Тизенгаузену от 11 сентября 1850 г. (южн. дирекция, 1850 г., арх. № 1168, д. № 53, ч. VII, лл. 377—378.

более темного времени, а именно с половины августа, у рабочих отнималось два часа, полагавшихся на отдых (послеобеденный перерыв). Даже «воскресные» и другие праздничные дни могли быть использованы на работы, и рабочие не имели права отказываться, как это было оговорено в некоторых контрактах. Единственным верным отдыхом были дождливые дни, но, вместе с тем эти дни считались простоями и за них подрядчик высчитывал с рабочих.

Так обстояло с рабочим днем на постройке дороги. Для полноты картины условий труда на строительстве нужно еще добавить, что часто приходилось работать стоя по колени в воде и топях болот. Говорить хотя бы о намеке на охрану труда тоже совершенно не приходится. Об отсутствии охраны труда говорит нам, например, документ о рабочих, заживо погребенных под обвалившимся на них песком при добывании его на карьерах *.

Условия найма не раскрывали крестьянам того положения, в которое их завлекали подрядчики. Узнавали они об этом только с приходом на постройку. Пригнанные за сотни верст крестьяне в первую очередь направлялись на постройку своих жилищ. Хорошо было, если подрядчик нанимал для них сараи или пустовавшие избы в прилегавших к стройке деревнях: там нужно было строить только нары. Гораздо чаще в этих болотистых местах приходилось рыть там, где это было возможно, землянки, а в иных случаях — строить шалаши. Возведенные по указаниям инженеров и подрядчиков «балаганы», или шалаши, из глины и досок набивались доотказа рабочими людьми.

Так обстояло дело с жилищными условиями; не лучше было и со всем остальным «довольствием» крестьян-рабочих на строительстве. Нерегулярное снабжение продовольствием, снабжение зачастую уже испорченными продуктами, нередкие случаи полного отсутствия всего, кроме заплесневевшего хлеба, а иногда и отсутствие хлеба,— все это было обычным явлением на строительстве дороги. Подтверждением могут служить многочисленные жалобы рабочих и сообщения приказчиков и поверенных подрядчиков, выпрашивающих деньги у казны для закупки продовольствия.

Вполне понятно, что хроническое недоедание,— а часто и голод,— а также крайнее напряжение при работе были благодарной почвой для развития всяких эпидемических заболеваний. Тиф, оспа, холера, цынга и прочие болезни были частыми гостями среди рабочих строительства. Условия работы в болотистых местах, скученность в общежитиях еще более содействовали усилению этих эпидемий. Врачебная помощь была поставлена ниже всякой критики. 10—12 лазаретов на несколько десятков тысяч человек было далеко не достаточно. Лечения в этих временных лазаретах почти никакого не было. Рабочие боялись их, так как смерть грозила им там не меньше, чем в шалашах, где они прятались от лекарей. Товарищи по артели укрывали заболевших, ограждая себя этим от лишних вычетов с артели за «лежалые дни» больных. Все это, конечно, не уменьшало эпидемий и вызывало развитие огромной смертности среди рабочих.

Исключительно неблагополучно было на постройке с выплатой заработков рабочим. Полагавшаяся им плата, как было выше отмечено, начинала таять еще до выхода завербованных из деревень. Но, несмотря на это, рабочим все же причиталась еще некоторая сумма, которую они должны были получить на строительстве **. Однако в действительности никто не получал даже и половины этих денег. Вычеты за «лежалые дни», за простои из-за дождей, за прогулы, вычеты за бежавших с работ, получивших авансы при найме, выдача вместо денег вещей по двойной цене *** или квитанций, которые дисконтирова-

---

* Ниже, стр. 66.

** Из этих расчетов надо исключить, конечно, тех крестьян, за которых уже все, им причитавшееся, было получено вперед их помещиками.

*** Главным образом, одежды. Об этом в донесении ген.-лейт. Мясоедова, стр. 96.

лись местными торговцами, причем рабочие теряли 10—20%,— все это значительно снижало заработок. А злоупотребления подрядчиков «круговою порукою», отобранной от артельных рабочих, и всякие обсчеты при приеме работ зачастую сводили заработок рабочего почти к нулю. Иногда рабочий оставался должным подрядчику при окончательных расчетах и попадал в новую кабалу, т. е. должен был отработать свой долг на следующий год.

Особенно беззастенчивым мероприятием, обеспечивавшим барыши подрядчикам, была вышеупомянутая «круговая порука». Этот прием подрядчиков ограждать себя от убытков — даже со стороны «начальства» вызывал нарекания. Но это не мешало тому же начальству следить, чтобы заключенные договоры соблюдались сторонами «свято и нерушимо».

В некоторых условиях на «поставку людей» в пункте о «довольствии» рабочих включался пункт «погребение умерших». Любопытно отметить, что и в распоряжениях департамента начальникам дирекций предлагается назначить места для размещения временных лазаретов и одновременно походных церквей.

По изданным тогда правилам, недалеко от мест наибольшего скопления рабочих, но не ближе двух верст от линии строительства, пооткрывали свои питейные учреждения винные откупщики. Еще в 1842 г. министр финансов граф Канкрин учел возможные доходы от продажи вина рабочим постройки, и его расчеты оправдались. Пьянство настолько разрослось, что стало вредить даже интересам подрядчиков. Они неоднократно обращались в департамент железных дорог с просьбами о закрытии штофных лавочек или «выставок», но последний был бессилен перед откупщиками. Лавочки закрылись лишь тогда, когда были окончены все основные работы на линии и когда схлынули с постройки главные массы рабочих.

Полный произвол, эксплоатация крестьян-рабочих на постройке вызывали со стороны последних тысячи жалоб на подрядчиков. Жалобы были первой мерой защиты материальных интересов. Сперва обращались с жалобой к местному начальству, потом, не получая удовлетворения, шли с нею к высшему, в города. Наконец, что было очень редко, с жалобой доходили и до царя.

Характер всех жалоб был один и тот же. В них жалобщики просили о понуждении подрядчиков уменьшить непосильные уроки, улучшить питание, не принуждать к круговой поруке, не обсчитывать и выдавать своевременно заработки. Не находя защиты у начальства, крестьяне переходили ко второй форме протеста — к отказу от работ *.

Эта форма на языке властей называлась «буйством и неповиновением». Но и это «буйство» не помогало рабочим; тогда они обращались к последнему способу самозащиты — к бегству, к уходу с работ. Более активные способы защиты рабочими своих интересов были весьма затруднены предпринятыми со стороны правительства мерами. Вышеупомянутое полицейское управление дороги в этих случаях оправдывало свое истинное назначение. 1 128 рабочих, «предавшихся буйству и нерадению», жандармские офицеры Вроблевский и Ведринский розгами заставили приступить к работе. Из 728 человек тот же Вроблевский, для приведения их к повиновению приказчику и для «общего поучения», выбрал 80 и приказал наказать 80 ударами плети каждого. В таких делах жандармские «воспитатели» слишком переусердствовали и даже получили указание: не наказывать «публично», при большом скоплении рабочих. Боялись, что это может вызвать лишний «ропот», новые «буйства». Особенно характерным представляется один случай, который имел место при побеге 80 крестьян Витебской губ., Полоцкого у. **. Здесь беглецы-крестьяне, вооруженные дубинками («попирашками»), избили своего ста-

---

* Среди дел о «возмущениях» рабочих на постройке необходимо отметить одно, где мы имеем отказ от работы в связи с понижением расценок и где появляется борьба между «забастовавшими» и «штрейкбрехерами», стр. 96.

** См. стр. 87.

росту и даже жандармского поручика, который нагнал их в пути. По приходе в деревни они категорически отказались возвратиться на постройку, заявляя, что предпочитают ссылку в арестантские роты кабале подрядчика. Одни из них, Матвей Давыдов, ударом «попирашки» свалил с ног поручика и жалел, что не сорвал с него погон,— за что по распоряжению Николая I был предан военному суду *.

М. Крутиков.

I. Поставка рабочей силы

Отношение инж.-полк. Н. О. Крафта в вышневолоцкое городническое управление, февраль 1842 г. **

По приезде моем в Вышний Волочек наняты были мною рабочие для изысканий, производимых мною к Чудову и Твери, ниже справочных цен, доставленных мне из градской думы при отношении от 20 февраля №№ 206 и 207. Узнав ныне, что являются охотники взять поставку рабочих с инструментами и на харчах подрядами еще дешевле, прошу покорнейше оное управление созвать сего дня к 1 часу пополудни всех желающих взять на себя таковую поставку.

Инженер-полковник Крафт.

Лист для переторжки на поставку рабочих людей и подвод, 30 июня 1842 г. ***

Имена лиц, желающих взять поставку рабочих и подвод	За рабочего	За трехконную подводу		За пароконную подводу		За одноконную подводу		
	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	
	Серебром							
Тверской мещанин Дмитрий Степанов Дятлов	44	3	50	2	50	1	50	Отказываюсь. Дятлов.
Тверской мещанин Афанасий Дементьев	45 37	3 3	70 28	2 2	70 23	1 1	70 20	Отказывается. Дементьев, а за неумением грамоты по просьбе его расписался Дятлов.
Тверской ямщик Павел Григорьевич Тарахов	42 35	3 3	45 20	2 2	45 15	1 1	48 12	Павел Тарахов.
Тверской мещанин Василий Арсеньев Попов	40	3	43	2	40	1	45	Отказывается. Попов.
Крестьянин Квакшинской вол. дер. Белицы (Тверского у.) Осип Матвеев.	39	3	40	2	35	1	40	Отказывается. Осип Матвеев, а расписался по просьбе его Максим Васильев.
Той же волости крестьянин дер. Горок Максим Васильев.	38	3	33	2	33	1	30	Отказывается. Максим Васильев.

Переторжку производил корпуса инженеров капитан Гофмейстер. При переторжке присутствовал корпуса топографов капитан Коровников.

---

* Публикуемые ниже документы, разбитые для удобства обозрения на ряд отделов, хранятся в Ленинградских архивах Народного хозяйства и Внутренней политики. Публикуемые документы имеют двойную нумерацию: в скобках — современная, без скобок — старый номер дела.

** Южн. дирекция, 1842 г. (арх. № 1080), д. № 15, л. 11.

*** Там же, лл. 30—31.

Лист для переторжки на поставку чернорабочих, плотников и кочегара для работ по пропитыванию лесных материалов для предохранения их от сырости, 22 ноября 1846 г.*

Переторжка происходила 22 ноября 1846 г.

К торгу явились.	Представили залоги
Купеческий сын Алексей Тыранов.	1/10 часть годовой подрядной суммы, вычитая из первых квитанций по 5%.
Крестьянин Андрей Мараев и ямщик Соснинской пристани Андрей Петунин.	Квитанцию, выданную Мараеву из конторы Трувеллера за поставку рабочих на 1053 р. 96 коп. сер. Квитанцию обратно получил крестьянин Мараев.

Предмет торга	Купеческий сын Алексей Павлов Тыранов	Крестьянин Андрей Мараев с товарищем ямщиком Соснинской пристани Андреем Петуниным	Примечание.
1) За поставку от 20 до 40 чернорабочих постоянных — в день за человека.	38 к., 35 3/4 к., 35 1/4 к., 34 3/4 к., 34 1/4 к., 33 3/4 к., 33 1/4 к.	36 к., 35 1/2 к., 35 к., 34 1/2 к., 34 к., 33 1/2 к. От дальнейшего понижения отказываюсь. Мараев.	По последним ценам [1], на сем торгу состоявшимся, и на условиях, предъявленных, приемлю на себя поставку упомянутых здесь рабочих и в том даю подписку купецкой сын Алексей Тыранов.
2) За поставку от 20 до 40 чернорабочих поденных — в день за человека.	38 к., 37 3/4 к. 37 1/4 к., 36 3/4 к., 36 1/4 к., 35 3/4 к., 35 1/4 к.	38 к., 37 1/2 к., 37 к., 36 1/2 к., 36 к., 36 1/2 к. Отказываюсь. Мараев.	
3) За поставку трех плотников — в день за человека.	67 к., 59 3/4 к., 59 1/4 к., 58 3/4 к., 58 1/4 к., 57 3/4 к., 57 1/4 к.	60 к., 59 1/2 к., 59 к., 58 1/2 к., 58 к., 57 1/2 к. Отказываюсь. Мараев.	
4) За доставку одного кочегара—в день.	48 к., 44 3/4 к., 44 1/4 к., 43 3/4 к., 43 1/4 к., 42 3/4 к., 42 1/4 к.	45 к., 44 1/2 к., 44 к., 43 1/2 к., 42 1/2 к. Отказываюсь. Мараев.	

При торгах присутствовали:
Инженер-подполковник Гергард.
Инженер-капитан Граве 2-й.
Секретарь Коренев.

II. Контракты найма рабочих

Проекты условий контракта найма рабочих, составленные комитетом департамента жел. дор. и подрядчиком Кузьминым с замечаниями комитета к контракту последнего, 15 марта 1846 г.**

Проект условий контракта, составленного комитетом

1. Рабочие люди должны быть здоровые и к земляной работе совершенно способные, не старее 45 и не моложе 20 лет, все с узаконенными видами.

Проект условий контракта, составленного подрядчиком Кузьминым***

1. Рабочие должны быть здоровые и к земляной работе совершенно способные, не старее 45 и не моложе 20 лет, все с узаконенными видами.

* Сев. дирекция, 1849 г. (арх. № 271), д. № 182, лл. 13—14.
** Гл. упр. п. с. и п. ад., Департамент жел. дорог, 1844 г., № 19, лл. 159—168.
*** Сделанные комитетом замечания на условиях контракта подрядчика написаны красными чернилами. (Прим. в подлиннике.)

2. Прибыть нам к назначенному месту и вступить в работу со дня выступления с дому через 00 дней, считая каждый переход в 00 верст. В день отправки из домов, по получении уже нами всех причитающихся по условию денег, следующих к выдаче на самом месте наемки, мы должны быть снабжены от наемщиков узаконенными пропусками, на которых пропишется: число людей, день выхода нашего и по скольку верст в сутки обязались мы итти; пропуски сии по прибытии к месту работ мы обязаны представить в участковую контору подрядчика, где они будут храниться вместе с паспортами нашими до окончательного расчета.

3. По прибытии на место работы и вступлении в работу, конторы подрядчиков обязаны вносить в выданных нам на руки книжках забор деньгами или вещами и выработку, больные, дождевые и прогульные дни; в случае же упущения со стороны конторы, т. е. невыдачи книжек или неверности в записи, рассчитывать нас по показаниям нашим, а в случае потери — выписывать по табелям.

4. Во время пути до места работ и обратно рабочие должны иметь харчи собственные свои, а со дня прибытия на работы будут получать от подрядчика определенное в сем контракте продовольствие.

5. Выходить нам на работу ежедневно, кроме воскресных и нижепоименованных праздничых дней (таких-то); впрочем, в замен поименованных праздников дозволяется нам выбирать другие, лишь бы общее число их, кроме воскресных, не переходило за 00 дней в лето.

6. Всякую земляную работу, как-то: выемку, отвозку, разравнивание, утрамбовку, корчевку пней и так далее по нарядам прикащиков, подрядчика или заведывающего от него работа-

2. Они должны явиться в назначенные им подрядчиком места, начать по получении инструментов работы не позже 25 апреля сего года и продолжать оные до 1 ноября.

Красными чернилами:

Статья эта должна быть разъяснена; в противном случае рабочий, поступивший позже назначенного срока на работы, подлежать будет вычету, хотя бы и не виноват был в позднем приходе.

3. По прибытии на место работ на каждую артель[2], состоящую из определенного числа людей, назначенного подрядчиком, выдана будет особая книжка, в которую местный прикащик будет записывать: рабочие и нерабочие дни (под именем нерабочих дней разумеются дни дождевые, прогульные и прочие, в которые по каким-либо случаям не производилась работа, кроме воскресных и праздничных), количество выработки, выдачу задатков и все заборы деньгами и вещами.

Красными чернилами:

Допустить можно в таком случае, когда из среды артели будет избран рабочий, который снабжен будет тетрадью со скрепою полицейского управления, и в которой записываться должно все то, что предположено в рабочих книжках; дождевые же дни полагать так, как в II ст.

4. Во время пути до места работ и обратно рабочие должны иметь харчи собственные свои, а со дня прибытия на работы будут получать от подрядчика определенное в сем контракте продовольствие.

5. Работы будут производимы ежедневно, кроме воскресных и следующих праздничных дней: 9 мая вознесения господня, 27 мая сошествия св. духа. 29 июня св. апостолов Петра и Павла, 20 июля пророка Илии, 6 августа преображения господня, 15 — успения пресвят. богородицы; впрочем, не воспрещается рабочим людям с согласия подрядчика выбирать для себя вместо поименованных и другие праздники, лишь бы общее число оных не превосходило вышепоказанных дней.

6. Рабочие обязаны выходить на работы и производить оные поурочно[3]. Каждый рабочий в один день должен вынуть с отвозкою за расстояние до 50 саж.: а) обыкновенных грунтов, как-

ми — производить поурочно наравне с лучшими рабочими людьми из одной с нами губернии и в том же участке и на одинаковом грунте, причем во избежание споров можно переводить несколько человек артели, не вырабатывающих свои уроки, в другие, где вырабатывают, для удостоверения или изобличения нас в возможности выработать урок; за недоработки же вычитать по 00 коп. за каждую кубическую сажень.

то: песку, глины, материка и подобных им по полукубической сажени, б) в крепком грунте одну треть, в) в щебенистом одну четверть кубической сажени; далее же 50 саж. до 75 прибавлять за отвозку куб. сажени за каждые 5 саж. погону по 3 коп. сер.; далее же сего расстояния от 75 до 100 саж. вышесказанных добавочных 3 коп. сер. за каждые 5 погонных сажен уже не производить, а убавлять урока, именно: полукубической сажени в первых грунтах вынуть и отвезти $^1/_3$, в крепких вместо трети одну четверть, а в щебенистом вместо четверти $^1/_5$ часть кубической сажени. Но если кто из рабочих сделает более определенного урока, то подрядчик обязан платить таковому за первые грунты с отвозкою до 50 сажен погону от каждой кубической сажени особо, сверх условленной платы, по 70, за вторые по 90 коп. сер., а за остальные и с тою же отвозкою по 1 руб. 10 коп. сер.; далее же сего расстояния платить рабочему за каждые 5 сажен погону от кубика по 3 коп. сер. Равняльщики будут поставлены от подрядчика, а если взяты будут из артели по общему согласию, то полагается особая плата с уменьшением одной трети условленной цены.

Красными чернилами:

Допустить можно с следующими дополнениями и изменениями: 1) вынуть с отвозкою за 50 сажен: а) обыкновенных грунтов, как-то: песок и глину, по $^1/_2$ куб. саж., б) в материке и крепких грунтах по $^1/_3$ куб. саж., в) в щебенистом $^1/_5$ куб. саж.; 2) во всех тех случаях, которые под означенные категории не подходят и где число рабочих для выемки кубической сажени будет определяться по опыту, уроки рабочим задавать не свыше результата опытов, делаемых над рабочими средних способностей к работам; 3) так как здесь исчислены уроки для опытного землекопа, то нельзя допустить, чтобы эти же уроки задаваемы были рабочим менее или вовсе неопытным в этом деле, и, если не уменьшить значительно, то при окончательных расчетах они останутся непременно у подрядчика в долгу и не будут в состоянии возвратиться в дома свои, а, сверх того, во время самых работ для избежания вычетов будут работать до изнеможения сил.

7. Выходить на работу с рассветом дня, сходить по выработке заданных уроков; на обед и отдых по 15 августа полагается два часа; после завтрака и полдника отдыха не должно быть.

8. Если подрядчику понадобится перевести часть или всех нас с одного участка на другой, то до отправки

7. Рабочим полагается до 15 августа на обед и отдых времени два часа; при завтраке и полднике отдыха не иметь; с половины же августа и после обеда отдыха не полагается.

конторе или прикащику, находящемуся при нас, учинить окончательный расчет забору денег, вещей, невыработке, прогульных, больных и дождевых дней; все сие вписать в книжки и обозначить день выхода и по прибытии на новое место записывать, сколько дней проведено нами в пути.

9. За все дни неявки к назначенному сроку на работу по причинам, собственно от нас происшедшим, но уважительным, причитающейся дневной платы не получать. За каждый же прогульный день и самовольную отлучку с работ без основательной на то причины вычитать по 00 коп. сер. За побег вычитать с артели незаработанные бежавшим деньги; в случае невысылки его судом обратно на работу, не производить ему за остальное время нахождения его на работах платы, обращая оную в артель.

10. Никто из рабочих людей не может перейти к другому лицу на работу, хотя бы и в праздничные дни, разве на то последует согласие подрядчика; в противном случае считать сие самовольною отлучкою и вычитать за это, как сказано в 9 пункте.

11. Если по случаю сильного дождя целый день не будет производиться работа, тогда, не вычитая за харчи, подрядчику удерживать денную плату, а ежели погода была такова $^1/_2$ дня и мы выходили на работу, то вычета никакого не делать, т. е. полагать весь день рабочим и считать выработку в полурока.

12. Для устройства лазаретов, содержания больных, на медикаменты и погребение удерживать с каждого рабочего вообще от 15 до 20 коп. сер. в месяц с тем, чтобы уже за сим с больных рабочих, пользованных в лазаретах, кроме дневной платы, никакого другого вычету не производить; с больных же или слабых, остающихся в жилых, нелазаретных балаганах сверх трех дней в течение всего лета, вычет производить по 00 коп. в день, кроме дневной платы.

9. За неявку к 25 числу апреля на работы, как назначено во 2 пункте сего условия, за прогул, пьянство и самовольную отлучку во время работы вычитать с артели рабочих с каждого виновного в день по 50 коп. сер., а за умершего в пути и не явившихся за болезнью вычитать с артели выданные им задатки.

Красными чернилами:

Вычет по 50 коп. с прибывших не в срок допустить можно, если артель не представит в оправдание свое уважительных причин; в противном же случае ограничится удержанием дневной платы.

10. Никто из рабочих людей не может перейти к другому лицу в работу, хотя бы и в праздничные дни, разве на то последует согласие подрядчика; в противном случае считать сие самовольною отлучкою и вычитать за это, как сказано в 9 пункте.

12. Если кто из рабочих сделается болен (чего боже сохрани), то подрядчик обязан его пользовать таким порядком, какой будет установлен для всех вообще артелей, с вычетом с больного за продовольствие на харчи 15 коп. и за медикаменты по 5 коп. сер. в сутки, и плата за те дни не полагается; но ежели кто из рабочих по роду болезней или другим несчастным случаям сделается вовсе к работе неспособным и выданных ему, как задатком, равно и забранных во время работ денег не отработает, то по увольнении его с работ оставшиеся на нем по расчету в долгу деньги вычесть из общей суммы, на артель за работы причитающейся; во всех случаях, в коих будут следовать с рабочих вычеты, они отвечают друг за друга круговою порукою.

Красными чернилами:

Если рабочих склонить можно на это условие, то оно по сделанным соображениям весьма выгодно будет,

13. Подрядчик обязывается за работу нашу по его подряду на С.-Петербурго-Московской железной дороге с означенного в 1 пункте числа и месяца по 1 ноября заплатить договорной цены по 00 руб. 00 коп. сер. на каждого.

14. В счет упомянутой платы 00 руб. 00 коп. сер. подрядчик обязывается выдавать нам или правлению (на каждого поименованного из нас в списке) по следующим срокам:

а) при заключении контракта на получение паспортов и в задаток по 00 р. сер.;

в) к 00 июня по 00 руб. сер.;

с) в продолжение работ на удовлетворение необходимых надобностей по 00 руб. сер. на каждого человека и остальные затем деньги выдать по окончании работ не далее как чрез 00 дней; в случае же неудовлетворения в прописанный срок, подрядчик обязан продовольствовать нас до окончания расчета такою же пищею, какая положена в рабочие дни.

15. Харчи нам должны быть даваемы от подрядчика готовые со дня прибытия на место работ следующие: В постный день кашица со снетками и каша с постным маслом, считая крупы по фунту и снетков по $^1/_4$ ф. на человека; масла один фунт на 10 человек. В скоромные дни кашица или щи с говядиною, свежею или соленою, на каждого человека по 1 ф. в день, и каша с постным маслом в таком же количестве, как в постный день; печеного хлеба ржаного досыта, но с тем, чтобы не продавать хлеб, оставшийся от стола, под штрафом за фунт по 00 коп. сер.; квасу сколько нужно; квартира для рабочих или балаганы должны быть наняты или устроены на счет подрядчика и снабжены сеном или соломою для подстилки; также пользоваться нам еженедельно банею; все на отоплении подрядчика.

как для подрядчика, так и для рабочего и упростит расчет.

13. Подрядчик обязуется уплатить за исправную работу с 25 апреля по 1 ноября, т. е. за 150 рабочих дней, каждому рабочему по столько-то руб. сер., если действительно деньги сии они заработают, а за недоработку, сколько оной окажется, вычитать по тому расчету, как платит подрядчик рабочему за излишнее выработанное количество кубических саженей, как сказано в 6 статье; от каждой артели должен быть поставлен старшина, который обязан вести табель, с лицом, назначенным от подрядчика, и наблюдать за нравственностью и успехами своих рабочих; за это будет сделано, сверх общей платы, особое вознаграждение по условию.

14. В счет договорной платы подрядчик обязывается выдать на каждого рабочего при заключении сего условия по 5 руб. (по получении паспортов по 2 руб., перед выходом на работу по 3 руб. сер.), в исходе июня месяца на наличное число рабочих по 5 руб., исключив из сей последней суммы вычеты, каким рабочие могут подвергнуться в продолжение работ, до срока на удовлетворение необходимых надобностей рабочих, исполнивших свои уроки, до трех руб. сер.; затем остальные выдавать по окончании работ всей артели или кому получение оных предоставлено будет не далее как чрез восемь дней.

15. Харчи рабочим людям назначаются следующие. В постные дни кашица и каша с постным маслом, полагая крупы 10 ф. и масла 1 ф. на 10 человек. В скоромные дни кашица с говядиной свежей или соленой, на каждого человека в сыром ее весе по $^3/_4$ ф. в день,— а больным, находящимся в больнице, по полпорции,— и каша с постным маслом; хлеба ржаного досыта, но продавать и разбрасывать хлеб, оставшийся от стола, воспрещается рабочим под опасением взыскания по 10 коп. сер. за фунт и в штрафах за каждый раз по рублю сер.; квасу сколько нужно, качество оного должно быть такое, как у местных крестьян. Помещение рабочих, как-то балаганы или землянки, должны быть заняты или устроены на счет подрядчика; чистота же в балаганах и починка оных остается на обязанности рабочих. Топку бань чрез две недели, а при крайнем случае еженедельно, должен производить подрядчик.

Красными чернилами:

1) В прошлых годах в постные дни давалась рабочим кашица со снетка-

	ми. 2) Исправление балаганов, которое подрядчик возлагает на обязанность рабочего, несправедливо, ибо он ему сдает старый балаган, между тем как за время, которое употребит рабочий на исправление, считать будет прогулом и вычитать с него по 50 коп. сер. 3) Для поддержания здоровья рабочих нужно не только чрез две недели, а стараться в неделю два раза посылать их в баню.
16. Необходимые и годные к работе инструменты должны быть даны от подрядчика, а по истечении контрактного срока имеют быть сданы обратно в таком виде, в каком они останутся от работы. Если же из данных инструментов в течение работ некоторые повредятся или сделаются негодными, то первые исправлять, а последние переменять подрядчику на свой счет; самые же незначительные повреждения исправлять из готового материала самим нам; за потерю инструментов предоставляется вычитать по стоимости оного.	16. Необходимые и способные к работе инструменты будут даны от подрядчика и по истечении контрактного срока должны быть даны обратно в таком виде, в каком останутся от работы; во время работ починка оных остается на счет подрядчика; за утерянный же инструмент предоставляется вычитать с них цену, в которую обошлась заготовлением оного подрядчику.
17. Платья и обувь, сообразную времени года, мы должны иметь собственные; в случае недостатка мы можем покупать, где пожелаем; если же захотим взять таковую из конторы подрядчика по предварительно объявленной нам цене, то таковые выдачи включать в число заработанных денег.	17. Платья и обувь, сообразные времени года, рабочие должны иметь собственные.
	18. В продолжение всего рабочего времени находиться рабочим, а также и артельщику или старшим, в полном послушании и повиновении как инженерного начальства, так подрядчика, его поверенных прикащиков и вести себя трезво и добропорядочно, а за нетрезвость поступать согласно 8 пункта.
19. Производство работ в праздничные дни, упоминаемые в 5 пункте контракта, может быть допущено только по согласию нашему, но принудить нас к тому никто не может, разве только по распоряжению высшего начальства, и в таком случае подрядчик обязывается заплатить каждому из нас дневное жалованье сверх положенной цены в лето.	19. Если потребуется начальством необходимая в работе надобность в воскресные и праздничные дни, в контракте упомянутые, то рабочие не могут ослушаться и должны вырабатывать также определенный урок, за что подрядчик обязан платить особую поденную плату по 25 коп. сер. за каждый день; сия же самая плата будет определяема в день и за другие работы, в праздничные дни произведенные.
20. Если мороз воспрепятствует дальнейшему производству работ, и мы будем рассчитаны и уволены прежде 1 ноября, то за недожитые дни жалованья, какое причитается по договорной летней плате, не производить.	
21. Если в рабочие дни подрядчику понадобится поставить людей на другие работы, то засчитать им таковой день за отработанный урок.	21. Если в рабочие дни подрядчику понадобится поставить людей на другие работы, то засчитать таковой день за отработанный урок.

22. Контракт сей, засвидетельствованный (там-то), с обоих сторон исполнять свято и ненарушимо; подлинному быть у подрядчика Кузьмина, а копию с оного с засвидетельствованием доверенного Кузьмина у нас.

III. Состав рабочих на строительстве

Отношение подрядчика барона Корфа к нач-ку Северной дирекции П. П. Мельникову, 16 августа 1843 г. *

Вследствие отношения моего от 25 минувшего июля, честь имею уведомить ваше высокоблагородие, что ныне на работах у меня состоит до 1 200 чел.; к тому поступят с завтрашнего числа 2 500 нижних чинов гвардейского корпуса и до 100 белорусских работников; с 22 или 25 сего же месяца — 1 300 нижних чинов гренадерского корпуса и 600 белорусских и гдовских работников. Сверх того, с одной стороны — до 5 000 финляндцев [4], которые должны поступить на работы в течение сего месяца, но по малому числу оных, явившихся по ныне, не могу положительно сказать, поступит ли все означенное количество, а с другой стороны, ожидается приход значительного числа рабочих в IV и V участках из местных жителей по предварительной же с ними сделке, так что я надеюсь к концу месяца иметь назначенное в отношении моем от 25 июля число рабочих. К сему считаю нужным присовокупить, что я уже приступил к постановке земляной машины к Степановской насыпи.

Статский советник барон Корф.

Из письма пахотного солдата А. Петрова к главноуправляющему гр. П. А. Клейнмихелю, 20 декабря 1844 г. **

...Поселяне всех вообще новгородских округов, по неурожаю в продолжение нескольких лет сряду хлеба, до того обеднели, что не только не в состоянии находятся вырабатывать казенные повинности, но даже с большим затруднением пропитывают себя и свои семейства, имея подряд ныне на поставку плотников и чернорабочих к строющемуся Новоисакиевскому мосту до 100 чел., с платою за каждые сутки по 23 коп. сер. на человека, каковая цена столь умеренна, что едва может доставать на пропитание людей, и, сверх того, за каждое бездельное упущение делаются вычеты.

В сем затруднительном положении для поселян я решился пасть к стопам вашего сиятельства и всенижайше просить о допущении меня с поселянами к выемке земли, производящейся близ С.-Петербурга при устройстве новой железной дороги, без всякого взносу по недостаточному моему состоянию в казну залогов с понижением противу прочих подрядчиков по 10 коп. с рубля, а для произведения сей работы я могу выставить до 1 000 чел. чернорабочих и до 300 конных подвод, с тем, что во время производства таковых работ выдавать сумму денег мне только для пропитания людей, а остальные затем заработанные деньги могут оставаться в казне до окончания работ в виде залогов, дабы с окончанием оных работавшие поселяне могли поддержать свои семейства и внести казенные повинности.

Пахотный солдат Архип Петров [5].

---

* Сев. дирек., 1842 г. (арх. № 65), д. № 52, л. 83.
** Сев. дирек., 1844 г. (арх. № 138), д. № 103, ч. II, лл. 163—164 об.

Отношение Московской палаты госуд. имуществ к нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 5 апреля 1845 г. *.

Г. министр государственных имуществ циркулярным предписанием от 17 декабря, за № 817, между прочим, дал знать палате, что по случаю начатого устройства С.-Петербурго-Московской железной дороги его сиятельством найдено нужным разрешить отдачу неплательщиков в земляные на оной дороге работы из ближайших губерний. После сего г. управляющий тамбовскою палатою государственных имуществ, отношением от 10 февраля, за № 146, уведомляя, что во исполнение означенного предписания г. министра он сделал распоряжение о назначении нескольких неплательщиков на дорожные работы на С.-Петербурго-Московской железной дороге, просит уведомления, где предпочтительно в ближайших от Москвы пунктах можно употребить для работ на железной дороге крестьян Тамбовской губ., и за каковую плату с 1 мая по 1 ноября, и согласны ли будут подрядчики принять рабочих людей на условиях, в нормальном контракте г. министром одобренных.

Вследствие чего палата государственных имуществ относилась в правление 4 округа путей сообщения, прося оное доставить г. управляющему требуемые им сведения, на что правление уведомило, что железная дорога в ведомстве 4 округа не состоит и московская часть ее принадлежит к Южной дирекции, которая находится под ведением вашего высокоблагородия. Почему палата государственных имуществ, препровождая копии с нормального контракта на отдачу неплательщиков на железную дорогу и с наставления управлениям государственных имуществ по сему предмету, покорнейше просит вас, м. г., уведомить от себя г. управляющего тамбовскою палатою касательно требуемых им сведений.

Асессор Челыцов.

Из предложения помещика Виленской губернии П. О. Вержбицкого о порядке прокормления крестьян, пришедших из неурожайных губерний на работы по постройке Петербурго-Московск. жел. дороги, 23 апреля 1846 г. **.

Для земляной работы поставил я в прошлом 1845 г. подрядчику Шарвину с Псковской губ. 92 чел., из числа коих умерло 25 чел. Таковой непомерный урон людей последовал от болезней: цынготной и горячки, происшедших, вероятно, от влияния атмосферического, но, по моему мнению, более от быстрого перехода к сытому довольствию после скудной пищи в Псковской губ. по случаю неурожая.

Для предупреждения подобных последствий предположение частного человека не может принесть существенной пользы потому, что, где участвует много людей, там много и разнообразных мнений. Одно только высшее начальство может сделать положительные правила, как должно обращаться с людьми, вновь приходящими на современную работу с неурожайных мест...

По сему поводу составил я периодические наблюдения о времени употребления людей к делу и о их продовольствии для сохранения здоровья.

Если ваше сиятельство удостоите взгляд мой полезным для человечества, то я в этом отношении сочту себя счастливым.

---

* Южн. дирек., 1845 г. (арх. № 1462), д. № 284, л. 1.

** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, 1844 г., д. № 19, лл. 198—199.

1) Пришедшим людям с неурожайных губерний давать совершенный отдых трое суток.

2) Сначала 7 дней довольствовать их одною кашицею, попеременно из разных круп, без говядины, приправленною топленым маслом, свиным или говяжьим жиром, и класть оный в то время, когда кашица еще на огне. Хлеб назначать 3 фунта на одного человека, разделив на 3 порции в день.

Хлеб должен быть хорошо выпечен. Для питья варить хороший хлебный квас с мятою, не прибавляя к гуще сырой воды.

3) По прошествии 7 дней — то же число хлеба, а кашицу варить с говядиною, не более 1/3 фунта на каждого человека, добавив еще кашу размазню, попеременно с конопляным маслом или жиром, перемешав оный во время варенья, а не тогда, когда каша на столе.

4) По прошествии 14 дней, оставляя людей на том же продовольствии, добавить еще 1/3 фунта говядины на человека, чтобы кашица была питательнее.

5) По прошествии же 21 дня дозволить людям из неурожайных губерний употреблять пищу наравне с прочими.

6) В продолжение 21 дня полезно было бы тотчас после обеда давать по одной чарке вина для согревания желудка и пищеварения.

Я полагаю, если правила сии будут исполняемы, то результат может быть удовлетворителен.

Помещик Виленской губ. Петр Осипов сын Верж бицкий.

Отношение нач-ка Южной дирекции Н. О. Крафта в палаты государственных имуществ и удельные конторы (Московскую, Новгородскую и Тверскую), 8 сентября 1846 г.*

Г. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, в проезд свой через гор. Тверь, найдя число рабочих при производстве земляных работ на Южной дирекции С.-Петербурго-Московской железной дороги недостаточным, изволил приказать подрядчикам земляных работ выставить немедленно к имеющемуся уже числу рабочих:

В I участке, от Москвы на 51 версту протяжения, 2 500 рабочих и 500 лошадей с проводниками и телегами для отвозки земли;

во II участке, имеющем от конца I 42 версты протяжения, 1 000 рабочих и 300 лошадей;

в III участке, на его протяжении от конца II до гор. Твери — 57 верст, 500 рабочих и 300 лошадей;

в IV участке, от Твери к Волочку на 54 версты длины, 300 рабочих;

в V участке, от конца IV до Вышнего Волочка на 54 версты, 700 рабочих и 500 подвод;

в VI участке, от Вышнего Волочка на 47 верст длины, 1 000 рабочих и 300 подвод.

Наряд этот подрядчиками и по сие время не выполняется, а потому для содействия им в найме рабочих имею честь обратиться с покорнейшею просьбою в оную палату (контору) о сделании, буде возможно, распоряжения, дабы из ближайших к линии железной дороги деревень были выставлены рабочие на собственном их продовольствии и с тем, чтобы инструменты и прочие для работ необходимости получать от подрядчиков с вычетом за оные причитающихся денег из контрактной цены на земляные работы, присовокупляя, что контрактные цены по расценочной ведомости суть следующие:

* Южн. дирек., 1845 г. (арх. № 1164), д. № 53, ч. III, лл. 230—231.

1) собственно за выемку земли:

В I и II участке по 3 рабочих на куб. саж. и по 31½ коп. сер. за рабочего = 94,5 коп. сер.

В III участке по 2½ рабочих × 31½ коп. за рабочего = 77,75 коп. сер.

В IV и V по 2 рабочих × 31½ коп. сер., за рабочего = 63 коп. сер.

В VI участке производится выемка разных грунтов согласно Урочного положения, полагая за рабочего также 31½ коп. сер. в день.

2) За выемку и отвозку земли за расстояния по той же цене за рабочего, т. е. по 31½ коп. сер., расчет значится в прилагаемой при сем в копии выписке из контракта, заключенного на земляные работы.

Если сие требование может быть исполнено и если какое будет сделано по сему предмету распоряжение, то имею честь покорнейше просить сколь возможно скорее меня уведомить.

Полковник Крафт.

IV. Полиция на строительстве жел. дороги

Отношение начальника полицейского управления Петербурго-Московской жел. дороги кн. Белосельского-Белозерского к начальнику Северной дирекции П. П. Мельникову, 24 сентября 1843 г.*

Прилагая у сего копию с предписания, мною полученного от генерал-лейтенанта Рокасовского, покорнейше прошу ваше высокоблагородие сделать с вашей стороны соображение, не полезно ли бы для предупреждения могущих со временем возникнуть беспорядков при имеемом в виду огромном стечении народа на работах, в будущем году предположенных, назначить некоторые пункты такового наибольшего скопления рабочих, которые, вероятно, найдутся в тех местах, где значительнейшие земляные насыпи, воздвигаемые в болотах, вообще непроходимых, имеют сообщение с населенными окрестностями посредством одних лишь малочисленных дорог, каковые земская или военная полиция могли бы занять караулами, без лишнего отягощения.

Равно, приобретенный нами опыт при многократном производстве работ, конечно, послужит вам к приисканию других еще средств, клонящихся к той же цели; например, казалось бы возможным обязать приказчиков, от подрядчиков приставленных к работам, делать переклички и в особенности замечать тех людей, кои от работ под предлогом болезни отклоняются, ибо от таковых ожидать можно ночных отлучек скорее, нежели от людей, коих прилежная денная работа утомила. Надеясь возвратиться чрез несколько дней в расположение вверенной вам дирекции, я ожидать буду письменного отзыва и мнения вашего по сему предмету при будущем свидании; а равно и небольших семи топографических планов тем с ближайшею окрестностью местам, где наибольшее скопление народа в будущем году предполагается.

Генерал-майор князь Белосельский-Белозерский.

Доклад П. А. Клейнмихеля Николаю I об организации на время строительства Петербурго-Московской жел. дороги особого полицейского управления, 15 марта 1844 г.**

В нынешнем 1844 году будет находиться на работах по линии С.-Петербурго-Московской железной дороги более 35 000 вольнорабочих.

---

* Сев. дирек., 1843 г. (арх. № 83), д. № 69, лл. 1–2.

** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, канцелярия, 1844 г. (арх. № 24), д. № 331, лл. 1—2.

Число это столь значительно, что необходимо иметь особый присмотр, который бы, сколько ответствовал за сохранение между рабочими надлежащего порядка, столько же имел бы об них попечения.

Для чего я предлагаю учредить особое полицейское управление, поручив оное состоящему при мне генерал-майору князю Белосельскому-Белозерскому, а на каждую дирекцию железной дороги назначить под его команду особых штаб- и обер-офицеров по мере действительной в том надобности.

Обязанностью этого полицейского управления будет:

1) Чтоб рабочие были хорошо и удобно размещены.

2) Чтоб все они были довольствуемы от подрядчиков сытною и свежею пищею и в достаточном количестве.

3) Чтоб больные были своевременно призрены и каждый из них получал надлежащую помощь и

4) Чтоб подрядчик расплачивался с рабочими своевременно и правильно.

Всеподданнейше доводя до сведения вашего императорского величества о таковых предположениях моих, я осмеливаюсь испрашивать на оные высочайшего вашего величества разрешения, а с тем вместе дозволения на производство всем тем лицам, которые по сей части употреблены будут, порционов и прогонных денег, по положению, в главном управлении путей сообщения и публичных зданий для военных чинов и чиновников особых при мне поручений существующему, из операционных сумм железной дороги.

Примечание. На основании особого высочайшего повеления 4 февраля 1843 г. всем адъютантам моим и чиновникам особых поручений как военным, так и гражданским, во время командировок по делам службы производятся порционные деньги от пяти до десяти рублей ассигнациями в сутки и выдаются двойные по положению прогоны.

Вместе с сим я осмеливаюсь испрашивать о командировании из военного ведомства на время работ в полицейское управление 4 медиков и 8 фельдшеров с производством им также из операционных сумм прогонных и порционных денег на общем положении, по военно-медицинскому ведомству существующим.

[Гр. Клейнмихель] *

Доклад главноуправляющего П. А. Клейнмихеля Николаю I 30 марта 1844 г. **

Ваше императорское величество по всеподданнейшему докладу моему о необходимости учредить особое полицейское управление для

---

* На подлинном следующая резолюция: «Государь император высочайше повелеть соизволил: 1) исполнить согласно предложению, в сем докладе изложенному, исключая медиков, по недостатку которых в военном ведомстве его величество велел приискать из числа вольнопрактикующих, с платою им из операционных сумм сей дороги, 2) чтоб для пользования рабочих учреждены были вблизи работ со стороны подрядчиков временные лазареты, 3) чтоб в местах работ по удобности поставлены были временные походные церкви, сколько таковых по месту и числу рабочих необходимо будет, дабы рабочие могли в воскресные и праздничные дни слушать божественную литургию, 4) снестись с графом Бенкендорфом, нельзя ли будет дать в учреждаемое полицейское управление для большего порядка жандармских офицеров и нижних чинов, сколько таковых отделить возможно будет. Граф Клейнмихель».

** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, канцелярия, 1844 г. (арх. № 24), д. № 331, лл. 13—15.

надзора за рабочими по устройству С.-Петербурго-Московской жел. дороги высочайше повелеть соизволили снестись с генерал-адъютантом графом Бенкендорфом, нельзя ли назначить в полицейское управление для большего порядка жандармских офицеров и нижних чинов, сколько таковых отделить возможно будет.

Генерал-адъютант граф Бенкендорф, вследствие отношения моего о сем, уведомляет, что он находит возможным назначить в полицейское управление офицеров и нижних чинов вверенного ему корпуса в следующем составе:

Штаб-офицеров — 2; обер-офицеров — 6; унтер-офицеров — 10; нижних чинов — 72.

Команду сию граф Бенкендорф полагает разделить на две равные части и, поручив каждую из них в заведывание штаб-офицера, расположить для наблюдения за рабочими на протяжении железной дороги: одну по С.-Петербургской и Новгородской, а другую по Тверской и Московской губерниям.

При сем граф Бенкендорф просит уведомить его: на каком положении относительно довольствия и помещения будут состоять нижние чины, и какая будет назначена сумма для содержания офицеров, которые, по обязанности этой службы, должны будут делать поездки по проселочным дорогам.

Приступая к распоряжениям по учреждению полицейского управления, я осмеливаюсь испрашивать высочайшего вашего императорского величества разрешения на производство штаб-и обер-офицерам и нижним чинам корпуса жандармов из операционных сумм железной дороги следующего довольствия:

Штаб- и обер-офицерам:

1) Единовременно на проезд к месту и обратно по окончании работ. Прогоны по положению и на путевые издержки равную прогонам сумму *.

2) Для разъезда на месте каждым по соответствующей дистанции:
штаб-офицерам по 60 руб. сер.
обер-офицерам по 30 руб. сер. в месяц.

Примечание. За таковым назначением разъездных денег, особых прогонов для разъездов на месте работ не полагается.

3) Порционных денег во все время нахождения на линии железной дороги, по примеру тому, как производятся таковые офицерам и чиновникам главного управления путей сообщения и публичных зданий:
штаб-офицерам — по 1 руб. 50 коп.
обер-офицерам — по 80 коп. в сутки.

Нижним чинам:

1) На проезд к месту работ и обратно кормовых денег на каждого по 15 коп. сер. в сутки.

2) Во время нахождения на местах работ порционов также по 15 коп. в сутки каждому.

Сверх того, всем штаб- и обер-офицерам и нижним чинам обывательские квартиры по отводу, на общем основании.

[Гр. Клейнмихель] **

---

* Всего на прогоны, разъезды и порционы как штаб- и обер-офицерам, так и нижним чинам, примерно до 4 000 руб. сер. (Прим. в подлиннике.)

** На подлинном резолюция: «Государь император повелеть соизволил исполнить согласно моему предположению, в сем докладе изложенному». 6 апреля 1844 г. Гр. Клейнмихель».

Отношение департамента жел. д. нач-ку Северной дирекции П. П. Мельникову, 12 июня 1844 г.*

Департамент железных дорог уведомляет вас, г. полковник, что г. главноуправляющий по рапорту генерал-майора князя Белосельского-Белозерского о невозможности иметь деятельного полицейского надзора по 4 участку вверенной вам дирекции, пока не будет окончена в сем участке постройка временной дороги, приказал ускорить постройкою.

Директор Фишер.

Предписание главноуправляющего П. А. Клейнмихеля нач-ку полиц. управл. дороги Белосельскому-Белозерскому, 27 июня 1845 г.**

В рапорте № 532 ваше сиятельство доносите, что дистанционный офицер корпуса жандармов прапорщик Вроблевский, удостоверясь в справедливости жалобы прикащика о неповиновении 728 рабочих при деревне Борках, собрал всех сих рабочих и наказал из них 80 человек розгами, дав каждому по 80 ударов.

Находя неуместным дозволить производить таковые общие наказания дистанционным офицерам, я поручаю вашему сиятельству не письменно, но словесно приказать о сем начальникам отделений с тем, чтобы они в таковых случаях действовали с надлежащею рассмотрительностью и ответственностью.

Граф Клейнмихель.

Рапорт нач-ка полиц. управл. Петербурго-Московской жел. д. Белосельского-Белозерского главноуправляющему П. А. Клейнмихелю, 21 сентября 1845 г.***

По предписанию вашего сиятельства от 10 сего сентября, № 9, дабы полицейское управление отнюдь не стесняло действий подрядчика вмешательством в хозяйственные дела, но напротив того оказывало бы должное содействие к успеху работ, я при будущем осмотре моем обращу особое на это наблюдение.

Между тем честь имею донести вашему сиятельству:

1) Жалоб на произвольное наказание прикащиков подведомственными мне чинами ко мне не доходило, исключая одной, лично изъясненной подрядчиком Шарвиным 1 сего сентября о нанесенных якобы побоях прикащику на 4 участке Южной дирекции Костину будто бы за объяснение его о невыработке рабочими на том участке уроков, по каковой жалобе в тот же день предписано начальнику 3 отделения произвесть следствие.

2) Жалоб на вмешательство в хозяйственные распоряжения также не поступало и такового вмешательства никто не делал, исключая обязанностей, лежащих на полиции относительно доброкачественности пищи и снабжения лазаретов всем потребным.

3) Что же касается до того, что в жалобах прикащиков не обращается внимание на леность и нерадение рабочих людей, то по имеющимся сведениям видно, что офицеры полицейского управления даже слишком решительно действовали и много брали на ответственность

---

* Сев. дирек., 1844 г. (арх. № 104), д. № 90, л. 55.

** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, канцелярия, 1845 г. (арх. № 38), д. 5, л. 1.

*** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, канцелярия, 1845 г. (арх. № 38), д. № 5, лл. 2—3.

свою в случаях лености и неповиновения рабочих,— о чем и ваше сиятельство изволили заметить в секретном от 27 июля из гор. Вытегры № 8 предписании на рапорт мой от 15 минувшего июля № 532, но, между тем, как изъяснено в оном, дистанционные офицеры Вроблевский и Ведринский 1 128 чел., предавшихся нерадению и буйству, строгими мерами заставили вырабатывать уроки. Таким точно образом в 3-м и 4-м отделении решительно взбунтовавшиеся 793 чел. так, что из них 93 чел. отказались в повиновении и наговорили грубости полковнику Крафту, как донесено мною в июне месяце за №№ 434 и 435, усмирены, поставлены на работу и продолжают оную. Кроме этих важных происшествий, которые без офицеров полицейского управления непременно имели бы дурные последствия, при личном осмотре моем беспрестанно видел я, что главнейшая деятельность офицеров направлена на преследование неповиновения и лености рабочих, и известны мне пункты, где одними жандармами содержится порядок между рабочими, ибо до перевода их на оные по просьбам прикащиков, сии последние не решались даже иметь в своих конторах ночлег. Почему убежденный в неосновательности жалобы на несодействие в сем случае подведомственных мне чинов, долгом считаю вашему сиятельству доложить, что многие из прикащиков не исполняют требований офицеров по возложенной и строго взыскиваемой с них обязанности, что они позволяют себе ослушание из уверенности в безнаказанности, каковая уверенность доводит их до грубости, почему я полагал бы дозволить начальникам отделения за ослушание прикащиков из мещан и крестьян подвергать телесному наказанию, а из купцов — суточному аресту на хлебе и воде с исправлением должности по письменной и счетной части.

Генерал-майор Белосельский-Белозерский.

Рапорт нач-ка V участка Южной дирекции инж.-майора Штукенберга нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 3 сентября 1848 г.*

При появлении эпидемической холеры в местах, прилегающих к работам вверенного мне участка, многие рабочие убежали с работ, о чем я сообщил начальнику 3 отделения полицейского управления подполковнику Дурново рапортом от 6 июля за № 774, прося его сделать зависящие распоряжения, чтобы прекратить побеги. В ответ на это я получил от него отношение от 17 июля за № 184, которое в копии при сем имею честь представить вашему превосходительству. Из этого отношения видно, что г. подполковник Дурново бегство рабочих некоторым образом оправдывает страхом, который ими овладел при появлении холеры, и что он изъявляет всю готовность прекратить побеги и предоставляет распорядиться этим мне с помощью двух или трех жандармов. Но распоряжения его не вполне соответствуют этому предложению. Когда болезнь начала проходить, рабочие стали возвращаться на работу, тогда по распоряжению полицейского управления жандармы тотчас брали их и, выстригши половину головы, секли.

Это произвело результат весьма вредный для успеха работ, ибо рабочие после наказания опять все ушли, и те, которые, по дошедшим до меня сведениям, уже были на походе к возврату, услышав о такой их ожидаемой встрече, обратились опять домой. От таковой артели возвратившихся рабочих явился ко мне на Спировских работах один рабочий, уже с остриженной до половины головой, и просил защиты от телесного наказания, ему обещанного. Я отправил этого рабочего с ка-

* Южн. дирек., 1848 г. (арх. № 1713), д. № 531, лл. 14—15.

зенным десятником к жандарму, с тем, чтобы наказание было отложено, но, несмотря на это, жандарм привел его в исполнение, и вся артель рабочих, от которой ко мне был означенный посланный, вслед за сим убежала.

Донося об этом вашему превосходительству, покорно прошу сделать зависящее распоряжение, чтобы полицейское управление не делало подобных распоряжений, клонящихся к замедлению работ, успехом которых озабочено и высшее начальство.

Начальник V участка Михаил Штукенберг.

V. Условия труда на земляных работах

Предписание нач-ка Южной дирекции Н. О. Крафта подрядчику Шарвину, 20 мая 1845 г. *.

При осмотре мною работ близ дер. Меженевой по III участку Южной дирекции рабочие принесли мне жалобу, что их заставляют вопреки контракта вырабатывать по одной кубической сажени в день, что сею усиленною работою их совершенно изнурили, и за недоработки приказчик их наказывал розгами, и что произведенная ими работа не зачтена. Объявляя подрядчику Шарвину о таковых противузаконных поступках его приказчиков, каковые происходят от того, что Шарвиным не выставлено необходимого числа рабочих по нарядам, ему выданным, и что он чрезмерными уроками намерен заменить назначенное число по наряду, предписываю немедленно распорядиться, чтобы на всех пунктах для производства работы было выставлено надлежащее число рабочих [7], чтобы они были снабжены землекопными инструментами и тачками, в которых во многих местах оказывается недостаток, и чтобы рабочие не были изнуряемы излишнею и чрезмерною работою [8]. В особенности предписываю усилить рабочих на выемке близ дер. Мисеревой.

Полковник Крафт.

Предписание главноуправляющего П. А. Клейнмихеля нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 29 мая 1846 г. **

Подрядчики С.-Петербурго-Московской железной дороги, по предъявлении им рапорта, бывшего от 20 сего мая 2532, о недостатке рабочих на вверенной вам дирекции, объяснили, что хотя по наряду, им данному, потребность рабочих и исчислена до 33 000 чел., но, по соображению их, для окончания предположенных в настоящем году работ достаточно будет 20 000 чел. [9], ибо нанятые ими рабочие, по силе заключенных обязательств, должны вырабатывать более, нежели сколько требуется урочным положением, на котором основано исчисление инженерного начальства. Что если каждый рабочий выработает до 40 куб. саж., то и тогда все работы, определяемые нарядом настоящего года, должны быть окончены, но нанятые ныне рабочие обязаны вырабатывать обыкновенных грунтов до 70 куб. саж., и против этого количества выработки ни от начальств и разных ведомств, с которыми заключены условия, ни от самих рабочих никаких возражений и затруднений встречаемо не было, и что, наконец, по 19 мая на Южной дирекции находилось до 19 000 рабочих, а в настоящее время должны уже явиться и остальные.

---

* Южн. дирек., 1845 г. (арх. № 1163), д. № 53, ч. II, л 102.
** Там же, 1846 г. (арх. № 1164), д. № 53, ч. III, лл. 142—143.

Предписываю вам, г. полковник, донести мне: могут ли работы нынешнего года быть исполнены так, как предполагают подрядчики, и сколько именно в настоящее время находится у вас рабочих.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями ген.-ад. гр. Клейнмихель.

Отношение тверского гражданского губернатора А. П. Бакунина к нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 27 января 1847 г. *

Тверской земский суд донес мне, что 17 сего января близ деревни Рагодина и Малицкой слободы засыпало песком двух крестьян, возивших оный для железной дороги.

Имея в виду, что и прежде сего было два подобных случая, обязываюсь просить ваше высокоблагородие принять меры к предупреждению на будущее время подобных несчастных случаев и о том, что вами будет сделано, не оставить меня без уведомления.

Гражданский губернатор Бакунин.

Предписание нач-ка V участка инженер-майора Штукенберга подрядчикам земляных работ, 7 июля 1848 г. **

Для предохранения рабочих от простуды, опасной во время открывшейся эпидемической холеры, поставляю вам в обязанность немедленно снять рабочих с работ в мокрых и вообще болотистых местах и перевесть на места сухие.

Начальник 5 участка майор Штукенберг.

Прошение арзамасского купеческого сына Крылова, доверенного от подрядчиков земляных работ, нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 19 октября 1848 г. ***

Канцелярия вашего превосходительства объявила мне резолюцию, положенную на просьбе моей, от 17 числа поданной, что по последним квитанциям августа месяца выдача денег не может быть разрешена до окончательного удовлетворения рабочих людей, а теперь выдадутся только по одной квитанции в 1 700 руб. за вычетом задатков и то на удовлетворение в Волочке за взятые для рабочих полушубки и сапоги. На сие имею честь почтительнейше объяснить вашему превосходительству не безызвестно, что для работ земляного полотна по некоторым квитанциям августа месяца получены последние деньги 3 570 руб. сентября 29 дня и с тех пор, не имея от казны более никаких денежных получений, рабочие, продовольствуясь столь малою суммою, дошли наконец до такой крайности, что по третьему и четвертому участку осталось одного только хлеба печеного, крупы и другой провизии на продовольствие людей не более, как на два дня, по прошествии коих рабочие должны неминуемо оставаться без пищи. Из пятого и шестого участка также извещают меня, что там остается провизии самое незначительное число, тоже не более как на три или четыре дня, и по этому случаю нарочно прислан сюда прикащик, который ожидает денег на покупку продовольствия. На второй участок необходимо нужно послать

---

* Южн. дирек., 1847 г. (арх. № 1623), д. № 442, л. 1.
** Там же, 1848 г. (арх. № 1167), д. № 53, ч. VI, л. 215.
*** Южн. дирек., 1848 г. (арх. № 2718), д. № 190, лл. 371—372.

92 полушубка рабочим, не имеющим теплой одежды, которых ждут другую неделю, и, не получая оных, прислали сюда нарочного старшину, а сами по холодному времени оставили работу впредь до присылки шуб; между тем несколько раз жаловались полицейскому начальству, а оное строжайше предписывает мне о исполнении приказаний, которых я не в силах исполнить, находясь почти двадцать дней без денег и без всякого другого пособия.

А потому убедительнейше прошу ваше превосходительство, обратите милостивое ваше внимание на столь стеснительное и жалкое положение работ, не оставьте разрешить выдать мне деньги по последним квитанциям августа месяца, коих состоит с небольшим на 5 000 руб. за вычетом из оной суммы задаточных; этими, хотя и небольшими деньгами, но я мог бы поддерживаться покупкою продовольствия для рабочих, без которого они никак обойтись не могут.

Доверенный арзамасский купецкий сын К р ы л о в руку приложил *

Гор. Тверь.

Отношение нач-ка полиц. управления Петербурго-Московской жел. дороги полковника Тизенгаузена нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 26 декабря 1850 г. **

Вследствие отношения ко мне помощника вашего превосходительства г. инженер-подполковника Загоскина от 11 сентября, за № 4965, я предписывал начальнику 4 отделения майору Аврамову от 23 числа того же месяца, за № 697, который рапортом своим от 13 декабря, за № 477, донес мне, что претензии рабочих людей подрядчиков земляных работ Шарвина, Кузьмина и К-о действительно были частью справедливы, но по сделанному побуждению подрядчиков к отстранению оных во время проезда Аврамова по линии железной дороги 19, 20 и 21 сентября рабочие люди отзывались довольными пищею; одни лишь из них просили истребовать им деньги на теплую одежду, другие жаловались на большие уроки, которые по проверке производителями работ найдены сходными против заключенных контрактов и даже уменьшенными, но что и за сим один из гг. производителей работ на 5 дистанции поручик Валицкий неоднократно жаловался ему, т. Аврамову, на леность рабочих. Недоплоченные деньги подрядчиками кому следовало из рабочих по контрактам по требованию его, Аврамова, были розданы. Все те рабочие, которые просили ваше превосходительство о выдаче им денег на обувь, получили оные согласно контрактов сполна, прежде, в течение лета, из которых обязаны были иметь и обувь. Вычета с тех рабочих, которые от Клина были обращены на работы к Кольцову, никакого не сделано, и с производивших работу в Кольцовской выемке вычетов за недоработку по большому расстоянию отвозки земли тоже никаких не сделано и недоработки на них в книжках вовсе не писались. Имевшим нужду в обуви рабочим, за работы которых получали деньги сами помещики, как помещица Вознесенская, выданы

* Резолюция Н. О. Крафта: «Предоставляется Крылову требовать денег от (подрядчиков) Кузьмина и К-о, которыми получено гораздо более, чем они могут заработать, а потому, по всей справедливости, все деньги, по квитанции поступающие, должны непременно быть удержаны на покрытие долгов подрядчиков, которые не исполнили ни нарядов, ни приказаний г. главноуправляющего о усилении работ в продолжении целого года, ни даже уплатили за ними числящихся долгов разных деревень крестьянам за конную возку с 1845 г.».

** Южн. дирек., 1850 г. (арх. № 1169), д. № 53, ч. VIII, лл. 1—2.

были сапоги, а некоторым и на рубахи деньги. Гороху в пищу рабочим вообще по контрактам не полагалось. Что же касается до дурной говядины, случавшейся до 1 августа, то это происходило от дальней доставки оной на пункты работ в летнее время, которой в течение двух месяцов испортилось и, по приказанию его, г. Аврамова, и начальником дистанций, было зарыто в землю более 160 пуд., с заменою вдвойне свежею говядиною. Пища для рабочих подрядчика Калистратова действительно была несколько времени не очень хороша по дурному распоряжению доверенного его Шошина, но он за допущение этого был отстранен.

Обо всем вышеписанном считаю долгом уведомить ваше превосходительство.

Начальник управления корпуса жандармов полковник
бар. Тизенгаузен.

VI. Болезни среди рабочих

Рапорт инженер-капитана Липина нач-ку Северной дирекции П. П. Мельникову, 8 августа 1843 г.*

Г. производитель работ на 2 отделении вверенного мне участка, поручик Шландер, доносил мне, что заболевающие рабочие на работах при дер. Степановской скрываются в разных местах селения, дабы не быть отвезенными в больницу, и чрез то прикащики барона Корфа находят затруднение в осмотре оных и отправлении в больницы требующих медицинского пособия. Вместе с тем он предлагает следующую меру для отвращения этого беспорядка: нанять от подрядчика особую избу, в которую должны являться все заболевающие рабочие, и объявить всем рабочим, что тем из них, которые отлучатся с работ и не явятся в эту избу, будет считаться прогулом все время, которое они не будут при работах.

По мнению моему, эта мера основательна и облегчит подрядчику исполнение 10-го пункта контракта и инженерному начальству наблюдение за исполнением сего пункта, а потому я предложил эту меру поверенному г. барона Корфа г. надворному советнику Яковлеву, о чем сим честь имею донести вашему высокоблагородию.

Корпуса инженеров путей сообщения капитан Липин.

Предписание главноуправляющего П. А. Клейнмихеля главному медику путей сообщения К. П. Миллеру, 23 апреля 1844 г.**

В нынешем году на устраиваемой С.-Петербурго-Московской железной дороге будет находиться до 35 000 чел. рабочих и для преподания необходимых врачебных пособий заболевающим из них предполагается устроить временные лазареты: на Северной дирекции — шесть и на Южной — четыре, всего десять.

Препровождая у сего топографический план линии С.-Петербурго-Московской железной дороги с показанием пунктов, где временные госпитали предназначаются, предписываю вам приискать надежных вольнопрактикующих врачей, желающих занять должности медиков означенных лазаретов на время производства в сем году работ, и кто именно избран вами будет, доставить мне список и присовокупить заключение ваше относительно назначения им жалованья по предварительному с ними на сие соглашению.

* Сев. дирек., 1843 г. (арх. № 65), д. № 52, л. 66.
** Гл. уп. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, 1844 г., № 19, л. 6.

Отношение нач-ка Южной дирекции Н. О. Крафта к нач-ку полицейского управления дороги Белосельскому-Белозерскому, 15 ноября 1844 г.*

Московский военный генерал-губернатор чрез правителя дел особенной канцелярии своей уведомил меня, что осенью сего года московские больницы были наполнены до такой степени больными рабочими подрядчика Шарвина, что они уже не находили в больницах помещения, и что рабочие были пользуемы без платы от подрядчика, и потому полагал на будущее время прекратить прием оных в московские больницы, о чем и хотел сообщить его сиятельству г. главноуправляющему.

Считая долгом донести о сем предстоящем распоряжении московского военного генерал-губернатора, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство сделать по сему предмету с г. военным генерал-губернатором сношение, которого его сиятельство будет ожидать до представления к г. главноуправляющему.

Полковник Крафт.

Сводка о количестве больных рабочих подрядчиков барона Корфа и майора Трувеллера в лазаретах 2 полиц. отделения дороги, 23 ноября 1844 г.**

Перечень больным, состоявшим с 1 июля по 1 ноября 1844 г. в трех лазаретах 2 полицейского отделения.

	Число больных в лазаретах:	
	барона Корфа	Отставного майора Трувеллера
В июле месяце	1 672 чел.	32 чел.
» августе месяце	842 »	60 »
» сентябре »	952 »	13 »
» октябре »	1 294 »	29 »
Всего	4 760 чел. 238 р. 20 к.	134 чел. 6 руб. 70 коп. серебром

Полковник Виланд

Рапорт главного медика путей сообщения К. П. Миллера главноуправляющему П. А. Клейнмихелю, 7 сентября 1845 г.***

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 3 сентября, № 235, рассмотрев рапорт начальника полицейского управления С.-Петербурго-Московской железной дороги о замеченных им злоупотреблениях медиков временных лазаретов и о мерах к лучшему устройству сей части, имею честь почтительнейше донести.

По собранным мною сведениям выпускаемые из лазаретов выздоравливающими рабочие нередко в скором времени и даже на самом пути следования их к местам работ, снова заболевают не от преждевременной выписки их из лазаретов и несовершенного залечения, а пото-

* Южн. дирек., 1844 г. (арх. № 1356), д. № 184, лл. 3—4.
** Сев. дирек., 1844 г. (арх. № 137), д. № 103, ч. I, л. 513.
*** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, 1844 г., д. № 19, лл. 134—135.

му, что многие из них выходят из лазаретов без надлежащей одежды, иные даже без сапогов и лишенные всякой защиты от влияния непогоды, ходят до 30 верст от лазаретов к балаганам *; держать же выздоровевших до совершенного восстановления сил в лазаретах, по ограниченному помещению и неимению особой для них палаты, невозможно.

Что в предупреждение злоупотреблений со стороны медиков при выписке выздоровевших из лазаретов полезно было бы постановить: чтобы всякий раз присутствовал при этом случае офицер полицейского управления и назначался бы каждому выходящему, по усмотрению медика, на билете срок отдыха в балаганах до совершенного восстановления сил **.

Что выздоровевшие от тяжких болезней рабочие люди, имеющие менее 16 и более 50 лет от роду, по выпуске из лазаретов, снова поступать на работу неспособны ***.

Что предполагаемое полицейским начальством назначение по линии железной дороги четырех старших медиков для постоянного объезда балаганов и лазаретов, по мнению моему, неудобно потому:

во-1) что оно отвлечет их от надлежащего исполнения прямой обязанности, т. е. лазаретного лечения, которое преимущественно требует навыка и опытности;

во-2) что из числа четырех медиков, предназначенных упомянутым начальством в звание старших: Петровский и Марков, при всем усердии их к службе, по кратковременной практике, не успели еще приобресть требуемой для исправления других опытности, а штаб-лекарь Чернеевский на деле еще не убедил меня в его способности к успешному исполнению таковой обязанности;

в-3) что лекаря Торопогрицкий и Ламберт Д'Ансе, только что выпущенные из Академии, не в состоянии еще исполнить должности лазаретных медиков, и

что засим я полагал бы, для постоянного надзора за действиями объездных врачей, за содержанием лазаретов и ходом лечения в оных назначить одного только старшего по линии медика, а именно штаб-лекаря Матвеевского ****, как способнейшего к исправлению сей должности, командировав на его место в Кузнецовский лазарет младшего врача Вышневолоцкой больницы штаб-лекаря Бурцова с производством ему столовых и квартирных денег наравне с медиками временных лазаретов и возложив настоящую обязанность сего последнего при временном Вышневолоцком лазарете на медика правления III округа путей сообщения Шмемана.

Рапорт генерал-майора князя Белосельского-Белозерского за № 671, имею честь представить при сем обратно.

Главный медик действит. статский советник Миллер.

«Правила о мерах отвращения болезней между рабочими на Петербурго-Московской жел. дороге», составленные главным медиком К. П. Миллером, совместно с полиц. управлением дороги, 15 марта 1846 г. *****

Для сохранения здоровья рабочих на С.-Петербурго-Московской железной дороге и предотвращения между ими болезней необходимо:

---

* На полях помета Клейнмихеля: «Велеть наблюдать, чтобы сего не было».
** На полях помета Клейнмихеля: «Велеть».
*** На полях помета Клейнмихеля: «Вздор».
**** На полях помета Клейнмихеля: «Согласен».
***** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, 1844 г., д. № 19, лл. 149—152 и 156.

1) Стараться располагать жилища рабочих на местах открытых, доступных ветрам и солнечному свету и, если возможно, возвышенных и сухих, избегая по возможности помещать в оврагах и глубоких долинах.

2) Вменить в непременную обязанность чинам полицейского управления бдительно наблюдать, чтобы хлеб рабочих был лучшего качества, хорошо вышечен и не был бы раздаваем горячий. Солонину употреблять не далее 1 июня и начать производить не ранее 1 октября. Скот, назначаемый на убой, всякий раз совместно с медиками свидетельствовать на основании правил медицинской полиции. Квас чтобы приготовляем был хороший, и вода для питья была бы надлежащего качества. Если жилища рабочих необходимо должны быть расположены в таких местах, где нет проточной, чистой и здоровой воды, то, как и в прошлых годах, копать колодези, но не дозволять употреблять воду для варки пищи и для питья из малых озерков или ручьев и речек, пересыхающих, запруженных и наполненных разными гниющими растениями и покрытых плесенью. Воспрещать и на местах работ во время летнего зноя пить воду мутную, грязную, но стараться, чтобы вблизи работ, если нет проточной воды, копаемы были также колодези. Если же по возвышенности мест сделать это будет невозможно, то ставить хорошую воду или квас в бочках или другой посуде. Чтобы при печении хлеба, приготовлении пищи и квасу соблюдаема была должная чистота.

3) При приходе рабочих из губерний, подверженных голоду, не давать вдруг много хлеба, но непременно каждому раздавать в сутки не более трех фунтов и не прежде двух недель дозволять употреблять количество хлеба по произволу.

4) Балаганы устраивать конусообразно по представляемому чертежу, подобно сибирским юртам, с устроением посередине печки или ямы, дабы постоянно поддерживаемый огонь осушивал все пространство, ими занимаемое, и строить их на ровной поверхности земли. При состоящей из ста человек артели и более, сверх необходимого числа балаганов для помещения рабочих, один должен быть запасный для помещения слабых; больных же отправлять немедленно в лазарет.

Жандармам иметь наблюдение, чтобы рабочие находились на работах во время солнечного зноя всегда с покрытою головою.

6) Наблюдать, чтобы еженедельно рабочие ходили в баню.

7) Старший медик во все время работ безотлучно должен находиться на линии железной дороги и в особенности там, где окажется много больных и заболевающих и где по извещению начальников отделений будет настоять в этом особенная надобность; исследывает на месте причины заболевания и смертности вместе с дистанционным офицером и, буде можно, с медиками временного лазарета той дистанции, а о мерах, какие ими всеми признаются нужными, предварительно предъявляют начальнику того отделения, для удостоверения последним в возможности привести оные в исполнение, и с таковым уже удостоверением старший медик представляет начальнику полицейского управления для совместного с главным медиком рассмотрения, утверждения или представления г. главноуправляющему путями сообщения. В случаях же важных и не терпящих отлагательства начальник полицейского управления во время пребывания на линии и начальники отделений приводят таковые меры в исполнение и в то же время первый уведомляет главного медика путей сообщения, а последние доносят по команде.

Об устройстве лазаретов.— Временные лазареты С.-Петербурго-Московской железной дороги находятся один от другого на

расстоянии до 60 верст и более. Перевозка на таком расстоянии больных, в особенности по дурным проселочным дорогам, затруднительна. Посему, а равно и по соображению с нарядом нынешнего года, простирающимся до 63 000, кроме мостовых рабочих, число коих в нынешнем году увеличится, и самими местами работ, которые усилены будут в нынешнем году на 5 и 6 участках Северной, на 1 и 2— Южной дирекций, может представиться надобность в устройстве, кроме существующих десяти лазаретов, еще пяти: в Северной дирекции на 5 участке между Мстинским и Заозерским, в дер. Лешино, на 6 участке между Заозерским и Кузнецовским, в Борках или на Шегринке; в Южной дирекции в г. Вышнем Волочке и между деревнями Спировым и г. Тверью (оба сии лазарета существовали и в прошедшем лете) и на 2 участке при Миссеровской конторе и на р. Шоше; следовательно, к существовавшим в прошлом году 12 прибавится только четыре лазарета. Устройство, содержание лазаретов, снабжение необходимым бельем и вещами и продовольствие больных относится, согласно утвержденному г. главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями предположению об устройстве временных лазаретов, на счет подрядчика земляных работ, почему обязать подрядчика, в случае востребования:

Построить для помещения лазаретов во вновь назначенных местах, а равно и в Любани, вместо найма в Нюмераньи от обывателей домов, конусообразные балаганы по представляемому чертежу, стоющие весьма дешево, на что купец Кузьмин согласился; и заблаговременно искупить недостающие для оных вещи; противу чего хотя подрядчик Кузьмин объяснил, что белье у рабочих всегда свое и покупка оного составит лишний расход, но для успешного лечения больных поименованные вещи необходимы.

Определить в каждый лазарет грамотного смотрителя, снабдив его особою у сего следующею инструкциею; подрядчик Кузьмин объяснил, что содержать особого смотрителя — лишний расход, но что для исполнения этой обязанности посылаться будет писарь из конторы на время надобности. В таком распоряжении подрядчика не представляется препятствия, лишь бы соблюдался изложенный в инструкции порядок.

О назначении медиков и фельдшеров. По соображению с местностью, числом рабочих и опытом прошедшего года усматривается надобность иметь врачей при лазаретах Сосниском, Мстинском, Кузнецовском и Федосовском по два, а в прочих по одному, итого 20 медиков, кроме старшего; на определение какового числа врачей главный медик имеет от г. главноуправляющего путями сообщения и публичных зданий разрешение. Фельдшеров по положению о временных лазаретах полагается на 25 чел. по одному фельдшеру и, сверх того, один для приготовления лекарств. По каковому расчету к имеющемуся ныне числу следует добавить фельдшеров 32, полагая каждый лазарет — на 100 больных.

О командировании прислуги. Лазаретная прислуга состояла до сего из назначаемых подрядчиком рабочих. Люди сии, непривычные ни к какому делу, ни к повиновению, часто не исполняли предписаний врачей и к тому по опасению заболеть и умереть сами, как и действительно происходило, оставляли свои занятия и уходили из лазаретов, объясняя, что они подрядились на работы, а не для лазаретной прислуги, и таким образом больные и лазареты не имели надлежащего присмотра. Эти причины побуждают испрашивать назначения для лазаретной прислуги из подвижных инвалидных рот в каждый

лазарет по одному унтер-офицеру и пяти рядовых, итого 96 человек нижних чинов, прокормление коих и денежное содержание должно отнести на счет подрядчика, на что купец Кузьмин объявил согласие.

Генерал майор князь Белосельский-Белозерский.

Ответ подрядчиков Кузьмина и др. в департамент жел. дорог о питании крестьян, приходящих из неурожайных губерний, 30 апреля 1846 г.*

Департамент железных дорог предписанием от 27 сего апреля, за № 146, требует от нас, по воле его сиятельства г. главноуправляющего, отзыва, согласны ли мы будем для предупреждения болезней рабочих, приходящих из неурожайных губерний, от перехода вдруг на тяжелую работу и сытную пищу:

1) По приходе рабочих на место давать отдых до 2 суток.

2) В первые трое суток кормить их кашицею без говядины, приправленною топленым маслом, свиным или говяжьим жиром, вмешанным в то время, когда кашица еще на огне. Хлебную порцию давать три раза в день по фунту на человека и умеренно хороший квас с мятою.

3) На вторые трое суток класть в ту же кашицу говядины не более ⅓ фунта на человека.

4) На седьмые и осьмые сутки прибавлять еще по стольку же говядины, а после этого ввести рабочих в обыкновенную порцию

и 5) В первые трое или четверо суток давать, взамен мясной порции, по чарке вина на человека.

На сие имеем честь донести департаменту железных дорог, что еще прежде сего и именно от 20 апреля г. начальник полицейского управления генерал-майор князь Белосельский-Белозерский, по приказанию его сиятельства г. главноуправляющего, предписал гг. начальникам дистанций обязать прикащиков наших и строго наблюдать за исполнением, дабы рабочим, прибывающим из западных губерний и изнуренным по случаю неурожая, по поступлении на работу производить пищу на каждого в сутки: в течение первой недели три фунта хлеба и по полуфунта говядины с кашицей, во второй неделе тоже три фунта хлеба и щи с полуфунтом говядины, в третьей неделе можно прибавить мяса и хлеба, а в четвертой выдавать полную порцию. Во всякое же время давать им в питье вместо воды квас. О выполнении этого приказания предписано 24 апреля нашим прикащикам.

Желая же и с своей стороны, в видах человеколюбия и сострадания к рабочему народу, отвечать мерам правительства, мы покорнейше просим довести до сведения его сиятельства г. главноуправляющего:

На первый пункт, что мы согласны рабочим людям, по приходе на место из одних неурожайных губерний, давать отдых до двух суток, но взамен сего рабочие уже не должны требовать с нас за сии дни никакой платы, а за продовольствие их вычесть хотя по десяти копеек серебром за каждые сутки, или, вместо записанных для отдыха двух суток, отработать эти дни после срока, если погода будет благоприятствовать.

На второй пункт: варимой без говядины кашицы приправлять топленым маслом или свиным и говяжьим жиром мы не можем, потому что этого масла или жира не предполагали и заготовлять, а везде куплено конопляное масло, обыкновенно употребляемое рабочими в пищу, но с сим вместе, если разрешено будет, мы дадим приказание конопляного масла не давать в артели при употреблении ка-

* Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, 1844 г., д. № 19, лл. 206—207.

шицы или каши, но класть его при окончательной варке прямо в котлы; квас же рабочие обязаны по контрактам принимать от нас такой, какой употребляется местными жителями.

На третий и четвертый пункты совершенно согласны.

На пятый пункт, по две чарки вина на человека, взамен мясной порции, мы согласны давать в два раза. Одну в первый день прихода, а другую в первый же день по поступлении на работу.

Рапорт инженер-майора Смоликовского нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 30 июня 1848 г. *

Несмотря на появившуюся в гор. Твери и по окрестным деревням холеру, рабочие, как-то каменотесы на Кольцовской трубе и землекопы, тут же расположенные в бараках числом до 500 человек, продолжали работу беспрепятственно; между тем, когда 25 сего июня один из каменотесов, бывший за провизиею в гор. Твери, за возвращением заболел холерою и вслед за сим такой же случай сделался с женщиною, приготовляющею им пищу на квартире, прочие каменотесы хотели разойтись по домам. От заблаговременных средств не было с заболевшими смертного случая, и я успел уговорить их оставаться еще на работе. Землекопы еще до 25 числа стали встречать меня на работе с просьбою, чтобы уволить их от работы по случаю угрожающей холеры, и тех я тоже уговорил, чтобы остались, и успокоил на время тем, что пока опасности нет никакой и что начальством будут приняты меры предохранительные, когда это покажется необходимым. Между тем, имея сообщения с городом и сведения о появляющихся смертных случаях вокруг работ, рабочие всеми артелями витебских землекопов и каменотесцы прибегают ко мне с 26 числа с ежедневною просьбою о том, чтобы отпустить их с работы, хотя на время опасности, и что они отработают впоследствии, что на них возложено.

Не имея никаких на этот случай инструкций и полагая обстоятельство довольно важным, чтобы предупредить заблаговременными мерами бегство рабочих, при первом смертном в балаганах или на работе случае, я счел необходимым донести о сем вашему превосходительству.

Положение рабочих на вверенном мне участке, сконцентрированных преимущественно около деревни Кольцово, в 8 верстах от Твери, действительно заслуживает внимания. Помощи на случай холерных припадков нет никакой. Федосовский лазарет находится в 10 верстах от работ, и там, сколько я мог узнать от рабочих и жандармского рядового, нет постоянного доктора, а только фельдшер; наконец, за недостатком врача не предпринимается еще никаких предохранительных мер от болезни в самых балаганах. При появлении холерного случая в балаганах или на работе нельзя успеть свести больного в лазарет, а тем более дождаться фельдшера с пособием из-за 10 верст, которому, впрочем, иногда невозможно будет отлучиться от больницы.

Рабочие пали духом, опасаясь пищи, доставляемой им из тверской конторы; узнавая о смертных случаях в Твери и по окружающим деревням, стали употреблять менее пищи, что еще более их изнуряет.

Представляя о всем этом вашему превосходительству, честь имею покорнейше просить о принятии во внимание настоящего положения рабочих.

Опять пришли ко мне витебские землекопы с намерением, чтобы, если не получат от меня удовлетворительного ответа, отправиться в

* Южн. дирек., 1848 г. (арх. № 1713), д. № 531, лл. 1—2.

Тверь к вашему превосходительству с просьбою о роспуске их по домам. Я опять остановил их тем, что представляю настоящий рапорт, и убедил, чтобы ждали несколько дней до распоряжений, какие благоугодно будет сделать вашему превосходительству.

Корпуса инженеров путей сообщений майор Смоликовский*.

VII. Расчеты с рабочими

Рапорт инженер-капитана Кирхнера нач-ку Северной дирекции П. П. Мельникову, 10 октября 1843 г.**

9 числа октября явились с жалобою на прикащика Якова Михайлова от купца Колонистова еще 11 человек, коим, по сделанному мною расчету, он должен 256 руб. 92½ коп. ассигнациями и не отдает ни копейки. 10 числа октября приходило ко мне более 20 рабочих, из коих одни жаловались, что контора барона Корфа не расчитывает их и отзывается неимением денег, тогда как они отжили на работе условленное время, другие просили поручиться за них перед хозяевами Сосницкой пристани в том, что они отдадут им деньги за харчи, когда им будет прислано от начальства, ибо прикащику их уже хозяева не верят, между тем и не отпускают их с квартир на работу, на которой они, по моему удостоверению, по высылке им денег чрез начальство, желают находиться. Один из рабочих Яков Иванов по неимению теплой одежды должен был отправиться в свою деревню Бор, представив ко мне человека, который бы расписался за него в получении оставшихся его денег 10 руб. 94 к. ассигнациями за прикащиком купца Колонистова, с тем, что он придет ко мне за получением их впоследствии.

Из всего этого видно, что рабочие люди по делаемым неправильным расчетам прикащиками уже потеряли все к ним доверие и остаются на работе в надежде получить правильный расчет от местного начальства, о чем по этому поводу я и имел честь просить ваше высокоблагородие рапортом от 8 октября за № 350 сделать надлежащее распоряжение, что освободит меня от описания жалоб каждого рабочего, имеющего особую причину, по которой он просит начальство войти в его положение.

Корпуса инженеров путей сообщения капитан Кирхнер.

Отношение нач-ка Северной дирекции П. П. Мельникова к главноуправляющему П. А. Клейнмихелю, 13 октября 1848 г.***

Имею честь покорнейше просить ваше сиятельство о приказании выслать в дирекцию с нарочным 100 000 серебром для расплаты по подрядам гг. Дубецкого и Гершау поставщикам и рабочим заподрядженным, за моим и гг. начальников участков удостоверением, что деньги, как это делалось в течение всего года, будут уплачены от казны. Прошло более месяца с тех пор, как я просил департамент железных дорог о высылке мне сначала 60, а после 80 тысяч, объясняя при том

* Резолюция Н. О. Крафта: «Доверенному подрядчиков Крылову приказать немедленно отправиться в Кольцово для убеждения рабочих далее оставаться на работах, так как болезни между ними еще нет, и они, заключивши контракты с подрядчиками и взявши задаточные деньги, не имеют никакого права оставить работ, хотя бы действительно между ними появилась холера. О требовании же их донесено будет г. главноуправляющему и чтобы до получения ответа они оставались покойны и работали».

** Сев. дирек., 1843 г. (арх. № 65), д. № 52, л. 190.

*** Сев. дирек., 1848 г. (арх. № 585), д. № 72, л. 105.

неприятное и затруднительное положение, в каком я нахожусь от неимения сих денег, но между тем денег до сих пор не получено. Вследствие сего многие работы остановились в своем успехе, в частности между Колпином и Сосницкою пристанью, где предполагалось открыть езду к исходу сего года; поручительства мои относительно сроков платежа остались неисполненными, и с закрытием каменных работ, рабочие проживают уже долгое время без работы и расчета и, затрудняясь даже в своем продовольствии, начинают роптать. Я их успокоил несколько, объявив в проезд мой, что отправляюсь в Санкт-Петербург, чтобы лично ходатайствовать о высылке для расчета их денег, включая в расчет и те дни, которые они проживут без работы в ожидании платы.

Ген.-майор Мельников.

Выписка из расчета конторы VI участка подрядчика барона Корфа с рабочими, 3 ноября 1844 г. *

№	Имена и прозвания рабочих и места их жительства	Летняя плата		За исключением денег, выданных в задаток, на месте работ и вычетах за больные, прогульные и дождевые дни по окончательному расчету следует				В число причитающейся суммы выдано на дорогу	
				Додать		Состоят в переборе			
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Поставщика Калинина Новгородской губ. Кириловского у. Вашкинского волостного правления государственные крестьяне								
	дер. Борку:								
1	Прохор Иванов	37	14	—	21	—	—	—	21
2	Самойло Иванов	37	14	8	7	—	—	2	—
	дер. Митрефан:								
3	Кирило Козмин	37	14	10	6	—	—	2	—
4	Павел Андреев	37	14	11	84	—	—	2	—
5	Михей Васильев	37	14	10	26	—	—	2	—
	дер. Вашкозеро:								
6	Василий Романов	37	14	8	50	—	—	2	—
7	Тимофей Степанов	37	14	5	58	—	—	2	—
8	Максим Степанов	37	14	4	32	—	—	2	—
	и т. д. всего свыше 700 рабочих.								

Прошение доверенного подрядчика земляных работ Крылова нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 28 октября 1848 г. **

Получив от участковых прикащиков уведомление, что рабочие люди везде неотступно требуют от них окончательного расчета и с каждым днем ожидают присылки денег, многие потому, что уже контрактные сроки кончились, а другие, по случаю ненастного и совершенно неудобного времени находясь почти вовсе без работ и не принося никакой пользы, желают отправиться по домам, объявляя прикащикам,

* Сев. дирек., 1844 г. (арх. № 138), д. № 103, ч. II, лл. 112—146.
** Южн. дирек., 1848 г. (арх. № 2718), д. № 4490, л. 435

что если к будущему воскресенью не пришлются деньги и не начнутся расчеты, то они отправятся с жалобами к местному начальству о понуждении подрядчиков к скорейшей с ними расплате. До 1 числа осталось только четыре дня, денег я на расчеты не имею; к доверителям моим, хотя и относился о сем, но еще не получал уведомления, и по этому случаю нахожусь теперь в самом крайнем положении, уже не опасаясь убытка, какой есть и может последовать от несвоевременного удовлетворения рабочих, но весьма опасаюсь, чтоб они не причинили беспокойства и не предались непокорности противу прикащиков и даже самого начальства.

А потому вновь осмеливаюсь ваше превосходительство утруждать покорнейшею просьбою: обратите милостивое внимание на столь крайнее положение, в котором теперь находятся дела и рабочие, требующие для себя справедливого и непременного удовлетворения; не оставьте разрешить выдать мне для расчета по имеющимся налицо квитанциям деньги, без которых последует неминуемая остановка.

К сему прошению доверенный арзамасский купецкий сын Крылов руку приложил.

Рапорт прапорщика корпуса жандармов Змеева помощнику нач-ка Южной дирекции Загоскину, 23 ноября 1849 г.*

Находившиеся на работах у подрядчика Желагина рабочие люди, по неимению у него денег, остаются до сего времени не рассчитанными, отчего они, несчастные, невольно претерпевают крайности и даже совершенно не имеют средств без должного удовлетворения обратиться в места их жительства, ожидая расчета, по которому следует им доплатить серебром 5 200 рублей.

Обстоятельство сие обязало меня иметь честь донести вашему высокоблагородию и покорнейше просить о выдаче мне означенных денег для расчета рабочих людей, не оставив вашим распоряжением.

Прапорщик Змеев.

VIII. Походные церкви, лазареты, винные лавки

Доклад главноуправляющего П. А. Клейнмихеля Николю I 31 марта 1844 г.**

По всеподданнейшему докладу моему об учреждении полицейского управления для надзора за работами при С.-Петербурго-Московской железной дороге вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть: в тех местах, где рабочие люди наиболее сосредоточены будут, поставить походные церкви, сколько таковых по месту и числу рабочих необходимо будет, с тем, дабы народ мог в воскресные и праздничные дни слушать божественную литургию.

На сделанное с военным министерством сношение получен отзыв, что оставшиеся от расформирования полков походные церкви переданы все в войска, и теперь церквей этих в комиссариате не состоит.

Не имея таковых церквей и в моем распоряжении, приемлю смелость всеподданнейше испрашивать, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству дозволить позаимствовать шесть церквей из полков гренадерского корпуса с тем, что с окончанием в сем году

---

* Южн. дирек., 1849 г. (арх. № 2789), д. № 591, л. 75.

** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, канцелярия. 1844 г. (арх. № 24), д. № 331, лл. 8—9.

работ по С.-Петербурго-Московской железной дороге они перевезены будут обратно в полки во всей целости.

Относительно священников для богослужения в сих церквах имею счастие испрашивать высочайшего вашего императорского величества разрешения о назначении таковых снестись с обер-прокурором святейшего синода.

С сим вместе осмеливаюсь представить, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству разрешить все расходы, какие вообще по означенному предмету потребуются, обратить на счет операционных сумм С.-Петербурго-Московской железной дороги.

[Гр. Клейнмихель] *

Отношение начальника Южной дирекции Н. О. Крафта в департамент железных дорог, 16 апреля 1844 г.**

На отношение оного департамента от 25 марта, № 499, имею честь ответствовать, что по Южной дирекции С.-Петербурго-Московской железной дороги я полагаю удобнейшим расположить больницы или лазареты в местах наибольшего скопления рабочих, если таковые места удалены от городов, именно:

По I участку: в дер. Крюковой, в 36 верстах от Москвы, где по наряду, данному купцу Шаврину, предполагается иметь на протяжении 4 верст до 5 144 рабочих.

По III участку: в дер. Жуковой на реке Шоше, где на протяжении 6 верст будут до 1 414 рабочих.

На V участке: в дер. Ободовой, где будет находиться до 2 187 рабочих, на протяжении 9 верст занятых работою.

На VI участке: в дер. Медведевой, в 40 верстах от Вышнего Волочка, где будет также около 2 000 рабочих на протяжении 5 верст.

По II участку больниц не положено по близости производства работ от гор. Клина и от дер. Крюковой, где предположена больница.

По IV участку больниц не предположено вообще по незначительности производства земляных работ, и потому больные, согласно 6 пункта контракта, могут быть размещаемы в ближайших деревнях и пользуемы на счет подрядчика.

Походные церкви могут быть устроены в следующих пунктах.

На I участке: близ дер. Крюковой, где на протяжении 4 верст будет до 5 144 рабочих и откуда ближние села Чашниково и Деденщино находятся в расстоянии от 4 до 5 верст.

На II участке: по близости сел церквей не положено.

На III участке: в дер. Жуковой на реке Шоше, где на протяжении 6 верст будет до 1 400 рабочих, и расстояние от ближних сел будет до 6 верст.

На IV участке: по незначительности работ церквей не положено.

На V участке: по близости сел от места производства работы церквей также не полагается.

В конце VI участка близ дер. Горки, в расстоянии 10 верст от ближних сел, здесь полагается иметь до 2 000 рабочих.

Полковник Крафт.

---

* На подлинном резолюция: «Государь император высочайше повелеть соизволил снестись с военным министром, не может ли быть назначено для сей надобности до шести церквей. — 6 апреля 1844 г. — Граф Клейнмихель».

** Гл. упр. п. с. и п. зд., департамент жел. дорог, 1844 г., д. № 19, л. 5.

Отношение департамента жел. дор. к нач-ку Северной дирекции П. П. Мельникову, 30 октября 1843 г. *

Департамент железных дорог, по приказанию г. главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, препровождает при сем для руководства вашего высочайше утвержденные правила об откупах, с тем, чтобы вы, отведя, согласно оным, места для ведерной и штофной продажи вина, когда сие откупщики потребуют, немедленно доносили его сиятельству о каждом отведенном месте.

Директор Фишер.

Высочайше утвержденные правила об откупах в уездах по линии железной дороги лежащих [19].

1) Вино на порции прикомандированным к работам по железной дороге войскам отпускать прямо из казны по установленной цене.

2) Откупщикам дать право учредить на пространстве земли, под железную дорогу назначенном, ведерные и штофные лавочки для продажи ведрами и в стеклянной посуде дозволенных по откупным условиям горячих напитков, также пива и меду, по отводу мест со стороны местного начальства над работами железной дороги.

3) Заведения сии не должны быть ближе 2 верст от мест, где квартируют войска или жительствуют нанятые рабочие, а также от самих работ; почему откупщики, по мере распространения работ, обязаны перемещать сии заведения на надлежащее расстояние.

4) При каждом отделении работ не должно быть более одного заведения, а только в случае большего протяжения работ, или разделения оных значительною рекою, откупщик может иметь два таковых. В случае же, где помещения или работы пересекаются границею уезда, дозволяется откупщику каждого уезда иметь одно с своей стороны заведение, всегда на вышеозначенном расстоянии. На местах железной дороги, где не производится работ, не дозволяется иметь таковых заведений.

5) Воспрещение иметь заведение ближе 2 верст не относится к тем работам, кои производятся малым числом рабочих раздробительно, например при нивеллировке или к каким-либо частным временным работам, также к случаям, если где-либо квартирует отдельно небольшое число людей.

6) Ныне существующие питейные заведения остаются на своих местах, а если бы они лежали на самом протяжении железной дороги, то, когда необходимо, оные сломать, отвести для устроения их вновь удобное место; за перестройку же вознаградить откупщика.

Прошение подрядчика земляных работ валдайского купца Шарвина нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 9 июля 1848 г. **

С самого начала открытия мною работ по железной дороге в Тверской губ. содержатель тверского питейного откупа чрез поверенных своих устроил выставку в дер. Андреевке, Тверского уезда, близ производящихся ныне по железной дороге работ расстоянием не более как двухсот сажен, в коей производит каждодневно продажу вина, и рабочие люди мои, в особенности в праздничные дни, в ней пьянствуют, делают разные неблагопристойности и производят между собою буйство, драки, ослушание и совершенное неповиновение не только прикащикам моим, имеющим за ними смотрение, но даже и к

* Сев. дирек., 1843 г. (арх. № 86), д. № 72, лл. 1—3.
** Южн. дирек., 1848 г. (арх. № 1214), д. № 73, л. 1.

гг. инженерным офицерам, а через сие делают остановку в производстве работ. С моей стороны, хотя и принимаются к удержанию их от пьянства строжайшие меры, но за всем тем при большом количестве людей, коих состоит у меня на работах при дер. Андреевке до 1 260 человек, усмотреть и совершенно остановить их невозможно.

А потому доводя до сведения вашего высокоблагородия, как непосредственного начальника работ по железной дороге, покорнейше прошу отнестись к кому следует о совершенном уничтожении от дороги выставки, в деревне Андреевке устроенной тверским откупщиком; чрез сие восстановится успех в работах, и мне окажете защиту и удовлетворение.

К сему прошению валдайской 1 гильдии купец Иван Герасимов Шарвин, а за неумением грамоте, по его личному прошению почетный потомственный гражданин Афанасий Чернышев подписался.

IX. Протесты рабочих против тяжелых условий работы

Рапорт инженер-капитана Кирхнера нач-ку Северной дирекции П. П. Мельникову, 8 декабря 1843 г.*

В дополнение к рапорту моему от 20 ноября, за № 475, коим я доносил о беспорядке, происшедшем 15 числа ноября на 5 дистанции, имею честь донести вашему высокоблагородию с бо́льшею подробностью о сем деле, 15 числа ноября поутру с рассветом собрались на линию железной дороги на горе по эту сторону реки Хубы до 150 человек крестьян государственных имуществ Полистской волости для того, чтобы записаться на поденную работу. Десятник Засурский, по приказанию прикащика г. барона Корфа Лядова, объявил им уменьшение цены впредь за поденную работу, приказав желающим поступить на оную становится для счета, прочим же разойтись. Но они не разошлись и препятствовали желающим поступить на работу становиться. Когда же Засурский повторил им приказание, отставной солдат дер. Тикулы Карп Карпов погрозил ему топором, и по его примеру все, с криком «ура», бросились на Засурского и на заступившегося за него десятника Григория Сидорова. Засурского повалили и начали сталкивать с горы, а крестьянин дер. Ольховцы Пимен ударил его палкою по голове. Буйство было остановлено десятником Федором Никоновым из дер. Пехово, бывшим головою, и Иваном Гавриловым из дер. Карповой Горы. Беспорядок сей произошел до начала работ не в присутствии производителя работ г. поручика фон-Шильдера 2-го, а потому донесение его сделано по показанию десятников и, в особенности, по показанию Федора Никонова, который остановил беспорядок. Г. поручик Шильдер 2-й для укрощения зачинщиков довел рапортом своим от 16 ноября за № 30 до сведения местного их начальства г. помощника управляющего государственною Полистскою волостью Евневича. Зачинщики по допросу, сделанному г. Евневичем, не признаются и остаются почти без всякого наказания.

Слухи, которые носятся между зачинщиками, что им ничего за это не делают, заставляют, по моему мнению, обратить на сие дело бо́льшее внимание потому, что если виновники буйства из местных жителей не будут наказаны, то они в будущем году, при множестве рабочих, долженствующих находиться при работах по железной дороге, могут быть причиною подобного беспорядка и даже уголовного дела.

Корпуса инженеров путей сообщения капитан Кирхнер.

* Сев. дирек., 1843 г. (арх. № 65), д. № 52, лл. 284—285.

Рапорт нач-ка 5 участка работ инженер-капитана Штукенберга нач-ку Южной дирекции Крафту, 21 мая 1844 г.*

Честь имею донести вашему высокоблагородию, что 19 мая бежало с работы по устройству полотна железной дороги близ деревни Спирово 90 человек, о чем мне подал объявление поверенный купца Шарвина купец Апойщиков, прося законной помощи.

Из бежавших рабочих Демьянского у., Семеновской волости, трое явились ко мне; я их задержал, и они, вместе с прочими таковыми же их артели беглецами, перехваченными городской полицией, в числе 60 человек, содержатся под караулом и будут возвращены на работу, а остальные неизвестно куда девались.

При опросе, сделанном мною этим рабочим, они объявили, что ушли с работы потому, что их заставляли брать в земляной выемке второй слой, считая его толщину в 1/2 саж., между тем будто бы по контракту они обязались брать только первый слой.

Вследствие этого я вытребовал от подрядчика Шарвина контракт, заключенный между ним и этими рабочими, и удостоверился, что в нем об слоях ничего даже не упомянуто, а сказано, что работать по указанию местного инженерного начальства. Поэтому показание рабочих оказалось совершенно ложно.

При осмотре работ в 5 участке я удостоверился, что рабочие не имеют никакой законной причины быть недовольными подрядчиком Шарвиным, имея хорошую и обильную пищу, хорошие для жительства балаганы и вырабатывая уроки без отягощения; при всем том из них многие, артелями от 50 до 100 человек, беспрестанно покушаются на побег, хотя до сих пор при содействии полиции они были возвращаемы на работу, но отсутствие их на несколько дней нарушает порядок и успех в работе, а потому я считаю долгом обратиться к вашему высокоблагородию и представить необходимость принять решительные меры для прекращения в рабочих наклонности к побегам, которая, не будучи остановлена наказанием виновных рабочих, непременно повлечет за собою совершенное расстройство и прекращение работ.

Начальник 5 участка капитан Штукенберг.

Рапорт подполковника корпуса жандармов Схалеева нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 12 июня 1846 г.**

Сейчас я получил донесение начальника 2 дистанции вверенного мне отделения от 11 июня, за № 217, что из числа рабочих людей, большею частию Ковенской губ. Ново-Александровского и Вилькомирского уездов, ушли с работ 400 человек в город Клин для принесения жалобы, будто бы им назначаются уроки противно контракта. Клинский городничий препроводил тех людей обратно за караулом в Мисирево. На опрос штабс-капитана Маевского, как они осмелились самовольно уйти с работ, означенные рабочие единогласно отвечали, что они не могут с шестого слоя твердого грунта вывозить задаваемого им урочного положения 4/12, а вывозили они по 3/12. Когда же 11 числа контора прибавила им к уроку по 1/12, то они отказались работать. Имея в виду волю г. главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями от 31 мая сего года за № 2441 на имя г. начальника полицейского управления С.-Петербурго-Московской железной дороги: «чтобы насчет грунтов, т. е. какую работу, каким числом людей, по

* Южн. дирек., 1844 г. (арх. № 1345), д. № 173, лл. 1—2.
** Южн. дирек., 1846 г. (арх. № 1345), д. № 173, л. 4.

кубическим саженям возможно вырабатывать, полицейское управление не мешалось, потому что это есть дело инженеров», — я спешу донести об этом вашему высокоблагородию для рассмотрения жалобы рабочих насчет неудобности грунта, невозможности якобы вырабатывать урок и [жду] зависящего распоряжения; [о том же доношу] генерал-майору князю Белосельскому-Белозерскому.

Подполковник Схалеев.

Отношение Московского гражданского губернатора И. В. Капниста главноуправляющему П. А. Клейнмихелю, 19 июня 1846 г. *

Клинский городничий рапортом, полученным мною 17 сего июня, за № 503, донес мне, что 11 июня в 11 часов по полуночи явился к нему десятник с работ по железной дороге Василий Колосов и, представив данное ему конторою 2 участка Южной дирекции, за № 403, свидетельство, просил содействия к остановлению самовольно отлучившихся людей, почему он, городничий, в то же время отправившись за ними, настиг за городом за Московскою заставою партию до 150 человек, из числа коих помещичий крестьянин Ковенской губ., гор. Новоалександровска, Фадей Степанов, мещанин того же города Константин Гороневский, Витебской губ., Лепельского у., дворяне Франц Славский и Петр Гробовский, и крестьянин Смоленской губ., Краснинского уезда, Григорий Семенов с прочими рабочими единогласно объявили, что они недовольны несоблюдением контракта, по коему они обязаны выкопанную землю отвозить не далее 75 саж., чего не исполняется. После чего городничим делаемы были убеждения просителям возвратиться на место со внушением, что им не следовало отлучаться от работ толпою, а если имеют какую претензию, то могут объявить оную на месте учрежденному по работам железной дороги начальству, и они, убедясь сими внушениями, изъявили без всякого сопротивления на то согласие, попросили его довести о таковом неудовлетворении их вопреки контракта заработанною платою до сведения начальства, почему сказанные рабочие под присмотром полицейского унтер-офицера и рядовых Клинской инвалидной команды и отправлены в Мисеровскую контору 2 участка Южной дирекции железной дороги.

Сообщив об оном полицейскому управлению С.-Петербурго-Московской железной дороги для зависящих с его стороны по сему предмету распоряжений, я имею честь донести о том вашему сиятельству.

Гражданский губернатор Капнист.

Отношение нач-ка Южной дирекции Н. О. Крафта к нач-ку отделения полиц. управления С.-Петербурго-Московской жел. дор. подполк. Дурново, 7 августа 1847 г. **

Находившиеся на работе по устроению Тверецкого моста рабочие некоторые выбыли на время сенокоса с работы, другие отлучились, самовольно, почему доверенный д. ст. сов. Козина Николай Симановский представил список сим людям и просит о сделании сношения с кем следует, дабы означенных людей возвратить на работы.

---

* Копия, Южн. дирек., 1846 г. (арх. № 1345), д. № 183, лл. 9—10.

** Южн. дирек., 1847 г. (арх. № 1345), д. № 173, л. 13, печатается по отпуску, без подписи Крафта.

Вследствие чего, препровождая таковой список к вашему высокоблагородию, прошу вас сделать свое распоряжение к возвращению на работы по Тверецкому мосту отлучившихся самовольно рабочих, равно как и отпущенных до определенного срока.

Рапорт нач-ка II участка работ инженер-майора Кирхнера нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 16 августа 1847 г.*

Имею честь донести вашему превосходительству, что сего 16 числа августа ушли самовольно с работ вверенного мне участка 140 человек и отправились в гор. Тверь, не объявив мне о своих претензиях. От прикащика Егора Шустова я узнал, что рабочие ушли для получения в гор. Твери денег, но из представляемого при сем списка сим ушедшим 140 человекам, ваше превосходительство можете усмотреть, что не более 35 человек имеют право жаловаться на неудовлетворение их деньгами, следующими по контракту, а все прочие отправились в надежде получить и те деньги, кои по контрактам следует им выдать в течение работ.

Так как сии рабочие находились на том самом пункте работ, откуда уже отправились самовольно 250 рабочих, о коих я имел честь доносить вашему превосходительству рапортом от 3 августа сего года, за № 823, то для предупреждения подобных примеров для других рабочих, имею честь просить ваше превосходительство о сделании распоряжения, дабы всех сих рабочих в числе 140 человек по прибытии в гор. Тверь вернули назад и наказали за самовольство в пример другим, после чего рабочие уверятся, по крайней мере, что начальство наблюдает за выполнением со стороны подрядчиков контрактных условий, одинаково в каждом пункте работы.

Начальник 2 участка майор Кирхнер.

Рапорт нач-ка отделения полиц. управления С.-Петербурго-Московской жел. дор. майора Аврамова нач-ку Южной дирекции Н. О. Крафту, 5 сентября 1847 г.**

Вследствие предписания вашего превосходительства от 31 августа за № 4086, сим почтительнейше донести честь имею, что артель, состоящая из 250 человек рабочих не самовольно ушла с пункта работ под гор. Клином, а снята с работ и переведена была подрядчиком на другие работы за гор. Тверь, а другая артель, состоящая из 143 человек, действительно самовольно оставили работы без всякой на то причины и отправились по дороге к гор. Твери, но встречены были дистанционным офицером поручиком Ведринским, который, не открыв к тому никакой причины, зачинщиков при артели наказал розгами и в то же время с жандармами обратно отправил их на те же работы под гор. Клин.

Майор Аврамов.

Отношение московского военного генерал-губернатора гр. Закревского министру внутренних дел гр. Л. А. Перовскому, 12 декабря 1850 г.***

Три артели крестьян государственных имуществ Могилевской губ., Оршанского у., Горыгорецкого имения и Калужской губ., Жиздринского у., Подбужской вол., состоящие: первая из 98 человек, вторая из

---

* Южн. дирек., 1847 г. (арх. № 1345), д. № 173, л. 14.
** Южн. дирек., 1847 г. (арх. № 1345), д. № 173, л. 17.
*** Мин-во внутр. дел, департамент полиции исполн., 1851 г., д. № 1161, л л. 2—4.

207 и третья из 96 человек, работавшие на С.-Петербурго-Московской железной дороге по шести контрактам, заключенным с подрядчиками по устройству земляного полотна для железной дороги Шарвиным, Кузьминым и К-о, пришли в Москву и обратились ко мне с жалобами на неправильный расчет их подрядчиками, объясняя, что они не только не получают следующих по контракту денег, но даже не имеют средств к дневному прокормлению и к возвращению на родину. Люди сии действительно найдены были мною в весьма изнуренном положении, почему я приказал выдать им по 30 коп. сер. на человека для их прокормления и предложил г. начальнику Южной дирекции С.-Петербурго-Московской железной дороги поручить благонадежному штаб-офицеру, вместе с начальником полицейского управления, вытребовав подрядчиков, разобрать обстоятельство жалобы против них рабочих и оказать им должное удовлетворение, а для участия в том командировал одного из состоящих при мне штаб-офицеров.

Вследствие сего назначенные для разбирательства жалоб рабочих чиновники, вытребовав поверенных от подрядчиков: рыбинского купца Григория Голубенцова и валдайского купеческого сына Василия Кузьмина, склонили их к безотлагательному удовлетворению рабочих, причем по взаимному их между собою соглашению заплачено 98 рабочим — 758 руб. 34 коп., 207 — 2 260 руб. 4½ коп. и 96 — 1 448 руб. 54½ коп., а всего 401 человеку 4 466 руб. 93 коп. сер.

Недодача подрядчиками земельной платы рабочим простиралась от 7 до 15 руб. сер. на человека, что составляло у многих рабочих только половину того выработка, на который они рассчитывали, вступая в договор с подрядчиками, с условием получить от 30 до 35 руб. сер. за полгода работы.

Бедственное положение рабочих не могло не обратить на себя моего внимания. Вникая в причины, я нахожу, что поводы к недоплатам и притеснению рабочих подрядчиками заключаются преимущественно в сущности самих контрактов и относить это исключительно к лени и нерадению рабочих, кои состоят под особым надзором, нельзя. Все пункты контрактов, ограждая пользу подрядчиков, почти ни в чем не обеспечивают рабочих. Существенный недостаток состоит в том, что рабочие, обязываясь прожить на работе определенное время, с тем вместе обязываются выработать в тот же срок и известное количество уроков, что дает подрядчикам средство делать несоразмерные с заделью платою вычеты не только за прогул, побег и болезнь, но даже за дождевые дни и не дожив до срока, хотя бы хозяева сами отсылали рабочих *. Эта сложность контрактов, предоставляя подрядчикам возможность делать беспрестанно вычеты, лишает рабочих значительной части их маловажных заработков.

По всем сим уважениям, я признаю совершенно необходимым упростить контракты так, чтобы рабочие ясно понимали и свои обязанности и свои права. Для сего, по мнению моему, полезно было бы постановить правилом, чтобы плата рабочим производилась или сдельно, т. е. с кубической сажени, или за известное время без всяких затем вычетов и с тем, чтобы нерадение, леность и другие проступки наказывались мерами полицейскими, а не денежными вычетами. Мнение сие я основываю на том, что землекопы, работая все лето за 30 руб. сер., из этой суммы должны не только заплатить государственные повинности, но и существовать остальное время года с своими семействами, ибо известно, что они никакими другими промыслами не занимаются, и вычеты из этой платы невозможны без конечного их разорения.

* Так в подлиннике.

О таковых соображениях моих, сообщив по принадлежности на усмотрение гг. министра государственных имуществ и главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, долгом считаю уведомить ваше сиятельство.

Московский военный генерал-губернатор генерал-адъютант
граф Закревский.

Выписка из дела соб. е. в. канцелярии о жалобе девяти крестьян, работавших на постройке дороги и не получивших заработной платы, 7 февраля 1851 г. *

Прибывшие в С.-Петербург девять человек, работавших на железной дороге, 24 января 1851 г. вошли со всеподданнейшею жалобою на неуплату им подрядчиками железной дороги купцами Шарвиным, Кузьминым и К-о следующих за работы денег.

По высочайшему повелению делаемо было настояние над конторою означенной компании в С.-Петербурге о немедленном удовлетворении помянутых рабочих людей; но управляющий этою конторою купец Покулин отозвался, что подрядчики: Шарвин, Кузьмин и К-о сами не получили от казны за произведенные работы квитанций и по ним денег, а потому отказано рабочим в выдаче из конторы следующих им по квитанциям за работы денег, впредь до получения таковых из департамента железных дорог.

Как изъясненный отзыв поверенного найден неудовлетворительным, то вследствие сделанного строгого настояния, он взнес следующие рабочим 3 535 р. 20 к. сер., которые и розданы уже им по принадлежности, но при сем поверенный купец Покулин вновь объяснил, что рабочие не получали удовлетворения себе от доверителей его собственно потому, что сами [до] верители не получают несколько лет должных расчетов и платежей от казны за прежде произведенные работы по железной дороге, чем они стеснены до чрезвычайности, и об этом несколько раз жаловались главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями.

Из сего видно, что подрядчики Шарвин, Кузьмин и К-о для удовлетворения рабочих, как бы следовало, на месте не имеют денег, по неимению будто бы ими от департамента железных дорог платежей и расчетов за произведенные уже прежде работы; но это вероятно происходит от того, что подрядчики не представили надлежащих квитанций в произведенных ими работах и оные не засвидетельствованы еще и не сданы установленным порядком **.

X. Дело о волнениях крестьян, работавших на дороге

Доклад аудиториата главного управления главноуправляющему П. А. Клейнмихелю, 4 октября 1851 г. ***

Департамент железных дорог, по приказанию вашего сиятельства, от 9 прошедшего августа, за № 4714, препроводил в аудиториат на рассмотрение следственное дело о самовольном уходе с работ по линии С.-Петербурго-Московской железной дороги и буйстве партии крестьян государственных имуществ Витебской губ., Полоцкого у.

* Собствен. е. в. канц., 1 отд., 1851 г., № 7079.

** На документе пометы: «Получено от государя императора 7 февраля 851 г.», «Писано графу Клейнмихелю 8 февраля, № 204». Подпись под документом отсутствует.

*** Аудиториат гл. упр. п. с. и п. зд., 1851 г., св. 395, д. № 126, лл. 4—38.

По делу видно:

Начальник полицейского управления С.-Петербурго-Московской железной дороги, корпуса жандармов полк. бар. Тизенгаузен рапортами от 8 и 9 июля 1850 г., №№ 531 и 535, донес вашему сиятельству:

Что с работ по линии означенной дороги ушли самовольно две партии крестьян: одна Витебской губ., Полоцкого у., в числе 80 человек; другая Калужской губ., Жиздринского у., в числе 45 человек;

Что рабочие первой партии были настигнуты дистанционным офицером временного жандармского эскадрона поручиком Анисимовым, отправившимся в погоню за ними с одним унтер-офицером того эскадрона и приказчиком подрядчиков, купцом Мошенским, и когда Анисимов стал уговаривать старосту их — убедить рабочих возвратиться к месту работ, они с криком на последнего: «ты нам изменяешь», начали жестоко бить старосту, повергши его на землю;

Что при усилиях поручика Анисимова остановить буйство, один из рабочих нанес ему по затылку дубиною столь сильный удар, что он упал без чувств; рабочие же кричали: «выпрячь лошадей и побить их», но унтер-офицер, при содействии ямщика, успел положить г. Анисимова в тарантас и увез в ближайшую деревню Едрово, где и подана ему медицинская помощь.

Что один из рабочих той артели, встреченный приказчиком Мошенским после означенного происшествия на дороге к гор. Валдаю, показал, что он был послан товарищами к другой артели рабочих для возбуждения их также к побегу; но та артель его не послушалась.

Исследование действительных причин этого происшествия на месте работ распоряжением вашего сиятельства первоначально поручено было начальнику штаба корпуса инженеров путей сообщения, который, не имея возможности опросить всех прикосновенных крестьян, по невысылке их в то время на место работ, донес от 12 августа 1850 г. за № 9 следующее:

Что партия крестьян Витебской губ. оставила работы по невыдаче им заработанных денег, следовавших к уплате в июле месяце (какого именно числа в контракте не определено). Рабочие требовали денег в начале месяца, а подрядчик, не отказываясь от платежа, просил отсрочки только на сутки; на что рабочие не согласились. В этой партии, по показанию приказчика Мошенского и по отзыву начальника полицейского управления, во время работ, замечены буйными по характеру: староста Филипп Семенов и рабочие: Григорий Матвеев, Петр Денисов, Федор Борисов и Антон Кириллов;

Что, по показаниям крестьян, оставшихся при работах у Марьиной трубы, откуда сошла другая партия рабочих Калужской губ., Жиздринского уезда, последние часто жаловались на волостное свое правление в том, что они по договору должны были производить работу по своим силам: по контракту же, заключенному волостным правлением, после удаления их с места жительства, задавали им такие уроки, которых они не могли вырабатывать. Некоторые же из сих крестьян объявили, что им иногда дают дурной квас, мало каши и плохую говядину; а иные жаловались на обмер их при задавании значительных уроков и на недостаток рубах и сапогов, при неполучении денег;

Что по личному удостоверению его, генерал-лейтенанта Мясоедова, пища найдена хорошею; при сличении же контрактов с урочным положением действительно оказалось, что назначенные уроки несравненно превосходят определенные урочным положением;

Что собранные сведения удостоверяют в том, что заключенные начальством рабочих, т. е. волостными правлениями, помещиками и их

управляющими, контракты выгодны для подрядчиков и стеснительны для рабочих, ибо:

Во-первых, круговая порука удобовозможна в таком только случае, если бы рабочие, нанимаясь с воли, сами избирали в свои артели товарищей, им известных, за которых могут ручаться *; волостные же правления и помещики высылают на работы из разных деревень крестьян, вовсе друг друга не знающих, неисправных плательщиков податей, ленивых и слабосильных, которые часто при работах за леность, болезни, прогул и побег подвергаются значительным вычетам, пополняемым подрядчиками за счет заработков крестьян благонадежных; чрез что расстраивается расчет последних, и они возвращаются в свои дома без всякой заработки, упустив удобное время для полевых работ.

Во-вторых, уроки назначаются для слабого землекопа такие же, какие для здорового и опытного; отчего накопившиеся недоработки, за вычетом полученных задатков, превышают иногда всю летнюю плату, и рабочий остается у подрядчиков в долгу; другие же, во избежание недоработков, от усиленной работы заболевают или произвольно оставляют работы, и

В-третьих, некоторые помещики обязали подрядчиков выдавать крестьянам на необходимые надобности по 50 коп., а другие по 1 руб. сер., тогда как одни сапоги и рукавицы стоят 1 руб. 80 коп., не считая нижней одежды;

Что, по отзыву полк. бар. Тизенгаузена, некоторые побеги происходили по тайным сношениям рабочих с их ближайшим сельским начальством, как это видно из представленной г. Тизенгаузену переписки рабочих Юхновского у. помещицы Станкевичевой с своим бурмистром, предлагавшим им уходить с работ не вдруг, а понемногу, и не прямо домой, а на другие выгоднейшие работы **;

Что при таком поведении рабочих сами подрядчики, несмотря на строжайшие меры, остаются невнимательными к побуждениям (не объясняется, по каким предметам). Полк. бар. Тизенгаузен, видя явные их уклонения в ответах на его требования, вынужден был объявить подрядчику Кузьмину и К-о, что будет производить переписку с ними посредством полиции; но за всем тем подрядчики на требования об удовлетворении претензий рабочих отвечали пустыми отговорками, иногда же дозволяли себе упрекать полицейское управление в бездействии, именно: подрядчик Иконников, прося майора Аврамова принять меры против побегов рабочих, присовокупил: «иначе рабочие люди, видя бездействие начальства, не остановятся от таковых поступков», тогда как сам Иконников нарушает условия с рабочими несвоевременным расчетом с ними, ибо многим артелям надлежало выдать деньги 29 июня и 1 июля, но таковые розданы только 16 июля, и то по принятым мерам генерал-майором Крафтом, и

Что ропот рабочих не менее того возбуждали неоднообразно заключенные контракты, по которым одни рабочие получают в день по фунту, другие по 3/4 фунта говядины; иные рабочие удовлетворяются такою же платою за несколько месяцев, какая производится другим за все рабочее шестимесячное время.

В таком положении дело, по предписанию вашего сиятельства от 5 октября 1850 г., № 294, передано было для дальнейшего обследования

---

* В контракте сказано: «Вообще во всех случаях, в коих будут следовать с рабочих вычеты, они отвечают друг за друга круговою порукою». (Примеч. в подлиннике.)

** Эта переписка к делу не приложена.

полк. Тизенгаузену совместно с депутатом со стороны государственных имуществ.

По исследованию оказалось:

I. О побеге крестьян Витебской губернии.

В списке, представленном к делу приказчиком Мошенским, показаны самовольно ушедшими с работ: 3 июля — пять и 5 июля 1850 г. — 79 рабочих крестьян разных деревень Витебской губ., Полоцкого у.

Все эти крестьяне, и особенно староста Филипп Семенов и рабочие: Матвей Давыдов, Григорий Матвеев, Петр Денисов, Федор Борисов и Антон Кириллов, которые, по отзыву полицейского управления, наиболее обнаружили во время работ буйность характера, требовались на место исследования.

Впоследствии же, от 4 октября того года, ваше сиятельство изволили отозваться витебскому, могилевскому и смоленскому генерал-губернатору, что по сближению времени закрытия работ по линии железной дороги нет надобности в возвращении всех бежавших крестьян, но необходимо выслать к следствию только шесть человек, которые наиболее замечены в буйстве.

Они вытребованы к делу и содержатся в валдайском остроге, кроме Григория Матвеева, впоследствии умершего.

Крестьяне эти показали:

Филипп Семенов, что он и товарищи его, по поступлении в конце апреля 1850 г. на работу по железной дороге и, проработав постоянно два месяца, не получали за все это время заработанных денег, несмотря на приносимые конторе неоднократные просьбы о выдаче денег; хотя же приказчик Мошенский отзывался, что в конторе денег не имеется и что следует подождать до высылки оных, но как все они обносились платьем и обувью, то вынуждены были 5 июля 1850 г. оставить работы и итти домой, и

Что предварительного сговора к удалению с работ между ними не было, но все они решились на это собственно по невыдаче им за работы денег, при трудности задаваемых уроков, которых на твердой земле почти всегда не в состоянии были вырабатывать.

Согласно с этим ответили крестьяне: Матвей Давыдов, Федор Борисов, Антон Кириллов и Петр Денисов.

Начальник Витебской губ. от 26 августа 1850 г. № 9128 сообщил полковнику барону Тизенгаузену, что прочие крестьяне, оставившие самовольно работы на линии железной дороги, показали, что к этому вынуждены были неаккуратностью подрядчиков, которые давали им самое худое содержание: не платили денег на покупку сапогов, чрез что они попортили себе ноги; что к удалению с работ никто из них зачинщиком не был, но все они на это решились одновременно, и убедительно просят оставить их на местах жительства, или лучше сослать в арестантские роты, но не отправлять на столь тяжкие работы, которых при дурном содержании исполнять невозможно.

Витебская же палата государственных имуществ от 12 октября 1850 г. № 12776 доставила к делу, к защите крестьян, письмо, писанное артельным старостою крестьянином Федором Степановым 1 июля 1850 г. от имени товарищей к сельскому их старосте насчет обременения их тяжелыми работами в противность сделанного ими условия с поверенным подрядчика 1 гильдии купца Иконникова.

В письме этом написано:

«Милостивый государь, Лука Иванович, уведомляем вас, что жизнь наша очень плоха: уроки тяжелые, земля крепкая или с грязью. Про-

сим вас: помогите нам. Мы жаловались начальству, но никакой нет нам от них пользы; посылали вам два письма и вы нам уведомления не прислали. Болезнь жестокая, называемая цынгою. Не менее 10 человек в больнице, а один, Герасим Васильев, умер. Донесите окружному управлению и палате, чтобы выслали кого-нибудь для защиты нас в обиде».

Начальник 2 дистанции 2 отделения полицейского управления, корпуса жандармов поручик Анисимов, ответил:

Что повод к побегу крестьян с вверенной ему дистанции 3 и 5 июля 1850 г. не был ему известен, ибо все поступавшие к нему от рабочих жалобы по исследованию оказывались неосновательными.

Что за несколько дней до побега рабочие требовали выдачи им денег, которых по условиям контракта им не следовало.

Что при посещении им, Анисимовым, работ 4 июля староста Филипп Семенов объявлял, что из его артели бежали рабочие: Самусь Емельянов, Данило Семенов, Семен Семенов, Егор Данилов и Тарас Тихонов, о чем и было в то же время донесено начальнику отделения полк. Виланду; 5-го же числа в 10 часов утра приказчик Мошенский объявил ему, Анисимову, что накануне того числа вечером староста Филипп Семенов с несколькими рабочими приходил в контору и просил денег, следовавших им в выдачу в течение июля месяца по 4 руб. сер. каждому, но им было отказано до 6 числа того месяца; рабочие, не дождавшись этого срока, ушли с работы;

Что эти крестьяне с поступления на работу по железной дороге, т. е. с 1 мая по 1 июля 1850 г., при всяком проезде его, Анисимова, по работам жаловались, будто им задают большие уроки, несогласные с контрактом, и опровергали силу оного; также говорили, что пища отпускалась им в недостаточном количестве и худого качества; но эти жалобы, по исследованию, всегда оказывались несправедливыми, тем более, что прочие артели, состоявшие на одном с ними пункте, в числе 300 человек, никогда ни на что не жаловались, и

Что на недостаток обуви и порчу ног никто ему, Анисимову, также не жаловался.

Инженер штабс-капитан Позенковский, с участка которого ушли рабочие, отозвался, что во время работ в 1850 г. неоднократно поступали к нему жалобы от рабочих на трудность уроков в земляных работах, но, по сличению уроков с контрактными условиями, жалобы эти большею частью оказывались неосновательными; если же случалось, что уроки были задаваемы более условных, то, по приказанию его, Позенковского, были уменьшаемы. Что касается степени прилежания рабочих той артели, которая самовольно оставила работы, удостоверить не может, потому что наблюдение за успешностью работ состояло на обязанности подрядчиков, принявших на себя задельное, а не урочное производство оных.

Поверенный подрядчиков, купец 3 гильдии Мошенский, по обстоятельствам сего дела ответил:

Что причина побега с работы крестьян ему неизвестна.

Что рабочие действительно просили у него несколько раз выдачи им денег из числа назначенных в счет платы по контракту в июле месяце; но как в контракте не определено, которого именно числа рабочие должны были получить плату, то он, Мошенский, при неимении наличных денег выдачу таковых отсрочил до 6 числа того месяца.

Что в число следовавшей рабочим летней 1850 г. платы выдано при заключении контракта задаточных по 13 руб. серебром на каждого человека; поелику же они находились на работе только два месяца, то за конторою не было долга; напротив, каждый из бежавших рабочих

остался должен конторе, что можно видеть из представленных к делу: копии с контракта, расчетного листа об удовлетворении рабочих денежною платою с 1 мая по 1 июля 1850 г. и табелей, в которые ежедневно на месте работ записывалась выработка и прочие относящиеся к расчету обстоятельства.

Что имели ли рабочие возможность приобресть на собственные деньги платье и обувь, как надлежало по условиям контракта, не знает; но что они на покупку этих вещей просили у него, Мошенского, денег, — это справедливо, в чем им было отказано по вышеприведенным причинам. Были ли у рабочих попорчены ноги, — не заметил, и

Что при осмотре им, Мошенским, работ нередко были замечаемы в артели рабочих несколько человек, которых прозваний не знает, буйного характера, которые, опровергая силу контракта, не вырабатывали согласно условиям уроков и таковые назначали себе по самовольному своему усмотрению, отчего произошла недоработка, и об этом было объявляемо словесно поручику Анисимову; иногда же рабочие излишне требовали съестных припасов.

В засвидетельствованной конторщиком подрядчика Шарвина и К-о Овчинниковым копии с контракта, заключенного 6 марта 1850 г. поверенным подрядчиком с крестьянами государственных имуществ Витебской губ., Полоцкого у., Сосницкого сельского общества, всего 105 человеками, с дозволения начальства последних, согласно кондициям, между прочим, сказано:

а) Рабочие люди должны быть здоровы и к земляной работе совершенно способны, не старее 50 и не моложе 18 лет.

б) Работы начать не позже 1 мая и продолжать по 1 ноября того года, если погода не воспрепятствует; в противном случае, подрядчики имеют право расчитать ранее, не производя платы за остальные дни до срока по расчету.

в) На каждую артель, состоящую из отдельного числа людей назначенного подрядчиками, выдана будет особая книжка для записки местным приказчиком: количества выработки, выдачи задатков и всех заборов деньгами и вещами, равно рабочих и нерабочих дней, разумея под последними: дождевые, прогульные и другие, в которые по каким-либо случаям не будет производиться работ, кроме воскресных и праздничных (в дождевые дни за харчи вычета с рабочих не будет, но и дневной платы не полагается).

г) Рабочие обязаны выходить на работы с рассветом дня и производить оные по-урочно, и именно: каждый рабочий в один день должен выкопать земли и отвезти расстоянием: а) обыкновенного грунта — песку, глины, материка и подобных им, от 5 до 25 погон. саж. — $^2/_2$ куб. саж., от 25 до 50 — $^1/_2$ куб. саж.; б) крепкого грунта: от 5 до 25 погон. саж. — $^1/_2$ куб. саж., от 25 до 50 — $^1/_3$ куб. саж. и в) щебенистого грунта: от 5 до 25 пог. саж. — $^1/_3$ куб. саж., от 25 до 50 — $^1/_4$ куб. саж. Если же расстояние будет далее 50 погон. саж., то убавлять уроки соразмерно прибавки расстояния по качествам грунтов чрез каждые 10 погон. саж. и именно: за 60 погон. саж. вместо $\frac{50}{100}$ куб. саж. — $\frac{45}{100}$; за 70 погон. саж. — $\frac{40}{100}$; за 80 погон. саж. — $\frac{35}{100}$; за 90 погон. саж. — $\frac{30}{100}$ и за 100 погон. саж. — $\frac{25}{100}$; те же из рабочих, которые будут употреблены к планировке земляного полотна и откосов, обязаны вырабатывать по 15 погон. саж. на человека в день, по указанию приказчика.

д) Если кто из рабочих выкопает и отвезет земли более определенного урока, то подрядчики обязаны при расчете зачесть излишек за

недоработку, а у кого таковой не окажется, тому платить за каждую лишнюю сажень в первых грунтах с отвозкою оной на расстоянии до 50 погон. саж. включительно особо сверх установленной платы по 70 коп. сер.; во втором крепком грунте — по 90 коп. сер. и в третьем щебенистом с тою же отвозкою — по 1 руб. 10 коп. сер.; при отвозке до 25 пог. саж. плату полагать по расчету с вышесказанным расстоянием; за отвозку же далее сего расстояния платить рабочему на каждые 10 погон. саж. за куб. саж. земли по 3 коп. сер.

е) За прогул, пьянство и самовольную отлучку во время работ вычитать с артели рабочих за каждого виновного в день по 50 коп. сер.; за больных же, которых подрядчики обязаны пользовать, вычитать с каждого: за харчи 15 коп. и за медикаменты 5 коп. сер. в сутки, не полагая им за те дни заработной платы. Но если кто из рабочих умрет, не отрабатывать задаточных и забранных им денег, то таковые вычесть из общей суммы, причитающейся артели. Вообще во всех случаях, в коих будут следовать с рабочих вычеты, они отвечают друг за друга круговою порукою.

ж) Подрядчики обязываются уплатить за исправную работу с 1 мая по 1 ноября каждому рабочему: пайщикам по 28 руб., равняльщикам по 14 руб. сер., если действительно деньги сии они заработают; за недоработку же, сколько оной окажется, вычитать по тому расчету, как платят подрядчики рабочим за излишне выработанное количество кубических саженей.

з) В счет договорной платы подрядчики обязаны выдать на каждого рабочего при заключении сего условия: пайщикам по 10 руб., равняльщикам по 5 руб. сер.; пред выходом же на работу тем и другим по 3 руб. сер. на человека, а в июле месяце пайщикам по 4 руб., равняльщикам по 2 руб. сер., исключив из последней суммы вычеты, каким рабочие могут подвергнуться до того времени. В продолжение работ на необходимые надобности рабочих, исполнивших свои уроки, выдать каждому на руки деньгами или вещами: пайщику по 3 руб., равняльщику по 1 руб. 50 коп. сер.; затем остальные деньги платить по окончании работ своей артели, или кому от оной поручено будет, не далее, как через 8 дней.

и) Продовольствие и харчи рабочим причитаются: в постные дни: кашица с постным маслом, полагая на то и другое: круп 10 фун., масла 1 фун. на 10 человек; в скоромные дни: кашица с говядиною свежею или соленою на каждого человека в сыром ее весе по ¾ фун. и каша с постным маслом; хлеба ржаного досыта.

і) Платье и обувь, сообразные времени года, рабочие должны иметь собственные.

к) От каждой артели должен быть поставлен старшина, который обязан вести табели с лицом, назначенным от подрядчиков, и наблюдать за нравственностью рабочих и успехом в работах, за что ему будет сделано сверх платы рабочего, если он будет работать, особое вознаграждение по условию.

л) В продолжение всего рабочего времени рабочие и артельщики или старосты должны быть в полном послушании и повиновении у подрядчиков, их поверенных и приказчиков.

В конце этого контракта, между прочим, значится, что каждым рабочим получено от поверенного подрядчиков в присутствии сельского старшины и сборщика податей в задаток: первоначально по 10, а потом по 3 руб. сер., всего 1 350 руб. сер. Из представленных Мошенским бумаг усматривается:

По расчетному листу:

Что государственные крестьяне Витебской губ., Полоцкого у., в числе 105 человек, заключившие с подрядчиками на земляные работы по линии железной дороги вышеприведенный контракт, получили:

В задаток	1 350	руб. —	коп.
В течение лета	32	» 51	»
Итого	1 382	руб. 51	коп.
Заработано с 1 мая по 1 июля 1850 года	802	руб. 58¾	коп.
Вычтено:			
За больных	28	» 44¼	»
» дождевое время в сложности	26	» 11¾	»
» прогул	54	» 18¾	»
» недоработку 218,88 кубиков	152	» 89	»
Итого	261	руб. 63¾	коп.
Затем рабочие остались должными конторе	822	» 43	»

По табелям за май и июнь месяцы:

Что невыработка уроков простиралась:

В мае:	большая	2,57	куб. саж.
	меньшая	0,15	» »
В июне:	большая	1,3	» »
	меньшая	0,39	» »

На передопросе 20 июня 1851 г. крестьяне: Филипп Семенов, Матвей Давыдов, Федор Борисов, Антон Кириллов и Петр Денисов показали, что они не знают, кто получил за них задаточные деньги при найме на работы; сами же таковых не получали; кроме того, что при отправлении их с места волостным головою было выдано каждому из них на дорогу по 3 руб. сер.; затем за произведенные работы в течение мая и июня месяцев никакой платы не получали; тетрадки, данные им из кузнецовской конторы, для записки денежных выдач за работы, они при отлучке с работ утеряли.

Той же губернии и уезда Заборовского сельского общества 28 крестьян под присягою показали, что их артель в 1850 г. работала в течение всего летнего времени в одном месте с бежавшею в июле месяце артелью Сосницкого сельского общества; но почему они это сделали, не знают; что пища за обедом и ужином была с ними одинаковая, которою всегда были довольны, кроме того, что однажды случился квас нехороший, который, по приказанию жандармского офицера, был исправлен, и после худого квасу не бывало; что земляные работы назначались каждому рабочему по условию одинаково, которые вырабатывались на мягком грунте всегда сполна; на твердой же земле выработка уроков возможна была только для сильных рабочих и то при всем их старании; молодые же и бессильные рабочие, при всем желании, никак не могли вырабатывать уроков; что в лености и нерадении к работе из числа бежавших рабочих они не замечали; на неуплату денег за прошлый год никто из артели Заборовского сельского общества не жаловался; из бежавшей же артели, как слышали, некоторые два или более раз ходили в контору просить денег, но не получили по невысылке таковых, и что за шесть или более дней до побега той артели говорили они между собою, что если не получат денег, то вправе уйти домой, но в буйстве из них никого не замечали; о недостатке у них платья и обуви, и о порче ног неизвестны.

II. О причинении поручику Анисимову побоев.

Староста бежавшей с работ артели, крестьянин Филипп Семенов, показал, что когда поручик Анисимов, настигнувший рабочих на дороге, стал уговаривать его, Семенова, убедить товарищей возвратиться на работы, то кто-то из них ударил его, Семенова, рукою по затылку несколько раз и оттолкнул прочь от г. Анисимова; при усилиях же последнего остановить буйство рабочих, крестьянин Матвей Давыдов ударил Анисимова по затылку один раз дубиною так сильно, что он упал на землю; а когда рабочие пошли потом далее и дорогою начали упрекать Давыдова в его поступке, он сказал: «Мало этого; надобно было сорвать с него эполеты». Кроме Давыдова, в причинении г. Анисимову побоев никто из рабочих не участвовал.

Согласно с Семеновым ответили крестьяне Федор Борисов, Антон Кириллов и Петр Денисов.

Крестьянин Матвей Давыдов сознался в том, что когда поручик Анисимов хотел удержать рабочих при нападении их на старосту Филиппа Семенова, то он, Давыдов, вгорячах, не знает, каким случаем действительно ударил этого офицера по затылку попирашкою (дубинкою), отчего он упал на землю; затем при следовании рабочих далее, говорил ли, что этого для г. Анисимова мало, надобно было сорвать с него эполеты, — не помнит.

Начальник Витебской губернии от 26 августа 1850 г. за № 9128 уведомил полк. бар. Тизенгаузена, что бежавшие с работ крестьяне при допросе на месте жительства отозвались, что старосту Филиппа Семенова они не били, а только один Матвей Давыдов ударил поручика Анисимова.

Врач Кузнецовского лазарета Торопогрицкий от 12 июля 1850 г. свидетельствует, что поручик Анисимов был приведен 6 числа того месяца с сильным приливом крови к головному и, частью, спинному мозгу с начинавшимся паралитическим состоянием верхних конечностей, вследствие нанесенного ему удара тупым орудием в заднюю часть шеи между вторым и пятым шейным позвонками; что он был пользован от сего с 6 по 12 число означенного месяца и хотя исполняет обязанности службы, но состояние его здоровья не совсем еще восстановилось, и что если бы удар сделан по обнаженной шее или выше двумя дюймами, то неминуемо последовала бы смерть *.

Определение аудиториата.

... По сим обстоятельствам аудиториат полагает:

1) Крестьянина Матвея Давыдова за буйственный поступок против поручика Анисимова на основании закона (Св. воен. уг. уст., кн. II, ст. 4, пунк. 30) о крестьянах, не повинующихся своему начальству и оказавших сопротивление воинской силе при усмирении их, предать военному суду при тверском гарнизонном батальоне, испрося на это, по принадлежности виновного постороннему ведомству, высочайшее разрешение [11].

2) Прочих затем крестьян, оставивших работы, но в буйстве не участвовавших, освободить от дальнейшего преследования, и четырех из них, содержащихся по этому делу в остроге в гор. Валдае, отпустить в свои дома.

Генерал-лейтенант Цвиллинг. Генерал-лейтенант Мясоедов. Генерал-майор (подпись неразб.). Генерал-майор Языков.

* Копия с этого дела вручена депутату со стороны министерства государственных имуществ, тит. сов. Олехновичу. (Примеч. в подлиннике).

Из показаний крестьян о работе и условиях их жизни на постройке дороги, 24 декабря 1850 г. *

1850 г. декабря 24 дня по предмету найма в работы крестьян Сосницкого общества по С.-Петербурго-Московской железной дороге, при духовном увещании были спрошены крестьяне, бывшие на работе по той дороге и с ней ушедшие.

1) Крестьянин дер. Матусова Самусь Емельянов показал:

Когда наши домохозяева Сосницкого сельского общества заключили условие с подрядчиком купцом Мурашкинцевым итти на работы железной дороги, то, при выступлении нашем в апреле месяце из тех хат на работы в одной партии, состоящей из 88 человек, получили мы на каждого работника на руки еще от подрядчика Мурашкинцева по 3 руб. сер. По прибытии на место работ, когда мы начали работы, то вначале уроки были еще сносны, и пища была выдаваема добрая, а потом в уроки начали назначать такие работы, которые защитывались не согласно кондиций, например: 1) назначают копать место и говорят — грунт легкий, который следует вынимать лопатою, а когда начнем копать, то оказывается — грунт каменистый, который ломом можно разворачивать, и такую работу защитывали нам за грунт как [из] материала песчаного или глинистого.

2) Когда приходилась гора и нужно было скопать ее половину вразрез, то, когда скопаем саженей 10 или 12, покажутся ключи, вода из которых за ночь нанесет на скопанное место мокрой земли и песку, то поутру вновь заставят нас скопать ту землю и в работу то не полагают; особенно же нам крайне обидна и убыточна была работа при возке земли; расстояние полагали не по направлению досок, по которым мы возили тачки с землею, а по прямой линии; например, подойдет ров или гора, то кладутся доски кругом и кругом по них возим землю, а прикащики и десятники возьмут веревку, привяжут ее на шест и, протянув прямо, говорят: вот расстояние, по которому должна считаться возка земли. Это иногда выходило так, что расстояние прямо измеренное будет, например, 50 саженей, а возили землю более 150 саженей и в счет записывали только 50 саженей, чрез что пропадало даром много работы. Пищу начали отпускать совсем не по условию; например, хлеб нам печеный из муки подмоченной и лежалой, комки которой при печении разбивали даже иногда топорами, и не просеянной, так что один раз в булке хлеба нашли крысу запеченную, и когда мы то показали десятникам, то тогда только начали просевать муку; равно кормили протухлой солониной, на которой были черви, это происходило от того, что рассол из нее повытек, а ледников не было. Когда же мы объявили, что о всем том будем жаловаться, то нас не допускали до начальства, а во время проезда генерал-адъютанта графа Клейнмихеля не только что нас не допускали десятники приносить жалобы его сиятельству, но даже бросили тухлую солонину в воду, да и вообще при проезде высшего начальства переменяли негодный квас на хороший, равно и хлеб, о чем мы хотя иногда и приносили тамошнему ихнему начальству жалобы, но удовлетворения не получили. Когда же наступило по условию время получать деньги, т. е. по четыре рубля за работы, то 5 июля мы поручили Филимону Сергееву и Ивану Васильеву сходить в контору Кузнецова и просить денег, хотя на лыки для обуви, ибо мы все обносились, на что было объявлено, что 25 июля выдадут по одному руб. сер. и по

* Мин-во гос. им., II департамент, 1850 г., д. № 10286, лл. 52—58.

сапогам, а более того, чтобы не ожидали никакой платы. После того мы, видя, что нет ни платы за работы, ни содержания, то посему мы собрались и отправились домой.

Самусь Емельянов.

Из показаний крестьян о положении их во время работ на постройке жел. дороги, 21 января 1851 г.*

1851 г. января 21 дня по предмету найма в работы государственных крестьян Витебской губ., Березовского общества по С.-Петербурго-Московской железной дороге, при духовном увещевании, были спрошены:

1) Березовский сельский старшина Тит Кириллов показал: что в конце марта месяца поверенный купца первой гильдии Иконникова и К-о, царскосельский купец Мурашкинцев, прибыв в сельское управление, предложил крестьянам наем в работы на железную дорогу, и когда крестьяне собрались, то тогда и начались между крестьянами и подрядчиком торги: сначала крестьяне просили по 40 руб., а подрядчик давал по 28, наконец согласились на плату с 1 мая по 1 ноября на каждого рабочего по 30 руб. и, получив в задаток по 13 руб., вышли на работы. Из полученных же в задаток денег каждый рабочий внес в подати по 5 руб. сер., а остальные употреблены ими на свои хозяйственные надобности, на паспорты и на дорогу; те же деньги, которые внесли крестьяне в подати, записаны в платежные книжки и податные тетради при сем заключении контракта, а равно и при торгах. Но я и никто из сельских начальников не вмешивались и участия не имели, а делали все это сами крестьяне добровольно и без всякого принуждения, в работы не вышло 142 человека. Сельский старшина Тит Кириллов по неграмотности приложил печать...

Из донесения нач-ка штаба корпуса путей сообщения ген.-лейт. А. И. Мясоедова главноуправляющему П. А. Клейнмихелю, 12 августа 1850 г.[12] **

Некоторые статистические сведения, относящиеся до рабочего класса. — Белорусские, Псковская и соседние губернии занимаются трудом более материальным, ибо свободные от занятий хлебопашцы работники преимущественно суть землекопы.

Губернии же Тверская, Калужская, Владимирская и другие представляют нам более образованный класс, а именно: плотников, каменщиков и т. д.

Ярославская, Костромская и пр. — ремесленников степенью выше, как-то: лепщиков, маляров и пр.

Наконец, С.-Петербургская, Московская, Тульская и пр., как губернии более уже образованные и деятельность коих устремлена более на промышленность, занимаются фабричными или заводскими изделиями или торговлею.

По моему мнению, степенью развития промышленности и образования страны определяется не только количество рук, но и самая оценка труда.

Вникнув в обстоятельства порученного мне к расследованию дела, я начинаю тем, что труд землекопа по тягости своей должен бы быть вознаграждаем более относительно труда прочих классов ремесленников, но плотники, каменщики, столяры и другие требуют за свой труд

* Мин-во гос. им., I департамент, 1850 г., д. № 19286, лл. 375—377.
** Департамент жел. дорог, 1850 г. (арх. № 128), д. № 2675, лл. 157—182.

втрое более, потому что, вследствие развития промышленности и образования в их крае, труд их возвысился, и они имеют более средств добывать деньги. Сие предположение доказывается тем, что чем промышленность в крае более развита, тем менее край этот выпускает рабочего класса вне мест своей оседлости, и утвердительно сказать можно, что по порядку развития промышленности и образования губерний Новгородская, Тверская, Калужская, Костромская, С.-Петербургская, Московская, Тульская и другие менее выпускают рабочих; напротив, Белорусские и Псковская губерния доставляют самое наибольшее количество рук для земляных работ.

Мы знаем, что ежегодно массы народа устремляются в столицы и прочие большие города нашего государства для приобретения на труд свой; причины, побуждающие их к тому, несомненно те, что сельские работы производятся определительным количеством людей, а излишек оных по необходимости оставляет свои селения и ищет работы далее. Кроме сего, случающиеся у нас в государстве частые неурожаи еще более умножают нуждающихся в черной работе.

Жаль очень, что до сего времени статистические сведения не показывают нам излишества рук каждой страны, которым бы могло располагать правительство для исполнения государственных работ, что было бы весьма важно для сведения при назначении производства оных.

Рабочий класс народа вообще разделить можно на два разряда: 1) снискивающих себе труд работою в отдаленных местах от их жительства и 2) занимающихся работою по преимуществу в окружности своих селений.

Из собранных сведений можно достоверно заключить, что селение, состоящее из 100% душ земледельцев, в первом случае может дать до 25, а во втором до 35 свободных рук. Эта пропорция, хотя и общая для всего государства, но прилагается вполне лишь к белорусским губерниям; для других же губерний, как выше замечено, будет сие изменяться до степени промышленности и образованности оных. Из сего заключить можно, что правительство наше имеет в своих руках [возможность] для необходимо быстрого исполнения своих благодетельных предначертаний, составляющих благоденствие и славу нашего отечества.

Первая из государственных работ, со времени политического существования нашего государства, по своей важности, огромности и будущей пользе есть без сомнения С.-Петербурго-Московская железная дорога. Хотя в видах мудрого правительства было, сколько возможно, скорейшее исполнение оной, к чему и со стороны главного управления путей сообщения приняты все меры и усердие лиц участвующих, возбужденное примером главного начальника, во всех отношениях выше ожидания, но при сем том, по устройству железной дороги, в отношении к скорости исполнения, с трудом могут выполнять[ся] предначертания правительства.

Причина остановок в производстве работ за недостатком рук. — Из объяснений начальства железной дороги можно заключить, что главная причина остановок в производстве работ есть недостаток рабочих и невозможность иметь их в нужном количестве для урочного выполнения, согласно заранее составленному распределению оных. Между тем, как из приведенного мною выше видно, что правительство может располагать таким количеством рабочих, которое несравненно более надобности; самая главная потребность есть в землекопах; одни белорусские губернии, считая со 100 душ по 25 человек, могут доставить уже количество рабочих более необходимого.

Причину всего этого нужно искать:
во-первых, в степени кредита к государственным работам,
во-вторых, в достаточном вознаграждении труда рабочих.
Кредит к государственным работам проистекает из точного выполнения благодетельных предначертаний правительства.

Разделение рабочего класса по способам, которым они снискивают плату за труд. — Рабочий класс вообще разделить можно на два разряда: на снискивающих себе плату за труд лично и чрез подрядчиков или поставщиков; это подразделение происходит от недостатка в денежных средствах.

Быт тех и других рабочих. — Те из рабочих, которые имеют средства к содержанию себя и к уплате повинностей, без чего им нельзя оставить селений, составляют артели, и, отправляясь в столицы и другие города, где поденною работою, хотя в начале лета, пока работы не развились, весьма незначительно, но приобретают себе плату иногда более, нежели рабочие, находящиеся у подрядчиков, и, кроме того, пользуются здоровою пищею, хорошим помещением, что сохраняет им здоровье, а вместе с тем и физические силы.

Второй разряд рабочих идет в так называемую кабалу к подрядчику единственно оттого, что за него платятся им повинности и он не должен заботиться о своем содержании и приискивании работы. Нанятые таким образом рабочие не досчитывают в своей ряде от 25 до 50% и находятся в совершенной зависимости у подрядчика, который из своих выгод считает рабочего орудием своего корыстолюбия и ставит его наравне с неодушевленным, ибо труд рабочего он может удвоить и утроить, действуя по произволу и потому только, что в руках его единственная надежда рабочего, т. е. плата за труд.

Пища и помещение рабочих равно служат к злоупотреблению подрядчика и, распространившись более о сем предмете, можно было бы доказать, что все болезни, являющиеся у рабочих, как-то: цынга, кровавые поносы, изнурительные лихорадки и пр., происходят от пищи, сырости, помещений и от изнурительных трудов в течение всего лета.

Меры, принятые правительством к улучшению быта рабочих. — Правительство, имея в виду искоренить подобные злоупотребления и думая обеспечить рабочий класс от притеснений и тем приохотить к государственным работам, назначило полицейскую жандармскую команду, цель которой была отвращение беспорядков при огромном стечении народа и надзор за правильным расчетом рабочих, за их пищею и содержанием.

Мера эта, хотя и неповсеместно, но имела благие последствия, ибо пища рабочих по возможности удовлетворительна, помещение их также, беспорядки по возможности отстраняются, но все-таки зло несовершенно искоренено по многим причинам, которые далее будут следовать.

Подрядчики, как посредники между правительством и рабочими. — Правительство работы отдает с торгов подрядчику, который, уменьшая по возможности местное назначение цены рабочих, необходимо имеет в виду свою выгоду, которая не определяется никакими данными или известными обеспеченными процентами на употребленный им капитал, а потому весь расчет его сосредоточивается в извлечении всех возможных выгод какими бы то средствами ни было, имея в виду, что правительство, согласно заключенному ими условию, не имеет права входить в расчет его выгод, равным образом и убытков, которые может он понести. Посему не мудрено, что подрядчик считает себя в праве искать выгоды в найме рабочих, в распределении труда их, и, наконец, в обязательном их положении платить ему за обувь и другие необходимейшие вещи установленную им цену; но так

как начальство полицейского управления по обязанности своей, основанной на законе человеколюбия, могло бы воспротивиться таковым действиям подрядчиков, то они все притеснения свои облекли в форму закона, ссылаясь на добровольное согласие у государственных крестьян сельских начальств, а у помещичьих — их помещиков и, наконец, на собственное согласие рабочих, на что имеют подобно стеснительные контракты.

Порядок, коим производится наем. — Прежде, нежели рассматривать пункты контрактов, следует обратить внимание на порядок, которым производится наем рабочих.

Так как по количеству на С.-Петербурго-Московской железной дороге главный класс рабочих составляют землекопы, то они и составят предмет записки, которая впрочем более или менее может быть приложена и к другим рабочим.

Рабочие, на которых не считается никаких государственных недоимок, а потому свободные избирать для себя работу, никогда не принимают стеснительных контрактов подрядчика, но, довольствуясь ничтожною платою, под именем «поляков» наводняют селения великороссийских губерний, где, по согласии с помещиками или управляющими имениями, производят за ничтожную плату разного рода земляные работы. Стесненные же уплатами повинностей и оброком крестьяне, находясь в полной зависимости от своих сельских расправ или помещиков, составляют цель подрядчиков. Для удобнейшего исполнения своих бесчеловечно корыстолюбивых видов, подрядчик снабжает прикащика, сверх 10 и 15 руб. на задатки, еще от 3 до 5 руб. на темные расходы, служащие к склонению сельских властей употребить свое влияние, дабы заставить принять их условия. Сии же, к стыду человечества, заботясь единственно о получении задаточных денег, будучи с этой стороны удовлетворены, принуждают своих крестьян и сами подписывают беспрекословно условия. Бывали примеры, что помещик выговаривал себе получение всех вообще денег, причитающихся его крестьянам, оставляя им лишь по 50 коп. на все расходы в течение шести месяцев.

Из приведенного выше следует, что контракты заключаются подрядчиками не с добровольного согласия рабочих, но вследствие обмана или побуждения волостных расправ, сельских старост, помещиков или их управляющих...

Уроки задаются рабочим вдвое более против урочного положения, где, при назначении оных по § 1 б), приняты были физические силы человека, которые он может употребить, производя работы ежедневно, и по § 36, для провозки людьми выкопанной земли, принято основанием, что каждый вольнонаемный работник может вести в тележке 6 пуд. Все рабочие единогласно жалуются на невозможность вырабатывать подобные уроки, что очевидно: ибо рабочий, обязанный по контракту выкопать $^2/_3$ куб. саж. за расстояние 25 саж., должен употребить $^1/_2$ рабочего времени, т. е. 6 часов, или 360 минут, на выкопку земли в двух третях куб. саж. 666 пуд., значит выбросить на тачку в минуту до 2 пуд. земли, не считая времени и усилия на отделение оной заступом. Остальные же 6 часов должен употребить на отвозку оной весом на тачку вместо 6 пуд. до 12. Здесь еще не принято в рассуждение уменьшение одною третью уроков в осеннее время, что подрядчики по контракту не принимают во внимание.

Так как обмер выработки рабочего производится каждодневно, то недоработка или переработка составляют дробные деления куб. саж., недоступные понятию рабочего, а потому не мудрено, что и в сем

происходят злоупотребления со стороны прикащика, который производит обмер в пользу своего хозяина.

Разделение рабочих на пайщиков, равняльщиков и крючников и плата за их работу.— Землекопы разделяются по роду своих занятий на два разряда: на пайщиков, т. е. тех, которые обязались вырабатывать вышеприведенные уроки, и на равняльщиков и крючников, работающих поденно. Плата пайщику за 6 месяцев не превышает 35 руб. сер., равняльщики же и крючники получают половину, т. е. до 17 руб. 50 коп.

Причина ропотов на разность в плате рабочим.— Плата эта почти постоянная, исключая те случаи, в коих подрядчик по экстренности должен нанимать рабочих свободных, т. е. не понуждаемых сельскими властями и помещиками; тогда плата возвышается или остается тою же при уменьшении времени работы.

Это обстоятельство производит сильный ропот между рабочими, которые получают сравнительно меньшую плату перед другими; ропот тем более справедлив, что труд тех и других одинаков, и таковое преимущество не должно иметь места ни в каком случае.

Вычет за лежалые дни и последствия оного.— Вычеты за так называемые лежалые дни, во время болезни рабочего, ведут к весьма плачевным для человечества последствиям.

В самых сих вычетах заметно уже корыстолюбие подрядчика, имеющего целью из всего извлекать свою выгоду, потому что содержание рабочего, а тем более больного, стоит подрядчику никак не более 10 коп. сер.; между тем как с него вычитается за пищу по 15 коп. сер. и за медикаменты 5 коп.

Рабочий пайщик получает по расчету в день платы до $19^1/_2$ коп. сер., равняльщик и крючник $9^3/_4$ коп. сер., а потому вычет за каждый лежалый день 20 коп. сер. для пайщиков уничтожает дневную заработку предшествовавшего рабочего дня, а для равняльщика и крючника — заработку двух дней, так что два месяца болезни для пайщиков уничтожает слишком два месяца их заработки, и рабочий вместо условленной платы 35 руб., не принимая в уважение еще других вычетов, может получить лишь 11 руб., а для равняльщика и крючника два месяца болезни уничтожают четыре месяца его трудов и он остается еще должен подрядчику 6 руб. 50 коп. сер.

Таковое стеснительное положение рабочего заставляет его, невзирая на нездоровье, из боязни вычетов, работать до тех пор, пока, наконец, болезнь, как говорится, не свалит его с ног. К тому же боязнь обратиться к врачу, дабы не запретили ему работать, или отправиться в лазарет, делает то, что болезнь, которая могла бы прекратиться в несколько дней, развившись, продолжается месяцы, годы, делает рабочих неспособными к работе или причиняет смерть.

По заботливости правительства на С.-Петербурго-Московской железной дороге имеются врачи, которые могут подавать совет и пользовать рабочих, равно и надзирать за их здоровьем; на других же работах рабочие лишены и этого важного преимущества.

Принуждение по контракту рабочих в случае надобности работать в воскресные и праздничные дни.— Отдых в праздничные и воскресные дни необходимо для подкрепления сил рабочих, изнуренных 6-дневною трудною работою, и не только что принуждение их контрактом в случае надобности работать в означенные дни не должно быть дозволено, но даже надзор за отдыхом, по крайней мере по воскресным дням, был бы нелишним.

В контрактах подрядчиков на железной дороге по крайней мере назначается рабочим в праздничные дни, в случае работы, плата,

сообразная их найму; между тем как при других работах часто рабочие в праздничные дни выходят на работу за самую ничтожную плату, далеко не достигающую их дневной заработки.

В числе притеснений рабочих нельзя не упомянуть о следующем злоупотреблении со стороны подрядчиков:

Выдача рабочим вместо денег вещами по двойной цене.—По контракту подрядчики обязуются выдавать рабочим плату деньгами; между тем как выдают им вещами, в которых рабочий нуждается, так что сапоги, в которых рабочий нуждается, выдаются подрядчиками с вычетом из платы рабочих от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 50 коп., между тем как в вольной покупке они стоят не более как 60 или 70 коп. сер.; полушубки поставляются подрядчиками рабочим от 3 и до 4 руб., стоят же от 1 руб. 50 коп. до 2 руб.; так же точно и другие вещи, как-то: рубахи, рукавицы и пр.

Таковая несоразмерная выгода подрядчиков, иногда превышающая 100%, показывает, что корыстолюбие их развито до того, что в них нет человеколюбия настолько, чтобы считать постыдным пользоваться трудовою копейкою рабочего, единственною надеждою прокормления целого семейства.

В подобных случаях подрядчики ссылаются на добровольное согласие рабочих, но возможно ли оно там, где так ничтожно ценится труд человека.

Штраф за прогульные дни, неудовлетворение рабочих со стороны подрядчика за несвоевременный расчет. — Подрядчики контрактами своими подвергают рабочих в виде штрафа уплате за прогульные дни, разумея под ними пьянство, самовольную неявку в срок к работе, отлучку и вообще все дни, в которые по какой-либо причине рабочие не выходят на работу, но сами не обязывают себя никаким штрафом в случае задержания рабочих при расчете, так что случается, что они ожидают расчета в течение от недели до месяца, пользуясь на счет подрядчика лишь пищею, но не получая никакой платы за все время, которое проводят совершенно праздно.

Следствие несвоевременного расчета.— Между тем несвоевременный расчет вселяет в рабочих недоверие к государственным работам.

Выдача вместо уплаты деньгами срочных квитанций и последствия от того.—Случается также, что подрядчики по неимению наличных денег выдают срочные на уплату квитанции, которые дисконтируются рабочими у посторонних лиц с потерею [рабочими] нередко 20%, что, по-моему, должно бы быть совсем воспрещено.

Злоупотребление круговой поруки.— Для обеспечения своих контрактов подрядчики обязывают рабочих круговою порукою в случае, если кто из рабочих не явится на работу и, значит, не отработает задатков, по случаю долговременной болезни рабочих и самой смерти и, наконец, побегов с работы. Конечно, в этом случае подрядчик не может иначе поступать, чтобы обеспечить выданные им задатки, но все зло здесь кроется в том, что рабочие часто разных деревень, не знающие друг друга, не по взаимному желанию, но по побуждению своими сельскими властями к круговой поруке, естественно, не могут иметь доверия друг к другу, а потому и не должны бы отвечать друг за друга,— например, в случае побега с работы половины артели, другая половина, по круговой поруке, должна за них отработать уроки или уплатить штраф по 50 коп. сер. в день за каждого бежавшего,— вещь невозможная, потому что рабочий не может выработать урока, вчетверо более полагаемого урочным положением, и потому что, получая

поденную плату по 19½ коп., не в силах уплачивать 50 коп. По приведении же сего в исполнение рабочий не только не получает платы за свою работу, но еще остается должным подрядчику.

Как велика заработка рабочих и достаточна ли на покрытие их нужд.—Теперь остается показать, как может быть велика заработка рабочего и достаточна ли она на покрытие его нужды.

I. Пайщики.

Получают за 6 месяцев — 35 руб., что составит, полагая в месяц, за исключением воскресных и праздничных дней, 25 рабочих дней; за каждый рабочий день — 23⅓ коп. сер.

Из них расхода:

вычет за дождливые дни, полагая оных во все время не более 6—1 руб. 40 коп.; паспорт рабочего — 1 руб. 43 коп.; дорога на работу и обратно — 3 руб.; две пары сапог — 1 руб. 40 коп.; полушубок — 2 руб.; рукавицы и белье — 1 руб.; казенных податей — 6 руб. Итого — 16 руб. 23 коп.

Затем остается ... 18 руб. 77 коп.

II. Равняльщики и крючники.

Получают за 6 месяцев — 17 руб. 50 коп.; что составит за рабочий день — 11⅔ коп.

Из них расхода:

За 6 дождливых дней — 70 коп.; паспорт — 1 руб. 43 коп.; дорога — 3 руб.; две пары сапогов — 1 руб. 40 коп.; полушубок — 2 руб.; рукавицы и белье — 1 руб.; казенных податей — 6 руб. Итого — 15 руб. 53 коп. Остается 1 руб. 97 коп.

В обоих сих расчетах полагалось, что рабочие покупали обувь и одежду сами; иначе в каждом случае прибавилось бы по 4 руб. 60 коп., и не приняты в рассуждение прогульные и лежалые дни, а в первом расчете — недоработки, что по огромности уроков неизбежно. Приняв же все это в уважение, видно, что заработка рабочих весьма незначительна, что доказывается тем, что они уходят с работы, едва имея чем содержать себя в дороге, что оставались должными подрядчику и уже по настоянию жандармского начальства им выдавалась необходимая сумма на дорогу.

Заключение. — Из всего приведенного можно заключить:

1) что кредит к государственным работам с каждым годом все более и более ослабевает. Доказательством тому служит то, что весьма многие из рабочих, находясь один год на работе железной дороги, на другой год уже не соглашаются более работать;

2) что не достигается цель правительства чрез назначение государственных работ — улучшить благосостояние чернорабочего класса народа, а напротив, действия подрядчиков могут со временем вооружить его против правительства;

3) что правительство лишается способов, по недостатку рук, к срочному приведению в исполнение своих предначертаний;

4) что неуплата подрядчиками за забираемое продовольствие у окрестных жителей, разоряя их на некоторое время, необходимо приостанавливает промышленность края, для которого при открытии дороги необходимы средства к развитию торговли;

5) что отговорка подрядчиков, при понуждении их выставить недостающее по наряду количество людей, на недостаток рабочих, как видно из всего вышеприведенного, есть некоторый обман; настоящая

же причина есть нежелание пожертвовать лишнею платою рабочим, а главное,— недоверие рабочих к подрядчику, потому что из собранных на месте сведений видно, что одни окрестные жители, по всей вероятности, могут пополнить недостающее по нарядам количество рабочих.

Положение подрядчика в хозяйственном отношении относительно казны и рабочих.— Из приведенного выше видно, что хотя главная вина на стороне подрядчика, но, разобравши некоторые обстоятельства, например назначение уроков сверх сил рабочих, видно, что подрядчик не может руководствоваться в назначении уроков согласно урочному положению, по следующим соображениям:

Рабочий, как мы видели, обходится подрядчику в рабочий день по 23⅓ коп., присоединив сюда пищу его, что составляет на рабочий день 12 коп. сер., и расходы при заключении контракта, на залоги, на надзор за рабочими, разъезды, содержание конторы, постройку балаганов и пр., всего, полагая по 5 коп. сер. на каждого в день, выйдет что рабочий обходится подрядчику 38⅓ коп. сер. *; между тем как он получает от казны только 35 коп. Из сего следует, что обязать подрядчика задавать уроки по урочному положению решительно невозможно, и подрядчик, понизив цену рабочего за крайний предел, весьма естественно должен выгадывать увеличением его труда.

Для искоренения по возможности злоупотреблений и жалоб рабочих, так как в настоящее время изменить или ввести новые условия в контракты подрядчиков с казною невозможно, то для будущности полагаю нужным принять следующие меры:

1) Наблюдать, чтобы рабочие заключали контракты непременно с общего их согласия, отнюдь без принуждения к тому начальств их, для чего вменить в обязанность полицейскому жандармскому начальству, при поступлении рабочих на работу, опрашивать их и, если окажется, что они принуждены были к тому, что контракт, как незаконный, уничтожить и рабочих не обязывать уроками более их сил.

2) Круговую поруку принимать только лишь, когда рабочие единогласно изъявят свое согласие уже на месте работ.

3) Всякий раз при выдаче денег подрядчикам из департамента железных дорог давать знать полицейскому жандармскому управлению для сведения и понуждения подрядчиков к уплате рабочим.

4) Наблюдать, чтобы в условиях подрядчиков с рабочими касательно пищи их было упомянуто, чтобы рабочих кормили щами, как пищей более полезной для здоровья их, чем кашей.

5) Допустить по линии железной дороги торговых разносчиков всякой крестьянской одежды и обуви, также белья и других нужных рабочим мелочей, чрез что совершенно отвратится монополия подрядчиков брать с рабочего за вещь в полтора раза более стоимости оной.

6) Производить ежемесячные инспекторские смотры и опросы рабочих, довольны ли они со стороны подрядчика, как в денежной плате заработанного ими, так в пище, и нет ли притеснения к излишним урокам или к работе в праздничные дни (при таковых смотрах начальник может иногда заметить робкого страдальца, который будет плохо одет или обут, в жалком состоянии своего здоровья).

Русский человек, по вере своей к богу и царю, весьма терпелив, и надобно сделать ему чресчур много жестокого, чтобы он подумал ослу-

---

* В документе ошибка в подсчете: $23^1/_3 + 12 + 5 = 40^1/_3$, а не $38^1/_3$.

шаться хотя временной власти, над ним постановленной, а потому в настоящем деле, мне порученном, я обвиняю подрядчиков и те власти, кои безусловно, из денег, поручают им своих рабочих.

Начальник штаба генерал-лейтенант Мясоедов.

Москва

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Цены на оплату труда рабочих держались на одном уровне в течение всего времени строительства дороги (1843—1851 гг.). Колебание в ту или иную сторону не превышало нескольких копеек. В «Ведомости ценам за рабочих, материалы и инструменты, требующиеся при действии пейного аппарата» (аппарат для пропитывания дерева по способу Пейна) за 1850 г. находим следующие расценки:

За рабочих:	Серебром (в копейках)
За маляра в день	65
» слесаря »	70
» печника »	60
» плотника »	50
» кузнеца »	60
» чернорабочего	38

(Южн. дирек., 1850 г., (арх, № 2924), д. № 695, л. 3).

[2] Организация артелей с круговой порукой была узаконена 1 марта 1837 г. Несколькими годами ранее этого главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф Толь выработал законопроект об организации таких артелей. Вопрос тогда шел о бурлаках, организуемых по проекту Толя в судовые команды. Министр внутренних дел и соединенные департаменты законов и экономии государственного совета встали на иную точку зрения. Они полагали невозможным «заставить рабочих материально отвечать друг за друга перед хозяином,— ведь обычно артели образуются в целях удешевления и удобства продовольствия, без всякой ответственности одного за другого перед хозяином за неустойку или побег рабочего; рабочим надо лишь дозволить учреждать артели, но никак не обязывать их к этому, или же в видах поощрения установить некоторые преимущества для хозяина и рабочих, добровольно организующихся на артельных началах».

(К. А. Пажитнов — «Из истории рабочих артелей на Западе и в России». Л. 1924, стр. 172—173).

Николай I, заинтересовавшийся вопросом о бурлаках во время своей поездки по Волге, высказал мнение по этому поводу в следующих словах резолюции на проекте Толя: «Учредить на судах надзор за судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговою друг за друга ответственностью». Это во многом совпадало с мнением Толя, и законопроект о принудительном составлении артелей с круговою порукою, после внесения некоторых поправок, был принят и в дальнейшем широко использовался подрядчиками на строительстве Петербурго-Московской жел. дороги.

[3] Уроки на земляные работы должны были задаваться по «Урочному положению», составленному для расчета и выполнения разного рода строительных работ (главным образом земляных, плотничных, столярных, кузнечных и др.).

В главном управлении п. с. и п. зд. с 1838 до 1843 г. существовало свое «урочное положение», рассчитанное на земляные работы, а в 1843 г. было издано уже в законодательном порядке первое «урочное положение», обязательное для всех казенных строительных работ. В 1869 и 1883 гг. это «Положение» подвергалось некоторым исправлениям и дополнениям.

[4] Кто были упоминаемые в документе «финляндцы», установить не представилось возможным.

[5] «Пахотные солдаты»— категория населения Новгородской губ., появившаяся в связи с указом Николая I начальнику штаба военных поселений графу П. А. Клейнмихелю от 8 ноября 1831 г. Согласно этому указу, вызванному восстанием военных поселян в 1831 г., военные поселения Новгородской губ.

ликвидировались и заменялись округами пахотных солдат. В этих округах сохранялось военное управление, а бывшие военные поселяне обязаны были выставлять для службы в армию значительно большее число людей, чем это требовалось с государственных крестьян. В остальном же, по существу, к 1844 г. пахотные солдаты мало чем отличались от государственных крестьян, с которыми окончательно были уравнены во всех правах в 1857 г. (см. Ефстафьев, П. П.—«Восстания военных поселян». М., 1934).

Пахотный солдат Архип Петров, поставлявший на работу своих односельчан,— яркий пример, свидетельствующий о том, что разложение деревни шло все ускоряющимися темпами. Выставить с понижением «поотиву прочих подрядчиков по 10 копеек с рубля» 1 000 человек чернорабочих и до 300 конных подвод мог только тот «крестьянин», который имел немалый капитал и опыт в подобных операциях. Архип Петров – это кулак. Приводим для примера одно из «свидетельств» этого «пахотного солдата».

Свидетельство.

Дано сие от Екатеринославского гренадерского полка поселянину округа № 11 пахотных солдат Архипу Петрову и сыну его Герасиму Архипову в том, что они в продолжении лагеря нынешнего лета представляли в полк для нижних воинских чинов мясо и прочие продукты в лучшей доброте и по сходным ценам, с особенным старанием в доставлении всех потребных припасов, чем и заслужили вполне одобрение.

Лагерь при деревне Княжий двор, августа 5 дня 1840 г.

Командир Екатеринославского гренадерского полка полковник Штаголс».

[6] С 1834 г. отдача крестьян на работы помещиками или волостным начальством могла «производиться уже только в случаях накопления за ними недоимок».

К. А. Пажитнов—«Положение рабочего класса в России». Изд. 2, т. I, стр. 65; также: 1) архив м-ва внутр. дел, департамент полиции исполнит., д. № 426 за 1834 г., «Промышленность»— 1861 г., т. I, № 5.

Несколько иное положение в отношении отдачи крестьян на работы занимали помещики из губерний Западного края. Помещикам Витебской, Смоленской и Могилевской губ., в виде исключения, разрешалось отдавать своих крестьян по договорам с подрядчиками лично от себя (см. «Дело об отдаче крепостных крестьян в западных губ. на работы по контрактам», гос. совет, департамент законов, 1853 г., д. № 6).

[7] В ответ на запрос, сделанный начальником участка, подрядчик Шарвин отказался от дополнительного найма рабочих [Объявление Шарвина нач-ку Южной дирек. от 31 мая 1845 г. (Южн. дирек. 1845 г. (арх. № 1462), д. № 284, л. 2).

[8] Подрядчики на протяжении всех лет строительства дороги заставляли рабочих вырабатывать уроки, значительно увеличенные против «Урочного положения».

Как пример, приводим ведомость о числе рабочих, поставленных подрядчиком Шарвиным на работы в Северной дирекции в 1847 г. (см. табл. на стр. 106).

[9] В ответ на рапорт начальника Южной дирекции Крафта об уходе рабочих с постройки дороги, из-за появившихся в районе их работ случаев холерных заболеваний, было получено следующее секретное предписание графа Клейнмихеля:

«Прочитав рапорты вашего превосходительства №№ 151 и 153, которыми, донося, что с работ вверенной вам дирекции уходят рабочие по случаю холеры, испрашиваете разрешения, следует ли принимать насильственные меры к удержанию их на работах,— уведомляю, что должно стараться рассеять боязнь рабочих и внушить им, что, возвращаясь домой, они скорее могут подвергнуться болезни, нежели на работах железной дороги, где имеются все средства к поданию пособия и к надлежащему пользованию, чего в пути они не найдут; тех же из них, которые и за внушениями пожелают оставить работы, отпускать домой, но обязывать их возвратиться для отработков забранной у подрядчиков суммы и удерживать с этой целью их паспорты.

Предписание это сохраните в тайне, собственно для вашего руководства, не делая его гласным».

(Особ. канцелярия главноуправляющего 1 ст., 1848 г., д. № 7, л. 1.)

[10] 30 мая 1842 г. министр финансов граф. Е. Ф. Канкрин, в интересах пополнения государственной казны в связи с предстоящими огромными тратами по сооружению Петербурго-Московской жел. дор., с одной стороны, и осаждаемый откупщиками — с другой, запрашивал строительную комиссию дороги о дозволении открыть на линии строительства продажу вина в «штофных

	Должно быть рабочих	Есть в настоящее время	Какого числа фиксируется число рабочих	Следует добавить рабочих
			Мая	
Во II участке	1 547	1 260	7	287
» III »	1 380	350	7	1 030
» IV »	3 210	1 815	6	1 395
» V »	8 744	3 900	5	4 844
» VI »	7 000	2 459	4	4 541
Итого . . .	21 881	9 784	—	12 097
Примечание. По показанию участковых прикащиков подрядчиками назначаются только 16 800.			По наряду рабочие должны были [быть] получены в полном комплекте к 1 мая	Из расчета по «Урочному положению»

(Приложено к рапорту нач-ка Сев. дирек. Мельникова в гл. упр. п. с. и зд. от 7 мая 1847 г.— Сев. дирек. 1847 г. (арх. № 266), д. № 178, ч. I, л. 52.)

лавочках» и выставках. Строительная комиссия отказалась решать этот вопрос, и Канкрину пришлось обратиться непосредственно к Николаю I, от которого он и сумел добиться согласия на приводимые в документе «высочайше утвержденные правила об откупах и уездах, по линии железной дороги лежащих».

[11] Определение аудиториата от 4 октября 1851 г. предать крестьянина дер. Кауновь, Сосницкого об-ва, Полоцкого у., Витебской губ., Матвея Давыдова, 39 лет, военному суду при Тверском гарнизоне было оспариваемо мин-вом гос. имуществ, предлагавшим судить Давыдова гражданским судом. С 7 августа 1850 г. Матвей Давыдов, содержавшийся в валдайском остроге, ожидал решения своей участи, и только в 1853 г. было окончательно постановлено, согласно резолюции Николая I, судить его военным судом при вышеуказанном гарнизоне. (Мин. госуд. имуществ, отд. IV, «Дело о госуд. крестьянах Полоцкого у., Сосницкого об-ва», 1850 г.).

[12] Донесение нач-ка штаба корпуса путей сообщения ген.-лейт. А. И. Мясоедова появилось в результате обследования положения рабочих на строительстве дороги. Обследование это было произведено по поручению графа Клейнмихеля, главноуправляющего п. с. и п. зд., в связи с побегом 80 крестьян Витебской губ. с постройки дороги.

Русский доброволец в рядах испанских инсургентов в 1830 г.

Национально-освободительная война против Наполеона, начавшаяся в Испании в 1808 г., родила недолговечную либеральную конституцию 1812 г. Освобожденный от наполеоновского плена Фердинанд VII, очутившись на испанской земле, радостно встреченный своими освободителями, тотчас же стал во главе свирепой контрреволюции. Пока он был в плену, он получил в Испании наименование «Желанного». Вернувшись к своим подданным, он получил от них новое имя: «Вероломный», «Клятвопреступник» и «Кровавый». Конституция 1812 г. была им уничтожена, и вместо нее здесь водворился абсолютизм и была восстановлена со всеми своими атрибутами инквизиция.

В 1820 г. военное восстание, руководимое Риего, превратилось в революцию, вынудившую Фердинанда VII вновь присягнуть конституции 1812 г. С благословения русского царя и английской буржуазии Австрия в 1820 г. подавила вооруженной силой революцию в Неаполе и Пьемонте, а войска французского Бурбона в 1823 г. восстановили самодержавие испанского Бурбона — Фердинанда VII, снова изменившего своей присяге и снова потопившего в крови конституцию 1812 г.

Испанская революция 1820—1823 гг. нашла живейший отклик и в империи Александра I.

В дневнике Н. И. Тургенева от 24 марта 1824 г. читаем:

«Вчера получил здесь известие, что король испанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия испанская! Слава испанскому народу! Во второй раз Гишпания доказывает,— что значит дух народный, что значит любовь к отечеству» *.

В дневнике от 28 марта:

> «...Испанская новость есть мне истинная радость... Свобода да озарит Испанию своим благотворным светом. Гиспанцы народ славный и почтенный в другой раз удивляют в важных случаях Европу своим благородством, своим характером...» **.

Испанская революция 1820—1823 гг. и ее герои приводили в восторг Пушкина, зажигали энтузиазмом декабристов. Личность Риего,— руководящего деятеля второй буржуазной революции в Испании, которому немало строк посвятил К. Маркс, этого отчаянного смельчака, который со своим отрядом в 1 500 чел. поднял на борьбу с абсолютизмом всю Испанию, героя, жизнь которого была преждевременно оборвана на эшафоте,— привлекла внимание Рылеева. В стихотворении «Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан», давая отрицательную характеристику не только самодержавию, но и «изнеженному племени» — аристократии, Рылеев писал:

«Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятиях праздной неги,
И в бурном мятеже, ища свободных прав,
В них не найдут ни Брута, ни Риеги».

---

* Н. Тургенев, Дневники и письма, т. III, стр. 225—227, П. 1921.
** Там же, стр. 227.

Особенное значение имели испанская конституция 1812 г. и революция 1820—1823 гг. для декабристов, которые действовали методом испанской революции — вооруженным военным заговором, «пронунциаменто». Кучка офицеров-дворян восстала. «Страшно далеки они от народа»,— писал Ленин *, и именно эта оторванность от народа и привела к гибели восстание 1825 г.

> «В 1825 г.,— писал Ленин,— Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» **.

Николай I жестоко расправился с восставшими. После разгрома декабристов носителями революционного протеста во второй половине 1820-х годов являлись одиночки, искавшие среди мрака николаевского абсолютизма зарю нового дня в политических учениях и событиях Запада, главным образом — Франции. В число этих одиночек был Михаил Андреевич Кологривов.

Родился М. А. Кологривов 24 ноября 1812 г. в г. Тамбове и происходил из старинного богатого дворянского рода. Отец его, любимец Павла, генерал от кавалерии, умер в 1825 г., и Михаил остался на попечении матери и опекуна Д. Н. Бегичева; воспитателем или гувернером его был «доктор прав» Джон, с которым в 1829 г. родные отправили его для дальнейшего образования во Францию. Как раз в это время грянула революция 1830 г. Молодой Кологривов принял в ней активное участие, сражаясь в рядах либеральной партии против роялистов, сторонников короля Карла X.

Из публикуемых ниже документов видно отношение М. Кологривова и к самовластию русского царя, и к французским роялистам, которых он называл «рабами».

Июльская революция во Франции не осталась местным явлением. Как электрическая искра, она вызвала в Европе ряд восстаний.

Революция должна была отразиться и на Пиренейском полуострове. За Пиренеи тотчас же потянулись группы испанских эмигрантов, проживавших во Франции после поражения революции 1820—1823 гг.

Одушевленные примером парижских баррикад, они снова начали борьбу за конституцию 1812 г. К одному из таких отрядов примкнул и М. Кологривов, не пожелавший вернуться в Россию, несмотря на повеление Николая I о возвращении его подданных из Франции. Отряд этот возглавлялся героем войны за независимость, генералом Мина.

Это был один из тех партизан, которые появлялись в Испании в 1808—1814 гг. после поражения регулярной армии Испании, не справившейся с французской армией, о которых Маркс писал:

> «Партизанская война началась с восстания целых масс населения и продолжалась силами отрядов герильеров, опиравшихся на целые округа... Во время войны герильеры получили часть своих командиров, как Порлье, Ласи, Эрольес Вильякампа, из среды выдающихся офицеров линейных полков, и в свою очередь линейные войска впоследствии получили командиров из вождей герильеров, как Мина, Эмпесинадо и другие; и армия и герильеры представляли самую революционную часть испанского общества»... ***.

Поход окончился, однако, поражением. Отряд, над которым начальствовал Мина, после неудачи распался, и участники его разбрелись кто куда. Кологривов, которому едва исполнилось 18 лет, очутившись без денег, отрезанный от родины и от семьи, после полутора лет скитаний и лишений, решил вернуться в Россию. Через посредство берлинской миссии он в марте — апреле 1832 г. подал

---

* В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 468.
** В. И. Ленин, Там же, Соч., т. XIX, стр. 348.
*** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 744.

прошение о разрешении вернуться в Россию. На это прошение последовало «милостивое» дозволение ему вернуться под непременным условием, однако, сдачи его в солдаты...

Эм. Кацман.

«Записка из дела, представленного с.-петербургским гражданским губернатором 11 мая сего 1831 года, о сыне умершего ген. от кавалерии Кологривова, Михаиле Андрееве Кологривове, преданном суду по высочайшему повелению за вступление в службу испанских инсургентов» *.

Записка ген.-ад. Бенкендорфа в комитет министров

3 февраля сего [1831] года в комитет гг. министров внесена была по высочайшему повелению генерал-адъютантом Бенкендорфом записка следующего содержания:

Вследствие представленных его императорскому величеству копий с писем из Парижа и с испанской границы от молодого Кологривова, определившегося в рать испанских выходцев, и от гувернера его Иона [1], адресованных чрез д. ст. сов. Бегичева [2] к родственникам заблудившегося сего молодого человека, государь император, решив воспретить ему возврат в Россию, высочайше повелеть изволил ему, Бенкендорфу, истребовать от Бегичева, воронежского гражданского губернатора, все подлинные письма Кологривова и Иона. Губернатор Бегичев ответствовал ему, Бенкендорфу, что Михайло Кологривов, сын покойного генерала от кавалерии [3], находившийся под опекою его, Бегичева, писал к нему после предосудительного и гнусного своего поступка с испанской границы. Сие письмо, также и письмо гувернера, доктора прав Иона, который преследовал его до самой границы испанской, препроводил он в С.-Петербург к другому опекуну, родному дяде его, сенатору Челищеву [4], не имея духу сообщить от себя сию убийственную весть несчастной его матери. После сего получил он прочие письма, с коих представлены были его величеству копии, и, не решась оскорбить доставлением оных мать и других родственников, коим оные были адресованы, он оставил их у себя, а ныне представил к нему, Бенкендорфу. Ион возвратился в Париж, тщетно истощив все меры убеждения к отвращению от преступного заблуждения сего молодого человека, отправившегося к инсургентам, под предлогом поездки в Версаль. Кологривову Бегичев не писал и отвечал только на первое письмо Иона при отправлении к нему денег. Кологривов, коему теперь только 18 лет от роду, с самого детства оказывал пылкий, своевольный и настойчивый характер, а потому и вольнодумство. Бегичев, отправляя его за границу под присмотром Иона, умного, опытного, благомысленного человека и старого своего друга, надеялся, что он возвратится в Россию исправленным и образованным. Заблуждение его в особенности поразило доброго Иона, который с отчаянием уведомляет о сем родственников молодого человека, вверенного ему и совратившегося с пути добродетели. Бегичев, душевно соболезнуя о несчастном сыне благодетеля и друга своего, но не имея прав предстательствовать в пользу его, изъявляет только надежду, что строгое наказание могло бы еще соделать его полезным отечеству человеком.

По всеподданнейшему докладу его, Бенкендорфа, о сем государю императору, его императорское величество высочайше повелевать изво-

* АВПК «Правительствующий сенат», 5 департамент, 1-е отделение, ревизионное дело по настольному реестру 1 (16), 1832 г., лл. 73—83. — Заголовок подлинника.

лил — представить сию записку в комитет гг. министров с тем, чтобы определено было, какое сделать распоряжение к обнародованию законным образом поступка Кологривова и к исключению его из отечества, не нарушая коренных государственных постановлений.

К должному исполнению сей высочайшей воли ген. Бенкендорф приложил при сем препровожденные к нему д. ст. сов. Бегичевым подлинные письма Кологривова и Иона, равно и копию с помянутого письма его к сему последнему.

Помянутые письма следующего содержания:

(Переведенные с французского диалекта:)

1. От гувернера Джона из Парижа к Бегичеву

Милостивый государь!

Не нахожу слов, дабы изобразить вам горесть и отчаяние, причиненные мне письмом Михайлы Андреевича, с коего копию у сего прилагаю. Постараюсь вкратце изложить вам все дело, ибо смущение мое и недостаток времени не дозволяют мне описать вам оное подробно, и я нахожу себя принужденным как можно скорее отправиться в Байонну, дабы, если удастся, убедить Михайла Андреевича переменить свое намерение и приехать в Париж; хотя, зная упрямый его характер, я мало надеюсь успеть в моем предприятии. Из последних писем Михайла Андреевича вам известно, что он не намеревался возвратиться в свое отечество, и я сам советовал вам оставить его еще несколько времени в чужих краях, с тем однакож, чтобы он выехал из Парижа, ибо с крайним прискорбием начал я замечать, что последняя революция, в коей обстоятельства принудили его принять деятельное участие, пробудила в нем прежние мечтания о вольности и независимости, которых никакие увещания мои совершенно истребить не могли. Однакоже, все шло довольно хорошо; по утрам он занимался со мною, и я уже надеялся, что происшествия Парижской революции вскоре изгладятся из его памяти. Но, к несчастию его, вдруг получено повеление государя императора, чтобы все русские, находящиеся во Франции, возвратились в свое отечество[5]. Хотя он и скрывал негодование свое на таковое, по словам его, самовластное повеление, которому, по мнению его, могут повиноваться одни рабы, но решительно объявил, что не может жить под самодержавным правлением и не намерен никогда возвращаться в Россию. Я всячески старался отклонить его от его намерения и даже писал к нему прилагаемое при сем письмо на немецком языке *, прося его обдумать свой поступок и дать мне благоприятный ответ. И действительно, на другой день он казался спокойнее; мы занимались вместе, и он предложил мне в субботу (11 сентября) прогуляться в окрестностях Парижа и при сем случае заехать в Версаль к полковнику Мера, с коим мы познакомились на пути из Марселя в Париж и который часто приглашал нас к себе. Поелику мы многократно предпринимали подобные поездки, то я охотно на сие согласился, и мы приготовились к отъезду. Но, к несчастью, погода переменилась, и я по слабости здоровья не решился отправиться в путь. Невзирая на дурную погоду, он не захотел остаться и поехал с одним из приятелей своих вперед, говоря мне, чтобы я приехал в воскресенье в Версаль, где найду его у полковника. В этот день дождь не переставал итти, и я принужден был остаться дома, надеясь, что друг

* Упоминаемого письма на немецком языке в деле не имеется.

мой возвратится в понедельник. Но, обманувшись в ожидании моем и получив вторичное от российского посольства предписание, дабы Михайла Андреевич явился в канцелярию оного, я тотчас написал к г. Мера, прося его сказать г. Кологривову, чтобы он как можно скорее приехал в Париж, где ожидают его самонужнейшие письма; не получив никакого ответа ни от полковника, ни от Михайла Андреевича, я сам поехал в Версаль, где крайне был удивлен, узнав, что он вовсе там не был. Объятый ужасом, я тотчас отправился в Медон, С.-Клу, Монморанси и объехал все окрестности Парижа, но не мог найти его. Я был в ужасном страхе и в несказанном беспокойстве. Наконец, получил письмо, писанное из Ормана, но отправленное из Тура. Вообразите себе мое удивление и ужас при чтении оного: я горько плакал и думал, что умру от горести. Мало-помалу я собрал силы мои, взял в означенном месте ключ и отпер бюро его, где нашел письма к вам, к его матери и тетке. Из оных видно, что мало надежды на его возвращение; но я употреблю все мои усилия и на коленях буду просить: избавить вас, мать и родных своих от ужасной горести, а себя от всей бедствий, кои неминуемо должны его постигнуть. Может быть, успею; в противном случае, не знаю, что предпринять! Впрочем, я не дорожу жизнию; здоровье мое, начавшее понемногу поправляться, от сего огорчения снова потерпело, с каждым днем становится хуже, и жизнь моя, кажется, скоро прекратится. Но да будет воля божия! Я готов предстать к суду его и надеюсь на его милосердие, ибо никогда волею не делал зла, а всем желал добра. Поелику поездка моя в Байонну и, может быть, в Испанию лишит меня последних моих денег, то я покорнейше прошу вас в наискорейшем времени прислать мне из капитала моего 6 000 руб. ассигнациями и тем, хотя на время, избавить меня от отчаяния и нищеты, коих я непременно соделаюсь жертвою, если по несчастию состояние здоровья моего, расстроенного тягостным и долговременным путешествием в сие время года, не дозволит мне тотчас возвратиться в любезнейшую Россию, которую бы мне никогда не следовало оставлять. Я не в силах писать матери Михайла Андреевича, ибо сильно растроган, перо дрожит в руках моих. Постарайтесь со всевозможною осторожностью сообщить ей и тетке сии плачевные обстоятельства; может быть, я еще успею убедить молодого человека оставить свое пагубное и безрассудное предприятие. Боясь отправить письма сии по обыкновенной почте, я послал их к брату моему, который доставит вам оные при верном случае. Сделайте одолжение, отвечайте мне с первым курьером и приложите письмо к Михайле Андреевичу, представьте ему в строгих выражениях все неприятные последствия его поведения, может быть, он воспользуется вашими советами. Письма ко мне адресуйте как и прежде: Rue Mazarin, Hôtel de Passage du pont neuf, № 44. Ежели я буду еще в Байонне, то мне доставят их туда. Я не объявлял о сем посольству, и когда будут спрашивать в нашей квартире, то скажут, что мы уехали, ибо мне хотелось бы, чтобы сие оставалось в тайне и не дошло до сведения государя императора; постарайтесь также с своей стороны, чтоб слух о сем не распространился в Москве; может быть, я успею все это переделать. Тотчас по приезде моем в Байонну я напишу к вам, но, бога ради, немедленно пришлите мне требуемые мною деньги, ибо иначе погибну в сей негостеприимной стране, так что нечем будет схоронить меня. Что касается до наших счетов, то я надеюсь вскоре привезти вам оные, если богу угодно будет сохранить жизнь мою. Я записывал все расходы, и, сличая мои расходные книги с приходом, вы усмотрите, что ничего не было упущено мною для содержания их в порядке. Всемогущий да утешит скорбящую мать и благословит ее счастием прочих

детей. Вы справедливо повторяли Михайле Андреевичу: «qui n'a pas l'esprit de son âge en a le malheur» («кто не постигает духа своего времени, тот несчастлив»); мы видим в нем горестное доказательство сей истины. Что касается до меня, то я возлагаю упование мое на провидение божие и молю его: «Отче! Обаче возможно, да мимо идет чаша сия». Поручая себя вашему благорасположению, с истинным почтением и пр.

В. Джон.

Париж. Сентября, дня, 1830 г.

2. От молодого Кологривова к гувернеру в Париж из Ормана

„Любезнейший и почтеннейший друг! Когда вы получите сие письмо, то я не буду в Версале, как вы полагаете, но вероятно в Байонне, откуда отправлюсь в Испанию, ибо я вступил поручиком в состоящее под начальством Мины [6] священное войско (corps sacré) для возвращения испанцам свободы силою оружия. Мне больно было оставить вас, не простившись с вами, но мысль, что вы сделали бы все возможное, чтобы отклонить меня от исполнения предприятия моего, заставила меня скрыть оное от вас, ибо клянусь вам всем, что есть святого, что никто — ни мать моя, ни родственники, ни даже самый бог — не могли бы убедить меня оставить мое намерение. Слишком нежная привязанность и дружба ваша ко мне побудили бы, может быть, вас прибегнуть к помощи посольства; но даю честное слово (вам известен мой характер), что я скорее умертвил бы себя, нежели бы оставил свое предприятие. Я рассуждал о том, что теперь делаю; знаю, что могу лишиться имения своего в России, что все родственники мои будут охуждать мой поступок, несмотря на то, я не колеблюсь, ибо не хочу возвратиться ныне в Россию, к чему меня принудило бы полученное в Париже повеление государя императора. Теперь прошу вас не слишком печалиться и беречь ваше здоровье, дабы, когда чрез год все будет благополучно окончено, я нашел вас довольным и счастливым; может случиться (хотя срок контракта нашего кончился и от меня зависело остаться с вами, или нет), что по глупости и злобе вас станут упрекать в моем поступке, и потому я пишу в одно время к матушке и г. Бегичеву, что вы совершенно невинны, что вы всегда служили мне отцом и наставляли меня на путь истинный. Желая доказать вам признательность мою за ваши о мне попечения, я прошу г. Бегичева заплатить вам (сверх жалования вашего) 10 т. руб., чтобы заставить вас некоторым образом забыть те беспокойства, которые я вам причинил. Оставляю вам свои вещи; делайте с ними, что хотите. Вы найдете ключ под портретом генерала Фуа [7]. Не плачьте; напротив того, пожелайте мне счастья на новом моем поприще; желание мое исполнено; одна мысль, что я свободен и независим, сделала меня другим человеком. Прощайте! Кланяйтесь вашему братцу. Примите еще раз мою благодарность за вашу ко мне дружбу, я буду писать к вам из Байонны. Прощайте, друг ваш до гроба.

Михаил Кологривов.

Орман, 14 сентября, 1830 г.

3. От молодого Кологривова к Бегичеву

Господину полковнику Бегичеву.

Отъезжая сражаться в Испанию и не будучи уверен в моем возвращении, на всякой случай объявляю, что г. Джон невинен и что он

совершенно ничего не знал о моем отъезде. В то же время прошу г. Бегичева исполнить две просьбы мои: 1) я желаю, чтоб было заплачено г. Джону, кроме его годового жалования, еще 10 т. руб. и 2) чтобы выдано было тетке моей Чебышевой[8] 50 т. руб.

4. От него же, Кологривова, к матери

Любезная матушка[9]!

Вы узнаете от г. Бегичева о новом моем поступке; быв уверен, что вы будете осуждать образ моих мыслей, скажу вам только, что я враг самовластия и насилия и готов жертвовать жизнью и пролить последнюю каплю крови за свободу. Последняя революция еще более утвердила меня в моих мнениях, в моей ненависти к тиранам. Быв деятельным участником в последней французской революции, сражавшись против роялистов или, лучше сказать, против рабов, подвергав многократно жизнь свою опасности, я почувствовал более нежели когда-либо всю цену свободы, и мне уже было невозможно исполнить повеление государя возвратиться в Россию. Не думайте, чтоб г. Джон внушал мне подобный образ мыслей; напротив того, он всегда оспаривал мое мнение. Теперь остается мне сказать вам одно слово: не забудьте, что вы мне мать; впрочем, предаю себя в руци божии; поцелуйте за меня моих братьев и сестриц и не забывайте вашего сына Михаила Кологривова.

5. От него же, Кологривова, к тетке.

Почтенная и любезнейшая тетенька!

Вы уж, верно, услышали от Дмитрия Никитьевича, что я вступил в службу поручиком в испанский полк. Мне очень было грустно вас так оставить, но я надеюсь вас скоро увидеть, только что кончится война. Богдан Иванович — мой истинный друг; любите его, он не виноват в том, что я уехал в Испанию, он сам не знал ничего, я ему не сказал ни слова. Верьте, что я вас вечно любить и почитать буду; пишите ко мне, адрес к Дмитрию Никитьевичу.

Вечно любящий вас, Михаил Кологривов.

Сентября 1830 *.

6. От него же, Кологривова, к брату

Любезнейший и почтеннейший братец[10]!

Вам известны политические мои мнения; вы знаете, что я более всего ненавижу самовластие и не могу жить под деспотическим правлением, и так мне весьма прискорбно огорчить вас известием, что я вступил поручиком в корпус генерала Мины для возвращения испанцам свободы силою оружия. Быв свидетелем последней революции и лично участвовав в оной, я убедился более чем когда-либо, что мне невозможно в теперешних обстоятельствах исполнить повеления императора возвратиться в Россию вместе со всеми находящимися в Париже россиискими подданными. Я уехал, не сказав ни слова г. Джону (он не подозревал моего намерения); я сказал ему, что еду в

---

* Письмо сие написано Кологривовым на российском диалекте. (Примеч. в подлиннике.)

Версаль на два дня, он по болезни не мог следовать за мною. Он был лучшим моим другом, и я был бы в сокрушении, если б его стали упрекать в чем-либо касательно меня. Я уверен, что вы сами убедитесь в его непричастности, ибо он употреблял все силы, чтоб убедить меня возвратиться в Россию и вступить там в службу. Итак, прошу вас, может быть в последний раз в моей жизни, вручить ему (сверх жалованья и условленного) 10 т. руб. из моего имения. Я надеюсь, что никто не воспротивится моему желанию. Я зрело обдумал свой поступок, могу лишиться своего имения, но лучше соглашусь бедствовать, даже умереть, чем жить в рабстве. Еще одна просьба, дражайший и единственный друг! Я бы весьма желал отказать тетушке Марье Семеновне 50 т. руб.; она знает, как их употребить, а мне деньги не нужны. Вы были другом моему отцу, вы будете и моим другом, я не недостоин сего. Вверяю вам мое имение и надеюсь, что вы исполните мое желание. Вы скоро получите от меня известие; пишите и вы, единственный друг мой, к вам одним имею я доверие. Прощайте, ваш друг до гроба

Михаил Кологривов.

Сентября 1830.

7. От Бегичева к гувернеру Джону*

Почтеннейший друг, Богдан Иванович!

Вы можете вообразить, до какой степени поразило и огорчило меня ваше письмо. И так бесполезны были все наши взаимные благонамеренные усилия. Мы не могли спасти молодого человека от погибели, в которую низвергнут он упорным характером, воспаленным воображением и буйными страстями своими. Что делать? В утешение наше остается внутреннее убеждение совести: мы делали и истощили все средства, внушенные здравым рассудком и доброжелательством к нему; признаюсь вам, легче было бы узнать о смерти его, чем о столь безрассудном, предосудительном и даже, можно сказать, гнусном поступке, который не только покрыл его вечным посрамлением, но может иметь пагубные последствия для всего семейства его. Что будет с несчастною матерью? Я не имел духу писать к ней, послал его и ваше письмо к дяде его Н. А. Челищеву, сообщая ему мнение мое, что единственное, и то, кажется, не весьма благонадежное, средство состоит в том, чтоб он, как ближайший родственник его и опекун, просил бы чрез министра иностранных дел французское правительство о выдаче его и возвращении в Россию, как мальчика, который не имеет права располагать собою, находясь в опеке. Из письма вашего видно, до какой степени вы огорчены. Но не предавайтесь, любезный друг, отчаянию. Еще повторяю, ваша совесть ни в чем вас упрекнуть не может, не вы вовлекли его в погибель; напротив, старались спасти его. Возвратитесь в Россию, приезжайте прямо ко мне в Воронеж; вы найдете человека, который вас уважает и знает вам цену; посылаю к вам две тысячи рублей, более никак не мог собрать по теперешним обстоятельствам, но я думаю — этого достаточно будет для возвращения вашего; сверх того, продайте коляску и эти деньги употребите на ваш проезд. Не могу более писать, насилу удерживаю слезы, вспоминая об несчастном молодом человеке и о семействе его, будьте здоровы и пр.

* Копия с письма Бегичева к Иону от 14 ноября 1830 г.

Письма, переведенные с немецкого на российский язык.

8. От молодого Кологривова к гувернеру из Монтобана.

Любезный друг!

Прошу вас заплатить полковнику 200 франков, которыми он по благосклонности своей одолжил меня; я все еще в самом затруднительном положении; если вам возможно будет, то пришлите мне с полковником денег, я в них очень нуждаюсь. Пишите ко мне в Буржес с тежелою почтою и как можно скорее. Пришлите мне также в сундучке мой плащ и несколько рубашек, книг и пр. и адресуйте в Буржес; прошу вас — пришлите мне с полковником сколько возможно более денег. Прощайте и не забудьте вечно вашего друга

Михаила Кологривова.

Монтобан, 22 ноября 1830 г.

9. От гувернера к Бегичеву

Высокопочтенный г. статский советник!

Наконец, я по двумесячном отсутствии опять сюда приехал, пролежав в Бордо три недели больным, а именно оттого, что опрокинут был с каретою, причем я легко бы мог переломить ребра и левую ногу. Благодаря бога, я отделался сильно контузиею и чувствую только боль в левой сухой жиле позади ножной лодышки. Когда я к вам писал из По (Pau), то я за нашим легкомысленным юношею все следовал в недальнем расстоянии, так что и не чаял, чтобы я был близко от него. Предприятие так называемого священного легиона (légion sacrée) было совершенно неудачно, и большое число из участвовавших в оном сделались жертвами. Счастие для нашего друга, что французское правительство велело у генерала Виго[11] конфисковать 500 ружей, 35 000 патронов, мундиры и пр., ибо чрез то состоявшему из 600 человек отряду его невозможно было вступить в Испанию, и он ничего не претерпел. Он ныне получил приказание отступить к Буржесу, около 200 верст отсюда, и там ожидать дальнейших приказаний французского правительства, отнюдь не благоприятствующего предприятию испанских выходцев. Почему я вчера получил от Михайла Андреевича приложенное у сего письмо чрез полковника Борзо, который мне сказал, что друг наш здоров и определен при главном штабе. Он пишет мне в другом письме, которое я здесь нашел, что несмотря на все несчастие, экспедициею от измены претерпенное, он в своем предприятии не раскаивается и что вечный его девиз будет: свобода или смерть! Он просит меня отписать к его матери и родственникам, что он никогда с ними не жил в согласии и что теперь настало для него время доказать, справедливо ли он поступил или нет. Что начать с такою головою? *. Я ему чрез полковника отвечал, что не в состоянии исполнить его желание, находясь сам в крайней нужде и заняв вчера 5 франков, дабы только что-нибудь перекусить, ибо из России я еще не получал денег, а драгоценности мои я должен был заложить в Бордо, чтобы заплатить доктору и за лекарство; но как скоро деньги, о которых я так убедительно просил, присланы будут, то я ему тотчас перешлю нужное. Впрочем, ни мало не удивительно, что ему ничего не присылают, ибо он сам писал, что ему деньги не нужны; я очень любопытен, что он будет отвечать, и все еще надеюсь вывести его хоть не в Россию, ибо он ненавидит отечество свое, по крайней мере из Франции, где проклятая

* Так в подлиннике.

революция совершенно вскружила ему голову. Я только рад, что он еще жив и довольно здоров. Когда я ему в По вручил последнее письмо матери его, в котором она ему пишет, «что также и брата ее Николая Александровича есть желание, чтоб он тотчас возвратился в Россию», то он мне оное возвратил с сими словами: «Видно, матушка нашла настоящий способ убедить меня в возвращении в Россию, приводя мне на память того человека, которого я изо всех моих родственников наиболее ненавижу, ибо я никогда не забуду и никогда не прощу ему произнесенных им слов в час смерти отца моего»; он рассказал мне о случившемся, и я должен признаться, что оные слова, им мне повторенные, долженствовали глубокое на его сердце сделать впечатление. Однакож спешу окончить письмо мое и желаю только, чтобы вы с любезным семейством вашим были здоровы, ибо по здешним ужасным описаниям об опустошениях, производимых холерою, я за вас в величайшем беспокойстве. Надеюсь, что вы меня письмом своим вскоре избавите от моей скорби и нужды, ибо здесь, не имея никого, кто бы мне помог, я бы в короткое время подвергся величайшему бедствию, если б до вас не дошли мои письма, в которых я вас ради бога просил, с обратною почтою прислать мне денег; одна мысль меня в отчаяние приводит. Сделайте милость, сообщите доставлены [ли] [и] вам о Михайле Андреевиче известия матери его; я истинно не в состоянии сам к ней писать, ибо, при каждом мною написанном слове, глаза мои наполняются слезами, и я, как старая баба, плачу. Надеюсь, однакож, успокоиться, и как скоро я от вас получу письмо и узнаю, как она перенесет такое известие, то я тотчас отвечать буду. Иногда я желаю, чтобы бог меня прибрал с сего света, ибо для меня ныне уже нет ни надежды, ни отрады. Сделайте милость, напишите мне как можно скорее, напишите также к Михайлу Андреевичу; он вас любит и, может быть, послушается ваших наставлений. Адрес мой все тот же: Rue Mazarin, Hôtel de Passage du pont neuf, № 44.

Прощайте, помогите и посоветуйте вашему печальному и несчастному г. Джону.

Указ о предании Кологривова суду.

Вышеозначенную записку генерал-адъютанта Бенкендорфа с приложенными при ней письмами г. управляющий министерством юстиции и кавалер Дмитрий Васильевич Дашков, препровождая в 1 департамент сената, в предложении изъяснил:

В комитет гг. министров внесена была по высочайшему повелению генерал-адъютантом Бенкендорфом записка о сыне умершего генерал-от-кавалерии Кологривова Михайле, вступившем в службу испанских инсургентов; государь император в 14 день февраля сего года высочайше повелеть соизволил: означенного Михайлу Кологривова предать суду на законном основании. О таковом высочайшем повелении он, г. управляющий министерством юстиции, предлагает правительствующему сенату к надлежащему исполнению.

Распоряжение 1 департамента сената по означенному высочайшему указу.

1 Департамент правительствующего сената 18 февраля, препроводив в Санктпетербургское губернское правление копию с записки генерал-адъютанта Бенкендорфа и приложенные к оной 9 писем, предписал, дабы покойного генерал-от-кавалерии Кологривова сына Михайла за содеянное им преступление предало суждению подлежащего места,

вменив оному в обязанность решить дело сие на точном основании законов без малейшего промедления; сверх того, Санктпетербургской уголовной палате предписал, чтобы означенное дело, коль скоро оно поступит на ее рассмотрение, по важности преступления Кологривова, решено было в оной неукоснительно без очереди и потом внесено на ревизию по принадлежности в 1 отделение 5 департамента правительствующего сената. А как из отзыва воронежского гражданского губернатора Бегичева к генерал-адъютанту Бенкендорфу видно, что Михайла Кологривов находился под опекою его, губернатора, то правительствующий сенат предписал ему, дабы по местоположению наследственного имения Кологривова сделал от себя должное распоряжение, чтобы он, Михайло Кологривов, впредь до решения об нем дела, не мог воспользоваться ни принадлежащею ему по наследству частию, ни доходами с оной, в то же время прекратил всякую посылку к нему денег, а потом — где какое имение находится и какая из него и доходов следует ему часть, донес бы правительствующему сенату и уведомил Санктпетербургское губернское правление для извещения то место, в коем дело о Кологривове находиться будет [12].

Вследствие чего губернское правление предписало здешнего надворного суда 2-му департаменту, рассмотрев дело сие, внесть на ревизию в уголовную палату.

Мнение надворного суда.

Санктпетербургского надворного суда 2-й департамент мнением полагал: дворянина, сына генерал-от-кавалерии Михайлу Кологривову, за преступление преданного по высочайшему повелению, следовало бы по силе уложения 2 главы 16 пункта и воинского процесса 2 части 2 главы пунктов 1 и 2, равно отделений на оные, и 3, спросить о утверждении писем его, писанных за границею — признает ли он за свои, и без сего не приступать к решению дела. Но как оного Кологривова вызвать от мятежников к суду невозможно, да и высочайшим его императорского величества повелением велено не впускать его в пределы империи нашей, а потому, надворный суд, основываясь на высочайшей воле, объявленной комитету гг. министров г. генерал-адъютантом и кавалером Александром Христофоровичем Бенкендорфом, с приложением писем Кологривова, о которых, что суть — его подсудимого, утвердил и воронежский гражданский губернатор Бегичев, опекун Кологривова, при представлении таковых на высочайшее благоусмотрение чрез г. генерал-адъютанта Бенкендорфа, приступает суд к осуждению вины Кологривова: Михайло Кологривов с учителем своим Ионом отправлен был опекуном Бегичевым на вояж во Францию; сей Кологривов, не сохраняя имя русского, пристал, вопреки советам учителя его и компаниона, во Франции при бывшей революции в Париже к партии либеральной и сражался, как видно из писем его: потом, по окончании таковой, возымел намерение пробраться к возмутителям, то есть к инсургентам Гишпании, обманув Иона, и чрез Байонну достиг до сей партии, состоящей под начальством Мины, определился в священный так называемый легион поручиком, в котором уже сражался с гишпанскими войсками. Между тем, когда последовало высочайшее повеление при замешательстве в Париже, чтоб все подданные России возвратились в свое отечество оттуда, и о сем было известно и от российского посольства в Париже Кологривову, то он вопреки сего, отправляясь в Гишпанию, писал дерзкие письма, оскорбляющие его императорское величество своего государя, коего он подданный, и отечество (те его руки письма находятся при деле), выражая в письме к

родительнице своей так: «что он — враг самовластия, насилия и готов жертвовать жизнью и пролить последнюю каплю крови за свободу, что последняя революция во Франции еще более утвердила его в мнениях в его независимости * к тиранам». В письме к родному брату своему: «Вам известны политические мои мнения, вы знаете, что я более всего ненавижу самовластие, и не могу жить под деспотическим правлением». За таковые преступления на основании воинских артикулов главы 3-й 20, главы 7-й 60, главы 16-й 127, главы 17-й 135 и 137 пунктов, следовало бы подсудимого Кологривова повесить; но как высочайше жалованною дворянству грамотою 5, 6 и 15 статьями и указа 1754 г., сентября 27 дня, телесное наказание и смертная казнь до дворянина не касается, то выставить имя и фамилию его на досках в обеих столицах с помещением гнусного Кологривова поступка, а письма его сжечь. Когда же он, Михайло Кологривов, осмелится явиться на границы России, то, лиша его дворянского достоинства, сослать в каторжную работу. Следующее на его часть наследственное движимое и недвижимое имение, согласно 23 статьи той же дворянской грамоты, отдать ныне же законным наследникам.

Из предложения министра юстиции Д. В. Дашкова правительствующему сенату, 23 марта 1832 г. **

Г. вице-канцлер граф Нессельрод уведомил меня, что прибывший в Берлин сын генерал-от-кавалерии Кологривова, Михайла Кологривов, прислал чрез посредство берлинской миссии нашей прошение на высочайшее имя государя императора о даровании ему всемилостивейшего прощения и о позволении возвратиться в отечество; что его императорскому величеству благоугодно было изъявить высочайшее соизволение на возвращение Кологривова в Россию, с тем однакоже, чтобы он немедленно по прибытии сюда вступил в нашу военную службу простым рядовым с сохранением дворянского достоинства и ревностным исполнением обязанностей верноподданного старался загладить вину свою, и что об объявлении Кологривову сей монаршей воли предписано уже поверенному в делах в Берлине барону Мальтицу...

Министр юстиции Д. Дашков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Джон (он же Ион), Богдан Иванович, доктор прав. Воспитатель М. А. Кологривова, друг Бегичева Д. Н.

[2] Бегичев, Дмитрий Никитич, тайн. сов., сенатор, писатель-романист (1786—1855). По смерти А. С. Кологривова был назначен, как родственник (двоюродный брат) опекуном Михаила Кологривова. С 1836 г. сенатор. В свое время был известен своими романами и повестями из быта русского дворянства.

О нем см.: 1) «Русский биографический словарь»; 2) С. А. Венгеров «Русские книги», т. III, стр. 387—388.

[3] Кологривов, Андрей Семенович, отец Михаила, генерал-от-кавалерии (1775—1825).

О нем: 1) Дело департамента Герольдии. «Родословная рода Кологривовых» и 2) П. Д. Долгоруков — Росс. родосл. книга. СПБ, 1857, ч. IV, стр. 131.

---

* Так в подлиннике; надо: «ненависти».

** То же дело, №№ 104—105.

[4] Челищев, Николай Александрович, сенатор, дядя и опекун М. А. Кологривова.
(Н. А. Челищев: «Сборник материалов для истории рода Челищевых». СПБ, 1893, стр. 281—285.)

[5] Июльская революция 1830 г., нарушившая спокойствие Европы естественно в глазах Николая I была преступлением против законного порядка. Русскому послу в Париже гр. Поццо-ди-Борго 8 (20) авг. 1830 г. было предписано не вести никаких официальных сношений с правительством Луи-Филиппа; французам был воспрещен въезд в Россию, а всем русским подданным, находившимся во Франции, 4 (16) авг. 1830 г. было категорически приказано удалиться из ее пределов.
(«Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами» — Ф. Мартенс, т. XV «Трактаты с Францией», 1822—1906 г. СПБ, 1909, стр. 109.)

[6] Мина (дон Франциск Эспоз Mina) (1781—1836). Командир испанских партизан, генерал республиканской армии. Родился в наваррской деревне, где его семья владела небольшим участком земли, который сама обрабатывала. Военная его карьера началась с 1808 г., когда он принял участие в партизанской войне против Наполеона. В 1813 г. вступил в регулярную армию Веллингтона. Во время реакции 1814—1820 гг. пытался поднять восстание, но, потерпев неудачу, вынужден был бежать во Францию. В начале второй буржуазной революции в Испании (1820—1823 гг.) вернулся в отечество и сформировал довольно большую армию, а в 1822 г. получил начальство над войсками в Каталонии для уничтожения там так называемой «армии веры», защищавшей права Фердинанда VII и церкви. Победа французского и испанского Бурбонов в 1823 г. заставила его вновь покинуть родину и искать убежища в Англии. После июльской революции 1830 г. он стал во главе испанских либералов-эмигрантов и пытался с их помощью поднять восстание и в Испании, но, как и в 1814 г., потерпел неудачу. Либеральное правительство Испании в 1835 г. назначило его командующим войсками, действующими против карлистов. Умер 24 декабря 1836 г. в Барселоне.
(Мишо — «Универсальный биографический словарь», древнее и новое время. Париж — Лейпциг, т. XXVIII, стр. 332—338.

[7] Фуа (Foy), Максимилиан-Себастиан (1775—1825), французский генерал и политический деятель. Участник ряда наполеоновских походов.

[8] Чебышева (урожденная Кологривова), Мария Семеновна, родная тетка по отцу М. А. Кологривова.

[9] Кологривова (урожденная Челищева), Екатерина Александровна, мать автора письма, родная сестра Николая Александровича Челищева.
(П. Долгоруков — «Российская родословная книга», ч. 4, СПБ, 1857, стр. 131.)

[10] «Любезнейший и почтеннейший братец» — опекун Михаила Андреевича Кологривова, Дмитрий Никитич Бегичев. Отец последнего, Никита Степанович, был женат на одной из Кологривовых (см. В. Чернопятов — «Дворянское сословие Тульской губ.», т. III, ч. VI, стр. 91); таким образом, Д. Н. Бегичев был двоюродным или троюродным братом Михаила Андреевича, старше его на 26 лет.

[11] Виго — один из сподвижников ген. Мина. Во главе отряда инсургентов вторгся 4 ноября 1830 г. со стороны французской границы в Испанию.

[12] Приводим рапорт воронежского гражданского губернатора Д. Н. Бегичева об имущественном положении М. А. Кологривова, полученный сенатом 24 марта и заслушанный 28 марта 1831 г.
«На указ его императорского величества из правительствующего сената от 28 прошлого февраля, за № 22945, имею честь донести: сын покойного генерал-от-кавалерии Кологривова Михайло, подвергнутый по высочайшему его императорского величества повелению суду за преступный и законопротивный поступок, отдельной части из имений покойного родителя своего не имеет.
По раздельному акту, утвержденному узаконенным порядком, отделены и удовлетворены законными частями только дочери покойного генерала Кологривова, а сыновья Михайло, Николай и Александр, находящиеся в опеке у меня с родительницею их, вдовою покойного, кавалерственною дамою Екатериною Александровной Кологривовой и сенатором тайным советником Николаем Александровичем Челищевым, имеют общее нераздельное недвижимое имение с хозяйственными заведениями в Воронежской и Тамбовской губерниях. О количестве же как недвижимого имения, так равно в чем заключаются заведения при оных, представляя при сем на основании указа

правительствующего сената сведение, имею честь донести, что из доходов всех имений следует третья часть означенному Михайле Кологривову, из коих ничего к нему отправляемо не будет, ибо я при первом извещении в предосудительном и законопротивном поступке его прекратил всякое сношение мое с ним.

Малолетние дети покойного генерал-от-кавалерии Андрея Семеновича Кологривова имеют от роду лет: Михаил — 18, Николай — 15, Александр — 11.

По разделу принадлежащего им имения: в Москве дворовая земля с строением, не приносящая дохода, в губерниях: Тамбовской, Борисоглебского у., в с. Андреевке с деревнями — 517 душ; Моршанского у., в с. Сокольниках с деревнями — 680 душ; Воронежской, Бобровского у., в сельце Михайловке с деревнями — 404 души; в сельце Мокловке — 1 ревизская душа. При оном сельце винокуренный завод с принадлежащим к нему лесом; Тамбовской губ., Борисоглебского у., при с. Андреевке — винокуренный завод. В Тамбове и Моршанске два деревянных дома». (Арх. вн. пол. К. и Б., ф. мин. юст., д. № 200/д/п. № 41, 1831 г., лл. 6—7.)

Москва в 1812 году

Из записок Адама Глушковского

Адам Глушковский небезызвестный балетмейстер первой половины XIX века. Он учился в Петербурге у знаменитого тогда Дидло, в 1811 г. был переведен на службу в Москву, где поставил ряд балетов, в том числе «Руслана и Людмилу».

Еще при жизни Глушковского появились в печати его воспоминания о Дидло и ряд статей о балете в выходившем тогда журнале «Пантеон».

Помимо этого, Глушковский оставил после себя три тетради воспоминаний, еще неизвестных читателю. Мы здесь впервые публикуем часть его воспоминаний — «Записки», посвященные Москве 1812 г. Эти «Записки» представляют интерес, поскольку они дают описание малоизвестных сторон быта Москвы времен 1812 г.

В описаниях событий Глушковский не вполне самостоятелен; он черпает некоторые факты из известных уже нам исторических источников. Однако, в «Записках» проявлена большая наблюдательность автора. Наиболее удались ему описания уродливых явлений тогдашней действительности. И это естественно.

Глушковский мог вращаться в кругу так называемого «высшего света», но в то же время должен был ощущать пренебрежительное отношение к себе представителей знати; профессия актера и преподавание танцев вводили его в аристократические салоны, но Адам Глушковский мог наблюдать их жизнь только со стороны, как подчиненный. Вполне понятно, что его внимание в первую очередь отмечало отрицательные явления этого полуоткрытого ему мира.

В описаниях событий,— вступление французской армии в Москву, пожар, отступление,— Глушковский зачастую повторяет другие воспоминания о 1812 г., в изобилии появившиеся около 1862 г. Таково, например описание предполагаемого взрыва Кремля, хотя в отличие от Вигеля [1], утверждающего, что Кремль был спасен ливнем, Глушковский приписывает предотвращение взрыва подоспевшим казакам.

Не сумел Глушковский понять и отразить подъем народа против Наполеона, как иноземного завоевателя; не понял он психологию крепостного крестьянства, боровшегося с нашествием иностранных полчищ, несмотря на свою тяжелую, безотрадную жизнь. В этой борьбе сказалась великая мудрость народа, отстаивавшего свою национальную независимость.

Глушковский правильно отмечает, что некоторые крепостные: артисты, художники и т. д., связывали с приходом Наполеона надежды на свое раскрепощение. Но эти настроения не охватывали сколько-нибудь значительных масс крестьянства.

Этого не понял Глушковский.

Как работник театра Глушковский немало места уделяет в «Записках» описанию театральных зрелищ и быта деятелей искусства. Естественно, что их жалкое, приниженное положение в России Александра I заставляло Глушковского с изумлением и завистью приглядываться к тому вниманию, которое французы уделяли театру даже во время их пребывания в горящей, полуголодной Москве.

---

[1] «Воспоминания Ф. Ф. Вигеля». М., 1861 г., ч. IV, стр. 68.

Несмотря на все недостатки и односторонность, воспоминания А. Глушковского представляют интерес, выявляя некоторые черты быта Москвы в эпоху 1812 г., давая ряд ценных сведений об исторических памятниках города.

Тетради Глушковского хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи.

Окинем беглым взглядом белокаменную старушку Москву, милую нам по историческим событиям и памятникам древности, напоминающим о многих бедствиях и славе России.

Что была Москва до 1812 года? Теперь она неузнаваема.

Законы

Конечно, 1812 год славился великими историческими событиями, зато в то время законы в России были очень слабы; хорошее устройство законов есть руль государства, без него, оно, как корабль, часто сокрушается о подводные камни. В то время секретари и стряпчие ворочали законами, как им было угодно, потому что на каждый закон были десятки опровергающих законов; можно сказать, что для подьячих крючков то был золотой век. Впоследствии времени граф Сперанский оказал России большую услугу, составив Свод законов [1], но и после этого секретари плутнями наживали огромные богатства; бывало придешь в присутствие с деньгами, окажется столько начальников, что и плюнуть некуда, а придешь без денег, их и собаками не отыщешь. У богатого мужика всегда суд сидел в кармане. Там, где владычествует золото, там судят деньги, а не законы.

Полиция

Полицейская часть также была в плохом состоянии; в то время у пожарной команды лошади, трубы и прочие вещи были очень дурны; на полицейских частных домах не было каланчей с сигнальными знаками, показывающими, в какой части города пожар; от этого в городе происходила во время пожара большая тревога, полиция медлила, не зная, куда наверное ехать; половина домов уже сгорала к тому времени, когда она вся успевала приехать на пожар. До ее прибытия люди из соседних домов прибегали тушить огонь с баграми, топорами и ведрами воды; воду нужно было доставать из колодцев; а это замедляло действие пожарной команды; повсюду был слышен стон, плач и призыв бога на помощь; огонь между тем все пожирал; картина была ужасная; а помощь от полиции была скудная...

Вода

Все знают, что прежде, как и ныне, нельзя было пить москворецкой воды весною и осенью, потому что с разных фабрик и улиц в нее текла разная нечистота. В то время, когда еще не было фонтанов с мытищенской водой, богатые люди посылали кучеров с бочками за водой за заставу, на Три Горы; там был колодец с самой легкой и здоровой водой; на право получения воды выдавался хозяином этого

---

[1] Неудивительно, что Сперанский получил за составление Свода законов титул графа; многие в прежнее время получили первостепенное достоинство и другие высокие награды за своды другого рода; я бы упомянул лицо, но богиня скромности заставила меня молчать.

колодца годовой билет с платою 10 рублей на ассигнации; бедный же народ, с прискорбием души скажу, должен был пить вредную для здоровья воду, потому что не имел способов приобрести трехгорную.

Дороги. Возчики

Тротуары были кирпичные, деревянные, худо устроенные и притом ветхие: на них легко было переломить ногу; во многих местах мостовой не было; пешеходы в осеннее время увязали в грязи по колено, во избежание чего бедные, нехотя, должны были нанимать возчиков. В это время для низшего и среднего сословия на биржах стояли преоригинальные экипажи, а именно: ломовые дроги, на которых теперь возят дрова и различные тяжести при переезде с одного места на другое, мебель с прочими вещами; впрочем, у этих экипажей был своего рода комфорт для пассажиров: вдоль дрог клалась доска для сиденья; а так как у них не было дрожечных крыльев, то осенью и весной каждый возчик имел большую тряпку, которой пеленал седокам ноги для предохранения от грязи; первому седоку было еще сносно, когда его пеленали в чистую тряпицу, но каково было переносить это следующим, потому что возчики тряпок не меняли.

Были биржи, на которых стояли рессорные дрожки с крыльями, но крытых пролеток в то время не было; кому нужен был крытый экипаж, карета или коляска, тот должен был нанимать их на постоялых дворах...

Для жителей Москвы и С.-Петербурга было большое неудобство, что от Москвы до С.-Петербурга не было шоссейной дороги, а была бревенчатая, так называемая гать, так что... ехавшим по бревнам пассажирам вытряхивало всю душу; некоторые, приехавши в С.-Петербург, заболевали от тряски; все члены у них были разбиты. Дилижансов не было; экипаж должно было иметь свой, или ехать на перекладных; на станциях в лошадях была большая задержка; гостиниц по дороге также не было; нужно было останавливаться у станционных смотрителей, которым платили втридорога за дурной чай и обед; из Москвы в С.-Петербург ехали целую неделю, день и ночь...

Вельможи

До 1812 года еще довольно было старых богатых вельмож, которые, кончивши свою карьеру на государственной службе, отдыхали в Москве от прежних трудов; другие, небогатые аристократы, жили тут, потому что в ней все было очень дешево; богатые в продолжение всей зимы поочередно давали великолепные балы, роскошью в жизни не уступали мелким германским князьям; при великолепных домах они имели церкви, картинные галлереи, хоры певчих, оркестры музыкантов, домовые театры, манежи с редкими лошадьми, соколиных и собачьих охотников с огромным числом собак, погреба, наполненные старыми винами. На публичные гулянья вельможи выезжали не иначе, как в ажурных позолоченных каретах с фамильными гербами, на шестерке лошадей, в шорах, цугом; головы лошадей были убраны разноцветными кистями и позолоченными бляхами, кучера и форейторы были в немецких кафтанах, в треугольных шляпах, с напудренными головами, имея косы, обвитые лентами; кучера в одной руке держали возжи, а в другой — длинные бичи, которыми пощелкивали по воздуху над лошадьми. Позади кареты на запятках стояли: егерь в шляпе с большим зеленым пером и араб в чалме или скороход с рослым гу-

саром в медвежьей шапке с золотыми кистями. Московский наместник выезжал на гулянье, окруженный многочисленной свитой, состоявшей из гражданского губернатора, коменданта, обер-полицеймейстера, его адъютантов, ординарцев и казаков. В это время великолепие царствовало во всей силе.

В 1811 году у некоторых степных дворян и богатых людей сохранялись еще обычаи екатерининских времен. На балы и купеческие свадьбы приглашали гайдуков в богатых ливреях; ростом они были не менее трех аршин; обязанность их состояла в том, чтобы поправлять восковые свечи в люстрах и стенных кенкетях без помощи лесенок; когда они протягивали руки к люстре и стенным кенкетям, их огромный рост приводил всех в удивление. Во время обеда или ужина, когда следовало пить шампанское за здоровье гостей, гайдук являлся с полновесным серебряным подносом, на котором стояли серебряные вызолоченные бокалы, а домовый дворецкий подходил к нему с бутылкою шампанского и наливал в бокалы вино, которое гости пили при звуке труб и литавр. В это время по удивительному росту и правильности фигуры первенствовал гайдук графа Мамонова перед всеми другими.

Эта веселая жизнь и блестящая обстановка увлекали многих до того, что они исключительно предавались им, забывая и не понимая других интересов в жизни.

Одна барыня, по имени Бартенева, имела довольно большое количество детей; она часто некоторых из них возила в большом ландо на балы. Однажды случилось, что с бала она возвратилась очень поздно и забыла разбудить 12-летнюю дочь, заснувшую во время дороги. Ландо вдвинули в каретный сарай, а барыня с детьми легла спать. Вдруг ночью, часу в четвертом, на дворе поднимается ужасная тревога; проснувшись в испуге, барыня думает, что загорелся дом или воры посетили его. Оказалось, наконец, что забытая ею в ландо дочь проснулась и стала кричать из всей силы, чтобы освободиться из каретного сарая; вот до чего простиралось пристрастие некоторых дам к бальным вечеринкам и домашним театрам: матери в рассеянности забывали своих детей в экипажах...

Лет 60 тому назад богатые помещики имели обыкновение воспитывать у себя в доме по нескольку бедных девушек разных сословий; по окончании их воспитания отыскивали им женихов и с хорошим приданым выдавали их замуж. От времен Очаковских оставалась еще мода на пленных турок, турчанок и калмычек; аристократы брали их к себе в дом на воспитание, по совершеннолетии девушек отдавали замуж, а мальчиков определяли на государственную службу.

В летнее время помещики жили в своих подмосковных деревнях; туда приглашали они своих знакомых на пиршества, иллюминовали сады, жгли великолепные фейерверки... В осеннее время у московских аристократов любимым местом гулянья был Тверской бульвар. Вечером в хорошую погоду князь Михаил Васильевич Голицын еженедельно освещал его на свой счет[1] шкаликами, разноцветными фонарями, а на обоих концах бульвара на столбах были шлифованные металлические круглые щиты, отчего свет отражался на большое пространство бульвара; у князя был роговой оркестр музыкантов, который во время иллюминации играл разные музыкальные пьесы...

---

[1] У князя Голицына был на углу Бронной и Тверского бульвара собственный дом; ныне он принадлежит его наследнице, княгине Ухтомской.

Хлебосольство москвичей

В Москве гостеприимство и радушие были развиты до высшей степени; каждый день у богатых вельмож для гостей стол был накрыт на несколько кувертов, так что дворяне и талантливые артисты без всякой церемонии приезжали к ним в известные дни обедать и проводили весь вечер в разных удовольствиях. Не одни богатые вельможи были гостеприимны, но и бедные москвичи, жившие в покрытых соломою домах, любили разделить со знакомыми и незнакомыми хлеб и соль.

В это время составилась пословица в народе: «Не красна изба углами, а красна пирогами». Русский любил хорошо поесть и выпить и не придерживался пословицы, что «на брюхе шелк, а в брюхе щелк». Я знал одного барина, только не московского жителя, который нанимал роскошно меблированный дом, имел богатый экипаж, держал многочисленную прислугу; у крыльца дома его стоял швейцар в ливрее, облитой золотом; между тем сам он иногда посылал в овощную лавку за калачом и тремя золотниками чаю; и это нередко служило ему вместо обеда; прислугу же он держал на самой строгой диэте, так что она принуждена была ловить уличных голубей и питаться ими.

Кулачные и петушиные бои

У низшего сословия людей были свои удовольствия: на Яузе, возле Андрониевского монастыря, и на Немецком рынке, на реке Синичке, были кулачные бои, где русский народ показывал свое удальство. Обыкновенно начинали бои мальчишки; сбивали друг с друга шапки, кидались снежными катышками (подобно тому, как в сражении застрельщики); наконец, приближались бойцы, имея впереди своего атамана, и с криком бросались друг на друга. На этих боях убивали людей иногда досмерти; когда одна стена бойцов разбивала другую, ее гнали больше версты с криками «ура». Этими потехами любовалась бóльшая часть купечества, и некоторые из них держали между собою большие пари за ту или другую сторону. Хотя эти бои были запрещены правительством, но полиция была так добра, что иногда смотрела на них сквозь пальцы...

В Охотном ряду были петушиные бои, за которые также держали пари. Охота на голубей была так велика, что не было купеческого дома, в котором не было бы голубятни. Соловьи в трактирах висели ценою до 1 000 рублей. От них хозяева имели большие выгоды, потому что охотники до соловьев приносили молодых птиц для слушанья напева тысячного соловья и за это платили порядочные деньги; выходило, что дорогой соловей не только окупался хозяину в год, но и приносил ему барыш.

Были и не такие странности, но и другого рода, и встречались они не только в низшем и среднем классе, но и во всех слоях общества.

Странный экипаж

В Москве, в приходе Рождества, что в Палашах, в собственном доме жил князь Волхонский: он не был дураком, но по его странностям его нельзя было назвать умным; кажется, что он посредством своих шутовских экипажей, хотел обратить на себя внимание публики и казаться оригинальным. Иногда в народные праздничные дни зимою он ездил в странных санях; они были сделаны наподобие лодки, доволь-

но продолговатой; впереди их находилась вызолоченная птичья голова с длинным носом, наклоненная к передку саней; она служила местом для сиденья кучера, одетого в желтый кафтан с галунами; позади саней был приделан руль, за который держался лакей, имея также на себе довольно странную ливрею; экипаж был запряжен в одну лошадь со множеством погремушек; его ежедневные сани были также довольно странны: они были обложены разными оловянными фигурками. Летом он ездил в оригинальных дрожках, которые были так низки, что ступеньками задевали мостовую; кузов дрожек, подушка для сиденья и дуга были самых разнообразных и ярких цветов. Сам же князь был всегда в обыкновенном костюме того времени. Когда он проезжал по улицам, народ смотрел на него сначала как на чудо и смеялся над ним, но он никогда не обращал на это внимания и спокойно продолжал свой путь.

Незапамятных времен отставной майор Домажиров

Еще один чудак проживал в белокаменной Москве,— это был отставной майор незапамятных времен Домажиров. Он был лет семидесяти, носил длинные усы, роста был высокого, сложения крепкого, в проворстве не уступал молодым людям, мундир на нем был длинный, зеленого цвета, а фалды, воротник и обшлага красного; на одной пуговице его была привешена на ремне толстая камышовая трость; пояс его был белый ремянный, на котором висела косая сабля; шаровары и жилет были красные, сапоги — черные со шпорами; головной убор его был следующий: на висках две большие букли, на затылке длинная коса, перевязанная черною лентою, на голове, усеянной пудрой, носил он треугольную шляпу с пером. Не проходило ни одних похорон, сколько-нибудь замечательных, на которых он бы не присутствовал; во время шествия богатых печальных процессий он палкою разгонял народ и извозчиков, мешавших их движению; когда кто-нибудь из зрителей не снимал шляпы или шапки пред покойником,— он бранился.

Все знали его странности и удалялись от него со смехом, даже полиция на него не обращала внимания. На кладбище, в гостинице он распоряжался поминками, смотрел, чтобы господским людям исправно раздавались водка и закуска, а нищим денежная подача; одним словом, во всех похоронных распоряжениях он с большим усердием принимал участие.

Когда во время высокоторжественных праздников подъезжал к Успенскому собору преосвященный Августин, он, как молодой человек, бросался с полицией разгонять народ, чтобы дать дорогу владыке. Духовенство и полиция, видя его усердие к порядку, привыкли к его странностям и смотрели на него, как на полицеймейстера по духовной части.

Простой народ, узнав, что он большой охотник до голубей и что гоняет их рано поутру, прозвал его свистуном; когда он выходил один из дому, мальчишки позади его свистели и кричали: «свистун»...

Шут Иван Савельич

Шуты с древних времен были в России в моде. Даже сам Петр I, не терпевший никакой роскоши и излишества, имел придворного шута Балакирева, который потешал его двор; по примеру двора и бояре держали шутов в своих палатах. В то время, о котором я пишу, был в Москве в большой моде Иван Савельич; на нем был всегда какой-ни-

будь шутовской костюм; любимая его поговорка была «Ma chère et mon cher»; в разговоре он постоянно примешивал эти слова. Иван Савельевич сам по себе был не дурак; посещая аристократические дома, он от горничных шуточками и подарками узнавал любовные интриги их барынь, а потом приходил к ним гадать на кофе и бобах; намеками высказывал их тайны, а те только удивлялись его искусству. Спустя несколько времени, он приходил с перстнями, цепочками и другими вещами и предлагал им купить их за дорогие цены; тем же, которые не соглашались на это, он жестоко отомщал: где-нибудь в гостях за обедом или чаем он при всех шуточками и прибауточками делал им намеки на их любовные интриги и так колко, что они чуть не падали в обморок. В то же время Иван Савельич декламировал какой-нибудь монолог из трагедии. В нем было много комизма, разве только умирающий мог бы воздержаться от смеха, который он хорошо умел возбуждать. В летнее время он выезжал на гулянье в таратайке на двух колесах; в нее запряжена была маленькая лошадка, грива и хвост которой были из мочал, а на голове вместо перьев веник; сам он в шелковом французском кафтане, в напудренном парике времен Людовика XIV и держал в одной руке возжи, а в другой веер, которым, помахиваясь, раскланивался во все стороны.

Полицейский сыщик Яковлев

Веселая и разгульная жизнь и праздность порождали не только чудаков и шутов разного рода, но и множество мошенников. В московской полиции служил известный в то время следственный пристав или, лучше сказать, сыщик, Яковлев, бывший бичом мошенников: они трепетали от одного имени его; он знал многих из них и щадил за маловажные шалости, потому что иногда пользовался их услугами: они открывали ему важные преступления; как гончие собаки, они отыскивали зайца по следам. Чтобы открыть какое-нибудь важное преступление, Яковлев надевал на себя оборванную солдатскую шинель, на голову — парик, сковывал себе руки и ноги и приказывал, как преступника, сажать в острог, по соседству с каморкой подозреваемого; знакомился с ним, хитро рассказывая ему свои мнимые преступления, подкупал острожных сторожей, чтоб они приносили ему вино, угощал допьяна своего соседа, а тот, хотя бы и не сознавался прежде в своих злодействах, в пьяном виде по-приятельски открывал ему истинную историю преступления; таким образом он узнавал важные тайны от самых закоренелых преступников...

В деревнях Московской губернии появилось много колдунов и кликуш, пугавших мужиков и баб. Кого следовало правительству послать для успокоения крестьян? Конечно, Яковлева. Он приезжал с казаками в деревню, в которой находились чародеи и кликуши, сзывал мужиков на сходку и драл колдунов розгами так, что они во всем ему признавались; они показывали, что на дорогах, по которым проезжали свадебные поезда, они сыпали свежую жженую медвежью и волчью шерсть и другие снадобья, оттого лошади бесились и не ехали далее, что мужикам и бабам подмешивали они в питье ядовитые травы, от которых делались с ними разного рода корчи и припадки. После колдунов принялся он за кликуш, драл их розгами так сильно, что они от крику теряли совсем свой голос и переставали кричать по церквам и другим местам.

В это же время появилась в Москве, на Девичьем поле, смерть, ходившая на ходулях в белом саване, с растрепанными волосами и с

но продолговатой; впереди их находилась вызолоченная птичья голова с длинным носом, наклоненная к передку саней; она служила местом для сиденья кучера, одетого в желтый кафтан с галунами; позади саней был приделан руль, за который держался лакей, имея также на себе довольно странную ливрею; экипаж был запряжен в одну лошадь со множеством погремушек; его ежедневные сани были также довольно странны: они были обложены разными оловянными фигурками. Летом он ездил в оригинальных дрожках, которые были так низки, что ступеньками задевали мостовую; кузов дрожек, подушка для сиденья и дуга были самых разнообразных и ярких цветов. Сам же князь был всегда в обыкновенном костюме того времени. Когда он проезжал по улицам, народ смотрел на него сначала как на чудо и смеялся над ним, но он никогда не обращал на это внимания и спокойно продолжал свой путь.

Незапамятных времен отставной майор Домажиров

Еще один чудак проживал в белокаменной Москве,— это был отставной майор незапамятных времен Домажиров. Он был лет семидесяти, носил длинные усы, роста был высокого, сложения крепкого, в проворстве не уступал молодым людям, мундир на нем был длинный, зеленого цвета, а фалды, воротник и обшлага красного; на одной пуговице его была привешена на ремне толстая камышовая трость; пояс его был белый ремянный, на котором висела косая сабля; шаровары и жилет были красные, сапоги — черные со шпорами; головной убор его был следующий: на висках две большие букли, на затылке длинная коса, перевязанная черною лентою, на голове, усеянной пудрой, носил он треугольную шляпу с пером. Не проходило ни одних похорон, сколько-нибудь замечательных, на которых он бы не присутствовал; во время шествия богатых печальных процессий он палкою разгонял народ и извозчиков, мешавших их движению; когда кто-нибудь из зрителей не снимал шляпы или шапки пред покойником,— он бранился.

Все знали его странности и удалялись от него со смехом, даже полиция на него не обращала внимания. На кладбище, в гостинице он распоряжался поминками, смотрел, чтобы господским людям исправно раздавались водка и закуска, а нищим денежная подача; одним словом, во всех похоронных распоряжениях он с большим усердием принимал участие.

Когда во время высокоторжественных праздников подъезжал к Успенскому собору преосвященный Августин, он, как молодой человек, бросался с полицией разгонять народ, чтобы дать дорогу владыке. Духовенство и полиция, видя его усердие к порядку, привыкли к его странностям и смотрели на него, как на полицеймейстера по духовной части.

Простой народ, узнав, что он большой охотник до голубей и что гоняет их рано поутру, прозвал его свистуном; когда он выходил один из дому, мальчишки позади его свистели и кричали: «свистун»...

Шут Иван Савельич

Шуты с древних времен были в России в моде. Даже сам Петр I, не терпевший никакой роскоши и излишества, имел придворного шута Балакирева, который потешал его двор; по примеру двора и бояре держали шутов в своих палатах. В то время, о котором я пишу, был в Москве в большой моде Иван Савельич; на нем был всегда какой-ни-

будь шутовской костюм; любимая его поговорка была «Ma chère et mon cher»; в разговоре он постоянно примешивал эти слова. Иван Савельевич сам по себе был не дурак; посещая аристократические дома, он от горничных шуточками и подарками узнавал любовные интриги их барынь, а потом приходил к ним гадать на кофе и бобах; намеками высказывал их тайны, а те только удивлялись его искусству. Спустя несколько времени, он приходил с перстнями, цепочками и другими вещами и предлагал им купить их за дорогие цены; тем же, которые не соглашались на это, он жестоко отомщал: где-нибудь в гостях за обедом или чаем он при всех шуточками и прибауточками делал им намеки на их любовные интриги и так колко, что они чуть не падали в обморок. В то же время Иван Савельич декламировал какой-нибудь монолог из трагедии. В нем было много комизма, разве только умирающий мог бы воздержаться от смеха, который он хорошо умел возбуждать. В летнее время он выезжал на гулянье в таратайке на двух колесах; в нее запряжена была маленькая лошадка, грива и хвост которой были из мочал, а на голове вместо перьев веник; сам он в шелковом французском кафтане, в напудренном парике времен Людовика XIV и держал в одной руке возжи, а в другой веер, которым, помахиваясь, раскланивался во все стороны.

Полицейский сыщик Яковлев

Веселая и разгульная жизнь и праздность порождали не только чудаков и шутов разного рода, но и множество мошенников. В московской полиции служил известный в то время следственный пристав или, лучше сказать, сыщик, Яковлев, бывший бичом мошенников: они трепетали от одного имени его; он знал многих из них и щадил за маловажные шалости, потому что иногда пользовался их услугами: они открывали ему важные преступления; как гончие собаки, они отыскивали зайца по следам. Чтобы открыть какое-нибудь важное преступление, Яковлев надевал на себя оборванную солдатскую шинель, на голову — парик, сковывал себе руки и ноги и приказывал, как преступника, сажать в острог, по соседству с каморкой подозреваемого; знакомился с ним, хитро рассказывая ему свои мнимые преступления, подкупал острожных сторожей, чтоб они приносили ему вино, угощал допьяна своего соседа, а тот, хотя бы и не сознавался прежде в своих злодействах, в пьяном виде по-приятельски открывал ему истинную историю преступления; таким образом он узнавал важные тайны от самых закоренелых преступников...

В деревнях Московской губернии появилось много колдунов и кликуш, пугавших мужиков и баб. Кого следовало правительству послать для успокоения крестьян? Конечно, Яковлева. Он приезжал с казаками в деревню, в которой находились чародеи и кликуши, сзывал мужиков на сходку и драл колдунов розгами так, что они во всем ему признавались; они показывали, что на дорогах, по которым проезжали свадебные поезда, они сыпали свежую жженую медвежью и волчью шерсть и другие снадобья, оттого лошади бесились и не ехали далее, что мужикам и бабам подмешивали они в питье ядовитые травы, от которых делались с ними разного рода корчи и припадки. После колдунов принялся он за кликуш, драл их розгами так сильно, что они от крику теряли совсем свой голос и переставали кричать по церквам и другим местам.

В это же время появилась в Москве, на Девичьем поле, смерть, ходившая на ходулях в белом саване, с растрепанными волосами и с

железными когтями. Она грабила народ и залезала даже для этого в двухэтажные дома. Опять Яковлеву было поручено поймать эту смерть. В полночь с отрядом казаков он отправляется на Девичье поле и посылает из отряда двух переодетых казаков навстречу смерти; она представляется им, окруженная сообщниками, и подтягивает когти, чтобы ограбить их. В это время Яковлев поспевает с конными казаками; они сбивают смерть с ходуль и связывают ей руки. Что же открывается? Это был беглый солдат, который уже несколько раз был в бегах...

Проделки картежных игроков

Посягали и другим образом на чужую собственность и имущество ближнего. Карточная игра была развита в то время в громадных размерах: выигрывались и проигрывались огромные состояния. Одни из нищих делались богачами, другие доходили до отчаяния и сумасшествия или лишали себя жизни.

Мне случалось учить детей танцам у многих богатых картежных игроков; по тому случаю я бывал у них на всех вечеринках и балах. Нигде нельзя было лучше попить, поесть и повеселиться, как у них. Нередко на этих пиршествах бывали цыгане, фокусники и оркестр музыкантов; они [игроки] платили всегда щедрою рукою.

Однажды я сидел в кабинете у знакомого мне игрока Н. И. Квашнина-Самарина, с которым я находился почти на приятельской ноге; он метал банк всегда на огромные суммы; я спросил его: «Я думаю, вчерашняя вечеринка вам дорого стоит?» — «Да,— отвечал он,— тысячи две». Тогда я решился сказать ему: «Вы имеете большое семейство, не лучше ли вам поберечь денежки на черный день?» — «Любезный друг,— ответил он,— ты не знаешь наших расчетов: чем роскошнее вечеринка, тем более на ней бывает понтеров, а это банкомету большая выгода; если понтер проиграет тысячу-другую, то говорит: «Зато я хорошо попил, поел и весело время провел», а у другого банкомета, где не допросишься и рюмки ерофеичу, жаль и рубля проиграть. Так, видишь ли, вечеринка стоила мне две тысячи, а приобрел я пять».

Я знал также одного мелкопоместного дворянина — П. Н. Дмитриева, который в 1810 году в Москве разгуливал по Тверскому бульвару в довольно поношенном сером сюртуке; никто на него в то время не обращал внимания; не более, как через год, человек этот совершенно преобразился: он сделался миллионером, под Новинским выстроил себе огромный дом (что ныне князя Гагарина), наполнил его дорогими картинами, серебряной посудой, бронзой и всякими редкостями, одним словом — из серенького бульварного человека сделался богатым барином. Многие закричали, как он счастлив, а никто не сказал, как он умен; игрок редко бывает дурак, скорее плут. Обыкновенно игроки в разных местах имеют своих агентов для того, чтобы разведывать, где останавливаются богатые простаки; получив уведомление об этом, игрок старается в той же гостинице нанять номер, возле приезжего богача; когда степняк идет в театр, игрок покупает рядом с ним ложу или кресло; если игрок познакомится с приезжим и узнает, что он приехал по тяжебным делам, то он предлагает ему знакомого секретаря; если приезжий не член клуба, он его записывает или привозит гостем; тут-то они богатого простака так обыгрывают, что он сделается легче пуху; говорят, что даже сам чорт учится у игроков хитрости. Простительно еще бедному человеку сделаться игроком, потому что ему нечего проигрывать; к чему же играть богатым, разве для того, чтобы из богатого сделаться нищим? Дмитриев попал на такого чело-

века, который обладал миллионами, и они посредством игры в карты все перешли к нему.

Казалось бы, человек, который сделал из ничего себе огромное состояние, должен совершенно перестать играть в азартные игры, а для провождения времени играть только по маленькой цене в игры коммерческие. Дмитриев несколько времени придерживался этого правила, но чорт хитер на выдумки. Приезжает к нему однажды И. Р. Кошелев, близкий его знакомый и товарищ по ремеслу; он привозит сафьяновый мешок с 300 рубликами наменянных гривенничков и пятачков; для забавы он хочет ему этими монетами поставить банк и приглашает его понтировать. Дмитриев сначала отказывается, но случившиеся тут приятели сафьянового мешка, Станкевич и еще двое других, фамилии которых я забыл, говорят ему: «Если ты не хочешь понтировать сам, то позволь по крайней мере нам поиграть у тебя». — «Любезные друзья,— отвечал Дмитриев,— мне некогда оставаться с вами, мне пора ехать, а, впрочем, я дело разом покончу». При этом он берет карту и ставит «ва-банк»; карту его убивают несколько раз к ряду, игра делается серьезной; она продолжалась двое суток и кончилась тем, что Дмитриев проиграл все деньги, дом, картины, одним словом — все, что имел, кроме маленькой дачи, которая находилась на Трех Горах; вскоре после проигрыша он сошел с ума и умер в своем загородном маленьком доме. Игроки рассказывали потом, что Дмитриева обыграли на самую старую пустую штуку, на баламут» [1].

Майор Асташевский

Этих фактов о проделках игроков было бы достаточно для того, чтобы видеть, к каким хитростям прибегают они, чтобы нажить копейку, но не могу умолчать еще об одной штуке их, потому что она очень интересна: плут надул плута. Две немолодых лет тульские помещицы, родные сестры, имели на Тверском бульваре каменный дом с большим садом и 500 душ в Тульской губернии. Их имением управлял отставной гусарский майор Асташевский; он умел так ловко подделаться к ним, что располагал их имением как собственным, управлял им совершенно безотчетно; о причинах привязанности этих помещиц к управляющему можно из скромности умолчать. Хотя пожилые барышни и не имели нужды в деньгах, но заложили ему деревню и дом с садом за значительную сумму, так что закладная много превышала стоимость дома и деревни. Наконец, года через четыре благодетельницы Асташевского одна за другой скончались. Наследники покойниц, люди довольно значительные в свете, начали опровергать закладную и показали в своем прошении, что Асташевский, поступивши в управители к Благовым, был человек небогатый и что покойницы, живя очень скромно, не могли проживать даже доходов с деревни и дома, а тем менее нуждались в займах. Асташевский отозвался, что ему нет дела, куда дели Благовы занятые у него деньги, а состояние себе он приобрел картами в 1815 году, во время своего похода во Францию. Асташевский потратил по судам много денег, и так как в то время не было еще свода законов и секретари делали, что хотели, то он и выиграл тяжбу. Все знали, что он не прав, но законные и судебные формы были на его стороне. Асташевский, сделавшись владельцем богатого имения, стал выезжать на гулянье в богатом экипаже, с гайдуком на запятках коляски, одетым в ливрею, облитую золотом; отделал

[1] Шулерский способ укладки карт. — Ред.

свой дом на Тверском бульваре: стены и камины сделал под мрамор, полы — из разноцветного паркета, устлал их дорогими коврами, балкон устроил с позолоченными балясниками, покрыл его цветной маркизой и уставил лимонными и померанцевыми деревьями; в приемных комнатах диваны, кресла и стулья были в готическом вкусе и вызолоченные; на столах его были доски разного мрамора; зеркала покрывали стены от пола почти до потолка; хотя Асташевский не был музыкантом, но у него были рояль, арфа и огромный орган; для игры на нем приставлен был казачок. Летом музыка была слышна из дома Асташевского далеко по Тверскому бульвару; кабинет его был наполнен разными редкими вещами, которые он брал по бóльшей части напрокат; сад был наполнен редкими деревьями и кустарниками с разными цветами; в пруде плавали лебеди и утки, ялики с разноцветными флагами и песельниками; в клетках сидели попугаи, американские вороны, обезьяны и большой орел; в конуре на большой цепи был молодой медведь; по середине сада была раскинута палатка: в ней находилась камера-обскура для посетителей сада, а подле была пещера, в которой сидел магик, предсказывавший судьбу; напротив них были расположены деревенские домики; у них стоял механический мужик и рубил дрова. Подобно тому, как в селах при въезде стоит околица, т. е. столб с названием деревни и показанием числа душ,— в саду Асташевского была прибита доска с странною и непонятною надписью: «Бесстрашной деревни, одинокого уезда, сельца безлюдья, мужеского пола душ одна, женской ни одной» (потому что он был холостой); у ворот сада были две будки, у которых стояло по солдату с ружьями; фигуры [солдат] людей сделаны были из папье-маше.

В праздничные дни вечером сад был иллюминован разноцветными фонарями, шкаликами, и в нем играла полковая музыка; он был открыт для публики ежедневно: богатых купчих и их мужей, гулявших в саду, Асташевский приглашал обыкновенно в дом, угощал чаем, оршадом и фруктами; особенно в почете у него были свахи и сваты, потому что он через них искал себе невесту с приданым не менее 500 тысяч; поэтому-то самому он и жил так роскошно, чтобы казаться богачом. Хотя он и думал, что Москва проста, что в ней еще есть непочатый угол дур, но хитрость его раскусили и стали смеяться над ним.

Наконец, дела его начали расстраиваться, имение он заложил, но образа жизни не переменил; тогда для поправления своих финансов он начал отдавать деньги за большие проценты под заемные письма игрокам; сначала они платили ему исправно, но после расставили ему довольно хитрую западню; недаром говорит пословица, что «сам чорт учится у игроков обману». Асташевский не играл в карты, его поймали на другую штуку. Игрок Равич, задушевный его приятель, приехав к нему, просил взаймы 30 тысяч рублей под залог дома; Асташевский, не имея в наличности столько денег, предложил ему 20 тысяч рублей; Равич согласился на эту сумму, а в остальных 10 тысячах уговорил Асташевского поручиться за него на другом заемном письме. «А в закладной ты и эти 10 тысяч можешь поместить»,— говорил он. Асташевский, зная, что дом стоит вдвое больше этих денег, и в надежде на большие проценты, с радостью согласился на предложение Равича; совершили закладную на дом, но Равич заблаговременно у себя дома искусно подскоблил бумагу на том месте, на котором должна бы быть надпись Асташевского в получении капитала. Асташевский, читая закладную, не обратил внимания на это место и не заметил обмана. Настает срок закладной; Асташевский несколько раз напоминает Равичу о том, что пора заплатить проценты или капитал, но тот ему не отве-

чает. Наконец, заимодавец предъявляет закладную ко взысканию по ней денег. Претендент по закладной и заемщик являются в гражданскую палату. Равич объяснил секретарю, что он заплатил Асташевскому по закладной 29 500 рублей, а 500 рублей просил его подождать с неделю; на это он будто бы согласился и расписался на документе в получении капитала. «Впрочем, позвольте мне взглянуть,— продолжал он,— на предъявленную закладную». Секретарь исполнил просьбу. Равич, рассматривая закладную, вскрикивает: «Как это бесчестно,— и показывает на подскобленное место на бумаге.— Вы, верно, не сумели вытравить химическим порошком вашу расписку,— продолжал он, обращаясь к Асташевскому,— а употребили для этого ножик». Асташевский обезумел от изумления и едва мог выговорить: «Я ни того, ни другого не делал и денег от вас не получал».— «Вы можете запираться,— сказал Равич,— а тут есть на вас улика, я подам на вас прошение за то, что вы меня бесчестите». Асташевский стал уверять секретаря в том, что он не мог и думать, чтобы Равич решился на такую бесчестную штуку, и, прочтя закладную, положил ее в карман. Секретарь, будучи на стороне Равича, отвечал Асташевскому, что никто не виноват в том, что он не рассмотрел хорошенько закладной и что за подскабливанье документов виновный подвергается уголовному суду. Асташевский обратился после этого к председателю палаты; тот дает ему такой же ответ; он из палаты, как сумасшедший, бросается к лучшему адвокату, но и тот отказывается от его дела: «Я уверен,— сказал он,— что вы правы, но с вами так хитро поступили, что я ничего не могу сделать в вашу пользу».

Он обращался за советами туда и сюда и везде получал один ответ, что если он заведет тяжбу, то дело не выиграет, а причинит себе большие издержки и еще заплатит Равичу штраф за бесчестье. Все знали, что Асташевский приобрел имение черненьким поступком и сильно обидел наследников, потому никто об нем не сожалел, а, напротив, еще подсмеивались над ним, говоря, что дока на доку попал... Асташевский продал дом и деревню и, расплатившись с долгами, с небольшими деньгами уехал в Малороссию, где под конец своей жизни очень бедствовал...

Цыганка Степанида с хором

Полвека тому назад в Москве был хор цыган, в котором была в своем роде знаменитая певица, цыганка Степанида,— многие иностранные аристократы и артисты, бывшие в Москве, удивлялись ее пению; конечно, они слышали много лучше ее певиц в итальянском вкусе, зато Степанида и ее хор имели особенный, оригинальный характер пения: стройность тонов, скорые отрывистые удальские остановки в темпе музыки,— за коими следовали тихие, мелодические, минорные напевы,— производили необыкновенный эффект; особенно очаровательно пела Степанида соло. Вслед за тихо умирающей музыкой шла отчаянная песня, в которой употреблялись тамбурины, медные тарелки (piati), гремушки, свист, удальские вскрикивания, биение в ладоши; к этому присоединялась лихая цыганская пляска с свойственной цыганам живостью и веселостью, выражавшимися на лице и во всех движениях танцующих. Все это было стройно, торжественно, так что самих зрителей заставляло невольно плясать. Бывшая в Москве знаменитая европейская певица г-жа Каталани, слушая пение Степаниды, была от нее в восхищении и с своих плеч подарила ей богатую турецкую шаль. Ныне хор цыган хорош, но нет в нем той оригинальности,

того цыганского типа, что было прежде, ныне они поют романсы и арии в итальянском вкусе; могут ли они удивить этим пением иностранца, который слыхал в этом роде пение лучших европейских артистов?..

Рожер — несгораемый человек

В 1809 году приехал в С.-Петербург несгораемый человек, по имени Рожер; он родом был француз; лицо и руки у него были раскрашены в разные цвета, он говорил на английском, французском и индейском [1] языках. Рожер рассказывал, что он родился в Индии, трех лет потерял отца и мать и остался после их смерти круглым сиротой; одним индейцем взят был на воспитание, у него вырос и выучился способу противоядия и несгораемости; соскучившись в Индии, он отправился с путешествующим англичанином в Персию. В это время в Тегеране показалась моровая язва; не желая подвергать себя опасности, он отправился с своим спутником в Россию и прибыл в С.-Петербург [2]. Рожер долго не мог добиться от с.-петербургского правительства позволения на публичные представления своих фокусов, потому что правительство предлагало ему довольно значительную сумму денег за открытие секрета противоядия и несгораемости, но он не соглашался на это.

Не надеясь получить в С.-Петербурге позволение на публичные представления, он уехал с одним вельможей в Москву, и тот выхлопотал ему здесь, наконец, от правительства резрешение показывать свое искусство публике. Рожер открыл представление на масляннице в балагане под Новинским. Он всех удивил своим искусством: брал голыми руками раскаленное железо, клал его на язык, водил им по рукам и по груди, становился голыми ногами на раскаленные полосы железа, вливал в рот растопленное олово, выпивал разного рода яды; от правительства присылались медики для удостоверения, не было ли в том обмана, но оказалось, что яды были действительные.

Летом он придумал дать для публики блистательное представление; для этого была приготовлена огромная печь, а для эффекта он вздумал устроить около печи фейерверк; публика съехалась. Когда дрова в печи разгорелись, Рожер, замаскированный в костюм фурии, влез в пылающую домну; публика аплодировала ему от удивления. Рожер приказывает зажечь фейерверк, но едва проходит несколько минут, несчастный Рожер выскакивает из печи весь окровавленный и падает без чувств на землю; его подымают и отвозят без памяти в больницу. Впоследствии оказалось, что артиллерийский фейерверщик положил несколько гвоздей в порох для того, чтобы испытать, действительно ли Рожер был человек или чорт... В это время говорили, что Рожер для защиты от огня употреблял мазь, которой натирал тело, а против ядов какой-то напиток.

Спустя несколько лет после отъезда Рожера из Москвы, мне случилось быть в балагане под Новинским, там я видел русского паяца, который, подобно Рожеру, голыми ногами ходил по раскаленному желе-

---

[1] Автор путает индусский язык с индейским, индусов с индейцами.— Ред.

[2] У г. Дидло была страсть знакомиться со всеми знаменитостями — артистическими и другими. Когда Рожер прибыл в С.-Петербург, Дидло пригласил его на обед, за которым тот рассказал историю своей жизни. А после него показывал свое искусство: влизал в рот растопленное на огне олово, выпивал самый сильнейший яд. В то время я воспитывался у Дидло и видел, как Рожер показывал эти чудесные таинства природы.

зу, вливал в рот растопленное олово, только не пил ядов. Удивительно, каким образом этот паяц мог узнать секрет противогорания, когда Рожер не хотел открыть его правительству за немаловажную сумму денег...

Гулянье на Воробьевых горах

В старину многим нравилось в летнее время народное гулянье на Воробьевых горах; с них видна вся Москва, как на ладони, и представляет прекрасную картину. В это время горы были покрыты лесом, который укрывал гуляющих от летнего жара; местность — сухая, высокая и лесистая — делала воздух здоровым; под горами протекает Москва-река, на которой были устроены купальни для приезжающих. На горах были раскинуты палатки для цыган и торгующих съестными и питейными продуктами; пиво было бархатное, розовое; вино крепкое, хлебное, здоровое, без всякой примеси, так что, выпив стакан, можно было сказать, что оно было дешево и сердито.

Сюда каждое воскресенье приезжала богатая купеческая молодежь покутить, выпить пивца, винца и послушать цыганских песен. Рано утром и вечером с соседних дач приезжало туда много хорошей публики для купанья и прогулок на горах, они пили чай. Теперь же на этом шумном месте воцарилась глубокая тишина по случаю закладки фундамента для храма Спасителя, постройка которого не состоялась; вековой дубовый лес вырублен, горы во многих местах изрыты; осталось только одно воспоминание о прошлом веселом времени.

Прежние московские загородные гулянья... заключались в катаньях хорошей публики около рощи и в пьянстве простонародия. Притом загородные гулянья в то время были довольно отдалены от Москвы; дороги в ненастную погоду были дурны; экипажи вязли в грязи; пешеходы по колена утопали в воде...

Переезд в Москву

В 1811 году обер-гофмаршал и главный директор императорских театров А. Л. Нарышкин предписанием от 1 декабря велел перевести на время к Московскому театру некоторых артистов, а именно: трагическую актрису m-lle Жорж Веймар и сестру ее Бебель; трагических актеров: Манвиель, Ведель, певицу m-lle Фодор, танцовщика Адама [1] и танцовщицу Махаеву. В это время французская труппа производила в Москве фурор...

До 1812 года на Арбатской площади был великолепный деревянный, на каменном фундаменте, театр, построенный архитектором Росси; он был сделан наподобие греческого храма; кругом его были колонны; посреди них галлерея, по которой можно было обойти вокруг всего театра. В этом, хотя и деревянном, театре сцена была довольно большая, с хорошо устроенными машинами машинистом Борнье; помещение для зрителей было огромное; на случай пожара для публики было много дверей для выхода.

---

[1] Так как я несколько лет воспитывался у Дидло, то он привык с моего малолетства называть меня не по фамилии, а по имени, потому-то и мое театральное начальство так же называло меня и даже печатало в с.-петербургских театральных афишах — Адам. Но, поступивши на службу к Московскому театру, я стал называться и печататься в театральных афишах по фамилии — Глушковский.

Юродивые

Из предшествовавшего рассказа мы видели, какими особенностями и чертами отличалась Москва до 1812 года от настоящего времени. Обыкновенно говорят, что погром и пожар 1812 года много изменили ее не только во внешнем виде, но и в нравах. Все это совершенно справедливо. Но нужно заметить, что многое из обычаев и даже предрассудков пережило этот роковой и великий год и сохранилось даже до настоящей минуты. Кроме тех чудаков и шутов, о которых мы упоминали в прежнем рассказе, в Москве в то время водилось много юродивых, которые, как известно, не вывелись и в наше время.

Рожер не боялся огня и яда, а Семен Дмитриевич, юродивый,— трескучих морозов. В славу он вошел на Смоленском рынке, лет пятьдесят тому назад. Зимой он ходил купаться на реку, несмотря на 25-градусные морозы, бегал по улицам босой и в одной рубашке, вскрикивая: «Ах, жарко! Ах, душно!» Простой народ уважал его и не смел смеяться над ним, потому что считал его за праведника; под старость он засел дома и начал предсказывать. Посетители приносили ему деньги, калачи, чай, сахар, спрашивали его об ожидаемом будущем; одних он выслушивал благосклонно и в ответ на их вопросы говорил им разную чепуху, а других, особенно когда был не в духе, гнал от себя палкой; многие из порядочных людей верили его предсказаниям. Последние 25 лет жил он постоянно на одной квартире — у Николы, что на Песках, в доме купца Чамова, где и умер.

Находившийся в Преображенской больнице полусумасшедший Иван Яковлевич был для нее очень полезен; говорят, что на эту больницу ассигнован небольцой денежный капитал; но, чтобы усилить способы для содержания умалишенных, перед входом в комнату Ивана Яковлевича поставлена была кружка, в которую всякий посетитель Ивана Яковлевича должен был положить не менее 20 копеек серебром; таким образом собиралась каждый месяц довольно значительная сумма денег; она поступала больным на чай, сахар и улучшение пищи. Иван Яковлевич в свою очередь также порядочно дурачил народ. Тем, которые приходили к нему спрашивать о судьбе своей, о пропаже, способе излечения болезней и пр., он врал высокопарнее, нежели Семен Митрич, и давал им загадочные записки, так что над ними бедные его посетители сильно ломали голову, чтоб понять их таинственное значение; а других он так пугал, что они от его предсказания заболевали, а для исцеления болезней давал разную мерзость пить и есть. Несмотря на все это, в народе была большая вера в него. Семен Дмитрич несколькими степенями ниже Ивана Яковлевича. Если Иван Яковлевич валялся на полу, в пыли, в грязи, в сале, то Семен Дмитрич был просто масса живой грязи, в которой нельзя было даже различить человеческого образа. Находившийся в Преображенской больнице Иван Яковлевич Корейма скончался 18... году [1], сентября 6 числа, в четвертом часу пополудни... Недели за три до смерти уста его смолкли для пытливых посетителей, которые уже бесплатно входили к нему в комнату, наблюдали за его предсмертными вздохами и выходили от него с грудой нерешенных вопросов. Из его предсмертных особенных действий известно, что за восемь дней до смерти он приказал купить 8 окуней и сварить ушку. Покушав немного рыбки, он дальнейшее истребление ухи отложил до утра... Наконец, стукнул роковой час, и Ивана Яковлевича не стало... Весть о смерти быстро пронеслась по всем концам Москвы, множество поклонников спешило к нему из-за

[1] Так в подлиннике.

Яузы, из Таганки, из-за Москворечья, и все несли ему уксусу, спирту, духов, масел для умащения его тела. Два дня стоял он в своей комнате, и масса народа не отходила от него, прикладываясь к нему, и помазывала его для уничтожения появившегося зловония. Благоразумные поклонники, опасаясь, что от усердного натирания труп окончательно испортится, сочли нужным вынести его в часовню. Назначено было его хоронить в воскресенье, как объявлено было в «Полицейских ведомостях», и в этот день, чем свет, стали стекаться к нему почитатели, но погребение не состоялось за возникшим спором, где именно его хоронить. Говорят, что чуть не дошло до драки, а брань уже была, да и порядочная. Одни хотели везти его в Смоленск, на место его родины; другие хлопотали, чтобы он был похоронен в мужском Покровском монастыре, где даже вырыта была для него могила под церковью; третьи умиленно просили отдать его прах в женский Алексеевский монастырь, а четвертые, уцепившись за гроб, тащили его в село Черкизово, где у покойного осталась племянница в замужестве за диаконом, который по этому нажил себе благодетелей. На последней стороне больше всего было силы, и она одолела. Из опасения, чтобы не украли тело Ивана Яковлевича, стоявшее в часовне, сначала представили к нему сторожа, а потом внесли в церковь, откуда уже никак нельзя украсть. Во все это время шли дожди и была везде сильная грязь, но, несмотря на то, во время перенесения тела из квартиры в часовню, из часовни в церковь, из церкви на кладбище, женщины, девушки, барышни в кринолинах падали ниц, ползали под гробом, ложились на дороге, чтобы над ними пронесли гроб. Принесли его в церковь. Три кружки, стоявшие зачем-то у гроба, быстро наполнились деньгами, и затем деньги посыпались в гроб... На другой день смерти Ивана Яковлевича живописец (называют одного профессора живописи) намеревался снять с покойного портрет, но только что он хотел приняться за работу, как у покойного тотчас начали вспухать глаза, губы стали вздуваться, и все решили, что Ивану Яковлевичу, вероятно, неугодно, чтобы с него снимали портрет, и портрет так и не снимали. Умер он от водяной, но совершенно не это было причиной того, что его разнесло и из гроба текло. Вот от чего это сделалось, как рассказывают. Какой-то католик-лекарь прикоснулся рукой к голове Ивана Яковлевича, и это так оскорбило покойника, что он, не желая испытать какое-нибудь прикосновение, решил лучше испортиться. Пришли солдаты обмывать, но женщины вытолкали солдат, и сами его обмывали. Пока тело стояло, ежеминутно служили панихиды. На могиле в день похорон, говорят, было отслужено до 70 панихид, за что причетники получили до 400 рублей, неизвестно только ассигнациями или серебром. По отпевании прикладывались только к рукам покойника, которые были спущены из гроба, сам же он был весь закрыт, и прикладывались так долго, так усердно, что, казалось, конца не будет. Гроб до самой могилы несли мужчины и женщины, хоронили на счет Г. Заливского[1], хотя он и католического вероисповедания (см. в «Сев. пчеле» о похоронах Ивана Яковлевича). Этот же самый

[1] Может быть, читателям покажется странным, что Заливский, будучи католиком, принимал такое сильное участие в судьбе и похоронах двух юродивых. Мне несколько известна биография его, и я могу разъяснить этот странный случай. Заливский служил когда-то в военной службе; увез дочь купца Сучкова, закоренелого раскольника, и женился на ней. Желая, вероятно, угодить родителям и заслужить прощение, он, как верный последователь иезуитов, прикинулся верующим в святость Семена Дмитриевича и Ивана Яковлевича и их мнимое пророчество. Таким-то образом, по моему мнению, он сделался из ревностного последователя католицизма ревностным поклонником юродивых.

Заливский хоронил и Семена Митрича. Ко времени выноса тела из церкви собрались отовсюду уроды, ханжи, странники, странницы. В церковь они не входили, за теснотой, и стояли на улице. И тут-то среди белого дня, среди собравшейся толпы, делались народу поучения... изрекались пророчества, хулы, собирались деньги, издавались зловещие рыкания и пр. и пр. Неутешная толпа прямо с похорон пошла в безумный дом и венчала там на место Ивана Яковлевича нового юродивого, который уже лежал на его месте, испив малую толику от заупокойной чаши. Новый юродивый, еще при жизни Ивана Яковлевича писавший записочки, говорит сгоряча и не уставая, много, но совершенно безотносительно к нуждам посетителей и все больше о политических неустройствах, до которых никому дела нет.

Скавронский в «Очерках Москвы» указывает еще несколько особенностей погребения Ивана Яковлевича. В продолжение пяти дней его стояния отслужено более двухсот панихид; псалтырь читали монашенки, и от усердия некоторые дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благоговения; вату эту даже продавали; овес играл такую же роль; цветы, которыми был убран гроб, расхватаны в миг; некоторые изуверы, по уверению многих, отгрызли даже щепки от гроба. Бабы провожали гроб воем и причитаниями: «На кого ты нас, батюшка Иван Яковлевич, оставил, покинул, сироти-нушек (это слово пелось и тянулось таким тоном, что звенело в ушах)? Кто нас без тебя от всяких бед спасет, кто на ум-разум наставит, батю-шка-а-а?» Многие ночевали около церкви. Могила выстлана камнем наподобие пещеры.,.. Долгое время на могиле служили по двадцати панихид («Очерки Москвы», стр. 212).

Руины Медоксова театра

С 1805 по 1823 год на Петровской театральной площади стояли каменные обгорелые стены нынешнего Московского театра, в которых обитали хищные птицы, а среди них было болото, в котором водилось много лягушек; в летнее время утром и вечером оттуда на далекое расстояние слышны были их крики. Этот театр прежде принадлежал Медоксу, а потом за долги его был взят с труппою в ведомство казны.

Старые дома и улицы

В Охотном ряду, на том месте, где ныне находится большой каменный дом почетного потомственного гражданина Бронникова, стоял в 1806 году одноэтажный деревянный дом на каменном фундаменте, с двумя каменными флигелями и небольшим садом, принадлежавший винному торговцу Михаилу Степановичу Пирогову. В нем помещался винный погреб и полпивная лавка; в летнее время мещане и купцы приходили в его сад пить под липовыми деревьями чай, пиво и ерофеич; рядом с домом Пирогова находилась аптека Ауэрбаха, на том месте, где ныне Спасский переулок, ведущий к бывшему Георгиевскому монастырю.

Там, где ныне Малый театр, были длинные каменные двухэтажные флигеля, принадлежавшие князю Сибирскому; в них жили театральные артисты. На Арбатской площади также был дом[1] генерала от инфантерии князя Сибирского[2], который в 1797 году был сослан в Сибирь,

---

[1] В нем в 1816 году жил князь П. А. Вяземский.

[2] Князь Сибирский, Вас. Фед.— потомок Кучума, царя Сибирского. При Александре I — сенатор. Ред.

но по восшествии на престол Александра I был освобожден от заточения. На улице Софийке в то время были кузницы, ветхие деревянные дома и лавки, в которых торговали разными лоскутьями, а ныне здесь образовалась большая улица с богатыми каменными домами. Подле нынешнего дома поч. гражд. Евдокимова и дома поч. гражд. Рудакова, который смежен с садом клиники, был каменный мост под названием «Кузнецкий», под которым из Самотечной канавы протекала вода. Мост получил свое название оттого, что близ него было много кузнецов, а улица, которая идет на Лубянку, получила название Кузнецкой от этого моста.

Эта местность была самая нечистая... Там, где была Самотечная канава, из которой текла зловонная вода к бывшему Кузнецкому мосту, теперь устроен бульвар... В круг Кремля шел вал со рвом, в котором стояла дохлая, тенистая вода с разной падалью...

«Стеклянный» кабачок

В Охотном ряду подле нынешней сенатской типографии находился казенный дом; в нем помещался кабачок под названием «Стеклянный» и харчевня, в которой собирались московские бродяги,— это был их вседневный притон. Когда в Москве случались значительные пропажи, то сыщики прямо отправлялись в «Стеклянный» кабачок и от главных мошенников узнавали, где находятся украденные деньги или вещи; иногда полиция была снисходительна к этим мошенникам, если они попадались ей в руки за небольшие шалости...

Первый дом театрального училища

В 1807 году театральная дирекция купила у купца Михаила Степановича Пирогова дом с двумя каменными флигелями, находившийся в Охотном ряду; в нем помещено было театральное училище.

В 1812 году число воспитанников состояло из 25 мальчиков и 25 девочек. Инспектором училища был капитан Петр Петрович Владыкин; главною надзирательницею над девицами была его жена Ульяна Ивановна и две ее помощницы Шемякина и Лобанова. Учители были: закону божию — приходский священник, драматическому искусству — Иван Иванович Фрыгин, танцам — Глушковский, пению — Ренкевич, на фортепьянах — Муромцев, на скрипке — Уваров, русской словесности, географии и арифметике — Шмелев, фехтованию — Севенар, французскому языку — Тирье.

Во время московского пожара Арбатский театр и театральное училище сгорели. В 1815 году место, на котором было театральное училище, продано генералу Константину Марковичу Полторацкому, где он выстроил огромный дом, ныне принадлежащий поч. гражд. Бронникову, а оставшийся после пожара каменный фундамент Арбатского театра с железом отдан был А. А. Майкову и чиновникам театральной конторы в вознаграждение за потерю имущества в Москве в 1812 году; место же, на котором был Арбатский театр, обращено в площадь, ныне называемую Арбатской, на которой ныне продают дрова и пр.

Дебюты в Москве

В 1812 году, на первой неделе великого поста все с.-петербургские театральные артисты обратно поехали в С.-Петербург, а я с Махаевой был переведен на службу в Московский театр первым танцовщиком и учителем танцев в театральном училище с должностью балетмейсте-

ра; г-жа Махаева поступила в балетную труппу на пантомимные роли и для русской пляски. Мои дебюты на Московском театре были в балетах сочинения Дюпора в «Зефире или ветренике, сделавшемся постоянным», я занимал роль зефира, и в «Севильском цирюльнике» — роль Фигаро.

В первых числах мая я имел бенефис с танцовщицей Махаевой, во время которого дана была оперетка «Ночь в лесу» и балет, мною поставленный, «Деревенская героиня», сочинения Шевалье.

Несмотря на глухое время года для театральных сборов, нам за всеми расходами очистилось в бенефис 2 800 рублей ассигнациями. В 1812 году, в первых числах июня месяца, дан был на Арбатском театре моего сочинения балет «Дафнис и Хлоя», имевший полный успех...

В то время [1812 г.] в Москве я не имел еще такого знакомства, которое могло бы поддержать меня на сцене театра, а равно финансовых средств для покупки театральных билетов для раздачи их даром.

Я знаю, что и славнейшие артисты не обходятся иногда без подобных средств; они также покупают театральные билеты и раздают своим приятелям для того, чтобы они аплодировали им и вызывали на сцену.

Театральные проделки

Несмотря на то, что Дюпор был в это время первенствующим талантом в Европе, какого я до сей поры не встречал, но и он при всей своей скупости истрачивал в год на покупку театральных билетов и на журналистов, прославлявших его талант, более 10 тысяч франков. Не думайте, чтоб эти издержки были ему в убыток,— напротив: он от того много выигрывал. Конечно, вы со мной согласитесь в том, что всякий новый хороший артист производит более впечатления на публику, чем тот, к которому она уж присмотрелась; он под конец наскучивает; однако, когда танцовал Дюпор, то покупные аплодисменты, вызовы на сцену, журналистика и при этом его высокий талант всегда оживляли публику, несмотря на то, что он на С.-Петербургском театре танцовал более четырех лет. Были также и неподкупные зрители, которые из боязни прослыть невежами в танцовальном искусстве также аплодировали и прославляли до небес талант Дюпора; а бо́льшая часть молодежи рада была случаю пошуметь в театре, не жалея ни горла, ни рук, ни ног; она также аплодировала и кричала до охриплости: «Браво, фора, бис!»

Посредством вышесказанных способов некоторые артисты заключают с директорами театров выгодные для себя контракты; директору все равно, какими средствами ни наполнялся бы у него зрителями театр, только была бы для него выгода.

Бывают еще другого рода проделки. Если певица не умеет устроить театральной интриги, то навсегда останется во мраке, как бы хорошо она ни пела, а другая, хотя не имела бы голоса, но имела покровителя с большим голосом, будет иметь блестящий успех; на сцене всегда будут сыпаться вокруг нее букеты цветов и греметь беспрестанные вызовы.

Танцовщица должна быть умна не одними ногами

Многие утверждали, что танцовщица умна только ногами, но театр иногда приводит вас совершенно к противному убеждению, что у танцовщицы действует и голова, а не одни ноги, иногда бывает ей такой

триумф, что твоей Карфагенской царице, да и стоит. Сцена для нее всегда усыпана цветами, и она так легко и грациозно, как бабочка, перепархивает с цветочка на цветочек, что невольно придешь в восторг; когда она делает пируэт (т. е. вертится), голова кружится не у нее, а у некоторых из зрителей; когда же она становится в грациозную позу (т. е. в картину), то некоторые из простаков, увлеченные аристократами, желая им подражать и быть в их кругу, вторят им, восхищаются до безумия этой картиной и бросают к ногам Терпсихоры букет, купленный ими на последний рубль, а возвратясь домой, находят у себя в семействе преоригинальную картину — бедность во всей ее красоте. Когда же танцовщица, делая антраша, подымается на воздух, то тут же подымается «браво» и «фора», потому что она от щедрот своих раздает всегда бедным аматерам[1] даровые билеты.

Трактир «Большой самовар»

В 1812 году, в мае месяце, я жил в театральном училище, в каменном флигеле, с актером Дубровским, и мне директором театра дан был в услужение балетной труппы капельдинер Гайдуков, который также жил у меня. Стола я у себя не имел, а ходил с Дубровским обедать на Ильинку, в троицкий трактир, под названием «Большой самовар», потому что в это время в трактире на окне стоял огромный самовар вроде вывески. Тут я познакомился с богатой купеческой молодежью, с Гладышевым, Прошниковым, Водопьяновым и Петром Михайловичем Меняевым, которые тут также всегда обедывали и кутили напропалую; шампанское у них было нипочем: они угощали им всех знакомых и незнакомых. После обеда мы ходили в греческую кофейную, находившуюся тут же на Ильинке, пить кофе и слушать орган, на котором игрались увертюры из опер Лодоиска, сочинения Крейцера и «Каирский базар» Делерака. В этой кофейной бывало большое стечение народа, потому что тут был лучший в Москве орган. Меня часто посещал Иван Иванович Фрыгин, режиссер драматической труппы, с которым я был довольно дружен; у него в это время была своя лошадь; на ней мы часто разъезжали с ним по разным загородным местам. Бывали на Воробьевых горах.

Первые французские пленные

Когда туда были пригнаны первые французские пленные, мы отправились к ним, чтобы взглянуть на них. Их было человек до 30, из итальянцев и немцев; одежда на них была оборвана, лица их были бледны, истощены от голода, народу около них собиралось много; бывшее тут купечество... оделяло их калачами, чему не препятствовал русский капитан, находившийся с командой при них...

Москва после Бородинского сражения

После Бородинского сражения Москва была в тревожном состоянии. Чтобы затушить в народе страх по причине приближавшейся опасности, занимали его устройством на Воробьевых горах какого-то огромного шара, который, как носились слухи, подымется над войском Наполеона и прольет огненный дождь на его армию.

В казначействе в это время было много медных денег, а потому подрядчикам, пансионерам и получавшим жалование производили выдачу

[1] Аматер — поклонник. Ред.

одними медными деньгами, а так как за всем тем их оставалось все еще большое количество, а вывезти их было не на чем, ибо подводы все были взяты под армию, то некоторым чиновникам выдавали жалованье за два месяца вперед. Несмотря на все эти меры, французы, пришедши в Москву, нашли много медной монеты в казначействе, но они не брали ее; монету эту разграбили, по выходе уже их, наехавшие из деревень мужики, часть ее успели увезти к себе, у запоздалых же отняли ее прискакавшие в Москву казаки.

Каждый день по улицам во все заставы, кроме Смоленской или Дорогомиловской, тянулось множество карет, колясок, повозок, кибиток и нагруженных кладью телег. Жители Москвы уезжали и уходили, не зная сами куда. Это раздражало народ, многие кричали вслед уезжавшим, что они трусы, изменники за то, что оставляют Москву. Лето в этом году было жаркое, погода долгое время стояла сухая и теплая, на небе виднелась яркая планета с длинным хвостом. Простой народ называл Наполеона антихристом, говорил, что он огнем и мечом истребит все по течению этой кометы; потом наступят последние времена, а там — конец мира; все это, соединяясь с предсказаниями какого-то содержавшегося в остроге раскольника, предрешавшего, что в России будет хлеба много, а некому есть,— поселяло в народе большой страх.

Маскарад

1812 года, 30 августа, в день тезоименитства императора Александра Павловича, дан был в Московском театре спектакль «Семейство Старичковых» и маскарад. Маскарад этот в день тезоименитства императора отличался от других, как это бывает всегда, полным освещением театра, хорошей инструментальной и вокальной музыкой, исполненной хором цыган и военными госпитальными песенниками; кроме того, в этом маскараде воспитанники и воспитанницы театрального училища танцовали мазурки, кадрили и разнохарактерные танцы; при этом присутствовали инспектор театрального училища и полицейский офицер для того, чтобы не нарушили порядка танцев.

Так как по случаю приближения неприятелей к столице это был последний спектакль с маскарадом и время тогда было смутное, то присутствовавшая на нем публика состояла только из легко раненых военных людей, самых отчаянных молодых купчиков и княжен Трубецких и казицких, как именовались они в то время по месту жительства около самотечной трубы и на Казихе.

Содержателем театрального буфета был Иван Федорович Критский: он был человек богатый, у него было два каменных дома в приходе Малого Вознесенья на Никитской, принадлежащие теперь князю Мещерскому, и имел всегда большой запас всяких виноградных вин; чтобы они не доставались французам, он продавал их за половинную цену в маскараде; конечно, появилось много охотников до дешевого шампанского и прочих вин. В ложах театра гремела музыка, в маскарадных залах раздавалось пение цыган и русских песенников, везде были накрыты столы, на которых ужинали и играли в карты, даже в запрещенную игру «банк». В то время полиция смотрела на все сквозь пальцы, исключая дел политических.

Как человек молодой и притом холостой, я с большим удовольствием смотрел на весь этот хаос, меня узнали некоторые гвардейские офицеры, потому что прошло не более 10 месяцев с тех пор, как я оставил сцену С.-Петербургского театра, и против воли заставили пить шампанское со смотрителем театра Степаном Петровичем Горчаковым, кото-

рый вместе со мной был в маскараде; потом пригласили нас ужинать с ними; мы было стали оттовариваться, но они сказали, что в военное время у них рубль идет за копейку, потому что сегодня жив, а завтра нет. Мы согласились и пропировали с гвардейцами до 2-го часа ночи.

На Трех Горах

Когда граф Ростопчин сделал воззвание к народному ополчению, чтобы встретить неприятеля вооруженною рукою на Трех Горах, тогда арсенал, в котором находилось старое оружие с незапамятных времен, по приказанию начальства был открыт; лица разного сословия бросились туда брать его: пики, сабли и пистолеты; многие брали оружие не для защиты Москвы, а из одной корысти; я также пришел туда, и на мою долю достались сабля и заржавевшее ружье, из которого нельзя было стрелять. Толпа пьяного народа с оружием в руках бросилась на Три Горы навстречу французам; те, которые были потрезвее, ушли домой. С самого утра до темной ночи в Дорогомиловскую заставу тянулись повозки с ранеными под Смоленском и под Бородиным; ржание голодных коней, скрип колес, зной солнца, тряска от мостовой —все это сильно беспокоило и заставляло раненых солдат испускать стоны, которые производили на народ грустное впечатление. Московские больницы и казармы были наполнены ранеными солдатами; крестьяне, привозившие раненых, продавали заводских лошадей с телегами за самую дешевую цену, потому что земская полиция выпрягала на дороге лошадей из крестьянских телег и купеческих обозов и забирала их для армии: деревенские лошади были все в разгоне.

Покупка лошадей

Московские жители в последние дни перед вступлением Наполеона в Москву не имели покоя ни днем, ни ночью и толпились по улицам. Бедные люди переносили свои пожитки из квартир в подвалы знакомых им владельцев больших домов, а богатые обыватели Москвы покупали лошадей с телегами в казармах и больницах, на которых привезены были раненые солдаты; старцы и женщины с грудными младенцами и с своими мужьями спешили выйти из Москвы, неся на плечах узлы с пожитками.

Дня за два до моего выезда из Москвы я ужинал у Соломони, бывшего балетмейстера при московском Петровском театре, который не был казенным, а принадлежал Медоксу. Соломони также намеревался выехать. У него было много разных экипажей, но лошадь только одна; потому он просил меня отправиться с ним в Спасские казармы для покупки лошадей. В два часа ночи (в то время, при всеобщей тревоге и суете, это было еще не поздно) мы с Соломони в сопровождении кучера и сына его пошли в казармы и встретили там много народа; одни приходили покупать лошадей и экипажи, другие осведомлялись о том, нет ли между привезенными ранеными их родных. Мы сторговали у мужика за сто рублей ассигнациями тройку вятских лошадей, которые в другое время стоили бы по худой цене 400 рублей. Но не успели еще совсем разделаться с мужиком, как на двор явился смотритель казарм с казаками и велел гнать оттуда народ, а сопротивлявшихся провожать нагайками. К этой мере сочли за нужное прибегнуть потому, что у полковника увели из конюшни лошадь. Я с народом опрометью бросился бежать со двора; за нами тотчас же затворили ворота, но старик Соломони не успел убежать и остался один на запертом дворе. Когда мы сошлись с сыном и кучером его, то увидели, что

старик сквозь решетчатый забор протягивает к нам руки и зовет на помощь.

В это время к Соломони подошел смотритель казарм и сказал: «Ты, мне кажется, не русский. Возьмите его в арестантскую». Действительно, Соломони дурно говорил по-русски. Я, вспомнив пословицу, что «денежка не бог, а милует», вынул из кармана три синенькие бумажки и через решетку сказал смотрителю: «Прикажите ваше высокоблагородие, отворить ворота и позвольте мне с вами объясниться»,— при этом я держал в руке деньги так, чтоб смотритель мог их видеть. «Отворите ворота!» — закричал он. Я всунул деньги в руку высокоблагородной особы и просил выпустить Соломони. Получивши от меня деньги, высокоблагородный смотритель сказал нам: «Я вижу, вы люди честные: возьмите вашу покупку»,— и велел казаку нас пропустить с лошадьми. Смотритель, как видно, был большой патриот, но деньги любил, вероятно, не менее отечества.

Мы рассчитались с мужиком за лошадей и повели их домой; лошади были добрые, тихие, потому что у них не было несколько времени ни одного зерна овса во рту. Бывший с нами кучер сел на одну из лошадей, а пару других повел в поводу; сами же мы пошли пешком. Соломони, пришедши домой, возвратил мне деньги и благодарил за покупку лошадей и за освобождение из плена.

Целую ночь мы провозились: кормили лошадей, укладывали его пожитки в коляску и бричку, потому что он с сыном рано поутру намеревался выехать из Москвы в Рязань. В 7 часов утра я напился у них чаю и, пожелав им благополучного пути, отправился домой. С сыном Соломони я был почти одних лет и довольно дружен, он также служил при театре танцовщиком и брал у меня танцовальные уроки; расставаясь со мной, он прослезился, как будто предчувствуя, что мы более не увидимся: действительно, в том же году он заболел горячкой и умер в Рязани...

В 1812 году главное московское начальство состояло из следующих лиц: по духовному ведомству митрополитом московской епархии был преосвященный Платон. Военным губернатором — граф Ф. В. Ростопчин, гражданским губернатором — Николай Васильевич Обрезков, вице-губернатором... [1], московским комендантом — Гессе, дворянским предводителем — Василий Дмитриевич Арсеньев, почт-директором — Ключарев, начальником кремлевской экспедиции — Петр Степанович Валуев, директором комиссии строений — князь Цицианов, главным надзирателем воспитательного дома — Иван Акинфиевич Тутолмин (он оставался в Москве во время пребывания в ней императора Наполеона), обер-полицеймейстером — Петр Алексеевич Ивашкин, полицеймейстерами — Александр Александрович Волков, Адам Фомич Брокер и Дурасов, градским головой... [1], правителем канцелярии военного губернатора графа Ф. В. Ростопчина — Аркадий Павлович Рунич.

Выезд из Москвы

30 августа на Арбатском театре был, как уже было сказано несколько выше, последний спектакль с маскарадом. Тогда же, по предписанию главного с.-петербургского театрального начальства, переведены на временную службу к С.-Петербургскому театру следующие актеры и актрисы: гг. Злов, Соколов, Колпаков, Мочалов, Дружинин, г-жи Сундунова, Борисова, Кавалерова и Лисицына, а прочим артистам разных трупп

[1] Так в подлиннике.

даны были временные виды для прожития в разных губернских городах с выдачей вперед за три месяца жалованья и с дозволением им играть на провинциальных театрах. Театральное училище и учителей при нем приказано было отправить на казенных подводах в какой-нибудь губернский город.

1 сентября, в 6 часов утра, граф Ф. В. Ростопчин, вместо потребованных театральной дирекцией 100 подвод, прислал только 60, и то случайно. В этот день для военного госпиталя были привезены из С.-Петербурга медикаменты и фельдшера для армии; подводы, на которых прибыли они, даны были театральной дирекции.

По распоряжению управляющего Московским театром А. А. Майкова, 25 подвод поступило под театральное училище, 25 — под театральный гардероб, драматическую и нотную библиотеку и под бумаги конторы театра, а 10 назначено было для инспектора театрального училища с его семейством и для учителей с их имуществом. Начальником этого каравана был статский советник, член конторы, Алексей Иванович Сухопрудский; должность казначея в дороге исполнял коллежский советник Семен Александрович Семенов; оба они ехали в собственных экипажах. Для выезда из Москвы назначено было сборное место в театральном училище. Принадлежавшие к театру лица, которым неудобно было вывезти имущество из Москвы, зарывали его в землю, опускали в колодцы, а в комнатах под половицы прятали разную одежду. Я в то время зарыл свой сундук с платьем, скрипкой, медной посудой, хрусталем и прочими вещами в саду под деревом; возвратясь в 1816 году в Москву, я нашел все это в целости.

В день выезда из Москвы я получил жалованье медными деньгами; оно простиралось до ста рублей ассигнациями, а весом до двух пуд.; для дороги эта тяжесть была очень обременительна; в то время 40 копеек заключали в себе фунт чистой меди[1]. Чтоб избавиться от излишней тяжести медных денег, я пошел в город купить себе сапоги, калоши, картуз и несколько гастрономических припасов для дороги.

Проходя по улицам, я заметил, что в это время в Москве была большая тревога: купцы на телегах и барках вывозили товары, часть войск проходила через город; носились слухи, что у Дорогомиловского моста они разбили кабак и расхитили все вино; в окрестностях горели некоторые деревни, оттого над городом стояло сильное зарево. Казаки, адъютанты и другие военные как стрелы летали на конях по городу с приказаниями от начальников. В Охотном ряду на моих глазах полупьяный казак на всем скаку лошади подцепил у мужика с лотка пикой окорок ветчины и с ней исчез как вихрь, а стоявший тут народ криком восхвалял его удальство.

Пообедавши в Охотном ряду в харчевне, потому что трактиры были в то время почти все заперты, я в 12 часов возвратился домой и нашел, что на дворе театрального училища уже стояли подводы, наполненные казенными театральными вещами, а воспитанники садились на телеги. Только что я успел положить на телегу чемодан с платьем и бельем, ружье, саблю, медные деньги и подушку, как приказано было двинуться нашему кортежу на Владимирскую дорогу. Обоз наш тянулся медленно: лошади, изнуренные голодом, едва передвигали ноги; кроме того, проходившие по одной с нами дороге войска, обозы и господские экипажи нередко заграждали нам дорогу, иногда мы стояли на дороге по часу и более.

---

[1] В то время, когда 40 коп. меди весили фунт, для изделья медь продавалась из лавок по рублю пятидесяти копеек; потому многие медники переплавливали монету и через это наживали большое состояние.

В Новой деревне

Второго сентября, в то время, когда Наполеон вступил уже в Москву, мы в седьмом часу вечера были в расстоянии от нее не более как на 25 верст, именно в Новой деревне. Над горевшей столицей видно было сильное зарево; носились слухи, что первой жертвой московского пожара был Арбатский театр. В это время мы и многие московские жители с женами и детьми остановились на поле поблизости от Новой деревни, чтобы самим перекусить чего-нибудь и накормить лошадей. Наша многолюдная стоянка походила на ярмарку. Многие за неимением наличных денег продавали за дешевую цену серебряные табакерки, часы, ложки и пр., а мужики из ближних деревень принесли на продажу кур, яйца и молоко; во многих местах были разведены огни для варенья в котелках и горшках похлебки, яиц и другой провизии; дымились самовары, около которых многие пили чай; в это-то время явились казаки с известием, что французы не более как в 10 верстах от нас разъезжают по деревням. Эта новость привела всех в такой страх, что некоторые, как угорелые, начали закладывать лошадей, убирать самовары; одним словом, произошла такая суматоха, что женщины с детьми бежали, оставляя пожитки; мужики соседней деревни стали тушить раскладенные огни, боясь, чтоб не прискакали французы, увидев их, и не выжгли деревни. Увлеченные общим смятением, театральные воспитанницы бросились с криком бежать по Владимирской дороге; подводы едва могли догнать их; они успокоились только тогда, когда снова сели в телеги и сытые лошади повезли живее, чем прежде.

В 1816 году, на возвратном пути в Москву, мы узнали от мужиков Новой деревни, что французские мародеры после нашего отъезда из нее были на другой день рано поутру, разграбили и сожгли деревню.

Рапорт директору театра от унтер-офицера Антонова

Во время пребывания французов в Москве при Арбатском театре оставался унтер-офицер Антонов, прозванный подчиненными ему инвалидными солдатами «зеленой собакой», потому что был очень сердит и носил зеленый мундир; под этим прозвищем знали его все служившие при театре. Антонов по возвращении театральной дирекции в Москву рапортовал о пожаре Арбатского театра следующее: по вступлении французской армии в Москву он был на улице с находившимся при нем солдатом Петровым и увидал бегущих по Арбатской улице трех русских: двое были в чуйках, а третий в оборванном сюртуке; они бросились в театр; вслед за ними бежало с ружьями и обнаженными саблями несколько французских солдат; один из них им кричал ломаным русским языком: «Не уйдете, мошенники». Минуты через две раздалось в театре несколько ружейных выстрелов. После этого театр загорелся; одежда и ухватки русских походили на мошенников, убежавших из острога. Причину ссоры русских с французами Антонов объяснить не мог, потому что их во время и после пожара не видел. После этого Антонов и Петров проживали в обгорелом доме Хрущева, который тогда находился против Арбатского театра.

О крепостных людях

В 1812 году граф Ф. В. Ростопчин в бытность свою военным губернатором в Москве до вступления в нее французской армии был очень

полезен для древней столицы России; у императора Наполеона в то время было в России много шпионов, которые распускали в народе слухи, будто со вступлением французской армии в Россию все крепостные люди получат свободу. Чтоб отнять у господских крестьян надежду на это, граф Ростопчин печатал афиши, в которых уверял в невозможности войти французам в Москву... В то время у аристократов было много образованных крепостных людей, как-то: актеров, музыкантов, живописцев, адвокатов, архитекторов, землемеров, лекарей и пр. Эти люди понимали человечность, и рабство сильно их тяготило; возьмите, например, известного как в России, так и за границей знаменитого живописца Василия Андреевича Тропинина, который долгое время не мог получить свободы от графа Ираклия Ивановича Маркова; я уверен, что люди, подобные ему, всегда ожидали своего освобождения, но только не желали, конечно, чтобы их свобода служила погибелью государю и их отечеству. В то время положение крепостных людей было ужасно; бывали случаи, что их меняли на гончих собак. Так как в эту эпоху я был в Москве и обучал танцам во многих аристократических домах, то мне хорошо было известно настроение умов и мысли господских людей.

Совет в Филях

1812 года, 31 августа, ночью на 1 сентября, в деревне Фили был собран князем Кутузовым военный совет, на котором единогласно была утверждена сдача Москвы французам...

О памятниках старины

Да! Велика и торжественна та минута, в которую собрались в эту избушку русские генералы, а потому и самое место должно быть свято для каждого русского. Если бы не решились пожертвовать Москвой и сдать ее без боя, неизвестно, какие бы судьбы постигли Россию и чем бы кончился кровавый и жестокий бой, который бы произошел под ее стенами. На стороне Наполеона было много преимуществ и шансов на успех. Армию его еще не постигли голод, стужа и изнурение; он еще не потерял 30 тысяч солдат, которых он лишился в свое тридцатидевятидневное пребывание в нашей столице. Эта масса, может быть, могла бы доставить ему перевес над нашей храброй армией, потерявшей под Бородиным более половины мужественных бойцов и героев; к тому же в то время она не получала еще никаких подкреплений...

Вступление в Москву французов

...Сентября 2 числа, в 8 часов утра... начальствующий малочисленным российским арьергардом... генерал Милорадович немедленно послал известить к генералу Себастиани, командовавшему быстрым авангардом армии вождя французского грозного Наполеона, что пространная столица уступается россианами без малейшего сопротивления, с тем, чтобы с их стороны не делано было ни малейшего насилия российскому вагенбургу, выступающему из града, дабы соединиться с ретирующейся армиею. Быстрый Себастиани с восхищением передает сие радостное известие Наполеону. Сей неусыпный вождь с восторгом повелевает ему по вступлении в град с неустрашимыми тремя полками улан употребить всевозможные средства внушить московскому градоначальнику выдти с торжеством к его величеству навстречу с депу-

тацией дворянства; духовенству быть в блестящих ризах, с образами святых угодников и со всем местным начальством, которое должно находиться в великолепном церемониале; между тем сам с поспешностью разослал... повеление своей отличной гвардии одеться и быть в торжественном параде...

Наполеон собирает всех князей, маршалов и знаменитых чиновников принять участие в сей неизреченной радости: провести быстролетящие минуты вместе, пред незабвенным и знаменитым воинством. Уже высокопарный Себастиани с отобранными всадниками с поспешностью взлетел на Поклонную гору и устремил вращающиеся очи к заставе и, пробыв несколько времени в безмолвии на сей высоте, в ожидании блестящей встречи от жителей. Наконец, внутренность его взволновалась от напрасного ожидания: он вышел из терпения, с негодованием двинулся вперед и вступил с конницей в Дорогомиловскую заставу [1].

Безмолвие и пустота

Какая неожиданная перемена! Какой разительный переход от неописанной радости к глубочайшей печали и терзанию: с сокрушительным сердцем, в великой досаде, проскакав на быстром коне многое пространство, мгновенно пораженный изумлением, как громом во время ужасной бури, видя во всех домах затворенные окна, ворота запертые; вместо радостных восклицаний и торжественных приветствий от жителей их встретило мертвое молчание и тишина, царствующая во всех зданиях, как в мрачном подземелье. От четырех стран неприятельские войска вступают в заставы: не видно и конца всадникам и пешеходцам, тянувшимся по разным дорогам; везомые по стогнам орудия производят гул, подобный водопаду, низвергающемуся с высокой стремнины и производящему шум своим пенящимся дроблением. Целые улицы наполнились иноплеменными полками, которые ломают ворота, другие — разбивают двери, держа в поводьях коней своих... Здесь некоторые, опершись на копья, с поникшею головою, едва держатся на слабых ногах; там иные, прислонясь к стенам зданий, облокотясь на ружья, согбенные от усталости, едва переводят слабое дыхание, с нетерпением ожидают, когда отворятся ворота на двор посредством воинских усилий...

Наполеон оставался вне города в восторге; волнуемый радостью и томимый величайшим нетерпением, ожидает уведомления о занятии Российской столицы, но вместо того он получает неблагоприятные известия от Мюрата и Себастиани, которые поразили его и повергли в невероятную горесть. Император французов с самого начала своего царствования всегда уповал на храбрость своих маршалов, с непоколебимой надеждой на верность и могущество разума своих сообщников победить все царства. Еще до взятия Москвы была уже выбита медаль, на которой с одной стороны находилось изображение с надписью: император французский, царь московский.

Вот мечтающий завоевать мир, после краткого успокоения, является величественной своей свите, как лев, свирепствующий среди агнцев, на которых быстро бросает зверские взоры. Никто не смел иметь дерзновение произнести хотя одно слово. Ни один любимец не в силах был

[1] Застава эта до сих пор сохранила свое название; мост же через Москва-реку, ведущий от нее в центр города, через который переходили французы, переименован в недавнее время в воспоминание об этих событиях в Бородинский и, вместо деревянного плашкоутного, сооружен великолепный вековой.

возыметь движения красноречивыми словами. На всех лицах господствовала разительная унылость. Всякий, охраняющий своего предводителя, с величайшим благоговением ожидал мановения для исполнения его воли. Уже давно вернейшие телохранители готовы препровождать его во время шествия в Российскую столицу.

Наступил один — на десятый час третьего дня сентябрьской луны. Наполеон, от величайшей горести облекся в свой серый сюртук без всякого знака отличия, в простой треугольной шляпе. Арабский маленький конь, несущий великого всадника, казался угрюмым, будто чувствуя мучения своего гордого властителя. Свита маршалов и разные чиновники находились в многочисленности в самом блистательнейшем параде, в самом недальнем расстоянии шествовали впереди в величайшем смущении два эскадрона гвардии.

От самой Дорогомиловской заставы до Боровицких ворот они не встретили ни одного любопытного зрителя на сих длинных улицах. Все окружающие Наполеона беспрестанно с трепетом всюду озирались, как бы находясь между висящих скал, готовых ежеминутно обрушиться на их головы. Он сам подобился робкому путнику, скитающемуся среди песчаных степей, с отчаянием найти обитаемую землю.

Вдруг его объемлет полугорящим дуновением ветра, особенно в это мгновение, когда обратил он все свое внимание на распространяющееся пламя, при взоре его свирепость крутящегося ветра до такой степени усилилась, что привела в ужасное содрогание великого завоевателя. Он был поражен изумлением, когда увидел, как из среды шумящего пламени и дыма неслись вихрем горящие бревна и падали на другие здания, которые подвергались той же участи от всепожирающего огня.

Наполеон, видя, что вся Москва объята пламенем, оставил кремлевские палаты, жилище русских царей, и переселился в загородный Петровский дворец.

Прокламация Наполеона

14 сентября только учрежден некоторый образ правления. Появились красные ленты, белые перевязи на руках. Комиссары, полицейские и пр. Прокламация на французском и русском языках прибита была в разных местах города. Вот от слова до слова сие пиитическое произведение пера Г. Лессепса.

«Жители Москвы.

Несчастия ваши жестоки. Но его величество император и король хочет прекратить оные. Страшные примеры вас научили, каким образом он наказывает непослушание и преступление. Строгие меры взяты, чтобы прекратить беспорядок и возвратить общую безопасность. Отеческая администрация избрана из самих вас, муниципалитет или градское общество. Оное будет пещись о вас, ваших нуждах и вашей пользе. Члены оного отличаются красною лентою, которую будут носить через плечо, а Градской голова будет иметь сверх оного белый пояс. Но исключая время должности их, они будут носить только красную ленту вокруг левой руки. Городовая полиция учреждена по прежнему положению, а чрез ее деятельность уже лучший существует порядок. Правительство назначило двух генерал-комиссаров или полицмейстеров и 20 комиссаров, или частных приставов, поставленных во всех прежних частях города. Вы их узнаете по белой ленте, которую будут они носить вокруг левой руки. Некоторые церкви разного исповедания открыты, и в них беспрепятственно отправляется божествен-

ная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно в свои жилища, и даны приказы, чтобы они находили в них помощь и покровительство, следуемое несчастию. Сии суть средства, которые правительство употребило, чтобы возвратить порядок и облегчить ваше положение, но чтобы достигнуть до того нужно, чтобы вы с ним соединили ваши старания, чтобы забыли, если можно, ваши несчастия, которые протерпели, предались надежде не столько жестокой судьбы, были уверены, что неизбежная и постыдная смерть ожидает тех, кои дерзнут на ваши особы и оставшиеся ваши имущества; и напоследок и не сомневались, что оные будут сохранены, ибо такая есть воля величайшего и справедливейшего из монархов. Жители. Какая бы вы нация ни были, восстановите публичное доверие, источник счастия государства. Живите как братья с нашими солдатами, давши взаимно друг другу помощь и покровительство, чтобы опровергнуть намерения зломыслящих, повинуйтесь воинским и гражданским чиновникам, и скоро ваши слезы течь перестанут.

Старого стиля 17-го сентября
Нового стиля 29-го сентября.

Подписано: Интендант или управляющий городом и провинцией Московской Л е с с е п с».

Французское правление в Москве было составлено из следующих лиц:

Маршал Мортье дюк Тревизский — военным губернатором.
Дивизионный генерал граф Милиот комендант (commendant d'armes).
Баталионный командир барон Бертель } плац-майоры.
Баталионный командир Леру }
Лессепс, интендант и управляющий губернией Московской.
Виллерс и Пюжос — полицеймейстеры.
Комиссары или частные пристава: Шаурек[1], Реми[2], Морель, Фавр и пр.

От 17 сентября частный пристав Шаурек доносил: «Новая слобода выгорела до самой церкви святого Николая; церковь ограблена. Половина Воротников уцелела; другая часть, состоявшая из каменных домов, выгорела. В приходе Пимена остался священник с причтом. Церковь ограблена; внутри живут солдаты 35 полка. Все Сущево уцелело;

---

[1] Василий Васильевич Ш а у р е к был родом богемец, имел блестящее образование; он знал хорошо русский язык и свободно на нем объяснялся. В 1812 году, когда император Наполеон был в Москве, он квартировал в доме князя Голицына, который несколько раз загорался; однакож при помощи французских солдат был спасен от огня. Этот дом до сих пор находится на Кузнецком мосту. После 1812 года г. Шаурек был учителем во многих аристократических домах; многие его ученики обязаны ему тем, что получили хорошее образование; теперь некоторые из них занимают значительные должности в России — действительный тайный советник М. П. Щербинин. Василий Васильевич жил долгое время в одном аристократическом доме, где я давал несколько лет сряду уроки танцев; этот случай дал мне возможность познакомиться с ним. Переехавши на Большую Никитскую, в дом князя Вадбольского, г. Шаурек давал уроки княжеским детям. Я же в то время имел собственный дом на Малой Никитской, в Гранатном переулке, и так как мы жили близко друг от друга, то он часто меня посещал. В то время я получил от него много сведений о 1812 годе. Он был добрый человек и имел характер откровенный; под конец нашего знакомства он сделался подвержен запою, от которого ездил лечиться за границу, на теплые воды, но они ему не помогли. После я потерял его из виду; не знаю, жив ли он или нет; ему теперь было бы 80 лет.

[2] Р е м и был скрипач С.-Петербургского театра; с ним я был знаком в то время, когда служил при С.-Петербургском театре.

церкви ограблены; в них живут солдаты». Фавр, частный пристав Пречистенской части, доносил: «Хотя грабежи случаются реже, но все еще продолжаются. Хлебных запасов нигде не нашли. Жители не возвращаются». От того же числа Морель, пристав первой Городской части, доносил: «Вчера встретил я тело убитого обывателя, лоб прошиблен и голова поранена. По недостатку людей не могу прибрать тела». Частный пристав Реми от 25 сентября доносил: «Завтрашнего числа начнется служба в Девичьем монастыре. По всей моей части нет ни одного трубочиста».

Правление в Москве

73 лица (между коими было 40 иностранцев) составляли французское правление в Москве. Мы не позволим себе никаких замечаний насчет русских, в оном участвовавших. Из 300 тысяч московских жителей только 32 человека подвергнулись несчастному сему жребию; иные были увлечены состраданием к нуждам своих соотечественников; другие сделались жертвами французского насильства, своего малодушия или пагубных обольщений, надеясь через то не токмо сохранить то, что имели, но и приобрести еще более; русское сердце гнушается подозревать русских в измене... Мы не верим, чтобы кто-нибудь предстал служить французам по душевному побуждению; а ежели и было малое число таковых, то горе сим несчастным. Души их должны уже терзаться [1].

Правление сие имело несколько заседаний, но не соответствовало цели своей ни мало. Грабеж продолжался попрежнему. Строгий приказ, данный по сему предмету принцем Невшательским (Бертье), не был даже уважен; город нуждался в съестных припасах; фуражиры, посылаемые в окрестности, не возвращались, сделываясь жертвою подмосковных мужиков.

По признанию самих французских пленных, тридцатидевятидневное пребывание их в Москве стоило им 30 тысяч человек. Интендант Лессепс старался всеми способами привлекать в город подмосковных мужиков с разными припасами, в коих претерпевали величайший недостаток. Обещаны были награждения тем, которые будут доставлять фураж в Москву, и Лессепс искал случая купить у крестьян хотя несколько возов сена, дабы показать русским щедрость Наполеона и тем поощрить и прочих окрестных мужиков к дальнейшему снабжению города.

Андрей Петрович Поляков

Возвратившись в 1816 году из Костромы опять в Москву, собрал я от своих сослуживцев при театре сведения о пребывании их в Москве в то время, когда она была взята французскими войсками. Сведения эти не без интереса, а некоторые из них, как мне кажется, могут пригодиться даже будущим историкам этой замечательной эпохи.

В 1812 году находился в Леонтьевском переулке дом княгини Голи-

[1] Хотя писатели того времени и оправдывают русских, участвовавших во французской администрации города Москвы, но перед законом они были неправы и подлежали военному суду. Нужно заметить, что над ними назначена была даже с этой целью комиссия, под суд ее попал и Поляков, принимавший участие не в делах правления, а в спектаклях, именно за ношение кокарды, так как он не мог доказать, что отношения его к французскому правительству ограничивались только этим. Впоследствии, однако, наше правительство изменило свой взгляд на это дело, и комиссия была закрыта еще до окончания следствия.

цыной, впоследствии времени проданный Николаю Аполлоновичу Волкову, а ныне принадлежащий наследникам графа Арсения Андреевича Закревского: в большом доме жила тогда сама княгиня Голицына, а каменный двухэтажный флигель нанимала московская театральная дирекция для некоторых артистов. Недели за две до вступления французских войск в Москву многие из них выехали из этого дома в разные губернии; другие, по разным обстоятельствам, остались там. В числе их были: машинист Московского театра Коняев, пораженный параличом и не могший вставать с постели; при нем находилась жена его, танцовщица Аксинья Сергеевна; актер Черкасов, старший нотный копиист Теплов, унтер-офицер Иван Егоров, служивший при Московском театре продавцом парадизных билетов, и Андрей Петрович Поляков. Поляков не мог выехать из Москвы по следующим обстоятельствам: престарелая его мать была в таком болезненном состоянии, что с минуты на минуту ждали ее смерти; стало быть, не было никакой возможности вывезть ее из Москвы... Как добрый сын, он оставался при ней до последней минуты ее смерти, а умерла она от испуга в тот день, когда с ужасным потрясением взорваны были кремлевские башни. Андрей Петрович Поляков был учеником знаменитого парижского скрипача Больета, члена Парижской консерватории. Он в то время был при театре первым солистом; своей игрой на скрипке он удивлял многих иностранцев, приезжавших в Москву; игра его была приятная, мудреная... главное достоинство Полякова состояло в том, что он своей сладкозвучной игрой невольным образом вливал в душу слушателя приятное наслаждение.

Он давал в Москве несколько публичных концертов, которые публика всегда с удовольствием слушала и отдавала полную справедливость его таланту. Кроме вышеупомянутых лиц, оставались в Москве и некоторые другие русские и почти все иностранные артисты Московского театра, именно: танцовщик Моисей Архипович Лилеев с своим семейством, проживавший в воспитательном доме при оставшемся отделении малолетних детей.

Отделение это по личной просьбе начальника воспитательного дома Ивана Акинфиевича Тутолмина от имени императрицы Марии Федоровны было ограждено императором французов караулом из французской армии; в этом же доме был помещен и французский госпиталь (эти сведения получены мною от М. А. Лилеева, который был учителем танцев в воспитательном доме). Остались также в Москве: известный сочинитель русских песен Данила Никитич Кашин, бывший капельмейстером при Московском и Итальянском театрах, виолончелист Татаринов, скрипач Пенцмаль, контрабасист Штрензель, актер Бюрсе и актриса, сестра его, старик Лефевр, бывший в 1810 и 1811 годах балетмейстером при Московском театре, танцовщица Московского театра г. Лямираль с двумя молоденькими дочерьми — Розой и Анетой. Все вышеупомянутые лица неизвестно где проживали в Москве. Лефевр и г. Лямираль с дочерьми при отступлении французской армии из Москвы следовали за ними при обозе; во время сражения под Березиной Лефевр от стужи и голода умер на дороге, а г. Лямираль с дочерьми была взята в плен казаками и находилась с того времени под покровительством графа Матвея Ивановича Платова. В 1817 году я видел их в Москве с их отцом, который в 1812 году был выслан за политические дела из Москвы на барке в Нижний-Новгород. Я был хорошо знаком с г-м Лямиралем и его семейством, потому что он был в 1806 и 1807 году балетмейстером при Московском театре...

Тревожные дни

1812 года, сентября 2 дня, Наполеоновы полки вошли в Москву. Народ бежал по улицам с криком: «Французы! Французы!» Другие кричали: «Англичане идут к нам на помощь!» Наконец, уверившись, что в город вступили не англичане, а французская армия, жители тотчас бросились в свои дома и заперли ворота на замки. Театральные артисты, жившие в доме княгини Голицыной, находились в эту ночь в очень тревожном состоянии. В этот день унтер-офицер Иван Егоров купил в Спасских казармах у раненого офицера лошадь с телегой за 25 рублей ассигнациями, намереваясь на другой день рано поутру выехать из Москвы; он укладывал свои пожитки в телегу; вдруг в 12 часов ночи начали ломиться в ворота. Иван Егоров, оставя телегу, пошел на шум к запертым воротам, растворил немного калитку, но, увидев двух оборванных французско-немецких солдат, захлопнул ее. Солдаты начали бранить его по-немецки: «Das ist ein wahrer Teufel!» («Это настоящий дьявол!»). Один полез даже на забор; Иван Егоров, будучи порядочно хмелен, столкнул его с забора. На этот шум наехал французский конный патруль; Егоров, увидя неминуемую беду, перелез через соседний забор и скрылся у какого-то дворника на чердаке. Патруль выломил ворота в намерении схватить виновного, но его уже не было на дворе. Во время этой тревоги случился на дворе нотный копиист Теплов, хорошо говоривший по-французски и по-немецки[1]; он просил солдат не сердиться и объяснил им, что ссору произвел бывший у них мужик с другого двора в пьяном виде, который убежал через забор. Патрулю некогда было разыскивать действительно виноватого; однако, в наказание за непослушание отворить ворота он увел лошадь с стоявшей на дворе телегой Егорова, в которой было накладено его имущество; после этого происшествия Иван Егоров возвратился на свою квартиру не ранее, как через четыре дня. На другой день, часов в 12 пополудни, в дом княгини Голицыной явилось до 20 французских солдат; они разбрелись по всему дому; трое из них пришли к Полякову и начали шарить в комоде, в шкафу, и в сундуке, в котором нашли пятирублевые ассигнации; однакож не взяли их, объяснив Полякову, что им подобные деньги не нужны; хорошо, что солдаты не стали обыскивать самого его, а то они нашли бы у него пять запрятанных в галстук империалов. Потом заглянули в печь, вынули из нее жареную телятину, горшок щей, горшок каши, а из шкафа штоф водки, и все это поставили на стол. Подозревая отраву в кушанье, солдаты дали сначала Полякову и его матери выпить по рюмке водки и отведать съестного, а потом стали сами пить и есть. Наконец, отобрав кофе, чай, сахар, крупу, масло, сырую говядину и оставшуюся водку, одним словом — все съестное, и уложив все это в мешки, они распростились с хозяевами и ушли из дому. Таким же образом поступили прочие солдаты и с другими жильцами дома княгини Голицыной.

Когда в Китай-городе сгорели лавки, то Поляков, Черкасов, Теплов и унтер-офицер Иван Егоров отправились с мешками в горелые ряды добыть чаю, сахару или чего-нибудь другого, потому что в это время ничего нельзя было купить: все торговцы от страха выехали из Москвы. Пришедши на место пепелища, Поляков и его спутники были поражены разрушительной картиной пожарища; в лавках и подле них на мостовой валялись обгорелые цыбики чая, медь в кадках, шелко-

[1] Так как на сцене Московского театра давались иногда французские и немецкие оперы, то Теплов помогал хору при разучивании их партиций, переписывая иностранные слова русскими буквами.

вые материи, разбитая фарфоровая посуда и пр. Московские жители подбирали эти остатки от пожара в кули и мешки. Французы, набрав запасов, хватали москвичей и заставляли их нести за собой разные тяжести; тем, которые сопротивлялись, они грозили смертью...

Поляков и Иван Егоров наложили в свои мешки две кадочки с медом, чаю, рису, гороху, и сыру и были в восхищении от этой добычи. Егоров сказал Полякову: «Батюшка, Андрей Петрович, мне не привыкать стать носить тяжести, позвольте я и ваш мешок снесу к вам на квартиру»,— и, взвалив оба мешка себе на плечи, пошел в дом княгини Голицыной. В это время Поляков слышит, что кто-то его зовет, и, к удивлению своему, видит Данила Никитича Кашина — без сюртука и жилета, везущего с пожарища тележку, наполненную разными съестными припасами. «Что это значит, что вы без сюртука и жилета?» — спросил его Поляков. «Проклятые баварцы остановили меня на дороге и без церемонии сняли с меня сюртук, жилет, часы и вынули из кармана кошелек с серебряной монетой,— отвечал Кашин.— Мне не так жаль платья, как часов, потому что они были мне подарены учителем моим — Сартием» [1]. Они не успели еще переговорить о своих делах, как французские солдаты начали опять ловить народ под ноши, потому что фуры их были полны товарами. Поляков расстался с Кашиным и побежал домой, однакож не избег участи Кашина: у Николы, что в Хлынове, на монастыре схватили его двое оборванных итальянских солдат, сняли с него все, даже рубашку, и накинули на его голое тело оборванную шинель [2]...

За выездом княгини Голицыной из Москвы оставалось под присмотром дворника дома небольшое количество картофеля, капусты, муки и круп; не желая, чтобы эти припасы достались в руки неприятеля, он раздавал их жильцам дома. Когда все было съедено, Поляков и его товарищи пришли в ужасное положение, ибо съестных припасов достать было негде и притом опасно было выйти из дому: или разденут, или возьмут под ношу. В это грустное время пришел к Полякову француз Пенцмаль, который тоже служил при Московском театре скрипачом, сообщить ему неожиданную новость, что император Наполеон дозволил открыть для французской армии театр в доме Позднякова и что Бюрсе велено составить французскую труппу актеров, а ему набрать оркестр музыкантов, что все уже устроено и недостает только для оркестра фундаментального музыканта для управления им и что он пришел просить Полякова принять на себя должность капельмейстера.

Поляков, как истинно русский, счел это предложение оскорблением себе со стороны Пенцмаля, но Пенцмаль отвечал на это, что в предложении его нет ничего дурного, потому что он уговаривает его не сражаться против России... а напротив того, советывает ему содействовать к погибели Наполеона, потому что от стужи и голода ему следовало бы убираться из Москвы, а он располагает веселиться, устраивая в Москве театры. При этом он прибавил: если Поляков согласится на его предложение, то получит хорошее жалованье с ежедневной выдачей говядины и вина, сверх того охранный лист, который будет ограждать

---

[1] Кашин был ученик славного Сартия, управлявшего некогда огромной капеллой музыки князя Потемкина-Таврического. Однажды французские офицеры просили его сыграть вальс. Он отвечал словами Тасса: «У меня теперь одна скорбь в душе». «Мы тебе заплатим». «Я беру деньги за уроки, а не продаю себя». «Bravo!— вскричали юноши французские.— C'est un brave homme».

[2] Хорошо сделал Поляков, что до выхода своего из дому отдал своей матери спрятанные в галстуке пять империалов.

его свободу от наполеоновских солдат; в противном случае его силою могут заставить повиноваться, потому что в военное время невозможно искать правосудия; кто силен, тот и прав. Поляков, подумав несколько времени, согласился на предложение Пенцмаля на том основании, что скрипка — не копье, звук ее — не голос измены; и что он, христианин и добрый сын, должен покориться обстоятельствам, чтобы спасти мать от голодной смерти. Пенцмаль и Поляков отправились в домовый театр Позднякова, в котором оставались декорации, костюмы, парики, бутафорные вещи и прочие принадлежности для театра. Пенцмаль, переговоривши с французским комиссаром, заведывавшим театром, рекомендовал ему Полякова; комиссар пожал ему руку и благодарил за добровольное согласие быть участником в их театральных увеселениях, и по его приказанию выдано было Полякову золотом на ассигнации 100 рублей, тот самый оклад жалованья, который он получал от дирекции Московского театра. В получении этих денег Поляков расписался в шнуровой книге по-русски. Потом выдали ему охранный лист за подписью французского дивизионного генерала и бумагу от интенданта французской армии Лессепса[1] для ежедневного получения хлеба, мяса и вина. Надев на себя тут же данную ему трехугольную шляпу с французской кокардой, он смело пошел домой, не опасаясь нападения со стороны наполеоновских солдат. Возвратясь домой, он застал Ивана Егорова хлопочущим около его больной матери, отдал ей полученное жалованье и за чаем рассказал о случившемся. После того они отправились с Егоровым на винный двор, находившийся в то время на Поварской улице, в доме Александра Дмитриевича Палашева, где в недавнее время долго помещалась адресная контора. Там, по предъявлению бумаги, получил он от французского чиновника полведра вина, и на бумаге было отмечено, сколько именно порций было ему выдано; отсюда отправились они с Егоровым бульварами в Петровский монастырь, где у французов были бойня и раздача мяса. У Никитских ворот встретился с ними театральный нотный копиист Теплов, живший с ними в одном доме: у него также был охранный лист от неприятельских солдат, потому Поляков поручил ему снести вино домой.

Пожар

Поляков рассказал мне, что когда они проходили по Тверскому бульвару, по обеим сторонам которого горели дома, жар был так велик, что его едва можно было выносить, во многих местах от жара треснула земля; над пламенем огня вились стаи голубей и, обгорелые, падали на мостовую, дым выедал глаза; пылающие головни разлетались от ветра на дальнее расстояние; искры огня, подобно сильному дождю, сыпались на людей; грохот рушившихся стен приводил в ужас; со стоном и слезами выбегали из пылавших огнем домов старики и женщины с грудными детьми и призывали на помощь бога; другие, обессилев, гибли в огне; в разных местах по улицам валялись обгорелые лошади и дохлые собаки; французские солдаты, стараясь потушить огонь, падали с крыш и ушибались досмерти; впрочем, несмотря на все их усилия, не было никакой возможности остановить пожар, потому что вся Москва была объята пламенем; притом же не было ни труб, ни других огнегасительных снарядов; зарево Москвы в то время было видно за

[1] Лессепс стоял на Покровке, в доме графа Н. П. Румянцева, что ныне купца Кавулина.

несколько верст. На конце Тверского бульвара представилось нашим путникам ужасное зрелище, заставившее бы содрогнуться и не в такую минуту; на двух фонарных столбах висели два трупа, качаясь от сильного ветра; на шее у одного была привязана доска с русской надписью: зажигатель московский мещанин; у другого: зажигатель беглый солдат (в то время ходили слухи, что часа за три до вступления французских войск в Москву было выпущено из острога несколько преступников для поджога домов). Как ни жарко было на бульваре от пылавших вокруг огней, у Полякова и Егорова, однако, выступил по всему телу холодный пот при виде представившейся картины, и им едва не сделалось дурно; с большим усилием они могли проговорить друг другу: «Пойдем, пойдем скорей». Когда они проходили по Страстному и Петровскому бульварам, у них от страха подкашивались ноги. Когда же они вошли в Петровский монастырь, глазам их представилось зрелище плачевное и страшное не менее тех, свидетелями которых они были за несколько минут перед этим: на крюках паникадил и на стенах церкви висели стяги быков и туши свиней, пол был облит кровью зарезанных баранов и телят; разноплеменные французские солдаты окровавленными руками, разрубая топорами мясо, вешали его на весах и раздавали приходившим солдатам и чиновникам; церковные клиросы были обращены в лошадиные стойла; голодные лошади ржали, прося корму; одни из солдат подковывали лошадей, другие, пришедши за мясом, производили крик на разных языках; все это походило на вавилонское столпотворение. Алтарь монастыря был обращен в канцелярию; там писаря записывали отпуск мяса и прочего; при виде этой ужасной картины в глазах у Полякова потемнело, рассудок помутился, ему представилось, что наступил последний час страшного суда божия. Все виденное им так поразило его, что он не помнил, как в изнеможении опустился на скамейку, находившуюся там. Егоров вывел его на пустырь монастыря, там освежило его воздухом... Пришедши домой, он бросился от душевного изнеможения на кровать; спустя час времени мать позвала его обедать; с ними обедал и Егоров; он рассказал Полякову, что в то время, как он сидел в беспамятстве, он взял у него из кармана бумагу на получение мясной порции, по которой ему немедленно выдали говядины. Поляков поблагодарил Ивана Егорова за хлопоты и просил его и на будущее время получать за него мясо и вино по его бумаге. Теплов, бывший при Московском театре старшим нотным копиистом, также имел охранный лист от французского правительства, жалованье, мясную и винную порцию, потому что он также находился на службе при французском театре; его должность состояла в том, что он по приказанию капельмейстера раскладывал в оркестре ноты музыкантам, убирал после спектакля и репетиции музыкальные инструменты, переписывал ноты, рассылал повестки музыкантам на репетиции и спектакли; кроме того, он служил им вместо переводчика, потому что довольно порядочно говорил по-французски и по-немецки. Теплов иногда не отказывал себе в лишней рюмке вина, оно располагало его к разным шуточкам; за это французы и немцы очень любили его, и он был у них всегда пьян, сыт и награжден деньгами. Другие жильцы в доме княгини Голицыной очень нуждались в съестных припасах, а отыскивать их в Москве не решались из боязни попасть под ноши неприятельских солдат; потому они упросили Теплова итти с ними, как как он имел охранный лист. Он ходил с ними на огороды вырывать капусту, картофель и другие овощи, в лабазы брать обгорелую муку и крупу; таким образом он оказывал своим знакомым немаловажную услугу.

В одно прекрасное утро пошел он с актером Черкасовым к одному своему хорошему знакомому, жившему в подвале дома Корсакова подле Страстного монастыря[1]. Они не застали его дома; но, проходя по Тверской, они увидели, что по обеим сторонам улицы были расставлены гвардейские, конные и пешие, французские солдаты; солдаты стояли вольно; одни курили табак, другие пили, ели, сидели на мостовой и шутили друг с другом. Теплов и Черкасов подошли к ним и спросили по-французски, для чего они собраны; им отвечали, что ждут императора для смотра гвардии; понятно, что Теплову и Черкасову любопытно было увидеть Наполеона; они влезли на крышу обгорелого дома, подле церкви Дмитрия Солунского. Не очень долго дожидались они: забили в барабаны, трубы зазвучали; все, что было из войска, построилось по обеим сторонам улицы в ряды, показался Наполеон: он ехал на белой небольшой лошади тихим галопом; одет был он в двубортном сером пальто, на голове у него была небольшая трехугольная шляпа; его окружали маршалы, отмеченные знаками, которые они заслужили на боях; позади всех ехал императорский мамелюк Рустан в азиатском костюме. Войско крикнуло: «Vive l'empereur!» Проезжая, император раскланивался на обе стороны; около площадки Страстного монастыря он остановился, вызвал к себе из строя обер-офицера и об чем-то говорил с ним. В это время курьер, прискакавший верхом, весь в пыли, вручил ему какой-то пакет с бумагами; Наполеон, взглянув на пакет, отдал его генералу, ехавшему рядом с ним; после того, как стрела, полетел в Петровский дворец; за ним последовала свита и эскадрон польских улан. Войска после отъезда императора разошлись по своим квартирам.

Спектакли

В 1812 году, в сентябре месяце, начиная с 25 числа (ст. стиля), на Большой Никитской улице, в доме Позднякова, что ныне князя Юсупова, даны были 6 французских спектаклей, состоявших из маленьких комедий и водевилей; куплеты в них по большей части пелись в честь Наполеона, Франции и ее войска. Труппа, игравшая на Поздняковском театре в это время, была довольно порядочная; в ней участвовали следующие лица: гг. Адне, Санве, Белькур, Гюгет, Перу, Бертран, Бюрсе, Дюкло, г-жи Андре, Флиори, Сенпре, Бюрсе и Констане; кроме актеров, в спектаклях участвовали многие французские офицеры, отличавшиеся прежде в Париже на домашних театрах. Ни в одной нации, кроме французской, как мне кажется, не найдется так много любителей театра; это их стихия. Режиссер наполеоновской труппы был Бюрсе. Оркестр музыки состоял из следующих лиц: скрипачи — Поляков, балетмейстер Московского театра Лефевр, учитель бальных танцев П. А. Иогель, Пенцмаль, Шампо и Перон, сиделец музыкального магазина; контрабасистом был Штрепнезь, виолончелистом Татаринов, альтистом Девиченьти; духовая музыка была составлена из французских полковых музыкантов. Во время антрактов спекталей французские полковые музыканты, сидевшие в оркестре, указывали русским музыкантам на своих королей, маршалов, генералов и называли их по именам. По сим обстоятельствам Поляков мог передать имена, как-то Мюрата, короля Неаполитанского, Евгения, вице-короля Италийского, маршала

[1] Почти все русские, оставшиеся в Москве, квартировали в подвалах и погребах. (Примеч. в подлиннике.)

Нея и других лиц, бывавших в театре. Спектакли начинались в 6 часов вечера; в то время печатались даже афиши [1]...

Зрителями в театре были, конечно, военные разных наций; впрочем это была, так сказать Европа в малом виде. В ложах и креслах сидели солдаты с шляпами на головах; они преспокойно курили табак из венгерских трубок с коротенькими чубуками; между ними не было заметно никакой военной дисциплины; в пьесах, в которых были слова, относящиеся к чести Франции, офицеры и солдаты поднимались с кресел, махали по воздуху медвежьими шапками или шляпами и с энтузиазмом кричали: «Vive l'empereur!» «Vive la France!» Vive l'armée française!». На первом спектакле присутствовал Мюрат, король Неаполитанский; он сидел в средней ложе: одет он был в венгерском полукафтане, обшитом соболями; с ним был Евгений, вице-король Италийский, и маршал Ней, а в первом ряду кресел сидел генерал Рапп, адъютант Наполеона; рядом с ним сидело несколько унтер-офицеров, разговаривавших с ним довольно вольно: они отпускали каламбуры и смеялись. Во время антракта в ложу Мюрата приносили шоколад, вино, фрукты и конфеты; прочая же публика отправлялась в театральный буфет, в котором можно было достать все, что угодно, но только по дорогой цене; стакан пуншу стоил, например, 5 франков. По окончании спектакля бо́льшая часть французской молодежи оставалась в залах театра; здесь они пили, ели и играли в карты и танцовали под полковую музыку почти целую ночь. Как весна не может быть без роз, так французское общество — без женского пола; поэтому на эти пирушки приглашали обыкновенно оставшихся в Москве французских и русских женщин с Кузнецкого моста; тут пировали они с французскими офицерами до белого дня.

Французские солдаты

В 1812 году многие помещики и купцы разорились, между прочим оттого, что граф Ростопчин успокаивал московских жителей афишами до последнего дня вступления Наполеона в Москву; в этих афишах он, увещевая их остаться в Москве, уверял, что французы не возьмут ее; где им драться, говорил он, с соломенными ножками; их шапками можно закидать. Только вечером 1 сентября было послано князем Кутузовым от Дорогомиловской заставы несколько конных офицеров для предупреждения московских жителей о грозившей им опасности: они мчались вихрем по улицам московским и кричали: «Спасайтесь! Спасайтесь!» В то же время в Москве ходили слухи, неблагоприятные для желавших выехать; уверяли, что мужики, называя трусами и изменниками отечеству тех, которые выезжают из города с имуществом, грабят их и убивают; потому-то некоторые из дворян и купцов прятали серебро, фарфоровую посуду, дорогие меха, часы в кладовые и закладывали все это кирпичными стенами; другие зарывали в землю или опускали в колодцы сундуки с разными вещами, а сами налегке уезжали из Москвы в последних числах августа месяца, оставляя при

---

[1] 1812 года, августа 31 дня, «Московские ведомости» остановились на 70-м номере, потому что накануне вступления Наполеона в Москву начальство Университетской типографии выехало из Москвы, не успев с собой вывезти 24 типографских станка, кассы с буквами, множества бумаги и других принадлежностей; во время пребывания неприятеля в Москве в типографиях Всеволожского и Университетской французы печатали прокламации и театральные афиши на французском и русском языках («Московские ведомости», 1854 г., сентября 16 д., № 11, Н. Снегирев).

дворах дворников. Теплов, Черкасов и другие оставшиеся в Москве жители рассказывали, что за две недели до выступления французской армии из Москвы они видели, как разноплеменные солдаты великой армии ходили по большим господским и купеческим домам и дворам, искали добычи, длинными железными острыми ломами пробовали землю или поливали ее водою; там, где оказывалась она рыхлою, ее разрывали лопатами и вынимали из нее зарытое имущество; иногда спрятанные господские вещи отыскивали в подвалах и колодцах с помощию слуг и дворников. В домах у графов Разумовского, Румянцева, Бутурлина и других оставались в домах дорогие картины; они были сильно попорчены разноплеменными наполеоновскими солдатами; им неудобно было нести из Москвы картины большого размера, потому они вырезали из них головки и целые фигуры и накатывали их на палки. Иногда делали они даже совершенно бесполезные для них неистовства: разбивали зеркала, ломали мебель, а у стоявших в аллеях сада Петровско-Разумовского мраморных статуй отбивали носы, руки и целые головки [1], собственно же французские солдаты отличались другим духом. В доме княгини Голицыной было много детей, оставшихся там с родителями. Стоявшие там постоем французские офицеры брали их к себе, ласкали и через переводчика Теплова говорили отцам их: «Вы, кажется, ненавидите нас за то, что мы пришли к вам в Москву, но мы в этом не виноваты; мы должны были повиноваться своему государю; если б вы были на нашем месте, то также должны бы были исполнить волю вашего царя». Хотя французские офицеры были сами небогаты съестными припасами, но они делились ими с русскими детьми, а при болезни лечили их своими медикаментами, одни словом — они имели об них такое же попечение, как об своих собственных детях. Поляков и Теплов, познакомившись с офицерами, видели из их грустных физиономий и печальных разговоров, что они очень скучали о своем отечестве, и для развлечения от скуки, по просьбе их, Поляков и Пенцмаль играли на скрипке, за что платили им щедрою рукою золотом. В то время во французской армии было много денег, но купить на них было нечего в Москве. Эти офицеры рассказывали, что во Франции до похода было сделано до миллиона русских ассигнаций, которые были привезены в Россию. Эти ассигнации были так хорошо сделаны, что их трудно было отличить от настоящих русских. Уже после 1812 года их много ходило по губернским городам и селам.

Перед отступлением

Бури, метели, голод и отчаяние ежеминутно гнали заграничное войско в челюсти ненасытной смерти. Наконец, Наполеон почувствовал свою ошибку, что зашел так далеко в Россию; он видел, что на мир с Россией не было никакой надежды. В то время, когда, волнуемый сомнением и отчаянием, он прорубил окно на главе Ивана Великого, чтобы отыскивать и наблюдать войска наши, Кутузов в виду неприятеля скрыл свой поход и, так сказать, исчез с войсками. В Москве и в окружных деревнях съестные припасы были истреблены; неприятельское войско голодало; в кавалерии лошади дохли от голоду, морозы для

[1] После 1812 года Петровское-Разумовское было куплено генералом от инфантерии князем Ю. В. Долгоруковым, который в 1831 году по некоторым обстоятельствам продал его Шульцу. Я имел счастие пользоваться хорошим расположением князя Ю. В. Долгорукова. Поэтому я часто бывал в доме князя и слышал от стариков, проживавших во время 1812 года в Петровском-Разумовском, об тех бесчинствах, которые производили французы.

солдат были очень чувствительны, потому что одежда на них была не по климату и притом изношенная; мародеры, искавшие по деревням фуража, были истребляемы казаками и крестьянами, так что без больших сражений великая армия не досчитывалась нескольких тысяч французских и иноплеменных войск.

По признанию самих французских пленных, тридцатидевятидневное пребывание их в Москве стоило им 30 000 человек. Гвардия еще бодрствовала, потому что имела на несколько времени съестных припасов для людей и фуражу для лошадей, которые еще хранились в соборах, сенате и оружейной палате; но несчастные испанцы, итальянцы, баварцы и другие войска умирали от стужи и голода. В начале октября они убивали еще ворон и голубей для супа, а тут и их не стало; несчастные солдаты блуждали по Москве, бледные как тени, искали себе пищи или одежды, но нигде не находили, они были одеты в лошадиные попоны, оборванные тулупы, в женские и крестьянские меховые полушубки; головы у некоторых были покрыты крестьянскими шапками, женскими теплыми оборванными платками. Все это походило на маскарад.

Взрыв Кремля

Накануне выступления из Москвы наполеоновских полков французские офицеры, жившие в доме княгини Голицыной, уведомили Полякова и других тамошних жильцов, что по распоряжению маршала Мортье весь Кремль будет взорван на воздух, чтоб они не ходили поблизости его; после того простились со всеми и, увидя пришедших к ним малолетних детей, которых они кормили, обняли их и, прослезившись, сказали: «Мы, наверное, не увидим своих жен и детей; Россия — могила наша»; с расстроенной душой, простившись со всеми, сели они на своих коней, пустились рысью на сборное место для выступления из Москвы. Действительно, так и случилось, как говорили французские офицеры. На одиннадцатое число октября первый взрыв в Кремле был так силен, что в домах полопались все стекла, мебель зашевелилась, картины и зеркала попадали со стен. Народ в Москве был так перепуган, что несколько минут находился в беспамятстве. Вскоре после сего у Полякова умерла мать от испуга. Тогда говорили, что под всем Кремлем были поставлены бочки с порохом, но по счастию, прискакавшие казаки бросились в Кремль и затушили фитили, проведенные к пороховым бочкам.

Отступление французов

На 13 октября было последнее отступление французских войск из Москвы под начальством маршала Мортье, герцога Данцигского. Жалко было смотреть на оставшихся французских солдат, которые бежали по улицам по-двое, по-трое, чтобы прибыть на назначенное сборное место для выхода из Москвы; некоторых из них убивали на улицах, других московские жители скрывали в своих домах от прискакавших в Москву казаков. Не прошло и трех часов после того, как французские войска вышли из Москвы, в нее наехали тысячи подмосковных мужиков на телегах, с дубинами, вилами и топорами; человек по десяти и более бросились они на пустые дома; все, что попадалось им под руки, они клали на телеги и увозили с собою в деревни; когда в одном доме сходились две партии, они отбивали друг у друга вещи и дрались до полусмерти. Мужики были страшно ожесточены против французских солдат за то, что они грабили церкви, делали из них ко-

нюшни и бойни для скота; находя их спрятанными в домах, они убивали их без всякой пощады. Не одни мужики грабили в опустелых домах,—им подражали и некоторые московские жители; они находили большие суммы ассигнаций, оставленных французами в домах; от этого некоторые из бедных сделались богачами; впрочем, немногим пошло в прок это богатство; в то время прибыло в Москву много казаков; они выгоняли их нагайками из домов и отбирали у них награбленные вещи.

По изгнании французов из России в Можайском уезде был городничим Александр Иванович Астафьев, который рассказывал своему приятелю Гавриле Ивановичу Дурнову, что ему поручено было от правительства сжечь и зарыть в землю оставшиеся после сражения на Бородинском поле 56 811 мертвых человеческих трупов и 31 664 лошадиных: для этого он собрал крестьян из окрестных деревень. Некоторые из них разбогатели, потому что у мертвых французов находили наполеондоры и разные дорогие вещи. В то время был забавный случай; когда мужики начали жечь мертвых, то от огня нервы стали корчиться, а некоторые мертвые тела стали подыматься; в то же время начиненные ядра, оставшиеся после сражения, лопались, и осколки, летевшие от них, убивали мужиков; эти случаи повторялись в нескольких местах: мужики заключили, будто это были французские колдуны, которые, оживая, стреляли в них; многие из них бежали с работы, и только военною командою можно было заставить их снова собраться и уверить, что французы не колдуны. При этом рассказе я сам был у Г. Н. Дурнова.

Наполеон взятием Москвы вместо воображаемого им торжества открыл себе преддверие на остров Святой Елены, потому что во время бегства своего из Москвы от мороза, голода и российского меча, потерял почти всю армию. Это обстоятельство скинуло цепи со всей порабощенной им Европы, и всех вооружило против него. Конец его жизни был подобен концу Прометея, который по повелению Юпитера был за похищение священного огня прикован к горе Кавказской: там коршун терзал его печень, которая беспрестанно вырастала, и мучение его было беспрерывно. Так Наполеон, по приговору всей Европы, был сослан на вечное заточение на остров Святой Елены, где досада и совесть беспрерывно его терзали, напоминая ему, что он из одного славолюбия проливал реки человеческой крови и, наконец, лишился прежнего своего могущества. Как Наполеон на крыльях победы дерзновенно проник в Россию, так на крыльях страха поспешил из Москвы.

17 декабря 1868 г.

М. Е. Салтыков-Щедрин — ревизор

М. Е. Салтыков, в бытность свою тверским вице-губернатором, дважды выезжал в уездные города по поручению управляющего губернией, графа Баранова, для ревизии городского хозяйства и делопроизводства уездных учреждений.

На долю Михаила Евграфовича выпало обследовать 5 восточных уездов губернии, славившихся непроходимой глушью своих лесов, невылазной топью болот, своими непроезжими дорогами. В сентябре 1860 года он побывал в Корчеве, Калязине и Кашине, куда из Твери можно было попасть только Волгой, а в январе 1861 года ездил в Бежецк и Весьегонск, в которые можно было пробраться лишь санным путем.

Записки М. Е. Салтыкова рисуют деятельность дореформенных учреждений во всей неприглядной наготе: мошенничество, тупость, заискивание перед начальством, которому дважды устраивают встречу,— сначала на границе уезда, а затем в самом уездном центре (например, весьегонский исправник Дементьев). Читая публикуемый документ о ревизии весьегонских учреждений, невольно вспоминаешь «ташкентца» Хмылова: «Познав о предстоящем «проследовании» через его уезд, он загодя приходил в волнение, скакал по дорогам, свидетельствовал ямских лошадей, заготовлял квартиры, сеял направо и налево мужицкие зубы и даже прекращал на время употребление водки, так что самое лицо делалось у него белое. Подстерегши начальство, под дождем и морозом, на границе уезда, он вытягивался в струну, замирал и рапортовал; потом кидался в телегу и, как бешеный, скакал вперед, оглашая воздух гиканьем».

Салтыков всюду встречает вопиющий произвол властей, взяточничество, бесконечную канцелярскую волокиту. «Деятельность чинов полиции представляет как бы одно сплошное озорство, одну язвительную насмешку над терпением истцов»,— восклицает М. Е. Салтыков, подводя итог ревизии весьегонской земской полиции по гражданским делам. «Удивления достойно,— прибавляет он,— как могут существовать люди при подобном управлении».

Этот вывод из обследования весьегонского земского суда звучит лейтмотивом во всех записках Салтыкова. Записки выражают страстный протест против того положения вещей, какое он застал в обследованных им уездах.

Материалы ревизии представляют значительный историко-литературный интерес, потому что именно этот район Салтыков-Щедрин позднее выберет для «странствий» экспедиции, «снаряженной первой гильдии купцом Парамоновым на предмет открытия заравшанского университета» («Современная идиллия»). Это — Корчева, о которой известно только одно, что Корчева есть Корчева, мимо которой «даже рыба и та во весь опор мчится», жители которой занимаются тем, что платят «пакенты», Корчева, где «только слезы льют, да зубами щелкают»...

И не на свою ли записку иронически намекает Салтыков, когда вкладывает в уста одного из своих персонажей — мещанина Разноцветова следующие слова:

«Иной начальник мерою и кротостью донимал, другой строгостью. Было у нас разговору — отчего у вас фабрик, заводов нет? Отчего гостиный двор не выстроен? Отчего пожарной трубы исправной нет? Каланчи? Мостовых? Фонарей?.. Ах, варвары, мол, вы».

О непорядках с пожарной частью, о вымощении торговой площади и о постройке новых тротуаров там, где они существовали раньше, ибо они «до крайности ветхи» и по ним «не безопасно ходить», писал в 1851 году М. Е. Салтыков в своих записках о ревизии корчевских учреждений.

Все эти материалы ревизионных поездок по губернии, в результате которых появились печатаемые ниже документы, безусловно были использованы в творческой работе великого сатирика.

Подлинных записок о ревизии, написанных собственноручно М. Е. Салтыковым, в делах тверского губернатора не сохранилось. В свое время они были подшиты к делу, по современной архивной нумерации, № 2060. Но в 1899 году тверская губернская Ученая архивная комиссия, задумав издать сборник служебных бумаг М. Е. Салтыкова (Щедрина), изъяла их из архива тверского губернского правления и больше их в архив не возвращала.

Свое намерение комиссия не осуществила. Издать сборник ей не удалось. Дело ограничилось публикацией в газетах заметки о предполагаемом издании, а записки о ревизии из архива пропали бесследно.

Позднее в делах газетного стола тверского губернского правления была обнаружена записка о ревизии Салтыковым земской полиции Весьегонского уезда. Она воспроизводится целиком среди ниже помещенных документов. По уездам Калязинскому, Кашинскому и Корчевскому были найдены выписки, в свое время разосланные по отделениям губернского правления и тверской губернской строительной и дорожной комиссии.

Обнаружив журнал губернского правления по первому отделению, куда из канцелярии губернатора поступала записка о ревизии, мы в решении правления узнавали, куда и какие выписки отосланы для исполнения. В журналах и делах соответствующих отделений и учреждений мы находили эти выписки, сводили их в один документ, стараясь придать ему тот вид, в каком он вышел из-под пера Салтыкова.

Только записку о ревизии Бежецкого уезда не удалось обнаружить до сих пор. Можно предполагать, что Михаил Евграфович не успел подготовить ее до 6 марта 1861 года, до дня обнародования в губернии манифеста 19 февраля, после которого записка в значительной мере потеряла свой смысл и, кроме того, в эпоху реформы другие интересы поглотили внимание Салтыкова-Щедрина. Мы имеем в виду его борьбу против экзекуций, сторонниками которых были губернатор граф Баранов, управлявший палатой государственных имуществ Коробин и большинство членов губернского присутствия по крестьянским делам.

В пользу нашего предположения говорят следующие факты: 1) в журналах губернского правления поступление записки о ревизии Бежецкого уезда не отмечено; 2) последняя из имеющихся записок датирована 27 февраля 1861 года. Таким образом для составления отчета о ревизии по Бежецкому уезду у Салтыкова оставалась до 6 марта только одна неделя.

Все публикуемые здесь документы, извлеченные нами из фондов канцелярии тверского губернатора, тверского губернского правления (преимущественно из журналов губернского правления) и тверской губернской строительной и дорожной комиссии, хранятся в Калининском областном историческом архиве. Мы воспроизводим только текст записок Салтыкова, а что же касается постановлений губернского правления по этим запискам, со следами редакторской правки Михаила Евграфовича, то таковые даются в важнейших случаях в примечаниях.

Н. Журавлев.

Отношение тверского губернатора графа П. Т. фон Баранова местному вице-губернатору М. Е. Салтыкову[1], 12 сентября 1860 г., № 5. 728 *.

М. г. Михаил Евграфович!

Не имея возможности обозреть в нынешнем году состояние всей губернии, высочайше вверенной управлению моему, покорнейше прошу вас, м. г., отправиться в города Корчеву, Калязин и Кашин и, обревизовав делопроизводство тамошних присутственных мест, уведомить меня о том, что вы найдете при этой ревизии и по обозрении самих городов[2].

К сему долгом считаю присовокупить, что об отпуске вам прогонных денег от Твери до Кашина и обратно для вас на 6 и для канцелярии на 3, а всего на 9 лошадей, мною вместе с сим предложено тверской казенной палате.

Военный губернатор г. Твери и гражданский губернатор Тверской губернии граф. Баранов

Из записки тверского вице-губернатора М. Е. Салтыкова, 4 октября 1860 г.**

(Гор. Калязин)

Наружный вид г. Калязина удовлетворителен. Улицы, в числе которых есть несколько мощенных, опрятны; но нельзя не обратить внимания на торговую площадь, которая весьма не ровна и при дождях должна быть залита грязью. Постройка целого ряда лавок, которая скоро должна вчерне окончиться, придаст много вида одной из главных улиц.

Пожарная часть. — Пожарные инструменты ветхи и требуют перемены их новыми, лошади удовлетворительны. О пожарной команде трудно сделать хорошее заключение, если принять во внимание, что старший унтер-офицер в день ревизии до того был пьян, что не мог явиться на смотр, а лежал в безобразном виде в казарме. Трудно поручиться, чтобы при подобном составе пожарная команда, в случае пожара, могла принести действительную помощь. Предполагается устроить в Калязине каланчу, для чего уже ассигнована потребная сумма; при осмотре отведенной для этой постройки местности она оказалась не совсем удобною, потому что были примеры, что туда заливалась весною вода. Как кажется, было бы удобнее выстроить каланчу на том самом месте, где ныне находится пожарный сарай. Это последнее место значительно выше того, которое отведено ныне, и от воды совершенно безопасно.

Городская дума помещается в наемном доме, удобном, но помещение не совсем опрятно. Как денежная отчетность, так и делопроизводство думы в примерном порядке. Что касается до городского хозяйства, то здесь не лишнее будет сказать, что квартирование кавалерийского полка на него имеет невыгодное влияние: полк занимает значительное количество городской земли под огороды, и, кроме того, значительная часть выгона занимается под экзерциции, что значительно препятствует пастьбе скота; посему полагалось бы полезным ограничить для экзерциций полка определенное место, а за места, отве-

* Фонд канцелярии тверского губернатора, д. № 2060, лл. 433—434. Другое, аналогичное этому, отношение с предложением произвести ревизию городов Бежецка, Весьегонска было направлено Барановым М. Е. Салтыкову 11 января 1861 г., за № 141 (там же, л. 550).

** Фонд тверского губ. правления, № 582, лл. 2—3; журналы губ. правления: № 3554, № 582/8519 и № 328/8336.

денные под огороды и другие принадлежности для полка, требовать плату в пользу города, на основании существующих узаконений, из сумм земского сбора [3]. Неоконченных дел по день ревизии в думе состояло 10, в том числе 6 останавливались за другими местами и 4 о продаже праздных мест земли за истечением сроков для торгов.

Городническое правление. — Помещение городнического правления в наемном доме весьма тесное, но довольно опрятное. Денежная отчетность в порядке, но делопроизводство медленно: поступающие бумаги не исполняются нередко по несколько недель, а требование местного магистрата от 24 июля 1859 года за № 565, о взыскании с калязинского мещанина Зломанова денег в пользу разных лиц, остается неиспользованным до настоящего времени. Всего замечательнее, как образец или совершенного неумения, или же слишком большого умения производить дела, дело о покраже вещей у купца Серебрякова на сумму 1 603 руб. серебром. В деле этом, как кажется, все действия полиции клонились к тому, чтобы скрыть следы преступления, а именно: 1) при обыске в доме мещанки Трубиной часть вещей Серебрякова найдена спрятанная в сундуках у дочерей ее Марьи и Ульяны, у сына ее Ивана Терентьева и жены его Александры Степановой, но из них только Ирина Трубина заключена под стражу, а прочие семейные отданы на поруки и оставлены свободными; 2) по показанию Трубиной, данному 4 февраля, что покраденные вещи доставлены ей зятем, крестьянином деревни Исааковой, Иваном Марышевым, сообщено в калязинский земский суд о произведении обыска в доме Марышева лишь 13 числа, самый же обыск приставом 1 стана сделан 23 февраля, и, как следовало ожидать, вещей никаких не найдено; и 3) сын Трубиной Иван Терентьев с женой скрылся и до сих пор не найден.

При делах городнического правления нет описей и самые дела не сшиты. Книги ведутся неисправно: а) по книге повесток 1 августа значится в графе для содержания — повестка на 33 руб., а в последней графе, где должно быть обозначено, сколько принято денег, записано 3 руб. 3 коп. Книга о чиновниках, коим запрещено вступать на службу, не ведется с 1857 года. В докладном [регистре] распорядительным делам с 30 мая вовсе нет отметок, а в других докладных встречаются отметки неудовлетворительные.

Всех неоконченных дел ко дню ревизии состояло 47, из числа которых 30 останавливаются за самим городническим правлением. Вообще должен сказать, что городничий Померанцев — человек болезненный и раненый, не в силах заниматься делом, и гораздо было бы полезнее, если бы он оставил службу [4].

Квартирная комиссия. — Помещение комиссии в одном здании с городническим правлением тесное и неопрятное. Делопроизводство в порядке. При ревизии сумм оказалось 1 635 руб. 82¾ к., собранных с купцов, не имеющих в городе Калязине собственных домов. Деньги эти, на основании общественного приговора, предполагается употребить на устройство для Малороссийского драгунского полка гауптвахты в здании бывшей городской тюрьмы, купленном обществом с торгов,... и школы трубачей в одном из флигелей при больнице... Относительно последнего предположения должно сказать, что приведение его в исполнение будет до крайности неудобно, потому что близкое соседство школы трубачей с больницею может иметь весьма вредное влияние на больных. Вообще нельзя здесь не присовокупить, что город Калязин до крайности отягощен воинским постоем, так как в нем помещается полковой штаб и один эскадрон Арзамасского драгунского полка. При бедности жителей и при неимении удобных помещений

представляется совершенная невозможность удовлетворить требованиям военного начальства. Об этом предмете сделано было начальнику губернии представление от исправляющего должность калязинского уездного предводителя дворянства 16 марта сего года за № 98, но разрешения на это представление не получено.

Земский суд. — Помещение суда в наемном доме очень удобное и чистое. При ревизии денежной отчетности никаких беспорядков и упущений не замечено и суммы все в целости. Установленные книги по делопроизводству ведутся аккуратно. Следует заметить только, что в книгах о справочных ценах на разного рода хлеб, цены вносятся не понедельно, как доставляются от становых приставов, а только за последнюю неделю каждого месяца и притом не всегда согласно с подлинными. Так например: на март месяц по книге земского суда ржи четверть показана — 4 руб. 50 коп., а в донесении станового пристава 1 стана — 5 руб. 50 коп., в июне за перемол с четверти по книге показано 20 коп., а в донесении пристава 1 стана — 21 коп.; пуд сена на тот же месяц по книге показан — 35 коп., а у станового пристава — 30 коп.; в июле за перемол с пуда по книге значится — 20 коп., а по ведомости станового пристава — 21 коп. Притом от пристава 2 стана вовсе ведомости о ценах не доставляются. Книги о бессрочно отпускных нижних чинах, вследствие распоряжения губернского правления, переписаны, за исключением двух: а) об армейской кавалерии и б) о пехоте гренадерского корпуса. Алфавит также еще не исправлен. Можно заметить еще один недостаток: в суде вовсе не составляются протоколы по делам, и все необходимые соображения излагаются в докладных регистрах. Этот порядок неудобен в том отношении, что в докладных регистрах трудно изложить со всею полнотою все обстоятельства дела, как это можно сделать в протоколе. Что касается до делопроизводства земского суда, то хотя больших упущений не замечено, тем не менее нельзя его назвать вполне исправным. В особенности замечается недостаток деятельности со стороны приставов и преимущественно со стороны пристава 2 стана Рубцова. Ко дню ревизии состояло незаконченных дел за приставом 1 стана: уголовных — 32, гражданских — 33, распорядительных — 47; за приставом 2 стана: уголовных — 46, гражданских — 49, распорядительных — 60; за самим судом: уголовных — 2, гражданских — 1, распорядительных — 2; за другими местами: уголовных — 26, гражданских — 17 и распорядительных — 8. Такой перечень не может говорить в пользу быстроты действий земской полиции, а о степени правильности делопроизводства можно судить из того, что в течение 1860 года к становым приставам было возвращено для дополнения 53 дела, из числа которых приставу 1 стана — 21 и приставу 2 стана — 32.

Из ревизии дел калязинского уездного суда видно, что очень многие из них останавливались продолжительное время за земским судом. Так например: а) по делу о сгоревшем лесе г. Черемисинова уездный суд 26 февраля 1858 года требует от исправника высылки подозреваемого в поджоге крестьянина Корнилова. В марте исправник сообщил, что Корнилов находится в отлучке по годовому паспорту; о невыдаче ему паспортов сообщено исправнику, который в августе ответил, что дано предписание местному волостному правлению; потом на побуждение уездного суда исправник в августе мес. 1859 г. уведомил, что Корнилов в Петербурге (следовательно, получил новый паспорт), а пристав Московской части уведомил, что Корнилова в Петербурге нет, вследствие чего уездный суд приступил к решению дела. Из этого очевидно, что исправник не принимал действительных мер к розыску Корнилова.

Недоимок в податях и земских повинностях числится 388 руб. 26½ коп., из которых на ответственности пристава 1 стана — 123 руб. 54½ коп. и 2 стана — 265 руб. 4 коп[5].

Уездный суд. — Помещается в том же здании, где и земский суд, весьма удобно и опрятно. Денежная отчетность в порядке, только в денежных книгах допускаются подчистки. При ревизии делопроизводства замечена некоторая медленность и нераспорядительность, обнаруживающиеся в особенности в неодновременном собрании справок по делам. Так например: а) по делу о порубке леса Вельяминова-Зернова доследование от пристава 2 стана Калязинского уезда представлено 29 сентября 1859 г., а решение состоялось только 5 февраля 1860 г.;... н) по делу о взыскании купцом Поповым с коллежского регистратора Вериги 5 000 руб. серебром, полученному в суде 27 апреля настоящего года, только 29 июля последовало рассмотрение и потребовались от городничего сведения, 22 августа городничий уведомил, что Верига отправился на неопределенное время в Воронеж, и суд 3 сентября вошел в сношение с воронежскою городскою полициею, тогда как постоянное местожительство Вериги в Калязине, в Воронеж же он уехал только для богомолья. Медленность замечается и в исполнении поступающих в суд бумаг, так например: а) по прошению крестьянина дер. Лыткина, поступившему 1 февраля об утверждении его в правах наследства именем, оставшимся после родителей, исполнение последовало только 15 июня, тогда как все исполнение состояло в отсылке по принадлежности для напечатания объявления о вызове к этому имению кредиторов и должников...

Книги по делопроизводству ведутся не всегда согласно требований закона, так например: а) резолюции в настольном [регистре] иногда пишутся не рукою члена; б) в настольном делам частным не отмечается время исполнения решений. Сверх вышеизложенного замечено: 1) допускается исполнение по журнальным определениям прежде пропуска их стряпчим, например: определение 12 января № 39 об арестанте Викторове исполнено 13 января, а стряпчим пропущено 14 января; то же самое сделано по журналу № 40 по делу об истребовании аттестата от г. Вилькин; 2) встречаются журналы, подписанные двумя членами, тогда как в заголовке показано присутствовавшими 3 члена; 19 января сказано в заголовке, что присутствовали судья Шубинский и заседатели Колобков и Севринов, а между тем статьи за №№ 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76 и 77 подписаны только Шубинским и Севриновым; 18 февраля показаны присутствовавшими те же члены, но статья за № 205 подписана только Шубинским и Колобковым; 3) в журналах не всегда делается отметка о времени исполнения. Например, против статьи № 119 о планах на сельцо Желдыбино и пустошь Бобыки, против статьи № 227 по делу о взыскании денег коллежским регистратором Шамиловым с мещанина Алексеева. Наконец, 4) нередко присутствие составляют только два члена, например, 4, 5 и 6 января 1860 года присутствовали только заседатели Колобков и Севринов, 22 января судья Шубинский и заседатель Колобков, 30 января судья Шубинский и заседатель Севринов, но журнал этого числа № 130 по прошению крестьянки Ларионовой об утверждении ее в правах наследства к имению, оставшемуся после отца, подписан и заседателем Колобковым. Журнал этот исполнен без пропуска стряпчего. Случаев присутствований в суде только двух членов очень много, и это допускается в том уважении, что при отсутствии членов уездного суда и при разъездах по уездам членов земской полиции, которые должны призываться в уездный суд для исправления должности членов, часто долгое время невозможно составить полного присутствия, и дела должны лежать без движения.

Всех нерешенных дел ко дню ревизии состояло: собственно за судом: уголовных — 4, гражданских — 6; за другими местами: уголовных — 21, гражданских — 11 и распорядительных — 4 [6].

Дворянская опека.— Помещение дворянской опеки, вместе с уездным судом, удобное. При ревизии денежной отчетности беспорядков не замечено. В денежном ящике хранятся 3 700 руб. 27 коп. в билетах московского опекунского совета и 14 318 руб. 32½ коп. в билетах тверского приказа общественного призрения, билеты эти выгоднее было бы променять на билеты коммерческого банка.

В делопроизводстве опеки замечается медленность, так например: а) указ тверской гражданской палаты от 29 января 1860 г. за № 1103 о доставлении отчета по имению Хомяковой, полученный 8 февраля и доложенный того же числа, исполнен только 5 мая, тогда как все исполнение заключалось в донесении палате со справкою...

Примеров подобной медленности много.

Установленные законом книги ведутся аккуратно, только журнальные статьи не нумеруются. Нельзя не обратить также внимания на то обстоятельство, что к имениям Лихарева и Пикалова назначен опекуном член опеки Севринов.

Всех имений в ведении опеки 27, в том числе 10 — по малолетству наследников, 2 — по безызвестному отсутствию владельцев, 2 — за неявкою наследников, 3 — по неутверждению в правах наследства, 10 — неплатежу долгов.

Городской магистрат помещается в том же наемном доме, где и дума. Денежная отчетность и делопроизводство в удовлетворительном виде. Неоконченных дел ко дню ревизии было: 14 гражданских и 10 уголовных, в том числе собственно за магистратом 4 гражданских и 1 уголовное.

Сиротский суд в отношении денежной отчетности и делопроизводства в порядке. В ведении суда состоят 34 опеки, из них 33 по малолетству и 1 по спору наследников. Отчеты все представлены в гражданскую палату.

В словесном суде нет ни одного дела. Архивы калязинских присутственных мест в удовлетворительном виде. Дела содержатся в порядке, и описи им ведутся аккуратно.

Из записки тверского вице-губернатора М. Е. Салтыкова, 4 октября 1860 г.*

(Гор. Кашин) [7]

Пожарная команда в исправности, инструменты пожарные довольно хороши, равно как и лошади, но пожарный сарай и конюшня до того ветхи, что ежечасно угрожают падением, а помещение для пожарных служителей видом своим скорее напоминает скотский хлев, нежели человеческое жилище. В предупреждение какого-либо несчастного случая, а равно и для того, чтобы дать возможность пожарным служителям жить более человеческим образом, необходимо распорядиться отысканием другого, более прочного помещения для пожарных служителей, инструментов и лошадей. Означенные сарай и конюшни находятся при ветхом каменном здании, в котором помещались некогда присутственные места. Здание это принадлежит казне и, будучи оставлено за ветхостью, с каждым годом приходит в бо́льшее и бо́льшее разрушение. По мнению моему, всего ближе было бы продать его частному лицу, так как исправление его должно потребовать весьма значительных

* Фонд тверского губ. правления, ч. № 537, лл. 2—5, журнал № 3553.

сумм. Во всяком случае надобно на что-нибудь решиться, ибо здание постепенно теряет свою ценность, а между тем казна ежегодно тратит значительные суммы на наем помещения для присутственных мест.

Городская дума.— Помещение думы в наемном доме удовлетворительное. Денежная отчетность в порядке, но по делопроизводству замечена некоторая медленность. Так например: по объявлению кашинской мещанки Анисьи Павловой об исключении из числа наличных душ ее семейства умершего сына Флора 31 января заключено — об исключении умершего представить казенной палате по истребовании удостоверения от тверской духовной консистории, сообщение же в консисторию сделано только 2 марта; по отношению кашинского городничего от 15 июля за № 1838, о том, что купец Ярославцев обязан подпискою представить в непродолжительном времени требуемое от него сведение, какой он участок желает получить за отошедшую под площадь землю, заключено — отношение приобщить к делу, а когда от купца Ярославцева подано будет объявление, тогда сделать по сему предмету надлежащее распоряжение. От Ярославцева объяснение еще не представлено и со стороны думы не сделано никаких настояний. В особенности замечается медленность в испрошении разрешения на собрание общества для обсуждения разных предметов. Так например: а) дело о доставлении по требованию кашинской конторой больницы 4 р. 30 к. за лечение мещанки Мухиной с января месяца не получает окончания. Нужно об уплате предложить мещанскому обществу. О разрешении собрать общество представлено начальнику губернии только 19 сентября;...

Всех неоконченных дел по думе — 11.

По городскому хозяйству обращает на себя внимание недостаток деятельности со стороны думы во взыскании арендных денег за оброчные статьи, тогда как Кашин не богат средствами и накопление недоимок весьма для него отяготительно. Так, а) за городские земли, отведенные под кузницы, в счет следующих с этой статьи 9 руб. 70 коп. в течение 1860 года ничего еще не взыскано;... Кроме того, замечено, что некоторые городские участки отдаются под кирпичные заводы без контрактов и выручаемая за эти места плата весьма незначительна. Таковы места, отданные купцу Ярославцеву,— 1 десятина 568 саж., мещанину Оханкину — 1 дес. 656 саж., купцу Верещагину — 1 700 саж. и купцу Колотильщикову — 1 500 саж.; доходу с этих участков в 1859 году было получено 96 руб. 60 коп.

Кашинское городническое правление.— Помещение в наемном доме, довольно удобное. Денежная отчетность в порядке. То же самое можно сказать и о делопроизводстве, в котором не замечено ни медленности, ни каких-либо неправильных действий. Только по прошению почетного гражданина Ивана Жданова, поступившему 31 июля, о взыскании денег с кашинского помещика Шарутина, в тот же день от Шарутина отобран отзыв, что денег на платеж не имеет, а предоставляет для этого общий с братьями деревянный дом с землею; документ на этот дом обязался представить по возвращении матери своей, которая в то время находилась в отлучке. Документ этот находился при деле, но когда представлен, не видно, и никакого дальнейшего распоряжения не сделано.

Книги по делопроизводству ведутся весьма тщательно; только в докладном регистре встречаются не всегда ясные и положительные отметки, так например, против прошения купца Власова о взыскании 120 руб. сер. с мещанина Миловидова, на которые при прошении приложена расписка, в графе для постановления полиции сделана отметка: «расписку записать на приход и сделать по прошению должное распо-

ряжение». Но какое именно, не объяснено. Встречаются также отметки, не вполне соответствующие ходу дел. Так например, по поступившему 9 марта отношению осташковского городничего о неимении формулярного списка о службе рядового Николаева, в графе для постановления полиции сказано: «представить в тверское губернское правление», а между тем, как видно из графы для производства, сообщено в осташковское городническое правление 16 апреля за № 941.

Квартирная комиссия.— Дела комиссии в порядке и жалоб на неправильное распределение постойной повинности не поступало.

Земский суд.— Помещение земского суда в наемном доме удовлетворительное, но хозяйка дома мещанка Пахотина не получает удовлетворения за наем ее дома. Городничим об этом были сделаны представления в губернское правление 18 июня, 21 июля и 20 августа настоящего года за №№ 1485, 1682, 2314 и вследствие распоряжения правления тверская казенная палата 29 сентября предписала уже кашинскому уездному казначею об удовлетворении Пахотиной.

При ревизии суммы земского суда найдено значительное количество заемных писем и долговых расписок всего на сумму 48 171 руб. 38½ коп. Из числа этих расписок и обязательств некоторые следует возвратить за уплатою тем лицам, от которых они выданы, некоторые должны быть отосланы для взыскания причитающихся по ним денег в другие присутственные места, по некоторым же обязательствам обязанность взыскания лежит на самом земском суде. Затем в других отношениях денежная отчетность кашинского земского суда в порядке.

Нельзя того же самого сказать о делопроизводстве. В нем замечается значительная медленность, происходящая как от бездеятельности самих приставов, так и от совершенного отсутствия наблюдения со стороны земского суда.

Из книги приказаний становым видно, что в течение настоящего года приставом 1 стана не исполнено из 912—110 дел; приставом 2 стана из 176 дел не исполнено 114. Кроме медленности, замечается неполнота в самом производстве дел становыми приставами. С января по сентябрь месяц было возвращено земским судом для доследования к приставу 1 стана — 20, а 2 стане — 19 дел, из которых некоторые возвращались по два раза и более. Что касается до самого земского суда, то с его стороны незаметно решительно никакой распорядительности. Поступающие в суд бумаги без всякого рассмотрения отсылаются становым приставам, и о своевременности исполнения этих бумаг суд нисколько не заботится и не принимает никаких мер к побуждению становых приставов. В докладных регистрах нет ни одной отметки о понуждении приставов или о представлении губернскому управлению об их медленности. Из этого выходит, что кашинский земский суд есть ничто иное, как передаточное место, из которого передаются поступающие от разных присутственных мест и лиц бумаги к становым приставам и наоборот.

По большей части уголовных дел в земском суде вовсе не составляются протоколы. Если же по некоторым следственным делам и составляются протоколы, то весьма поверхностные, без объяснения подробности дел. Доказательством этого может служить то, что в течение настоящего года только по одному протоколу заключено земским судом обратить дело к дополнению к одному из становых приставов, тогда как по распоряжению уездного суда подобные дополнения встречаются беспрерывно. Крайняя бездеятельность и ненаблюдение земского суда за становыми приставами в особенности ярко обнаруживается рассмотрением делопроизводства уездного суда. Таким образом между уездным и земским судами с декабря 1858 по апрель 1860 года шла переписка о

высылке в суд для передопроса подсудимого Григорьева, по делу об отнятии лошади у рядового Иванова. В январе сего года земский суд донес, что Григорьев живет в Калязине, но калязинский городничий уведомил, что там его нет, и, действительно, вследствие нового указа уездного суда (от 16 февраля) оказалось, что подсудимый находится в Кашинском уезде и представлен 20 апреля. По делу об избитии крестьянина Емельянова происходит продолжительная и довольно нелепая переписка о летах подсудимых крестьян г. Балкашина. 20 января сего года тверская духовная консистория уведомила уездный суд, что одного из подсудимых, крестьянина Федорова, по метрикам не значится, почему уездный суд предписал земскому суду произвести дознание о месте рождения Федорова. Но земский суд опять-таки представил в консисторию о доставлении метрического свидетельства, которая снова уведомила 16 августа, что Федоров по метрическим не значится, почему снова предписано земскому суду об исполнении первого указа уездного суда по сему делу.

В книгу оценок на строительные материалы с февраля месяца совершенно не вносится цен, а из книги о справочных ценах на хлеб и фураж, видно, что приставом 2 стана цены на эти продукты были доставлены в течение настоящего года только 2 раза. Книги о бессрочно отпускных нижних чинах по особому распоряжению губернского правления исправлены и в них никаких особенных недостатков не замечено.

Всех нерешенных дел по день ревизии состояло: следственных — 97, гражданских — 104, распорядительных — 47.

По книге о лицах, взятых под стражу, значится за земским судом всего 13 арестантов, из них один (Стефанов) с 1857 г., арестантка (Федосья Иванова) с 1858 г., 4 — с 1859 г. и 7 арестантов заключены под стражу в настоящем году. Но в ведомости уездного стряпчего об арестантах, содержащихся под стражею в кашинском тюремном замке, упомянутых выше Стефанова и Ивановой не значится. Почему же земский суд считает их за собой, неизвестно.

Сбор податей и земских повинностей идет успешно. А именно, в недоимке состоит только 43¼ коп. и, кроме того, числится в недоимке 19 руб. 41¼ коп. поземельного сбора и 41 руб. 10 коп. за планы с межевыми книгами [8].

Уездный суд.— Помещение уездного суда в настоящем доме довольно просторное и опрятное. При ревизии денежной отчетности особенного беспорядка не замечено, кроме того, что в денежных книгах делаются поправки и не всегда оговариваются. Делопроизводство уездного суда нельзя назвать вполне удовлетворительным. Главный недостаток делопроизводства уездного суда тот, что суд довольно поверхностно рассматривает поступающие в оный дела и вследствие этого неодновременно собирает все нужные для полноты дела сведения. В особенности замедляется ход дел справками о судимости и летах подсудимых лиц, которые обыкновенно собираются уездным судом не тотчас по получении в суде дела, и сверх того, не непосредственно самим судом, а чрез городские и земские полиции, что, в особенности при крайней нерадивости кашинского земского суда, служит источником нескончаемости переписки.

Кроме вышеизложенных упущений, найдено еще, что вообще для доследования дела посылаются в подлиннике в надлежащие места.

Нельзя также не обратить внимание на способ собирания уездным судом нужных справок при совершении купчих крепостей. Справки эти требуются надсмотрщиком суда от канцелярий присутственных мест, которыми они доставляются, без всякого участия в том со стороны присутствующих. При известности состава канцелярий уездных присут-

ственных мест, порядок этот может иметь весьма вредные последствия. в особенности, если принять во внимание, что вся ответственность за неправильную справку падает в этом случае уже не на присутствующих, которые действительно в состоянии отвечать, а лишь на канцелярских чиновников, ответственность которых не может представлять никакого обеспечения для лиц, потерпевших от сообщения неправильной справки. Таким образом в кашинском уездном суде 17 марта 1858 года совершена купчая крепость на дом и усадебное место, проданные вдовою священника Щапова купцу Осекину. При собирании справок, между прочим, канцелярия кашинской думы уведомила, что препятствий на совершение купчей нет, а между тем, впоследствии открылось, что место, на котором построен дом Щаповой, принадлежит городу, о чем теперь и производится дело в кашинском городовом магистрате.

Всех нерешенных дел по кашинскому уездному суду ко дню ревизии состояло уголовных — 10 и гражданских — 14, из которых за самим судом только одно гражданское дело.

Дворянская опека.— Помещение опеки в том же самом доме, в котором помещается и уездный суд, весьма удовлетворительное и опрятное. При ревизии в денежной отчетности никаких беспорядков не замечено, но нельзя не обратить внимание, что в опеке находится 15 108 р. 17¼ к. в билетах сохранной казны, которые выгоднее было бы променять на билеты государственного коммерческого банка. В ведении опеки находится 31 имение, в том числе 14 по малолетству наследников, одно за злоупотребление помещичьей власти, 6 до открытия наследников, одно по лишению прав дворянства и 5 за долги кредитным установлениям.

При ревизии делопроизводства опеки обратили на себя внимание два обстоятельства: а) недостаток наблюдения со стороны опеки за представлением отчетов по опекаемым имениям и б) медленность самой опеки в рассмотрении поступающих в нее отчетов и в представлении их в гражданскую палату. Отчет по имению г. Сильванского за 1859 г. от опекунши Сильванской не доставлен до сего времени и опекою сделано понуждение опекунше только 1 сентября.

Городовой магистрат.— Магистрат помещается в том же здании, где и дума. Присутствие магистрата просторное и чистое, но комната, в которой помещается канцелярия, несколько тесна.

Денежная отчетность и делопроизводство магистрата в порядке. Ни значительной медленности, ни каких-либо неправильных действий не замечено. Неоконченных дел ко дню ревизии оказалось: уголовных — 6, гражданских — 17; за магистратом собственно нет ни одного дела.

Здесь так же, как и в уездном суде, при рассмотрении дел, обнаружена медленность кашинского земского суда.

Сиротский суд.— Помещение суда в одном здании с думою и магистратом, хотя небольшое, но довольно опрятное. Денежная отчетность в порядке, по делопроизводству замечается недостаток наблюдения за своевременным представлением опекунами отчетов и медленность в рассмотрении их: так например: а) отчет по имению Сутугина был представлен 4 июня и только по истечении месяца представлен в гражданскую палату; б) отчет по имению малолетних Редькиных представлен был только 12 августа; в) по имению купца Алексея Сутугина отчет представлен тоже 12 августа; г) отчет по имению Ветошникова, представленный 9 марта, отправлен в гражданскую палату 4 июня; д) по имению Зубковой отчет представлен 12 августа; е) по имению Алексея Жданова отчет представлен 15 июня; ж) отчет по имению Крапивиных представлен в палату 4 июня, но, когда получен в суде, не видно;

з) по имению Митропольской и Черешиных отчеты до сего времени не представлены, и со стороны суда не принято никаких мер к понуждению опекунов.

В словесном суде в настоящее время нет в производстве ни одного дела.

Архивы присутственных мест г. Кашина в порядке, и описи делам ведутся аккуратно.

Выписка тверского вице-губернатора М. Е. Салтыкова, 22 января 1861 года *.

(Гор. Корчева)

Наружный вид города Корчевы ничем особенным не отличается от других мелких уездных городов. Улицы большею частью немощенные, тротуары на тех улицах, где они существуют, до крайности ветхи, так что по ним во многих местах не безопасно ходить.

Торговая площадь весьма грязна, о выпланировании и вымощении этой площади последовал указ губернского правления от 31 июля 1859 года за № 9131 в корчевскую думу, но дело не получает окончания за недоставлением архитекторским помощником Нефедьевым затребованных от него 11 августа того же года по этому предмету сведений.

Пожарная часть.— Пожарные инструменты в совершенной исправности; в настоящем году приобретена одна новая труба. Лошадей при пожарной части нет; обязанность выставлять лошадей, в случае пожара, лежит на обывателях, которые взамен отправления этой повинности натурою, нанимают 8 лошадей по 25 р. серебром на каждую. Пожарной команды также не существует. Жители сами обязаны содействовать тушению пожара, для чего город разделен на участки, но при этом разделении не объяснено, с каким инструментом каждый из обывателей должен явиться на пожар, да и самое расписание участка, составленное в 1852 году, уже не может соответствовать настоящему состоянию жизни.

Вновь отстроенное в 1859 году здание, в котором помещаются присутственные места, хорошо и отвечает своему назначению; только в нижнем этаже замечается сырость, в особенности в том отделении, где помещается уездное казначейство. В отделении, занимаемом городническим правлением, при самом занятии его, не оказалось в печах вьюшек, о чем донесено губернскому правлению 13 июня и 25 июля сего года за №№ 1213 и 1561.

Городническое правление.— Делопроизводство оного находится в удовлетворительном виде; замечено только, что при свидетельстве сумм за декабрь 1859 года денежный сундук потребован из казначейства 2 января, свидетельство сделано 3 числа, сундук возвращен в казначейство 4 и что в книгу о лицах, которым воспрещен въезд в столицы, хождение по делам и т. п., начиная с 1858 г., никто не внесен.

Квартирная комиссия.— При ревизии сумм оной оказалось 2 621 рубль, собранные с корчевских купцов, не имеющих в городе недвижимой собственности. Деньги эти не имеют никакого определенного назначения и из 2 267 руб. 39½ коп. билетами тверского приказа общественного призрения, которые выгоднее было бы променять на билеты коммерческого банка.

Земский суд.— В делопроизводстве оного весьма часто допускается крайняя медленность, недостаток деятельности со стороны чле-

* Ф. твер. губ. строит. и дор. комиссии, № 49, 1861 г., л. 2—3. Журналы губ. правл., № 3560, журн. № 48/1992.

нов и неудовлетворительное наблюдение за действиями становых приставов. Из книги словесных жалоб оказалось, что суд допускает иногда распоряжения, неизвестно на чем основанные, и не всегда делал надлежащие отметки. Книги для записи поручений становым приставам ведутся в земском суде весьма неаккуратно. В них не делается отметок о подтверждении по неисполненным поручениям, а равно и об исполнении их. Книги эти было бы гораздо полезнее заменить настольными (реестрами) — делами, из которых можно было бы видеть весь ход дел и которые могли бы заменить даже докладные регистры, в сих же последних дела записываются не всегда соответственно их содержанию [9]. Всех дел неоконченных ко дню ревизии было — 188, из них 63 уголовных и 125 гражданских. Податей и недоимок на помещичьих имениях числится 3 775 руб. 38 коп. Сверх всего этого, в денежном ящике суда найдено разного рода обязательства на сумму 31 235 руб. 44 коп., которым не дано надлежащего движения.

1 стан Корчевского уезда.— При ревизии оного оказалось, что становой пристав Мельницкий совершенно незнаком с производящимися у него делами, и потому все дела найдены в большом беспорядке и сверх медленности в делопроизводстве замечены даже неправильные действия. Установленные для станового управления книги ведутся не с должною аккуратностью. Так, а) по книге людей, наказываемых за маловажные проступки, по просьбе помещиков, записано только 3 наказанных, тогда как письмоводитель объяснил, что случаев наказания подобного рода было гораздо больше; в) по книге торговых цен на провиант и фураж цены вносятся не ежедневно, а по произволу; г) книга на строительные материалы ведется небрежно, цен на многие предметы вовсе не поставлено, а другие выставлены только за январь месяц, и д) во входящей секретной с второго июля нет ни одной бумаги.

Уездный суд.— В делопроизводстве оного замечена медленность [10]. Исполнение по журналам делается не всегда скоро, а в последнее время, по случаю возникших недоразумений между членами присутствия и секретарем, беспорядок дошел до того, что, начиная с 13 сентября по 20-е, журналы, подписаны только одним исправляющим должность заседателя Пановым. В настольных книгах резолюции пишутся не все рукою членов, а те, которые писаны членами, до крайности безграмотны и многие лишены всякого смысла. Ко дню ревизии состояло в суде нерешенных дел: уголовных — 28, частных — 15, решенных, но не исполненных: уголовных — 24, гражданских апелляционных — 33 и частных — 19.

Дворянская опека.— По делопроизводству оной допускается медленность в исполнении журнальных постановлений, а самые журналы исполняются нередко прежде пропуска стряпчего и некоторые доставляются к нему на просмотр очень поздно. Замечена также значительная медленность в представлении опекунами отчетов по опекаемым ими имениям.

Городская дума.— По делопроизводству оной допускается иногда медленность. Журналы исполняются часто прежде пропуска стряпчего.

Магистрат.— Делопроизводство и денежная отчетность магистрата в совершенном порядке.

Сиротский суд.— Денежная отчетность в удовлетворительном виде. При ревизии же делопроизводства оказалось, что по имению гг. Калининых от опекуна Калинина не представлено отчетов за 1858 и 1859 гг. и понуждения со стороны сиротского суда не делалось. Кроме того, замечено, что и здесь, как в думе, исполняются журналы иногда без пропуска стряпчего.

Словесный суд.— В суде только одно нерешенное дело, которое не оканчивается за неявкою тяжущихся лиц.

Записка тверского вице-губернатора М. Е. Салтыкова, 27 февраля 1861 г. *

(Весьегонский земский суд)

Весьегонский земский суд помещен в наемном доме довольно удобно. Канцелярия суда не благонадежна; секретарь по болезни к ревизии не являлся, а занимающий временно его должность столоначальник распорядительного стола явился к ревизии в нетрезвом виде; подобною же репутацией нетрезвости пользуется и другой столоначальник, управляющий столами распорядительным и уголовным.

Земский исправник выехал навстречу ревизующего в г. Красный Холм, где ожидал несколько дней сряду, несмотря на то, что встреча и проводы подобного рода положительно воспрещаются. Хотя ревизующий выехал из Красного Холма прежде исправника и ехал очень скоро, исправнику — неизвестно, каким образом — удалось таки вновь встретить ревизующего у заставы города Весьегонска и разослать гонцов ко всем властям. Из этого видно, что в городе Весьегонске и его уезде чиновнические сообщения совершаются даже быстрее, нежели нужно.

При земском суде имеется арестантская весьма удобная. В ней найден заарестованным крестьянин г. Патрикеева Егор Афанасьев, содержащийся при земском суде более недели без всякого постановления. Афанасьев был задержан за бесписьменность в Твери, и дело об нем отослано сначала в весьегонский земский суд, а оттуда в местный уездный суд, в котором оно останавливается за недоставлением земским судом доследования.

Во время этого производства Егор Афанасьев был освобожден, но когда и по какому случаю, из дела не видно. После освобождения Афанасьев вновь начал бредяжничать и пойманный в Ярославской губернии снова прислан в весьегонский земский суд для водворения к помещику. Г. Патрикеев однако ж не принял его, и с тех пор он содержится при земском суде. Впрочем, отзыва о непринятии нет, и вся упомянутая выше процедура происходила, так сказать, домашним образом без всяких документов. Проверить действия земского суда относительно задерживаемых при оном лиц совершенно невозможно, ибо при суде не заведено даже книги для записи сих лиц, и акт задержания, столь важный по своим последствиям, совершается негласным образом. Во время перехода из канцелярии земского суда в арестантскую, на вопрос ревизующего, сколько содержится в настоящее время при суде арестантов, исправник отвечал: два,— и велико было его изумление, когда вместо двух оказался один арестант. В разъяснение этого, тут же была придумана сказка, что было действительно два арестанта, но один из них выпущен накануне; в действительности же, по дошедшим впоследствии слухам, оказалось, что арестантов было два, а не один, но один из них был спрятан, или спрятался сам на полатях или за печкой. К устранению на будущее время подобного беспорядка, ревизующим внушено земскому суду завести книгу о лицах, задерживаемых при суде, и никого не подвергать подобному аресту иначе, как по постановлению суда; что же касается собственно до лица Егора Афанасьева, то относительно его дано суду особое предложение.

---

* Фонд тверского губ. правления, № 4, 1861 г., лл. 80—86.

При ревизии денежного ящика земского суда сумма найдена налицо, и денежные книги вообще ведутся в порядке.

В земском суде хранится разного рода заемных обязательств 63, на сумму 45 960 руб. 6³/₄ коп.; из этого числа на сумму 32 923 руб. 62³/₄ кэп. таких заемных обязательств, по которым удовлетворение уже сделано, или таких, по которым в земском суде вовсе не производится дел, если же и производились когда-либо, то в настоящее время упущены из виду. Первые необходимо было бы возвратить по принадлежности; что же касается последних, то следовало бы немедленно сделать тщательный розыск дел, которые по ним производились в земском суде, так как неимоверно, чтобы заемные письма попали в денежный ящик суда без всякого письменного производства. Безгласное хранение подобного рода документов доказывает явный беспорядок в делопроизводстве суда, и сверх того, порождает сомнение в том, действительно ли получено по ним удовлетворение или же, быть может, сами претендатели, наскучив бесплодным хождением по судам, признали за лучшее совершенно прекратить всякое ходатайство по бумажным своим искам.

Канцелярский порядок и делопроизводство ведутся с крайними упущениями; распоряжения по вступающим бумагам делаются медленно; в направлении дел и производства их замечается оттенок свойства крайне сомнительного.

Деятельность земского суда по трем главным отраслям вверенного ему управления является в следующем виде:

По части распорядительной.

Недоимок разного рода на отчетности земского суда состоит:

Податной	1 415 р.	³/₄ к.
Земских повинностей	3 735 »	77⁵/₄ »
Межевой	2 071 »	20 »

Если принять во внимание, что Весьегонский уезд есть один из плодороднейших в губернии, и что местность эта представляет весьма выгодные условия для сбыта сельских произведений, то нельзя не признать означенное выше количество недоимок весьма значительным, и не отнести накопление их собственно к бездействию земской полиции. В особенности мало обращается внимания на взыскание межевой недоимки и большая часть дел этой категории находится в суде по несколько лет почти без всякого движения.

В требовании стоечных лошадей для разъездов чинов земской полиции допускается величайший произвол. Присылаемые от начальника губернии открытые листы на взыскание обывательских подвод остаются и в земском суде и у становых приставов без употребления, и чины полиции производят разъезды без всяких документов. Очевидно, что подобный порядок может служить источником значительных злоупотреблений, и требует немедленного устранения. Необходимо было бы вменить земскому суду в обязанность: а) чтобы чиновники и рассыльные не осмеливались брать обывательских лошадей без предъявления открытого листа, б) чтобы в израсходовании открытых листов введена была строгая отчетность, с обозначением против каждого расходованного экземпляра предмета и времени поездки.

В отчетности, по всем делам распорядительного свойства, вообще замечается значительная и ничем не оправдываемая медленность, а именно:

По донесению пристава 1 стана с деньгами, пожертвованными г-жою Стромберг в пользу г. Бирюлева, поступившему 3 января, распоряжение сделано 27 марта.

По отношению командира Бородинского полка, с артельными деньгами, оставшимися после убитых нижних чинов, поступившему 3 января, распоряжение сделано 31 марта...

Из этого длинного ряда заметок видно, что ревизующим указывается только на те бумаги, по коим исполнения не было сделано более двух месяцев; если бы отмечать и те бумаги, по коим исполнение задержано более месяца, то ряд этот был бы бесконечен. Замечательнее всего, что по делам распорядительным земский суд есть не что иное, как передаточное место, вся деятельность которого ограничивается пересылкою для исполнения бумаг к становым приставам. И этой-то мелочной и нетрудной деятельности весьегонский земский суд нашел средство придать тот характер несносной и неприличной медлительности, который явствует из сделанных выше замечаний.

К числу распорядительных дел относится также ведение книги о справочных ценах на хлеб, фураж и пр. В книге этой показаны цены только с 1 по 8 января, и затем в течение целого года земский суд ограничивался только ежемесячным занесением в книгу отметки, что цены существовали те же, как и в январе. Легко можно судить, до какой степени достойно вероятия подобное удостоверение, на котором комиссия народного продовольствия и другие места, производящие казенные заготовления, обязаны основывать все свои расчеты.

По части следственной и судебно-полицейской

Общий характер деятельности весьегонского земского суда по производству следственных и судебно-полицейских дел заключается в непростительной медлительности, вред которой нередко увеличивается еще злоупотребительными и произвольными действиями. Обревизовав не только канцелярский порядок, но и подлинные дела земского суда, ревизующий имел случай убедиться, что для земского суда, а в особенности для земского исправника, нет ничего затруднительного арестовать человека или оставить на свободе, произвести следствие в том или ином смысле, т. е. с обвинением или оправданием подсудимого,— все это дело ничем не оправдываемого и совершенно непозволительного произвола, доказательства которому будут представлены ниже. Замечательно, что исправник Дементьев весьма часто назначает следствия и делает распоряжения по судо-уголовным делам от своего лица, минуя земский суд, и с этою целью ведет свою собственную входящую и исходящую книги и имеет при себе особого писца. Необходимо было бы подобные действия воспретить всем вообще гг. исправникам, вменив им в обязанность действовать через земские суды, так как лишь при таком условии может быть достигнута хотя некоторая гарантия в правильности распоряжения земской полиции и устранится личный и не всегда благонамеренный произвол.

Образчики действий весьегонского суда следуют ниже:

По отношению тверской духовной консистории по делу о крестьянских детях: Давыдове, Федорове и Васильеве (поступившему 6 января) заключено: отношение вместе с делом представить в уездный суд, исполнение сделано 22 сентября.

По донесению пристава 1 стана с делом о порубке леса в крестьянской Лекомской даче (поступившему 23 марта) распоряжение сделано 7 сентября...

Дело об арестанте Василье Леонтьеве Вороне, судимом за кражу, началось в 1857 г. и в октябре этого года было возвращено из уездного суда в земский для дополнения 20 февраля 1858 г. Пристав 1 стана, дополнив дело, постановил: представить его в земский суд вместе с Вороной, для заключения сего последнего в острог, но, вопреки своего

постановления, Ворону при деле не представил. Земский суд, рассмотрев дело, заметил, что Вороны нет, и дал знать о неоказательстве приложения приставу, но о представлении его не настаивал. С своей стороны, пристав при рапорте от 27 марта 1858 года представил в земский суд некоторые дополнительные сведения по этому делу, но о личности Вороны упомянуть остерегся, и в таком виде дело было представлено в уездный суд. После того между уездным судом и городовым магистратом происходил спор о подсудности этого дела и длился до октября 1858 г., когда дело окончательно поступило на обсуждение уездного суда. 7 того октября уездный суд предписал земскому суду выслать Ворону для заключения под стражу и собрать некоторые справки. Указ этот в отношении справок исполнен 19 февраля 1860 года (почти через полтора года), но Ворона все-таки не выслан. Между тем к делу сему, по связи присоединено другое: о кражах краснохолмского мещанина Рылешникова, и уездный суд, рассмотрев оное в марте 1860 года, вновь нашел его неполным и о дополнении предписал земскому суду, но о высылке Вороны уже не настаивал. Только в апреле 1860 года Ворона представлен приставом 1 стана в земский суд для заключения в острог, без объяснения однакож причин столь изумительной медленности. В июле того же года было представлено и доследование по этому делу, но уездным судом три раза возвращалось в земский суд, как произведенное неудовлетворительно, так что дело сие и до настоящего времени не оканчивается за земским судом. Из этого краткого обозрения дела усматривается: а) что пристав 1 стана Никитин слишком два года не исполнил своего собственного постановления и более полутора года оставлял без внимания указ уездного суда о заключении преступника под стражу; б) что ни земский, ни уездный суды не наблюдали за непременным исполнением вышеизложенного, и в) что со времени соединения дела Вороны с делом Рылешникова (в марте 1860 года) оно четыре раза возвращалось в земский суд для доследования...

По делу об арестанте Василье Кузьмине Широкове, судящемся за совращение в расколе и произнесение ругательных против православной церкви слов, замечено следующее: а) свидетели, на основании показаний которых обвиняется Широков, приведены к присяге без бытности обвиняемого, что отнимает у сих показаний характер доказательства, между тем как на основании этих именно показаний Широков заключен под стражу; б) весьегонский уездный суд, рассмотрев это дело, нашел его неполным, между прочим в том, что Широков не был отослан в тверскую духовную консисторию для увещания, и потому 5 августа 1860 г. предписал земскому суду об исполнении сего, а равно и других замеченных недостатков. Земский суд 19 декабря (т. е. через четыре с половиною месяца) представил дело в весьегонский уездный суд, не исполнив однакож указа его относительно отсылки Широкова в духовную консисторию, почему уездным судом 21 декабря дело было вновь обращено в земский суд. По важности допущенных по делу сему беспорядков ревизующим сообщено об оных губернскому правлению со всею подробностию особо.

В весьегонском уездном суде производится дело о порубке леса в дачах г. Л. Шварца казенными крестьянами деревни Раменья. По рассмотрении сего дела оказывается, что оно началось 24 июля 1860 г. по объявлению, поданному конторою г. Шварца исправнику, который поручил производство следствия по сему предмету приставу 1 стана. Пристав Никитин, оценив произведенную порубку в 1 236 р. 67½ коп., закончил дело весьма быстро и 4 августа представил его земскому исправнику, который однако держал его более месяца у себя, и лишь 8 сентября препроводил в земский суд, а оттуда оно представлено уже

в уездный суд, в котором не решено, за непредставлением земским судом доследования. Некоторые пошедшие по сему слухи, а равно и то обстоятельство: а) что по прошествию, совершившемуся в 2 стане, производство следствия поручено было, неизвестно с какого повода, приставу 1 стана; б) что исправник без всякой надобности продержал у себя оконченное производством дело более месяца,— заставил ревизующего усумниться в правильности производства его. И действительно, по сделанным розысканиям обнаружилось: 1) что следствие, которое находится ныне в уездном суде, есть уже вторичное; 2) первоначальное следствие произведено было, по поручению земского исправника, приставом 2 стана Успенским и представлено им в земский суд 15 июня 1860 г. за № 878, причем порубленный лес оценен в 2 р. 60 к.; 3) исправнику следствие это не понравилось, и он, не прибегая ни к каким, по мнению его, излишним формальностям, предпочел оставить произведенное г. Успенским следствие у себя дома, как бы его совсем не было, и поручил приставу 1 стана произвести другое следствие. При этом замечательны еще два следующие обстоятельства, доказывающие, что г. исправник совсем неспроста так действовал, а вполне сознавая, что подобного рода действия похвалы большой не заслуживают. Одним словом, все было так устроено, чтобы окончательно скрыть все следы первого следствия и где таковое находится. Г. исправник отвечал, что следствие, действительно, было произведено и находится в настоящее время при личных делах. На вопросы, с какого повода он так действовал, почему скрыл рапорт пристава Успенского и принял от конторы г. Шварца другое объявление, г. исправник не мог дать никакого оправдания, кроме слова: «виноват». Почему ревизующий счел за нужное дать знать о всем вышеизложенном весьегонскому уездному суду.

Дело о крестьянине г. Шварца Тимофее Яковлеве. Дело это, производящееся ныне в уездном суде, началось с жалобы конторы г. Шварца приставу 2 стана, заключавшейся в том, что Яковлев не ходит на работы и делает дерзости. Пристав стал спрашивать Яковлева, почему он так делает, на каковые слова пристава Яковлев «начал кланяться и просить прощения». Когда же пристав, несмотря на принесенную Яковлевым повинную, хотел его высечь, то Яковлев взял в руки валявшийся тут топор и говорил в исступлении: «Отдайте лучше меня в солдаты, а не наказывайте». Пристав, видя отчаяние Яковлева, обещал оставить это дело, но когда Яковлев бросил топор, то его схватили и наказали. После того Яковлев был водворен в вотчину, но через несколько времени прислан г. Шварцем опять к приставу 2 стана для предания суду. Вследствие этого Яковлев при рапорте пристава 2 стана от 20 августа 1860 г. за № 1321 был представлен в земский суд, и производство следствия по этому делу принял на себя земский исправник. Г. исправник кончил следствие к 3 сентября, но до 7 октября держал дело у себя, и лишь тогда решился препроводить в земский суд, откуда 25 октября, вместе с арестантом, оно представлено в уездный суд. Все это время Яковлев содержался в арестантской земского суда. Уездный суд, рассмотрев следствие, нашел, что по делу не отобрано допроса от самого Яковлева (замечательное доказательство понимания следственного порядка со стороны исправника), почему обратил Яковлева в земский суд, объяснив, что за неполнотою следствия меры наказания подсудимому определить невозможно. Земский суд вновь держал дело до 19 декабря и лишь тогда представил его вторично в уездный суд, с отобранным показанием от подсудимого, который продолжал содержаться в арестантской земского суда. Уездный суд, вновь рассмотрев дело 20 декабря, заключил: так как Яковлев, за неповиновение власти и оскорбление пристава, должен по смыслу 311 и 324 ст. уложения о наказаниях под-

вергнуться лишь исправительным наказаниям, то ...он в тюрьме содержаться не должен, а имеет быть отдан под надзор полиции. На это земский суд 16 января 1861 года донес, что контора г. Шварца не желает иметь Яковлева в вотчине, а потому Яковлев и препровожден в острог. Замечательно при этом, что земский суд совершенно напрасно сослался на контору г. Шварца, ибо отзыва ее о нежелании принять Яковлева в вотчину вовсе не имеется. Таким образом по рассмотрению этого дела оказалось: а) что подсудимый Яковлев совершенно без всякого основания с 3 сентября 1860 г. лишен свободы; б) что если земский суд, вопреки предписания уездного суда, счел себя вправе, в течение полутора года, не заключать под стражу подсудимого (см. выше дело арестанта Вороны), то тот же земский суд не усумнился, тоже вопреки распоряжения судебного места, заключить в острог подсудимого по одним каким-то темным административным соображениям. По важности этого дела ревизующим дано по оному особое предложение местному уездному суду.

Дело об опознанной в городе Устюжне у казенного крестьянина Григория Трошкова устюжским мещанином Макаровым лошади производится в высшей степени оригинально. Дело началось в устюжском городническом правлении с ноября 1858 года и по окончании следствия по городу, так как обвиняемые в уводе лошади лица проживают в Весьегонском уезде и самый увод произведен там же, отослано в весьегонский земский суд в мае 1859 года. Земский суд, дополнив его по уезду, в ноябре того же года, отослал в казанскую городскую полицию, которая возвратила его назад без исполнения и с просьбой не пересылать впредь подлинных дел, а присылать из них выписки. Тогда земский суд решил: отослать дело в устюжское городническое правление, что и исполнил в январе 1860 года, но городническое правление, рассуждая весьма правильно, что дело по месту совершения преступления и по жительству прикосновенных к делу лиц подлежит суждению весьегонских уездных судебных мест, в том же январе возвратило его назад в земский суд. С января по сентябрь дело, как бы утомленное странствиями, лежало в земском суде без движения, но в сентябре последовало новое постановление суда отослать дело для дополнения в казанскую городскую полицию. Очень любопытно знать, как отзовется казанская полиция на этот новый присыл?..

Дело о покраже удельным крестьянином деревни Ильинской Федором Григорьевым Жеребцовым имущества у крестьян г. Дюклу и о возведенном на него же Жеребцова подозрении в поджоге крестьянских домов в селе Чамерове. Дело началось с сентября 1860 г. по словесному объявлению крестьянина г. Дюклу Игнатия Никонова, занесенному в чамеровский приказ, о том, что у него и у соседа его покрадено много разного имущества, в каковой покраже подозревается ими крестьянин Жеребцов. Приказ командировал заседателя своего Семякова для обыска в доме Жеребцова, при производстве которого действительно найдены были в разных местах, как-то в картофеле, в хлебе и пр., краденые вещи, ценою на 20 руб. серебром. Обо всем этом приказ тогда же донес приставу, который, приступив к следствию, сделал новый обыск в доме Жеребцова, причем в разных потаенных местах отысканы: безмены, два замка, с оставшимися в них пробоями, 8 сломанных замков, 7 ключей, 2 долота, 2 клещей и 3 напарья. Относительно вещей этих Жеребцов и сестра его Марфа Григорьева отозвались, что последняя купила их у неизвестного ей прохожего, но на вопрос, для какой надобности держали эти вещи в секретных местах, ничего объяснить не могли. При осмотре житниц, из которых покрадено имущество крестьян г. Дюклу, оказался у одной из них след телеги, а у дру-

гой в двери, около личины, отверстие, сделанное напарьем. След оказался сходным с тележным ходом Жеребцова, отверстие — подходящим к напарью, найденному у него же. Жеребцов был судим 4 раза и даже находился в арестантских ротах, в поведении ни он, ни сестра его не одобрены. По окончании следствия 27 октября был составлен протокол, на основании которого Жеребцов и сестра его были взяты в стан, для представления с делом в земский суд. Несмотря однакож на это, пристав Никитин, без всякого постановления, 30 октября выпустил Жеребцова. Замечательно при этом следующее: а) что сестра Жеребцова в это время оставалась еще в стану; б) что Жеребцов во время своей отлучки продал лошадь и в) что по возвращении Жеребцова в стан (3 ноября) он был задержан еще некоторое время и 8 ноября уже получил от пристава бумагу о водворении его в местожительство под надзор сельского начальства и вместе с тем получил и сообщницу сестру свою. Но еще замечательнее то, что в то самое время, когда Жеребцов, продавший лошадь, возвращался в стан, т. е. в ночь на 3 ноября, в селе Чамерове произошел пожар, начавшийся с нежилых построек именно того самого заседателя Семякова, который производил обыск в доме Жеребцова. Во время пожара сгорело 7 крестьянских домов на сумму 2 269 руб. Конечно, юридических доказательств к уличению Жеребцова в этом последнем преступлении нет, но народная молва положительно обвиняет его в нем, и, что важнее всего, первый повод к этой молве дал становой пристав, из каких-то темных видов выпустивший Жеребцова 30 октября на свободу, потом 3 ноября вновь арестовавший его, и, наконец, 8 числа окончательно освободивший уличенного преступника вместе с сестрою. 21 ноября пристав Никитин представил в земский суд оконченное им следствие о Жеребцове, причем доносил: «хотя означенный Жеребцов с сестрою и был с места следствия отправлен в канцелярию стана для представления с делом в земский суд, но как следствие по скорому отъезду удельного депутата было не подписано, для чего отсылалось к нему в село Чамерово, то, по неимению в виду времени возвращения его и средств на содержание их при стане, арестанты Жеребцовы препровождены под надзор чамеровского приказа при предписании от 8 ноября». Объяснение это любопытно во многих отношениях: во-первых, пристав скрывает, что Жеребцов отпущен им был собственно 30 октября, а не 8 ноября; во-вторых, он умалчивает и о том, что после 3 ноября Жеребцов был под следствием по другому еще более тяжкому обвинению, а именно по обвинению в поджоге дома крестьянина Семякова; в-третьих, из объяснения этого видно, что следствия производятся полициею первоначально, так сказать, начерно, а потом уже придаются им требуемые законом формы. В земском суде по рапорту пристава состоялось постановление о вытребовании Жеребцовых для представления в уездный суд; постановление это исполнено 15 декабря (через 3 недели), а представлены Жеребцовым в земский суд 20 числа, но из оного отосланы в уездный суд только 3 января (через 2 недели); уездный суд заключил их в острог.

Заключая сим настоящий отдел, ревизующий не может не присовокупить здесь несколько слов о способе ведения книги приказаний и поручений становым приставам. В весьегонском земском суде, как и в большой части земских судов Тверской губернии (исключая, впрочем, Бежецкого, где книга эта ведется правильно, и Тверского, где книга эта не ведется вовсе), книга эта составляет нечто в роде повторения докладного, ибо в нее вписываются не отдельные поручения, как бы следовало, но вообще все бумаги, пересылаемые становым приставам. Чрез это земский суд сам себя лишает средств наблюдать за действия-

ми становых приставов, и едва ли даже может иметь действительное понятие о числе производящихся у них дел, ибо положенная законом в книге особая графа, в которой должно быть отмечаемо возвращение приставом дела с исполнением, при вписывании в книгу массы бумаг, следующих к одному и тому же делу, не имеет никакого смысла и в действительности большею частию остается пустою. Посему необходимо было бы вменить в обязанность всем вообще земским судам, чтобы они книгу эту вели сообразно со сделанными выше указаниями, тем более, что на этот порядок указывает и цель учреждения книги, и самая форма ее.

По делам гражданским и исковым

О положении этих дел по ревизии делопроизводства собственно земского суда судить довольно трудно, ибо почти все подлинные дела находятся у становых приставов, и, следовательно, ревизующему остается только следить по докладному регистру за большею или меньшею быстротою в движении бумаг.

В сем последнем отношении найдено следующее: по отношению Бежецкого городничего по делу о росписке мещанина Ушакова (поступившему 30 января) исполнение выпущено 19 января 1861 года.

Дело об имении, оставшемся после крестьянки Елизаветы Васильевой, поступившее 9 февраля, представлено в уездный суд 2 марта.

Дело о выделе полковнице Бердниковой указной части из имения мужа ее начато производством в 1856 г. и не получает окончания по крайней беспечности земского суда. По делу этому 19 августа 1859 года затребованы сведения от боровицкого уездного суда, который до сих пор ничего не отвечает, а земский суд не только не представляет об этом кому следует, но даже и не делает повторения об исполнении его требования.

Указ губернского правления об описи имения коллежского советника Веселого за откупную недоимку остается неисполненным с 6 июня 1860 г.

Дело о взыскании с гг. Головачевых денег, завещанных дядею их г. Карабановым в пользу гг. Томашевских, ведено в земском суде до такой степени беспорядочно, что оказалось необходимым произвести следствие, чтобы только привести в ясность обстоятельства этого дела, что и возложено на уездного стряпчего. Кроме сего, как часть этого дела, в уездном суде существует еще процесс Головачевых с Томашевским о процентах за несвоевременную выплату первыми последним завещанных денег. И это дело с 5 сентября 1860 г. останавливается за земским судом, которому предписано об истребовании раздельного акта, учиненного Головачевым на имение г. Карабанова.

Ревизия дел пристава 1 стана

1 стан Весьегонского уезда расположен в г. Красном Холму. Квартира стана довольно удобна, но арестантской при ней нет, а находится за несколько домов, в особом помещении, отводимом натурою в виде квартирной повинности, что совершенно неправильно, ибо становые квартиры со всеми к ним принадлежностями должны быть нанимаемы на счет сумм земского сбора. Арестантская эта весьма неудобна и тесна; хозяева дома помещаются вместе с арестантами. При стане найдены сотские, а не десятские, как бы следовало по закону. Становой пристав Никитин заявил ревизующему, что ведомства удельное и государственных имуществ не дают ему десятских; сверх того, он же, Никитин, заявил, что избираемые по сим ведомостям сотские не служат натурой, а нанимают за себя посторонних лиц, и притом не в том числе, как

действительно требуется, а в меньшем числе; так например 7 избранных сотских и 14 к ним кандидатов нанимают только одно лицо. С другой стороны, управления государственных имуществ и удельное жалуются на Никитина, что замена избранных сотских наемными происходит собственно по настояниям его самого,— настояниям, не изъятым от некоторых корыстных побуждений. Все эти жалобы в настоящее время находятся в рассмотрении губернского правления и не получают окончательного разрешения за весьегонским же земским судом, который положительно не обращает ни малейшего внимания на предписания начальства. Во всяком случае необходимо принять меры к непременному решению этого дела и сколь возможно скорее, ибо стан в настоящее время находится, можно сказать, совершенно без всякой полиции. Необходимо было бы также установить, чтобы при становой квартире находились по очереди десятские, сотские же оставались бы при своих сотнях, где они могли бы даже оказывать помощь становому приставу, исполняя некоторые неважные поручения его.

О характере действия станового пристава Никитина можно уже судить по ревизии делопроизводства весьегонского земского суда, но пересмотр дел, находящихся в стану, показывает этого чиновника с еще более неблаговидной стороны.

Ко дню ревизии состояло у пристава неоконченных дел:

Уголовных прежних лет	58
Уголовных 1861 года	5
Гражданских прежних лет	64
Гражданских 1861 г.	9
Распорядительных прежних лет	227
» 1861 года	92
Всего	455

Дела эти найдены в крайнем беспорядке, и большая часть их без всякого движения, как это показывает нижеследующее: отношение окружного генерала 2 округа от 26 августа 1860 года о высылке ему вида солдатки Петровой оставлено без распоряжения.

В 1852 году, в июне, поступило к приставу прошение устюженского купца Козлова о взыскании по векселю 93 руб. с краснохолмского мещанина Сальникова. Иск предъявлен был ответчику, который просил отсрочки в уплате долга, предъявляя в обеспечение дом матери своей, но истец на это согласия не изъявил. Вследствие этого 2 октября 1852 года отобран от Сальникова новый отзыв, которым он обязался уплатить долг в течение 10 дней, а 19 октября и еще отзыв с обязательством покончить дело к 1 декабря. Далее никаких распоряжений делаемо не было.

В январе 1854 года поступило к приставу прошение весьегонской купчихи Исаковой о взыскании по векселю 150 руб. с краснохолмского купеческого сына Проскурякова. Вексель этот предъявлен не должнику, а отцу его, который отозвался, что сын его не отделен и доверенности от него не имел, а потому он и не считает себя обязанным платить за него. Отзыв этот оставлен без всякого распоряжения...

По прошению кашинского мещанина Лисицина об избитии его купцом Бородавкиным (в январе 1855 г.) отобрано показание от обвиняемого 4 августа 1856 г. (чрез 1 год 6 месяцев) и представлено в весьегонский земский суд 23 августа 1857 г. (чрез год); из земского суда по месту жительства истца дело было отправлено в устюжский земский суд и, наконец, 30 ноября 1858 г. возвращено к приставу 1 стана для производства следствия. Но к следствию не приступлено...

Дело о покраже вещей и денег у крестьянина г-жи Ерлыковой Петра

Познякова крестьянкою-деревни Алексина Маремьяною Ивановою производится приставом с 29 августа 1858 г. как бы под влиянием какого-то отуманения. Вместо деревни Алексина он стал искать крестьянку Иванову в деревне Алешино, и только в марте 1859 г. догадался о своей ошибке. В мае того же года это дело было возвращено из весьегонского земского суда к приставу для доследования, но к производству оного еще не приступал...

Оканчивая этот длинный ряд заметок по ревизии дел пристава 1 стана, ревизующий считает долгом присовокупить, что он не нашел возможным вносить сюда замечаний о производстве дел исковых, поступивших к приставу в течение 1860 г., ибо список таковых был бы уже слишком утомителен. О делах этих можно сделать одно общее замечание, что все они лежат почти без всякого движения, или же получают от времени до времени движение бессмысленное, ни мало не подвигающее их к окончанию.

По ревизии книг 1 стана оказалось:

Справочные цены на фураж ведутся не еженедельно, а через каждые две недели.

По книге о лицах, содержащихся под надзором полиции, нет ни одного лица, что весьма сомнительно.

По книге о лицах, взятых под стражу по делам следственным, значится в 1860 г. только четыре лица, что положительно ложно, судя по тем жалобам на напрасное задержание, которые беспрерывно поступают на пристава и имеются даже в виду губернского начальства.

Оканчивая здесь записку о ревизии делопроизводства весьегонского суда, ревизующий не может не сделать некоторых выводов, которые, так сказать, характеризуют общую деятельность этого учреждения.

Выводы эти заключаются в следующем:

1) По делам распорядительным действия земской полиции медленны, отличаются небрежностью, доходящею до неряшливости, и вообще не достигают цели. Деятельность этого рода можно уподобить тому колесу, на котором вечно суждено вертеться белке и никогда ничего не достигнуть.

2) По делам следственным распоряжения полиции, кроме такой же медленности, отличаются безграничным произволом. Личность обвиняемых и прикосновенных ничем не обеспечена, самое направление дел поставлено в зависимость единственно от скрытых побуждений, руководящих следователем. Судя по выведенным примерам, а в особенности по той общей молве и говору, которые господствуют в уезде, невольно приходишь к вопросу, можно ли дать веру хотя одному следствию, произведенному такими руками, и 3) по гражданским делам деятельность чинов полиции представляет как бы одно сплошное озорство, одну язвительную насмешку над терпением истцов.

Удивления достойно, как могут существовать люди при подобном управлении.

Виновником такого порядка вещей ревизующий считает весьегонского земского исправника Дементьева, который всем руководит. Чиновник этот положительным образом не может быть терпим на службе [10].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] М. Е. Салтыков (Щедрин) – великий русский писатель-сатирик (1826—1889 гг.). Приказом по мин. внутр. дел 3 апреля 1860 г. был назначен тверским вице-губернатором. В этой должности пробыл с 25 июля фактически до 13 января 1862 г., когда ему был дан отпуск по болезни на 4 месяца. Не возвращаясь из отпуска, вышел в отставку по приказу мин. внутр. дел от 9 февраля 1862 г. (см. аттестат, выданный Салтыкову в тверском губернском правлении. — Калининский облистарх, ф. твер. губ. правл., 2 ст., 1 отд., № 120,

1862 г., л. 8—9; также Б. Виноградов и Н. Журавлев — «Салтыков — вице-губернатор», в журн. «В наши дни», № 1, стр. 90).

[2] Салтыков выбыл в ревизию 15 сентября 1860 г. и возвратился в Тверь 27 сентября 1860 г. Судя по документам, его маршрут был следующий: Калязин — Кашин — Корчева. В Кашине он закончил ревизию 20 сентября, в Корчеве производил ревизию 21—22 сентября (ф. твер. губ. правл., д. № 3548 и 3549, журналы №№ 5293 и 5572).

[3] Квартирная повинность всей своей тяжестью ложилась на беднейшую часть крестьянства. Большинство купцов отделывались единовременными взносами на постройку казарм, которые их освобождали от крайне стеснительных постоек.

[4] Губернское правление не согласилось с этим выводом М. Е. Салтыкова.

«Губернское правление полагает сделать следующие распоряжения: калязинскому городничему Померанцеву и исправляющему должность письмоводителя за найденный в делопроизводстве городнического правления совершенный беспорядок и медленность, сделав выговор со внесением в штрафную книгу, предписать не допускать на будущее время по производящимся в оном делам ни малейшей медленности и всячески стараться искоренять существующий доселе беспорядок. Получаемые от присутственных мест дела рассматривать внимательнее и те из них, которые при ревизии оставались неисполненные и по которым сделано несообразное с существом дел распоряжение, одни тотчас же исполнить, а другим дать должное направление, если только они остаются и до сих пор в том же самом виде, в каком найдены при ревизии».

По поводу мнения Салтыкова в журнале записано: «...Как г. вице-губернатор, ревизовавший присутственные места г. Калязина, признает с своей стороны более полезным, если бы он, г. Померанцев, оставил службу, то это обстоятельство представить на усмотрение его сиятельства г. начальника губернии».

Но, вопреки мнению Салтыкова о Померанцеве, последний остался на прежней должности (ф. твер. губ. правл., д. № 3554).

[5] Членам земского суда за замеченную Салтыковым медленность было сделано замечание.

«Не допускать на будущее время такой же медленности и в особенности иметь строгое наблюдение за своевременным и точным исполнением дел становыми приставами. В случае нерадения их в службе, доносить о том губернскому правлению, которое с своей стороны примет против этого должные меры» (ф. твер. губ. правл., д. № 3554).

[6] По делу о членах уездного суда М. Е. Салтыков своей рукой вписал: «строгое замечание». Губернское правление постановило:

«Предупредить уездный суд, что если подобный же беспорядок, медленность по делопроизводству будут продолжаться и далее, то губернское правление вынужденным найдется подвергнуть членов более строгому взысканию, а секретаря уволить от службы».

[7] Начала ревизионной записки, в которой М. Е. Салтыков описывал внешний вид г. Кашина, не сохранилось. Известно, что М. Е. отмечал крайнюю неблагоустроенность города и, в частности, тот факт, что мост через реку Вонжу «по совершенной ветхости заколочен и по оному нет проезда» (ф. твер. губ. правл., д. № 3550, журнал № 6244).

[8] За беспорядок и медленность в делопроизводстве губернское правление вынесло выговор членам земского суда со внесением в штрафную книгу. Губернское правление постановило: «За действиями становых приставов, в исполнении возложенных на них поручений, иметь строжайшее наблюдение и, в случае, со стороны их медленности и вообще о всех неправильных их действиях, происходящих от беспечности и невнимания к своей обязанности, доносить о том губернскому правлению и начальнику губернии. Поступающие в суд бумаги и дела передавать к становым приставам по тщательном рассмотрении» (ф. твер. губ. правл., д. № 3552, журнал № 7641).

[9] Тверской губернатор не решился пойти на предлагаемые Салтыковым меры и запросил разрешения министра внутр. дел, но ответа не последовало (ф. твер. губ. правл., д. № 3560, журнал № 922).

[10] В результате ревизии были уволены от службы исправник Дементьев и пристав Никитин. Однако, первому после ухода М. Е. Салтыкова удалось снова поступить на службу (ф. твер. губ. правл., газетный стол, д. № 4, 1861 г., л. 79).

Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии

Стремление царского правительства укрепиться на Северном Кавказе делается особенно заметным с 70-х годов XVIII века. В это время происходит постройка крепостей, городов и станиц и заселение их казацкими войсками с Дона, Волги и Урала.

В 1762 году был основан гор. Моздок, а в 1763 г. выстроена Моздокская крепость и составлен гарнизон из крещеных горцев и переселенных с Дона казаков. Территория между селениями Терских казаков и крепостью Моздок была заселена Волжскими казаками, обосновавшимися в станицах Калиновской, Мекенской, Наурской, Колюгаевской и получивших название Моздокского полка.

По мирному Кучук-Кайнарджийскому трактату (1774 год) Россия получила новые опорные пункты: Керчь — Еникале, Азов и Кинбурн. Кабардинцы были признаны подданными России, Кубань оставлена за Крымским ханом, установлена независимость Крымского ханства от Турции. Для удержания завоеванных позиций были построены новые военные укрепления.

В 1777 г. были выстроены города: Екатериноград, Георгиевск, Александровск, Ставрополь; в том же году на территории от Моздока до Георгиевска поселен Волжский казачий полк.

Эти территории обеспечивали новым сырьем русский торговый и промышленный капитал.

Царское правительство было заинтересовано в освоении природных богатств Кавказа.

Приобретение большего количества золота, серебра и цинка являлось для России острой необходимостью. Этих металлов в стране было мало и правительство было вынуждено пополнять свои фонды ценных металлов покупкой их у иностранных торговых людей.

Известие, что астраханскому губернатору Бекетову «присланы... в одном ящике металлы, отысканные за Кизлярскою крепостью в Осетии находящимся тамо для проповеди слова божия грузинским игуменом Григорием» и что они «почти ничем не убожее Нерчинских, как в серебре, так и в свинце оказываются»[1], а выгоду в виду обильного содержания в них свинца, в котором государство испытывает чрезвычайно острый недостаток и которое оно вынуждено ввозить из-за границы, могут принести значительно большую, чем Нерчинские,— не могло не обратить на себя внимание правящих кругов.

Боязнь Порты Оттоманской и восстаний горских народов не позволила царским чиновникам открыто подойти к эксплоатации рудных богатств Осетии. Процесс изысканий драгоценных руд совершался с соблюдением глубокой тайны. Для большего успеха дела была подкуплена подарками феодальная верхушка осетинского народа.

Однако, царские чиновники были не в состоянии довести свои изыскания до желаемых результатов — постройки завода и обработки осетинских рудных богатств.

В дальнейшем изыскания местонахождения осетинских руд были прекращены и забыты. Только в 1841 г. делается новое открытие в Осетии ценных руд, организуется рудообрабатывающий Алагирский завод (начал действ. с 1853 года), для чего была приспособлена постройка бывш. военного укрепления. Обрабаты-

---

[1] ГАФКЭ, фонд «Осетинские дела», д. № V/17.

ваемая Алагирским заводом серебро-свинцовая руда добывалась из Садонского рудника, расположенного в долине реки Садона, впадающей здесь в р. Ардон.

Но только Октябрьская социалистическая революция, только национальная политика советской власти могли привести к подлинному расцвету горной промышленности Кавказа. Народы Кавказа, в союзе с народами всего Советского государства, имеют власть, силу и все возможности победоносно бороться с природой и овладевать ее скрытыми богатствами.

Публикуемые материалы[1] извлечены из фонда «Осетинские дела», хранящегося в ГАФКЭ. Они дают сведения, представляющие предисторию Садонских рудников и обогатительной фабрики «Кавцинк».

А. М. Бирзе.

Рапорт кизлярского коменданта ген.-мэйора Н. Потапова в коллегию иностранных дел, 4 апреля 1763 г., № 460

(л.229) При сем подношу государственной коллегии иностранных дел с поданного ко мне, по прибытии сюда, Осетинской комиссии[2] от игумена Григория[3] доношения копию, с таковой же и аттестата, при доношении приложенного, из которого доношения государственная коллегия иностранных дел усмотреть соизволит разные его представления, касающиеся до осетинского народа в проповеди им у них слова божия, в крещении достаточного числа прошедшим летом, и в перезыве их на переселение в Моздок[4] и протчее, но как он изъясняет свой недостаток к принятию всегдашнему приезжающих к нему в рассуждении, буде ему с стороны Моздоцкого заселения должность необходимо подзывом осетинцов и препровождением в Моздок исполнять и школу в его ведении в обеих местах иметь, и для того снабдения просит по усмотрению, как рассуждено будет,— то я, имеючи чрез репорты господина полковника Гака о прилежности его и будущей надежде засвидетельствование, как и пред сим государственной коллегии иностранных дел доносил, и ныне повторяю то мое первое представление и присовокупляю к сему слабейшее мое мнение.

1) Сей игумен в рассуждении, что он там в народе лучший кредит имеет, нежели бывшей архимандрит,[5] по его бывшей же и гордости,

---

[1] Ввиду того, что в делопроизводстве Коллегии иностранных дел систематизация документов в деле и их брошюровка сделаны таким образом, что наиболее ранние хронологические документы подложены после более поздних и в таком виде занумерованы, в публикации порядок листов частично нарушается.

[2] Осетинская комиссия учреждена в 1745 году по представлению Синоду в 1743 году находившегося в то время в Москве грузинского архиепископа Иосифа и архимандрита Московского Знаменского мон-ря тоже грузина, Николая — с целью проповеди «христианского закона в Осетинском за Кизляром и за Малой Кабардой живущем народе», чтобы «тем самым сделать их к здешней стороне доброжелательными и преклонными для будущих впредь случаев».

«Осетинские дела», 1762—1783 гг., к. 2, лл. 255, 345—347 и др., и П. С. З., т. XIX, №№ 13566 и 13592.

[3] Григорий, впоследствии игумен, назначенный архимандритом в Осетии после смерти архимандрита Пахомия, вступил в осетинскую комиссию во 2-ой половине 1745 года, как отмечено и в документах, по собственному желанию, в должности дьячка. Человек грамотный и способный к изучению языков, но невежественный и корыстный, он был убит в феврале 1768 г. в Имеретии татарами, куда он попал, предварительно побывав у грузинского царя Ираклия, потом у имеретинского царя Соломона. Получив от них богатые подарки и деньги, Григорий далее отправился к грузинскому князю Гурию и на обратном пути был убит татарами.

[4] Моздок – город, основанный в 1762 г. В 1763 г. была выстроена Моздокская крепость.

[5] Архимандрит Пахомий, родом грузин, предшественник Григория, умер 9/X 1764 г.; возбудил неудовольствие царского правительства поддерж-

и без посредства толмачей с ними говорит, да и старшины тамошние все к нему усердные и во всяком послушании, конешно может чинить в переселении их в Моздок спомоществование, и потому видится снабдить его некоторою не имянитою суммою для продовольствия приезжающих. будет неизлишно, ежели с стороны своей государственная коллегия (л. 229) иностранных дел предпочесть изволит, чтоб осетинцов переселять, которые кажется надежнее будут, нежели кабардинцы — суть ветреные и за обычайные к воровству и всякому беспокойству люди.

2) Обучение отдаваемых от осетинцов и других Моздоцких разных нацеи обывателей в школу детей по знаемости его игумена разного азиатского диалекта разговору, а российского и грузинского грамоте и писать к лучшему тех школьников вразумлению ему ж препоручить, из которых осетинских в летнее время дозволить май, июнь, июль и август месяцы, к неподаче отцам их и матерям с протчими всякого сумнения, отпускать с ним игуменом к пребыванию в Осетию, как таким мальчиком в жары быть в Моздоке и небезопасно, чтоб они, не ввыкнувши в воздух, хворать не могли, а отцы бы и матери естли которым смерть приключится, не пришли б в раскаяние, и не переменили б своих желаемостей, а на содержание их в ту в Осетии бытность из положенной по высокой конфермации школьничьей при Моздоке суммы жалованные деньги выдавать по разчислению ему игумену от господина полковника Гака, дабы, видя то, отцы их, матери, родственники, также и протчие осетинцы могли чувствовать высочайшую к ним ея императорского величества отменную милость, и, смотря на то, другие к отдаче для обучения малолетных своих детей лутшую склоность имели, чрез что по обучении таковых с лутчею пользою в том народе проповедь слова божия распространиться может, и осетинцы охотнее в Моздок переселяться будут, а и сумме лишнего расхода не причинится.

3) В Моздоке по вышеписанной игумена Григория способности, как тамо все обыватели из разных азиатских нацей состоят, а особливо для утверждения в вере принимающих христианский закон магометан, кажется за наилучше главное духовное правление ему поручить, а он по способности обоих мест переезжая будет паче (л. 230) в переселении малыми частми осетинцов с общего совета с господином полковником Гаком употреблять надобное попечение, для чего в Моздоке можно ему и небольшое подворье без ущерба интереса сделать.

4) К лучшему ж его игумена во всем вышеписанном ободрению и рачительной в том прилежности, а осетинцам в показание его в большее почтение не излишне кажется посвятить его на место архимандрита Пахомия в тот чин; а ежели в его место определить другого, то сей дикой и с природы грубой народ в настоящее ныне их состояние приводить немало труда чрез продолжительное время и убытка стоить будет; да и он, игумен, по его в том народе долговременной бытности и по своей по обхождению с ними всего знаемости, будучи у другого в команде, такой прилежности и попечения иметь не будет или и вовсе при той комиссии быть не пожелает, что все более предаю в главное рассмотрение Государственной коллегии иностранных дел, равно же и представление его игумена о посылке для осмотру в Осетии под видом духовной персоны нарочного металлов, которым я по получении от господина полковника Гака и пробы во оную государственную коллегию иностранных дел пред сим имел честь при репорте моем отослать, зависит от высокого рассуждения оной же коллегии. А он, игумен,

---

кою осетинских старшин в их требованиях о предоставлении им в их распоряжение кабардинских земель.

меня уверял, что им знаемые металлы во особливых местах есть, а не в тех горах, откуда прежде взяты и лутчие. В прочем о происшедшей его игумена в прошедшее лето прилежности во окрещении имянитого числа людей я доносил святейшему правительствующему синоду, как и о том, не соблаговолит ли оной его посвятить в архимандрита, но как независимо столь мое представление как бы пособствовало оной государственной коллегии иностранных дел в таком случае, ежели заслуживает он игумен и по высокому рассмотрению оной Государственной коллегии иностранных дел посвящен быть во архимандрита, не будет ли угодно, с стороны своей от святейшаго правительствующего синода сего сана ему истребовать.

Генерал-майор Николай Потапов.

Кизляр.

Копия «аттестата» игумену Григорию, данного осетинскими старшинами

(л. 231) Мы нижеподписавшиеся осетинские и киштинские[1] старшины и протчие народы дали сей атестат Осетинской комиссии игумену Григорию.

1745 года, егда по указу святейшаго правительствующего синода для просвящения осетинского народа святым крещением присланы были в Осетию духовные персоны, архимандрит Пахомий, игумены Христофор и Николай и еромонах Ефрем, тогда по приезде их в Кизляр из Москвы оной Григорей свиты покойного Иоанна архиепископа Маглинского состоял и жалованья государево получал и, по желанию оных духовных персон, хотя он, Григорей, ревностные свои услуги показать, оставя свое жалованье и вступил во оную комиссию и состоял в Осетии без жалованья, от оного 1745 по 1752 год до получения от святейшаго правительствующего синода указа на иеромонашеском жалованьи. Он же игумен Григорий по-российски и по грузински читать и писать, а по-татарски разговор довольно знает, а по-осетински чрез два года действительно обучился, зимнее и летнее время во Осетии и почти безвыездно жил, слово божие проповедывал и тамошние народы святым крещением крестил и новопросвященных исповедывал також де и на осетинский разговор божественное писание переводил на грузинском диалекте.

В 1751 году на третьей недели великого поста он игумен от комиссии послан был из Куртатинского уезда к новопросвященным народам в уезд, называемый Захи, для проповеди слова божия и святых семи тайнств исполнения и между оных уездов имеется гора, называемая Хох, которою в зимнее время верхами переехать невозможно, разве только для крайней и необходимой нужды пеш кто перейти может, по коей (л. 231) горе он игумен, шед двои сутки в крайней трудности, с той горы упал и весь корпусом разбился и лежал восемь месяцев и харкал кровью, от которой многие и лекарии к здравию его игумена лечебность оказывали, токмо вылечить не могли; но хотя находится и ныне в болезни, токмо в проповеди слова божия такое богоугодное дело в зимнее и летнее время не мог оставить, завсегда находился и против протчей своей братии он игумен, трудился более святым крещением, осетинского и киштинского мужеского и женского полу душ им игуменом окрещено более ж 700 душ, чего ради его, игумена, показанные ревностные услуги объявляем и под сим подписуемся.

У подлинного подписано по грузински-тако: Дигорского уезда князь

[1] Киштыны, киетины или кисты — грузинское название чеченцев, восточных соседей осетинцов.

Баделиз Карожавов, по прошению его я, князь грузинский, Беро Квинихизов руку приложил и печатию утвердил.

Оного ж уезду князь Афай Туганов по-татарски руку приложил.

Того ж уезду князь Кази Абисалимов по-татарски руку приложил с печатию.

Тагаевского уезду старшины Дако Аликов сын, Бола Дуко Канукова сын, Канчов Мамесиров сын, Ахмат Дударов сын, Темур султан Дударов сын, по прошению их подписал за незнанием их грамоте по-грузински грузинец Мануча Исаков сын.

Заханского уезда старшины Эло, в крещении Илья Генцаев, Чечи, в крещении Федор Фоманев, Хоча, в крещении Харитон Маниев, Кургоко в крещении Егор Зурабов сын, (л. 232) по их прошению за необучением грамоте подписался по-грузински осетинский сын, а той комиссии дьячек Карачев, а по-русски Василей Давыдов сын.

Киштинские старшины Заук Каранив, по крещении Антони, Хамч, по крещении Харитон, вместо их по-грузински руку приложил пономарь Петр Давыдов.

Оный атестат переводил с грузинского на российской диалект грузинец дьячек Матвей Романов.

Выписка из представлений кизлярского коменданта ген.-майора Н. Потапова, март 1767 г.

(л. 256) ...В коллегию иностранных дел кизлярской комендант генерал-майор Потапов от 3 июня 1764 года доносил, что полковник Гак ездил к живущим в горах в смежности с Малой Кабардою осетинскому и ингушскому народам, которые просили о здешнем защищении против утесняющих их кабардинцов, для объявления им, чтоб они во избавление себя от того перешли на житье в урочище Моздок, и что осетинцы и ингушетцы, оное объявление с великою радостию выслушав, объявили, что когда они удостоились бы высочайшаго ея императорского величества покровительства, давно все христианской закон (л. 256 об.) приняли б вместо того, что они теперь в крайнем утеснении от соседственных им магометанских народов находятся, обещав при всем том исподволь и на Моздок переселяться, прося напоследок ингушцы бывшаго у них с полковником Гаком архимандрита Пахомия, чтоб он взял на свои руки детей их для обучения грамоте и закону, но он, не имея на то определенной суммы и столько собственного достатку, до другого удобного времени отозвался...

Будучи же в Осетии полковник Гак от многих слышал, что во всей Осетии, а особливо в Алагирском уезде при реке Арадоне по обоим сторонам (л. 257) весьма много минеральных руд, и для того отправлен был от архимандрита Пахомия в ближние деревни в называемые Холиста и Хода священник Христофор, которым из обоих мест по нескольку и взято сверху и в четырех разделениях при репорте полковника Гака, за неимением знающего в том искусстве человека, присланы к нему коменданту, а он также за неимением такого человека отправил в коллегию, донося при том, что полковник Гак ему объяснился, что есть ли б для сыскания тамо минералов от берг-коллегии прислан был в горных рудокопных мастерствах знающей и российский язык умеющий человек, которого б можно под видом (л. 257 об.) проповедников в то дело употребить, тако ж и для обучения старшинских и других детей учреждена была на казенном коште школа, то б чрез короткое время весьма много осетинцов и киштинцов переселилось,

и чрез то как тамошней край усилен, так и открытие минералов не неполезно для государства было б.

В поднесенном по тому ее императорскому величеству от коллегии иностранных дел докладе всеподданнейше представлено, что объявление помянутым народам учинено было вследствие положенного намерения в Коллегии иностранных дел и от ее императорского величества по докладу от сената 9 октября 1762 года[1] (л. 258) высочайше конфирмованного плана, каким образом вознамеренное при Моздоке поселение в действо производимо и к тому околичные народы вызваны быть имеют.

А как из формального принятия сих обоих народов на нынешних их местах в подданство ея императорского величества и делаемого им там защищения не только никакой пользы быть не может, но и самое предосуждение по причине крайняго стремительства хана Крымского здешние поступки в рассуждении тамошних народов делать при Порте Оттоманской подозрительными, так, напротив того, склонностию их, чтоб дети их обучались (л. 258 об.) христианскому закону и российской грамоте пользоваться надлежит, будучи сие обстоятельство ближайшим и надежнейшим средством к их просвещению и к побуждению переходить на поселение в здешние границы и многим числом.

Хотя по означенной выше сего высочайшей ея императорского величества конфирмации и повелено уже на снабдение поселенцов при Моздоке употреблять деньги из кизлярских доходов, а в случае оных недостатка из астраханских, однако ж о содержании школы при том не упомянуто, и потому коллегия иностранных дел за нужно находит ея императорскому величеству (л. 259) всеподданнейше представить и просить высочайшего указа о употреблении и на содержание заводимой в Моздоке школы, так же учителей и самых учеников, которые по их известному неимуществу без снабдения платьем и пищею обойтись не могут, из тех же кизлярских и астраханских доходов; а по мнению коллегии, довольно кажется будет при первом случае определить на каждого ученика, так же и на учителя по два рубли на месяц, причем Коллегия испрашивает еще всемилостивейшего дозволения, что естли которые из таких учеников по обучении российской грамоте далее чему полезному захотят обучаться и к тому явят (л. 259 об.) свою способность, то б оным, яко же и знатных отцов детям, вступающим в Моздок для обучения хотя только российской грамоте, Коллегия могла на содержание их жалованье им определять по своему рассмотрению, не утруждая тем ее императорское величество.

А пробы рудам из коллегии иностранных дел отосланы в берг-коллегию при промемории от 27 сентября 1764 года, которою требовано уведомления, каких оные руд и выходны ли быть могут.

27 сентября того ж 1764 года вышеписанный доклад ее императорское величество всемилостивейше конфирмовать соизволила (л. 260) с таким высочайшим повелением, чтоб учреждение и управление школы поручить астраханскому губернатору и кизлярскому[2] коменданту, а деньги употреблять из тамошних доходов или из процентных астраханского банка денег.

А из берг-коллегии в коллегию иностранных дел промемориею от

---

[1] Здесь, повидимому, имеется в виду указ от 9/X 1762 года «О позволении селить отставных нижних военных чинов на Сибирской линии и в других губерниях, где есть пустые земли» (П. С. З., т. XVI, № 11679).

[2] Астраханскому губернатору генерал-майору Н. Бекетову и коменданту крепости Кизляр, основанной в 1735 г. на левом берегу Старого Терека, генерал-майору Н. Потапову.

2 ноября в ответ сообщено, что оные руды отосланы были к обер берг-пробиреру Францу Бетигеру при билете и велено их надлежащим порядком апробовать на все металлы и что по пробе явится, в коллегию подать репорт. А октября 13 дня означенной Бетигер поданным (л. 260 об.) в берг-коллегию репортом объявил, что упоминаемые руды им пробованы и по пробам оказалось: из пуда руды № 1 свинцу 15 фунтов, серебра 3 четверти золотника, из пуда руды № 2 свинцу 18 фунтов, серебра 1¼ золотник, из пуда ж руды № 3 свинцу 24¾ фунта, серебра 5¾ золотников, из пуда руды № 4 свинцу 21 фунт серебра 7 золотников, а золота из тех серебряных корнышков в 3-м и 4-м номерах некоторая частица хотя и оказывалась, но за малым количеством выходимого при малых пробах серебра точность того доказать сумнительно, протчих же металлов во оных рудах не явилось.

Указ сената в коллегию иностранных дел, апрель 1667 г., № 2264

(л.35) По указу ея императорского величества правительствующий сенат по доношению берг-коллегии, коим объявляя, что сего 1767 года генваря 23 дня присланным в ту коллегию генерал-майор кавалер и астраханской губернатор Бекетов сообщением объявил, декабря де 14 дня 1766 года при репорте генерал-майора и кизлярского коменданта Потапова присланы к нему в одном ящике металлы отисканные за Кизлярскою крепостью в Осети находящимся тамо для проповеди слова божия и крещения осетинского народа грузинским игуменом Григорием, о которых металлах он комендант представляет, не разсуждено ль будет их там чрез знающих в том искусстве апробовать и по опробации, ежели в них окажутся полезности, отправить куда надлежит; сверх же того привезены к нему генерал-майору и губернатору с левого берега Каспийского моря посыланным от него туда с казенным железом для продажи его майором Мирзабеком Вагановым полученные им от тамошняго татарина два куска, неведомо какие, которых всех за неимением в Астрахани (л. 35 об.) знающих людей освидетельствовать некому, которые руды при том. и присланы. А по сделанным при берг-коллегии пробам оные найденные в Усети почти ничем не убожее Нерчинских, как в серебре, так и в свинце оказываются; по российской же карте оная Усетсая землица подалась к Кафкаским горам и по горным примечаниям к содержанию руд весьма надежным быть кажется, да и прилежит к рекам Сулаку и Тереку, и следственно, хотя б места те и совсем лесов были неимующие, весьма выгодными почитаемы быть должны, потому что по способной комуникации Сулака или Терека до моря, а оным в Волгу до лесистых мест, руда та превозима быть может без всякого затруднения вольнонаемными людьми, да и работных людей для зжения угля переселять не будет нужды; почему ни великова кошту, ни затруднения в сем предприятии не предвидится, а потребны только одне работники для добычи руд, что также под присмотром пристойного числа горных людей вольнонаемными бурлаками производить можно, а может быть, и самих тамошних людей, хлебом ли, нужными ль привозимыми отсюдова им вещами или деньгами интересовав, к доставке тех руд приучить (л. 36) уповательно, а хотя бы и своих туда переселять нужда потребовала, то и в оном случае Нерчинского несравненно способнее, первое что водяною комуникациею люди без всякого изнурения туда доведены быть могут, да и содержание их вдвое дешевле будет, потому что здесь четверть муки то коштовать будет, что в Нерчинске осмина.

2-е. В произведении же тех рудных работ, как тамошние народы состоят под скипетром ея императорского величества, то никакова от

них помешательства ожидать и не можно, а хотя бы по сродному азиатцам лехкомыслию, и могли какие опасности представляться, то уповаетца весьма малая регулярных войск команда к прикрытию тех горных работ довольна, потому что народы в оных местах по большой части малосильные и между собою несогласные, а к тому же близь тех мест живущие калмыки, донские и гребенские казаки всегдашним сего предприятия щитом быть могут.

3-е. Польза ж из того может быть перед Нерчинским несравненная, единственно по великому в оных содержанию свинца, в котором, как известно, Россия толь недостаточна, и которой, конечно, провоз и добычу заменит (л. 36 об.), полагая оной ценою против того как немецкой здесь покупается, а может быть по основании дела и гораздо дешевле становится будет, а серебро в барышах оставатца будет, потому что сколько известно, что провоз от Сулака до Царицына не более дватцати копеек становитца, а леса и ниже Царицына по Ахтубе и другим рекам близь Волги есть. И для того коллегия, почитая оную экспедицию весьма полезною, долженствовала б по своей долности послать туда знающих горное дело и пробирное искусство, по важности руд и обстоятельств, офицеров четыре человека, и достаточное для разведания таможних мест кунст- и берг-штейгеров, также и бергауров надлежащее число, с повышением чина офицеров и с двойным жалованьем всей команды для поощрения в разсуждении отдаленности места и неосновательной на первой случай жизни, но как в жалованье прибавки той без сенатского повеления коллегия произвесть не может, так и обстоятельств политических с тамошними народами не зная, собою посылки той определить не отваживается, представляла, что естли политическия обстоятельства (л. 37) заведению толь прибыточно видимых заводов дозволяют:

1-е. о снабжении Берх-коллегию о том указом, и о прибавке жалованья туда посылающихся офицеров и надлежащей с ними команды.

2. о предписании астраханскому губернатору о всем о том, что до заведения оных заводов следует крайнее употребить разведание, и старание, а имянно, нет ли в тех местах беглых русских людей, как по нынешней ревизии[1] оказавшихся или в прежния ревизии известных и около тех мест кроющихся, коих бы, приманя в ту работу, употребить было можно, чтоб, не выводя изнутри государства людей, пользу ту иметь было возможно, и перевоз оттуда в Волгу руд, а туда провианта на казенных или на партикулярных судах способнее быть может, так же и до моря речки Соня до впадения ея в Терек реку может ли подымать хотя мелкие суда, на которых бы руды до устья морского к Кизлярской крепости перевозить возможно было.

3. Чтоб для разведания как оных в Усетии гор, так и тех, кои между Сони и Терека рек лежат и которые к Кизлярской крепости по водяной комуникации ближее, есть ли явным образом того по каким (л. 37 об.) либо обстоятельствам исполнить не можно, горным офицерам дано б было наставление, ескорт и способы, дабы чаемая из экспедиции сей польза произойтить могла, и, предав все оное в разсуждение сената, требовала указа. При сем для усмотрения о содержании в тех рудах количества свинца, серебра и с показанием, что в прочих, хотя по пробе, и нашелся чугун, и ево содержание оказало довольно, но как те руды серные арсеникальные, из которых железо к делу неспособно, почему об оных и уважения принимать не для чего, приложила при том реестр, и по выслушании оного приказали:

[1] По третьей ревизии, продолжавшейся с 1761 по 1767 г. Бывшие до нее ревизии: первая — с 1719 по 1727 г., и вторая — в 1743 г.

THIS CHART WILL

APPEARING AT TI

ILL BE THE FIRST CHART
T THE END OF THIS FILM.

Берг-коллегии прописанное ею число офицеров и прочих нижних чинов по ее благоразсуждению отправить на обысканные рудники, единственно для освидетельствования оных, ныне в каком они точно состоянии находятся и какие способности и неудобства с выработыванием руд сопряжены, определяя посылаемым по представлению ее двойное жалованьем из берхколлежских доходов и обнадежа их и произвождением чинами по усмотрении усердия их и прилежания к возложенному на них делу. А как сии рудники (л. 38) состоят в смежности с землями тамошних азиатских народов, то велеть оным отправляемым явиться у астраханского губернатора, которому предписать от сената, чтоб он не только о всех тамошних обстоятельствах касательно до тех рудников тайным образом и стороною осведомился и вспомоществуя в всем посланным, принял такия меры и предосторожность, чтоб тамошним соседственным народам не подать поводу к какому-либо неудовольствию и огорчению, но и на все требования берх-коллегии, по знанию своему тамошних мест, каким образом удобнее можно будет те заводы завести, сделав свои примечания, дал бы знать той коллегии; а к лутчему в сем деле предприятию и коллегии иностранных дел рекомендовать, что б и оная, будучи совершенно о том известною по сведению ея тамошних заграничных обстоятельств, и соображая в том пользу государственную, есть ли что за нужное найдет, дала б тамошнему губернатору надлежащее от себя наставление, для лутчаго и надлежащего в сем предполагаемом деле успеха, и коллегии иностранных дел (л. 38 об.) учинить о том по сему ея императорского величества указу, а в берг-коллегию и к астраханскому губернатору указы посланы, маия 14 дня 1767 года.

Подлинный подписан тако:

Обер-секретарь Николай Самойлов.
Секретарь Алексей Ильин.
Регистратор Петр Каковинской.
Данила Бахматов.

Промемория коллегии иностранных дел в берг-коллегию [между 5—11 декабря 1767 г.]

(л. 58) Прилагается при сем копия с отправленного из коллегии иностранных дел рескрипта к астраханскому губернатору генералу-майору Бекетову, по случаю определенной правительствующим сенатом, по представлению берг-коллегии, как указом из оного от 14 маия сего 1767 года в коллегию иностранных дел знать дано, посылки нарочных горных офицеров для осмотра находящихся в Осетии металлов.

Берг-коллегия из сей копии, которую надлежит содержать в крайнем секрете, обстоятельно усмотрит, каким трудностям и неудобствам то намерение, чтоб тамошними рудами пользоваться, подвержено быть может, чего отнюдь оная коллегия по неведению тамошних обстоятельств и положения и конексии дел с турецким двором себе не воображала.

(л. 58 об.) Когда не дано было знать коллегии иностранных дел предварительно о разсуждениях берг-коллегии, по сему случаю правительствующему сенату представленных для необходимого прежде, нежели она такое представление поступила, соображения оных с политическим состоянием и нравами тамошних народов и с конексиею их дел, как с здешними, так и другой им соседственной державы, то-есть Порты Отоманской, к чему однако ж берг-коллегия и генерального регламента 14 главою обязана была, которою точно постановлено и узаконено, ежели когда случится по одной коллегии такое дело, которое

и до другой касается, то одной с другой о том порядочно и письменно кореспондовать, а ежели дело важно и трудно, то обоим собираться (л. 59) и обще о том разсуждать по крайней мере. Коллегия иностранных дел требует, дабы по получаемым уже известиям и разсуждениями губернатора астраханского, которому сия экспедиция поручена без сношения с коллегиею иностранных дел, никакой положительной резолюции принято и по тому предприято не было в предупреждение несходства с главнейшими государственными интересами.

Подлинная подписана по сему:

К. А. Голицын.

Из рескрипта астраханскому губернатору генерал-майору Бекетову, 5 декабря 1767 г.

(л. 39). Прилагается при сем копия с присланного из нашего сената в нашу коллегию иностранных дел от 14 майя сего 1767 года указа, из которой вы усмотрите о учиненном в сенате определении по представлении во оной берг-коллегии, повод от вашего ей представления ж возымевшей, чтоб находящиеся в Осетии рудники чрез нарочно посылаемых туда горных офицеров осмотреть и потом, когда выгодными найдутся и никаких препятствий не будет, ими действительно пользоваться...

От сих положений, принятых берг-коллегиею, произошло уже и сенату от нея представление, о предписании вам прилежно разведать, нет ли в тамошних местах беглых русских людей, по нынешней ревизии оказавшихся или в прежние известных и там крыющихся, (л. 41 об.) коих бы, приманя в работу, употребить было можно, чтоб не выводя изнутри государства людей, чаемую пользу действительно приобресть, равным образом перевоз оттуда в Волгу руд, а туда правианта на казенных ли или на партикулярных судах способнее быть может и тамошние речки до впадения в Терек реку могут ли подымать хотя мелкие суда, чтоб руды от места к Кизлярской крепости перевозить возможно было, и наконец, чтобы для осмотрения как Осетинских гор, так и других около Терка и которые к Кизлярской крепости по водной коммуникации ближее, когда явным образом того по каким-либо обстоятельствам исполнить не можно, дано было б горным офицерам наставление, эскорт и способы.

(л. 42) Сенат согласившись ныне при первом случае на то только, чтоб отправить нарочных на обысканные рудники единственно для освидетельствования, в каком они точно состоянии находятся, и какия способности и неудобства с вырабатыванием руд сопряжены, но, приемля при том в разсуждение и смежность сих рудников с тамошними азиатскими народами, препоручил вам на требования берг-коллегии, зделав ваши примечания, при осмотрах однако же принять такие меры, чтоб соседственным народам не подать повода к какому-либо неудовольствию и огорчению, и для того и коллегии иностранных дел препоручил же, по сведению ее о заграничных обстоятельствах и соображая в том пользу государственную, надлежащее и от себя, ежели за нужно найдет (л. 42 об.) дать вам наставление.

Без сумнения вы, имев уже довольно времяни и случаев получить сведение, как о положении и состоянии осетинцов, так и других в Кафкаских горах живущих народов, по тому ваши для берг-коллегии примечания и расположите, причем не безнужно вам будет предварительное возыметь сношение и с кизлярским комендантом, по всегдаш-

нему его с оными народами обращению, но что вы в берг-коллегию ни напишите, со всего того и в коллегию иностранных дел имеете прислать точную копию между тем, дабы сие, с одной стороны полезное повидимому намерение, буде не для настоящаго времени, то для будущаго удобнейшаго, а с другой — при произведении своем в действо не только ныне, но и впредь всегда многих предосторожностей (л. 43) требующее, исполняемо было таким образом, чтобы приемлемая к тому надежда и при самом первом случае чинимыми от тамошних как своевольных народов препятствиями вовсе уничтожена не была, в коллегии иностранных дел за-нужно найдено — дать вам знать ныне же о ея в сем случае разсуждениях для употребления оных при расположении тех изъяснений, которые от вас требуются.

Утверждение берг-коллегии о могущих быть в Осетии выходных рудниках, основанное на опытах полученных оттуда проб и гористого местоположения, чтоб не было справедливо, ни малейшаго сумнения нет.

Кизлярской комендант в подтверждение сего доносил в нашу коллегию иностранных дел от 4 декабря прошлого 1766 года, по объявлению помянутого архимандрита Григория, которой оные пробы сыскал (л. 43 об.) а ему по сообщению от новокрещеного осетинского старшины называемого Давыда Мамиева, будто из тамошних мест уже и покойной грузинской царь Вахтан[1], в России скончавшийся, когда владел Грузией, серебряной руды великое количество получал, но что потом никто об оной известен не был чрез долгое время и по самое минувшее лето; а тогда нынешнему грузинскому царю Ираклию[2] удалось сыскать такого человека, которой и место ея знает и искусство в металлах имеет, почему несколько пуд и получил чрез тайное оным употребленным к тому человеком доставление; притом архимандрит Григорий от того ж старшины слышал, что тамошняя руда состоит не только в серебере, но и в золоте.

Но одно сие берг-коллегии разсуждение сколь основательно, столь протчие ее заключения (л. 44) ни с состоянием тамошних народов ни с положением тамошних мест совсем несходны.

Она почитает, что Осетия прилегла к рекам Терку и Сулаку, и что потому и способная комуникация оттуда оными реками к Каспийское море впадающими и в Волгу есть, следовательно, добываемая в Осетии руда и перевозима быть может вольными работниками без всякого затруднения (также и уголья туда хотя б там и лесу не было доставляемы с Волги)[3], напротив того, положение Осетии за Малою Кабардою и от реки Сулака в дальнем расстоянии, а тамошние руды, сколько из вышеписанного объявления архимандрита Григория разсуждать можно, ближе к Грузии, нежели к здешним границам. Река ж Терек, хотя чрез Малую Кабарду протекает, и потому (л. 44 об.) правда недалеко от осетинских жилищ, но она там так мелка, что везде находятся свободные броды и ни малейшаго судна поднять не может; все же протчие из гор в нее впадающие речки, яко каменистые и потому с великим стремлением текущие, и того мельче, и ни одной та-

[1] Вахтанг VI, «законодатель (1675—1737), царь грузинский, с именем которого связывается издание сборника грузинских законов, составленного в 1-ой полов. XVIII-го в.,— «Уложение» или «Судебник царя Вахтанга VI».

[2] Ираклий II (ум. в 1798 г.), царь Грузии, воцарился в Кахетии в 1744 году; после смерти отца своего Теймураза (1761 г.) объединил под своею властью царства Карталинское и Кахетинское. В 1783 году принял покровительство России.

[3] Зачеркнуто и на полях написано карандашом: «Сего подчерченного, кажется, нет в мнении берг-коллегии».

кой нет, которая удобна была б для водяной комуникации; а Терек, хотя ниже Малой Кабарды и довольную глубину получает, но течение и сей реки столь быстрое, что гребенские казаки на своих малых лодках едва против воды плыть могут, почему провозимой наперед сего из Астрахани для Кизляра морем провиант, хотя от морского берега до сей крепости самое малое расстояние, и река Терек, чем ближе к морю, тем шире, а потому и тише в течении своем становится, (л. 45) с превеликим трудом доставляем был; свободному же по сей реке ходу — не только против воды, но и по воде — много и то препятствует, что оная, чем выше, тем больше потопшим лесом наполнена.

Какой недостаток в вольных работниках в Кизляре и в гребенских казачьих городках, где все жители состоят из действительно военнослужащих, всегда в своих должностях употребляющихся, и из невеликого числа армян, грузинцов, и татар, ни в чему не надежных, а толь меньше к работам удобных, вам более всех известно, ибо сделав вы в 1765 году нашему сенату о заведении городков между Астраханью и Кизляра и новой дороги, пред нынешнею удобнейшею, представление,— в то ж время доносили, что не только в Кизляре, но и во всей Астраханской губернии вольных людей к работе ни за какие деньги отыскать не можно (л. 45 об.), упражняясь сверху приходящие более в ловле рыбы, которая работа для них лехче, обыкновеннее и немалоприбыльна да и для той однако ж меньше их приходит, нежели сколько тамошнее пространство вод требовало б, и так испрашивали вы для исправления оных работ двух полков.

Награждение сего недостатка, по мнению берг-коллегии, переселением туда потребного числа людей, возбуждением и приобучением к тому тамошних горских жителей и употреблением могущих там найтись беглых россиян — или трудно и убыточно, или совсем невозможно.

Весьма нечаятельно, чтоб могли быть около Кизляра беглые россияне, по прежним ревизиям и по нынешней оказавшиеся, но ежели разумеются под сим беглецы с Дону и с Терека, живущие иногда блиско развалин (л. 46) древнего города Маджар[1], лежащего в вершинах Кумы реки, в тамошних почти непроходных лесах, потому и «черными» называемых, то скорее тамошние старинные жители, варвары, к перемене настоящего образа их жития склонены и приведены быть могут, нежели оные в лесах скитающиеся люди, по большой части раскольники.

Когда по своевольству кубанских жителей и других тамошних народов, к хищениям и грабительствам склонных, несмотря на то, что кубанцы счисляются в турецком подданстве, и заключенной с Портою Отоманскою мир продолжается, нередко опасности случаются о нападении от них в сообществе с горскими народами, хотя и неподданными турецкими, но иногда по какому-либо мнимому со здешней (л. 46 об.) стороны неудовольствию к ним пристающими, а иногда и надеждою только добычи к тому ж возбуждаемыми, не только на гребенские казачьи городки, которых жители, яко военные люди, отпор учинить им и сами могут, но иногда сумнения задаются, чтоб и до самых Кизлярской крепости предместей набеги их не распространились, чему был пример и недавно в 1765 году, то, поселяя в такой стороне работников, необходимо должно было б не только их жилища укрепить, но и всегда в оных содержать и гарнизон достаточный.

Башкирцы, которые, как известно, давно в нашем подданстве находятся и от других азиатских народов учрежденными по границе Орен-

[1] Маджар — древнее городище на левом берегу р. Кумы при впадении в нее р. Мокрой Буйволы или Бывалы.

бургской губернии крепостьми и форпостами отрезаны, при случае, бывшаго от них напоследок (л. 47) в 1755 году возмущения[1], между другими причинами предъявляли и заведение на их земле горных заводов. Может ли потому статься, чтоб жители Кафкаских гор, которые не только не умеренее башкирцев, но еще продерзостнее, надеясь на крепость своих жилищ, и несравненно многочисленнее, могли употребить себя в горные работы или и смотреть с равнодушием на производимые другими руками. Пускай осетинцы,— у которых проповедь христианского закона происходит, и они к здешней стороне ласкаются,— охотно на одно поступили и на другое дозволили б, но их число самое малое; напротив того живущих в соседстве их разных народов великое, которых страх, чтоб не быть чрез то приведенным в здешнее (л. 47 об.) подчинение, может заставить совокупно и опорствовать[2]. А из того необходимая нужда и вышла б: или, к великому здешнему предосуждению, занятые места оставить, или великою силою с убытком и с крайним трудом удерживать. Умалчивается при том, каким непреодоленным трудностям подвержена и воска руды до Кизляра, особливо сухим путем, естли действительно Терек способною к тому не найдется, не только при случае происходящаго в тамошних народах общаго разврата, но и во всякое другое время, ибо и ныне ниже на несколько верст без довольного конвоя никому от находящихся в тамошней стороне форпостов отлучаться не можно.

Но полагая, чтоб ничего такого не произошло, и не только осетинцы, но и другие тамошние (л. 48) народы охотно употребили [бы] себя в горные работы, потом, как они тому обучились бы и увидели происходящую из того пользу, поверить невозможно, чтоб они не захотели лутче сами собственно тем пользоваться, нежели других пользоваться допускать.

Таким образом, хотя бы и удалось с успехом тамошния работы начать, но продолжению оных может по времени воспрепятствовано быть от зависти.

Буде правда, что нынешней грузинской царь Ираклий находящиеся в Осетии руды достает, то не инако, как для того самого он и делает сие тайно, чтоб и впредь сей источник для него заперт не был.

Все сии препятствия и трудности предполагаются (л. 48 об.) однако же в таком случае, ежели б осетинцы и смежные с ними народы, а особливо кабардинцы, счислялись в нашем подданстве, ибо и подданные тамошние больше именем, нежели делом, но обе Кабарды напротив того, то-есть Большая и Малая, по заключенному в 1739 году с Портою Отоманскою трактату, оставлены между обоими империями за бариеру, и тамошней народ вольным и ни от кого независимым[3].

---

[1] В 1755 г.— восстание, охватившее почти поголовно всю Башкирию, под руководством мещеряка Батырши (Батырь-Ша), как протест против колониальной политики самодержавия. Одним из поводов к восстанию послужили захват царизмом башкирских земель и эксплоатация подземных богатств Башкирии.

Восстание было подавлено русским самодержавием с страшной жестокостью, а Батырь-Ша взят в плен.

[2] Так в подлиннике.

[3] (8) Атрикул 6. О кабардах, что оным быть вольным и между обоими империями за бариеру служить имеют.

О обоих Кабардах, то есть Большой и Малой и Кабардинском народе с обоих сторон соглашенось, что быть тем кабардам вольным и не быть под владением ни одного, ни другого империя, но токмо за бариеру между обоими империами служить имеют и что и от другой стороны блистательной Порты туркам и татарам во оные не вступатца и оных не обеспокоивать

Осетинцы ж, хотя и называют себя свободными, да и по разведываниям такими оказываются, однако ж по малосилию их, а превозможению над ними кабардинцев, сии последние утверждают, что и осетинцы им подчинены, так как и другие некоторые окольные им малосильные народы, от которых они (л. 49) и действительно подать собирают, а и от осетинцев иногда вымогают же.

Осетинцы хотя давно просят, чтоб они приняты были прямо в нашу протекцию, и от причиняемых им от кабардинцов утеснений защищены, но на сие не поступается для того, что из того очень мало было б приобретения, а великое по положению их жилищ в горах затруднение в их обороне, без чего однако ж оставить было б уже нельзя; при всем том подалась бы и Порте Отоманской напрасная притчина к неудовольствию и подозрению.

Вы из отправленного из нашей коллегии иностранных дел в астраханскую губернскую канцелярию от 29 маия 1764 года указа обстоятельно уже видеть могли (л. 49 об.) о происходивших при ней Порте от Крым-Гирея[1], хана Крымского, который пред Селим-Гиреем недавно смененным был, представлениях, будто со здешней стороны ищется кабардинцов привесть в наше подданство, и что Малой Кабарды жители действительно уже покорены, а дабы Большой Кабарды жителями овладеть, начаты оные утесняемы быть поселением на горе так называемой Кучук Елбруз многих духовных персон под видом пустынников, точно разумея под тем определенных к проповеди христианского закона, которые на землях, принадлежащих к Малой Кабарде, но смежных к осетинским жилищам, и то по дозволению владельца оного места, небольшое только подворье с такою же церковию имеют.

Из того ж указа нам известно и о содержании уже учиненного против того со здешней (л. 50) стороны изъяснения, что осетинцы были напредь сего христианского закона и сами просили о наставлении их в том, и что не могло им, как вольному и ни от кого независимому народу, быть отказано, не нарушая правил, в таких случаях во всех законах наблюдаемых, равномерно как и сама Порта не инако поступила б, буде бы из находящихся в горах, никакого закона не имеющих вольных народов которой-либо предъявил желание к принятию магометанского, и что, наконец, те духовные персоны живут по боль-

---

тако ж де и от Всероссийской империи оные в покое оставлены будут, но что однако же (8 об.) по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю от тех кабардинцов для спокойного их пребывания аманаты и оттоманской порте тако ж позволяется для такой же притчины брать от них таких же аманатов, а ежели помянутые кабардинцы причину жалобы попадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать.

(ГАФКЭ — «Дела Турецкие, 1739 г., д. № 42, «Трактат между Российским и Турецким двором, заключенный в лагере при Белграде», лл. 8—8 об.)

[1] Керим-Гирея, хана Крымского, смененного Портою в 1764 г. Селим-Гиреем (1764—1768).

Селим-Гирей, бывший четырежды на крымском престоле, впервые занимает его в 1741 году; вследствие мятежа мурз, принужден уступить престол Каплан-Гирею; затем снова появляется на крымском престоле, но в 1753 году уступает его Арслана-Гирею. Арслан-Гирея (1753—1755) сменяет Алим-Гирей, потом Керим-Гирей, и в 1764 г. снова на крымском престоле появляется Селим-Гирей. В 1768 году он вынужден опять уступить престол Керим-Гирею. Однако, после свержения Керим-Гирея и его племянника Девлет-Гирея, на престол Портой назначается Селим-Гирей.

шей части в Кизляре, а в осетинской народ ездят временно, а буде на некоторое у них и остаются, то их состояние да и небольшее число казаков, не более как от трех до десяти человек простирающееся, которые иногда даются им для безопасности (л. 50 об.) в проездах, не долженствуют производить никакого сумнения.

Сей случай припамятывается здесь для того, что когда бытность в Осетии нескольких духовных не могла оставлена быть с крымской стороны без примечания, толь меньше предприемлемые там горные работы без того останутся.

Одно заведение при урочище Моздоке, которое лежит на реке Терке гораздо ниже кабардинских жилищ и на одной стороне с гребенскими казачьими городками и с Кизлярскою крепостью, нового селения из новокрещных горских жителей, к чему неоспоримое право находится и по действительной принадлежности сего урочища к здешним границами, и по находящемуся в трактате (л. 51) условию, чтоб и обоюдных подданных за переменою в другой стороне природного своего закона не возвращать [1], довольно было, уже кабардинцов для

[1] (8 об.) Артикул 7-й.

О освобождении со обоих сторон пленных всех без размены и без выкупу за деньги.

Все полонянники как до начатия нынешней войны, так и во время оной с обоих сторон во всяких случаях побранные или по какой притчине удержанные, которые и поныне еще в обоих сторонах содержутся и пребывают военные и всякого чина и звания люди, кроме тех, которые во Всероссийской империи христианскии, а в Отоманской империи магометанской закон приняли, по подтверждении сего полезаного мирного трактата без розмены и без выкупу за деньги все и без всякова изъятия сколько их и в которой стороне ныне (9) и впредь сыщется немедленно освобождены и отпущены быть имеют и о том освобождении пленных в обоих сторонах по всем городам и провинциям крепкими указами публиковать, дабы свобода и отпуск оных действительно без продолжения и без всякого затруднения исполнен был.

А которые пленные по заключении сего трактата или во время сего мира из государств ее императорского величества похищены и отведены будут и в странах Крымских или буджацких или кубанских или во иных меж оттоманами и татарами и другими подданными блистательной Порты найдутся, дабы сии без всякого выкупу освобождены и возвращены были, а все те, которые для освобождения российских полонянников приходящие и отходящие в выше реченных странах люди подданные ее императорского величества с проезжими грамотами только б (дела) ((9 об.)) дела свои мирно творя свободу полонянников промышляли, никоими мерами озлоблены да не будут, паче же противно законом божиим их озлобляющии и убытками наводящие да наказаны будут.

(ГАФКЭ, «Турецкие дела», 1739 г., д. № 42, «Трактат между Российским и Турецком двором, заключенный в лагере при Белграде», лл. 8 об.—9 об.)

того только, что оное недалеко от их жилищ, привесть в смущение, беспокойство и самой разврат и в том и по силе время содержать; в какое, следовательно, движение не могут они притти? видя занятие мест и в Осетии, как [ь], таком народе, который они себе, хотя и без всякого права, однако же присвояют.

Вообще все в Кафказских горах живущие народы к своей вольности ревностны и подозрительны по малейшим поводам, а кабардинцы больше всех, ханы же крымские все без изъятия искательны иметь их к себе по их отменной пред другими тамошними (л. 51 об.) народами храбрости, доброжелательными, преклонными и, буде возможно, и подчиненными и для того не только в принимаемых ими к здешней стороне неудовольствиях подкреплять, но и возбуждать их стараются, примечая все здешние поступки в разсуждении сего народа, а по тому и протчих тамошних с крайним прилежанием, и представляя оные всегда при Порте Отоманской с увеличиванием и с противными внушениями, так что заставили уже напоследок и Порту, которая напредь сего об них мало и думала, действительно заботиться о охранении их вольности, чему доказательством есть выше приведенный случай о пребывании немногих духовных персон в Осетии, а еще больше заведенное при урочище Моздоке селение, от которого не только кабардинцы, как (л. 52) вышесказано, встревожились и еще тревожатся, но и бывший Крым-Гирей хан, по их происками, представил к Порте Отоманской опасным и дальновидным, которая едва могла быть, по многим со здешней стороны изъяснениям и возражениям наведенных подозрений успокоена, и то не инако, как с обнадеживанием, что тут намерения нет строить, как хан ей представлял, крепости и никогда построена не будет.

Время окажет, не произойдет ли от нее [1] и впредь о том каких-либо отзывов, ежели она после учиненных изяснений остается поныне в молчании, не по совершенному оных удостоверению, а по каким-либо своим видам, хотя в самом деле при поселении в Моздоке никаких казистых укреплений и не сделано.

(л. 52 об.) (Буде кто удобен Порту в приниманных ею уже по тамошним делам подозрениях, возобновляя оные, не только подтвердить, но и умножить, а особливо, естьли к тому хотя малейшие новые причины со здешней стороны подадутся, то, конечно, настоящей хан крымский Арслан-Гиурей, недавно в сие достоинство произведенный, потому что и напредь сего, будучи ханом, больше всех других искал кабардинцев к себе привлечь и лучше умел здешние в разсуждении их поступки часто Порте опасными представлять, несмотря на то, что все здешнее старание ни к чему иному в разсуждении сего народа не клонится, как только сохранить их вольность против крымских покушений, может быть случившаяся ему в 1756 году (л. 53) смена по причине происшедшего в эдисанском народе [2] бунта воспрепятствовала тамошние дела привесть в вящее замешательство к великому между обоих дворов затруднению.) [3]

При таких многих, вместе сошедшихся, обстоятельствах, а всех ува-

[1] Т. е. Порта. Весь абзац в тексте зачеркнут.

[2] Едиссанский народ — ногайцы, известные под именами джембулуковцев, едиссанцев, едичкульцев и кара-ногайцев. После присоединения Астрахани к России (1557 г.) ногайцы поступили под власть московских царей. Но и крымские ханы считали их своими подданными. В 1756 г. крымский хан Алим-Гирей был лишен престола мурзами при помощи ногайцев. Мурзы, пользуясь двойственными отношениями ногайцев к Москве и к Крыму и их постоянной борьбой за свою независимость, возбудили их и при их поддержке свергли с престола Алим-Гирея.

[3] Весь абзац в тексте зачеркнут.

жения достойных,— ибо каждое почти непреодоленное препятствие полагает приемлемому намерению находящимися в Осетии металлами пользоваться, то-есть при худой водяной комуникации опасности дорог, своевольстве тамошних народов, ревности их к своей вольности и строгом примечании за здешними поступками, не только ханов крымских, но и самой Порты Отоманской,— едва ли возможно и малейшую надежду иметь, чтоб в настоящее время великой в том успех был.

(л. 53 об.) Ниже тогда, когда тамошние народы в здешнем подданстве считались бы, а захотели б однако ж работам препятствовать, было б возможно, как берг-коллегия разсуждает, защищать оные донскими и гребенскими казаками и калмыками. Между Осетии и жилищ донских казаков расстояние превеликое, а калмыки по зимам ходят недалеко от Кизляра по Куме реке и кочуют, однако ж от Осетии не так близко, чтоб тотчас употреблены быть могли; гребенские казаки и без того несут претягостную службу, прикрывая Моздок и другие тамошние места, работы же при всем том имели б быть внутри гор, куда вход и малое число людей великому препятствовать может.

Защита и Кизлярского края при нынешнем кабардинского (л. 54) народа за поселение при Моздоке развратe и происходящих с Кубани, по их же возбуждению, воровских набегах, будучи соединена с великими затруднениями, ибо за благовременно то донских казаков, то калмык в прибавок к гребенским наряжать и в тамошних пустых местах чрез долгое время содержать надобно,— востребовалась бы конечно, при всеобщем многих тамошних народов возмущении, которые сколько б ни были несогласны, легко согласиться могут для защищения своей вольности, а особливо, когда будут иметь не только возбуждение, но и подкрепление от Порты Отоманской, и целая армия для преодоления гор и стремнин.

Соображая могущую быть прибыль от находящихся в тамошних местах руд (л. 54 об.) с теми затруднениями, какие при том неминуемо встретиться должны, как по состоянию народов, так и по политике турецкого двора, который никогда допустить не может, чтоб с нашей стороны какое-либо занятие внутри Кафказских гор, а особливо близко кабардинских жилищ зделано было, едва ли оная когда-либо наградить может убытки войны турецкой, легко от того произойти могущей.

В нашей коллегии иностранных дел уже и пред сим известно было о изобилии руд в Осетии содержащихся, но как есть дела, всю пользу всю получающие от скорости, и есть дела тою же самою скоростию повреждаемые, напротив того отложением до удобнейшаго времяни с удачностию и с успехом производимые, то из такого сведения никакого употребления (л. 55) поныне и не сделано, а довольствовано для переду о том помнить.

Счастливая только война с Портою Отоманского, начинаемая когда-либо со здешней стороны по важным причинам, или с ее стороны объявляемая по каким-либо намерениям, может облегчить предприятие горных работ, как в Осетии, так потом и в других тамошних местах, ибо для того надобно будет при воспоследуемом мире употребить все старание выговорить в здешнее подданство кабардинской народ, и как в тамошней стороне знатнейшим почитаемой и примеру которого и другие следуют, а между тем при начале войны и в продолжении при Моздоке, где жители время от времени умножиться могут, и сие место усилить, заложить (л. 55 об.) и совершить крепость, и впредь всегда оную содержать для лутшаго их и протчих тамошних народов обуздания и повиновения.

Тогда, может быть, кроме сего намерения, и к другим полезным распоряжениям и заведениям случаи и способы окажутся, которые те-

перь неизвестностию будущаго времени покрыты. Потому, буде можно что сделать ныне, то разве только то, чтоб тамошние места, как нашим сенатом уже и определено, чрез наряженных туда офицеров точно осмотреть, дабы совершенно узнать, поколику они достойны, чтоб их и при удобнейшем времени занимать, и чаемая от них польза может ли награждать и превосходить употребляемое на то иждивение.

Вы, отправляя затем в Осетию оных[1] чрез кизлярского (л. 56) коменданта должны к тому совсем другой претекст примыслить или такой вымысел коменданту препоручить, по ближайшему его к горским жилищам пребыванию, сообщая ему для того копию с сего рескрипта, а для указания тех мест, где в Осетии руды находятся, неминуемо надобно будет употребить архимандрита Григория.

Но ежели по осмотру тамошние руды окажутся весьма богатыми и добывание их самое легкое, могущее производимо быть немногими людьми, под видом другой работы, и следовательно и самым тамошним жителям бесприметно, перевоз же оных сухим путем, ибо как и выше упомянуто, там речек нет, которые бы и малейшие суда подымать могли, сколько-нибудь (л. 56 об.) безопасен, употребляя для предупреждения всякого в кабардинцах примечания, дорогу к тому не чрез Малую Кабардину, но другую из Осетии же к Терку простирающуюся, ниже жилищ оной Кабарды, а выше чеченских, народа Кумыцкого и, хотя в нашем подданстве находящихся, но своевольного, лютого и главнейшее упражнение в воровстве и разбое имеющего, а потому необходимую нужду укрытия и от них таких перевозов налагающего. Одним словом, буде возможно тамошними металлами пользоваться, как по сказке архимандрита Григория пользуется уже грузинский владетель Ираклий, то-есть и легко, и неприметно и прибыльно,— в таком случае оставалось бы конечно на то и согласиться, о чем о всем по собрании потребных к тому известий имеете (л. 57) вы представить в нашу коллегию иностранных дел, также и в берг-коллегию для дальнейшего по тому разсуждения и принятия потребных мер.

В прочем ежели б где и кроме Осетии в ближайших к Кизляру и к гребенским казачьим городкам местах и следовательно уже в наших границах лежащих жилых и пустых местах, обыск руд по каким-либо признакам или известиям их тут найти предприят был, со всем тем производить то надобно также безприметно, и употреляя к тому другие же претексты, дабы и Кумык, хотя в нашем подданстве находящихся, но в протчем своевольных, преждевремянно и напрасно также не встревожить (л. 57 об.) и на противность не обратить к вящему умножению высокомерности в кабардинцах и подкреплению их в настоящем развратe.

Дан в Москве 5 декабря 1767 года.

По ее императорского величества указу подлинной подписан по сему: гр. Н. Панин, К. А. Голицын.

Донесение астраханского губернатора ген.-майора Н. Бекетова Екатерине II, 17 мая 1768 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица Всероссийская.

Государыня всемилостивейшая.

Вашего императорского величества высочайшим рескриптом из государственной коллегии иностранных дел от 5, полученным здесь 21 числа декабря прошлого 1767 года всемилостивейше повелено: ради

[1] Т. е. офицеров.

осмотра находящихся в Осетии рудников наряженных туда горных офицеров отправить чрез кизлярского коменданта господина генерал-майора Потапова и к тому совсем мне другой претекст примыслить или такой вымысел каменданту препоручить по ближайшему его к горским местам пребыванию. После того при сообщении из государственной берг-коллегии присланы ко мне ради того осмотра пробирного искусства гитен-форвальтер Степан Вонявин и шихтмейстер Иван Князев, и при том во оном сообщении изъяснено, что в Екатеренбургскую канцелярию (л. 94 об.) главного заводов правления послан указ и велено для вышеписанного ж дела, по усмотрению ее, за неимением при коллегии свободных отправить же ко мне знающих горное дело исправных обер офицеров шихтмейстерского ранга двух человек, одного кунстштейгера, двух штейгеров и двух же подштейгеров, двух плотников, одного кузнеца и шесть человек бергауеров, в том числе одного иноземца, знающего разработку каменного угля, снабдя их принадлежащими инструментами и удовольствуя на первой случай как горных офицеров, так и вышеписанных ремесленников против окладов их двойным третным жалованьем и прогонами на почтовые подводы, которым всем и приказать явиться у меня с показанием, кому ис каких окладов жалованье произведено будет, отправленным же от коллегии одного (л. 95) жалованья выдано против настоящих их окладов вдвое на одну генварскую треть: гитен-форвальтеру Вонявину из двух сот шестидесяти дву рублев пяти копеек восемьдесят семь рублев тридцать пять копеек, шихтместеру Князеву изо ста девяноста одного рубля осмидесяти пяти копеек — шестьдесят три рубли девяносто пять копеек и надлежащее число до Астрахани прогонные деньги, и требовано тем сообщением, дабы по прибытии означенных как от той коллегии, так и из Екатеренбурга офицеров и служителей благоволено было отправлением распределить на две партии, дабы разведание учинено было не в одном месте и не оставлены б были без осмотру и лежащие по Сарпе реке горы, состоящие в российских границах и в других здешней губернии местах и с точностью такою б поступить, (л. 95 об.) как во оном высочайшем рескрипте по отправлении их для разведания тамошних мест и кои мне известны, предписано, равно и наставление оным офицерам дано б было в сходность того ж рескрипта, дабы вся та предосторожность, которая в рескрипте описана, сохранена была бес повреждения, какой же в том деле успех происходить будет, о том коллегии б уведомить. А так означенные из Екатеренбурга обер-офицеры и служители сюда еще не прибыли, того ради данным от меня помянутому гитен-форвальтеру Вонявину ордером велено подать ко мне репорт со изъяснением, может ли он с товарищем, будучи в Осетии без оных недосланных сюда людей, к возложенному на них делу приступить и оное исполнить. Естли же ему самому того исполнить будет не можно, то сколько ис тех чинов при нем быть (л. 96) потребно и на Сарпу реку с протчими местами отправить их надлежит или на обе партии разделиться не может и так порученные ему дела одно по другом исправляться имеют.

На который ордер в поданном от оного Вонявина репорте написано: 1) ежели разделить определенных во оную комиссию людей на две партии и каждую из оных снабдить взятыми из Москвы нужными химическими припасами, то как от первой, так и от второй партии, из которых последняя хотя и внутри Астраханской губернии находиться будет, произойти могут затруднения, продолжение времени и несовершенной предприятию оной комиссии конец, ибо химические припасы на две части все разделены быть не могут, потому что оных взято столько, как только должно быть во одной дорожной лаблатории.

(л. 96). 2) Так же и из определенных во оную комиссию Екатеренбургских офицеров есть ли кто знающей пробирное искусство, которой бы мог, будучи внутри астраханской губернии, минеральные или металлические признаки порядочно иследовать, о том он подлинно неизвестен, в чем и сумневается, потому что нередко случается, что один офицер знает либо одну часть математики, а другой больше умеет профессию в пробирном искусстве.

3) Недождавшии же здесь Екатеренбургской команды и с ними отправленных принадлежащих для горной работы инструментов ехать ему во Осетию с шихтмейстером Князевым одним находит бесполезно, потому что им от берг-коллегии даны для сей комиссии одни только химические припасы, а протчие горные инструменты для разработывания велено прислать со оною командою из Екатеренбурга.

Итак за лучшее (л. 97) и надежное признает он, чтоб определенную для оной комиссии команду отправить з Астрахани прежде всю вместе в Осетию, а оттуда по окончании комиссии и по возвращении оной команды назад, удобнее будет и внутри Астраханской губернии положения минеральных и металлических мест осмотреть. А сего маия 4 дня означенной гитен-форвальтер Вонявин репортом же изъяснился, что когда показанная команда от посланного в Екатеренбургскую канцелярию февраля первых чисел берг-коллежского указа по сие время сюда еще не бывала, чему причиною может быть либо потеряние на почтах берг-коллежского указа или другие какие нечаянные случаи в присылке оной команды воспрепятствовали, ибо невероятно и противно понятию, чтоб с небольшими дву тысячное расстояние верст как от Екатеренбурга (л. 97 об.) до Астрахани требовало на переезд оной команды дву месячное время, которое медление совсем несогласно и с берг-коллежским расположением, потому что коллегия посланным туда указом повелела, чтоб показанную из Екатеренбурга команду прислать сюда по получении того указа в самой скорости и, по крайней мере, не позже, как в начале апреля месяца, чтоб оная уже здесь была и что о таком медлении и о скорейшей присылке оной команды из Екатеренбурга, хотя я ныне в берг-коллегию и сообщил, однако есть ли из вышеупомянутых причин, которая-нибудь присылке оной воспрепятствовала, следовательно оная и по сие время находится еще в Екатеренбурге, то по такому нарочитому расстоянию мест, как переписки, так и присылка из Екатеренбурга команды требуют довольное время или по крайней мере (л. 98) около двух месяцев к своему исполнению, и для того чтоб приличное нынешнее время для сыскания металлов совсем не упустить без всякого дела, тем репортом просил, дабы его Вонявина и находящагося с ним шихтмейстера Князева, покуда до прибытия Екатеренбургской команды, отправить в назначенное секретною комиссиею местечко Осетию, где по крайней мере между тем хотя какое-нибудь примечание или опыт сделать случай допустить, нежели здесь быть совсем праздным, для которого отправления снабдить его наставлением и необходимыми надобностями, то-есть на жалованье и на другие случающиеся по оной комиссии мелочные расходы денежною суммою и для делания примечаниев и опытов на первой нынешней случай здесь сделать или в Кизляре шесть кирок, три небольшие молота, два лома, три лопатки (л. 98 об.) железные, одно небольшое точило и ординарной кузнешной доброй мех. И на дело вновь потребных инструментов и на починку оных железа пять пуд и один пуд стали, да для бурования пороху фунтов до десяти отпустить; также находящимся по близости Осетии ведомства моего командам, в случае надобностей и нужд, по требованиям его делать вспоможение и давать как для работы, как и для конвоя людей.

А естьли, по отправлении их, Екатеренбургская команда сюда прибудет, то оную в рассуждении показанных им поданным репортом причин, приказать отправить в помянутую же Осетию, ибо без оной рудные места, кроме небольших признаков и примечаниев, незнающими людьми разработывать весьма трудно и бесполезно, а иногда и совсем без оных обойтись будет неможно.

(л. 99) А понеже хотя упомянутой гитен-форвальтер в означенном первом своем репорте и представлял, что за описанными в нем резонами, не дождавшись Екатеренбургской команды и для горной работы инструментов, ехать ему в Осетию с шихтмейстером Князевым одним находит бесплодно, но ныне, напротив того, описывая в последнем репорте сумнение о нескором сюда той команды прибытии, просил, чтоб его с товарищем, не дожидаясь оной, отправить в Осетию, где по крайней мере между тем хотя б какое-нибудь примечание или опыт сделать случай допустил, нежели здесь быть совсем праздным, что и мне кажется для сей комисси несколько полезно быть может, ибо они будучи тамо по своей должности, а притом, как при всей той команде начальники, могут первой опыт и всему примечание сделать (л. 99 об.). К тому ж и приезд их, в рассуждении немноголюдства, бесприметным с той стороны останется, а потому и во исполнении возложенного на них дела и препятствия быть неуповательно: всей же вдруг команды приезд, конечно, в тамошних местах сделает некоторым образом встревожение, и принуждены будут жители их подозревать, а чрез то, без сумнения, и надежды в желаемом успехе не будет. Итак лучше означенной коменде по малому числу туда на место приезжать, да и то тем чинам в которых необходимая нужда потребуется, а протчие между тем могут по близости Осетии в Моздоке или в других местах по усмотрению кизлярского коменданта находиться и по его совету ко исполнению комисси приступать. При всем же том, естьли реченному гитен-форвальтеру Екатеренбургской команды в Астрахани дожидаться, (л. 100) а оная, как и он об ней сумневается, скоро сюда не прибудет, то, конечно, во-первых для сей экспедиции удобное время упустится, а во-вторых, он здесь с товарищем праздно будет находиться, и жалованье, которое они должны там на месте получать, здесь же напрасно производиться им имеет, отчего интересам вашего императорского величества никакой пользы не принесется. И для того во исполнение вышеоглавленного высочайшего рескрипта и правительствующего сената указа, так же по требованию берг-коллегии вышеупомянутой Вонявин с товарищем его ныне отправлен отсюда ради исправления оной комиссии в Осетию, не дожидаясь прибытия в Астрахань Екатеренбургской команды. И на съезд их до Кизляра и под своз будущих при них инструментов даны им уездные татарские восемь подвод, и на них выдано прогонных денег двадцать восемь рублей (л. 100 об.) восемь копеек; да означенным Вонявину и Князеву на сию текущую майскую треть по росписанию берг-коллегии окладного жалованья: первому — 87 рублев 35 копеек, последнему — 63 рубли 95 копеек: сверх же того на случающиеся по оной комиссии мелочные расходы и на покупку вышеписанных разных инструментов сто рублев, а всего 279 рублей 38 копеек из астраханской губернской канцелярии из неположенных в штат доходов на счет берг-коллегии. Ему ж Вонявину ордером от меня предложено, чтоб он на помянутые деньги сто рублев все сии припасы здесь или в Кизляре искупил с запискою в росход, чего ради и дана приходная и росходная за шнуром и печатью тетрать; по издержании ж тех денег в росход на случающиеся надобности требовать ему вновь от кизлярского коменданта, и им росход вести также во оную книгу с запискою. Что ж принадлежит до повеления прави-

тельствующего сената и государственной коллегии (л. 101) иностранных дел, дабы я не только о всех тамошних обстоятельствах касательно до тех рудников тайным образом и стороною осведомился и, вспомоществуя во всем посланным, принял такие меры и предосторожность, чтоб тамошним соседственным народам не подать поводу к какому-либо неудовольствию и огорчению, но и на все требование берг-коллегии, по знанию моему тамошних мест, каким образом удобнее возможно будет те заводы завести, сделав свои примечания, дал бы знать берг и иностранной коллегиям, а сия последняя коллегия и еще при том предписала, что я, отправляя затем в Осетию оных людей чрез кизлярского коменданта, должен к тому совсем другой претекст примыслить, или такой вымысел коменданту препоручить, по ближайшему его к горным жилищам пребыванию, а для указания тех мест, где в Осетии руды находятся неминуемо надобно будет употребить архимандрита Григория (101 об.). Но как нынешния настоящия тамошния обстоятельства некоторым образом ни мне, ни коллегии иностранных дел во всей подробности неизвестны, в рассуждении чего мне и не можно того исполнить, а все то положено от меня на попечение кизлярского коменданта, как ему оное более известно, и для того посланным к нему ордером велено оных Вонявина с товарыщем туда отправить под приличным претекстом и каким образом, будучи им тамо, поступать, снабдить их наставлением и во всем потребованиям оных чинить им вспоможение и что по сему им комендантом как при первом случае учинено, так и впредь чиниться будет, о том ко мне обстоятельно репортовать, о чем от меня и берг-коллегии ныне ж сообщено.

Вашего императорского величества всемилостивейшей государыни всеподданнейший раб

Бекетов.

Донесение астраханского губернатора ген.-майора Н. Бекетова Екатерине II, 11 июня 1768 г.

(л. 102) Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица всероссийская. Государыня всемилостивейшая.

Вашему императорскому величеству всеподданейше от меня сего 1768 года маия от 17 дня донесено об отправлении отсюда присланных ко мне при сообщении из государственной берг-коллегии ради осмотра находящихся в Осетии металлов пробирного искусства гитен-форвальтера Вонявина и шихмейстера Князева, не дожидаясь прибытия в Астрахань Екатеринбургской команды, при ордере к кизлярскому коменданту господину генерал-маиору Потапову, коему и велено, по большему сведению ево тамошних обстоятельств, оных Вонявина с товарыщем во Осетию отправить под приличным претекстом и, каким образом будучи им тамо поступать, снабдить их наставлением и во всем по требованиям оных чинить им вспоможение и что по сему им комендантом как при первом случае учинено, так и впредь чинится будет, о том ко мне репортовать.

(л. 102 об.) А того ж маия 28 дня помянутой комендант присланными ко мне двумя репортами дал знать, что Осетинской архимандрит Григорий, будучи в Меретии, татарами убит до смерти, то он комендант по неимению знающих и надежных к показанию тех мест других людей, а паче и по нижеписанным притчинам отправлением оных гитен-форвальтера Вонявина с товарыщем удержался.

1) Какой бы претекст примыслен не был, то надобно при них быть по опасности тамошнего народа, а наиболее от кабардинцев, к препровождению их до Осетии, а там к проходу по самым узким местам в канвои не менее двадцати или тридцати человек с истребованием наперед от Осетинских старшин проводников.

2) Когда они по прибытии в те места, где рудники находятся, по искусству своему операции производить начнут, то все то никоим образом в то ж самое время скрытно быть не может, не везде не токмо около тех мест, но в Грузии, Персии, в Крыму и на Кубане с великим (л. 103) прославлением откроется и дойдет до знания, по внушению от кабардинцев, хану крымскому и до турецкого двора, которой в разсуждении того не оставит возобновить паки свою протестацию о заводимом при урочище Моздоке селении, чрез то могут произойти великие затруднения. А иногда и интересам вашего императорского величества предосуждение.

3) Когда осетинцы издавна обязаны кабардинским владельцам по тесноте их гористых мест по случаю хлебопашества и сенокосу на низких местах, по присвоению тех мест кабардинцами к себе, платить некоторую подать, то они кабардинцы, сведав о том, не оставят их осетинцов всячески пленением и убивством людей и кражею скота притеснять.

А притом 4) хотя б сысканные там руды, сколько прибыльны ни были, то в перевозке их до Моздоку или другою с чеченской стороны дорогою, хотя б осетинцы и киштинцы склонными к тому явились, однако следовать будет по вышеписанному (л. 103 об.) от кабардинцов, а с другой стороны от протчих горских своевольных народов великая опасность, да и случающияся с здешней стороны посылки подвергаться должны таковой же опасности.

5) Генерально сказать нет случая теперь их для единого осмотра туда за смертию архимандрита Григория отправить, ибо ежели послать под канвоем казаков, будет совсем видное дело, что с стороны государственной коллегии иностранных дел весьма утаить приказано, и великой в том резон есть для предидущих времян, ежели осетинского старшину Давыда Мамиева употребить, как можно обнадежиться на скромность ево, которой и о владетеле Ираклие открыл и ему коменданту незнаком, а в Осетинской комиссии способных людей нет. А как те и горы, где металл усмотрен, кроме архимандрита Григория, неизвестны, и в них кизлярские все чиновные люди не въезжали, то стало быть послать не с кем, одних же отправить присланные чины не только не знают языка, но запропасть (л. 104) могут, почему он и не осмеляется приступить к сему делу, а представлял свое мнение, что до времени изобретенного в вышних правительствах лучше сию посылку остановить, ибо ежели б архимандрит жив был, тогда б он мог взять их с собою под видом певчих или каким другим, и проезжал бы с ними яко бы для проповеди один, а не люден, в каком случае можно бы только осмотр всему учинить. А ныне отпустя с ними и потребные инструменты, как можно скрыть, он дознаться не может, для чего и просил от меня резолюции, не повелено ль будет сию должность за смертию архимандрита Григория оставить и присланных форвальтера Вонявина с товарыщем возвратить в Астрахань: ежели от меня приказано будет и паки послать, то какую ко охранению их команду употребить следовательно и что им точно там сделать и разведать, наслать для их и него коменданта потребное наставление: яко же по неизвесности совсем его тамошних и старшин ему пригласить некого и по неизвестности ж мест он совершенно не осмеляется в нынешнем случае послать (л. 104 об.) и весьма за лучшее признавает оставить то до

времени. Гитен-форвальтеру же Вонявину и его товарищу от него было объявлено, могут ли они без конвоя там употребится и рассмотреть все количество нужное к тому, не делая отнюдь пробы. Но они без предводителя на себя того не принимают, а как и на пробу тот металл вывести надлежит в Кизляр, ежели ж послать приказано будет, делая однако ж пробу в Кизляре, а не там, то ис таких гористых мест, где одна верховая езда будет, вывесть нечем, и по всему тому последнее его мнение — разве вызвать в Кизляр старшину Давыда Мамиева и, обдаря или обнадежа, тем велеть ему вывесть изо всех ему известных гор каждой металлы по пуду и учинить там на месте всему пробу, а горы, где те рудники, распрося ево, описать и положить секретно на карту. Но как и по сему сумнение настоять будет, чтоб он такого подзыву не разгласил междуусобно и не прокралось такое эхо далее, то предал в рассмотрение мое, донеся и еще, что ежели б сии офицеры знали тамошней язык, то б и то только узнать горы (л. 105) и описать все положение мест и потребной к тому материал и к вызову способные дороги, перерядя их в азиацкое платье и снабдя деньгами, послать было можно; а по незнанию языка совсем и того учинить нельзя. Ежели ж придать им переводчика, то и откроется подозрение, а понеже хотя сие ево коменданта представление не без основания есть, однако, как они отправлены для примечания тамошних мест и так далеко уже заехали, употребя немалое на то казенное иждивение, и для того минится мне их совсем бесплодно возвратить будет предосудительно, а надлежит их туда отправить хотя не ради всего окончания предприятого намерения, но сколько можно будет, по крайней мере, прописанные государственными иностранных дел и берг-коллегиями разные примечания достовернее исследуются, увидя знающим такое дело глазом самолично все тамошнее место, положение гор, хотя по поверхности их, а притом и комуникацию из оных сухим и водяным путем, ис чего бы можно было впредь делать основательное к сему предприятию положение, или о оставлении оного вовсе по непреоборимым неудобностям. К сему, по мнению моему, (л. 105 об.) рассуждается быть достаточным предметом ниже следующее: мне известно учинилось, что у них в горах имеются дикие бараны, называемые туры, коих мне, во что бы оные ни стали, по любопытству достать желается, есть-ли живых не можно, то хотя застреленных, сделав из них чучелы, а при том и от произрастения их по малой частичке как хлеба, особливо из чего солод делают, так и других фруктов дерев семян; чего ради оных горных офицеров под именем трех надежных мне людей отправить при письме к осетинским старшинам.

А что б они, кроме дружеского и приятельского им приема и указания мест, при провождении по оным никакого отягощения не имели, то посланным к нему кизлярскому коменданту ордером велено дать им из ево команды двенадцать стрелять хорошо умеющих казаков, и сию комиссию постараться как возможно исполнить, обещая, естьли они что сходное для моего любопытства оттуда ко мне чрез их руководство вывезут, то всеконечно без награждения от меня оставлены не будут, а притом гитен-форвалтер Вонявин под видом усердного старания в доставании прописанных безделиц может требовать от них (л. 106) препровождения для осмотру того по всем местам, куда ему для исполнения при моей комиссии за нужное по очевидному усмотрению признается, и проехать будет можно без опасения; совсем тем, естьли он комендант что еще к лучшему прибавить найдет, в том дано ему на волю, как человеку с рачением немалое время там находящемуся, а притом, когда и оного совсем исполнить по вероятным и видимым каким обстоятельствам не можно, в таком случае, не вдавая их в

опасность неизбежную, не отправлять, а с описанием всех тех притчин выслать ко мне немедленно, к произведению внутри России положенной на них же комиссии. И при нынешнем первом случае для подарку вышеозначенным осетинским старшинам в приласкание их куплено в Астрахани в купечестве холста средней доброты десять концов, мерою в них 282 аршина с половиною ценою на 15 рублев на 55 копеек, и как оной холст, так и написанное от меня к старшинам письмо (с которого включается при сем копия) для (л. 106 об.) сведения и перевода на тот диалект, на котором он комендант с ними переписку имеет, отправлено при том ордере под отворчетою печатью и велено тот холст для подарка отдать реченному Вонявину, коему и ордером с приложением при нем с тех комендантского ордера и с письма копией предписано надлежащее исполнение учинить, и поступая со ожидаемою от него по всему тому усердностию, естьли можно будет, то не худо бы было набрать небольших камешков, служащих к доказательству берг-коллегии подаваемого от него о всех его примечаниях репорта.

Елико же касается до придачи Вонявину переводчика, о котором он комендант сумневается, но как те старшины, да и посланные с ним казаки по-татарски разговаривать умеют, то и нужды в нем не настоит, а потому оной Вонявин с товарыщи будет тамо обращаться и без него, а хотя бы он и был, но когда уже оной Вонявин под видом сей комиссии отправляется, то и нет нужды ему о том открываться, а переводить будет одно то, что вымышлено к закрытию; при том же (л. 107) ему коменданту велено и с своей стороны к тем старшинам от себя отписать, дабы они Вонявина, хотя бы у них вышеписанных туров и не было, однако ж для совершенного о том моего уверения по всем местам выводили, чтоб он истину их самолично увидел, и меня о их доброжелательстве уверить мог. А сверх того, можно предписать им и сие, что они, ведая мое любопытство, есть-ли у них есть что и не упоминаемое в письме моем, то и оного для отвезения ко мне по малой частичке могут поручить тем моим поверенным и тем докажут совершенно свою усердность, за каковую они и сами без довольного награждения оставлены не будут, и по сему последнему, может быть, не вызовутся ли они сами о желаемом действительном том намерении, так как уже слышно, некоторой и грузинскому царю некоторыми имеющимися у них же в земле сокровищами адресовался. Есть ли же они со оными вызовутся, то Вонявину оное принять, яко человеку, сего дела не разумеющему, а требовать от них (л. 107 об.) вероятных о том знаков, при доставании коих постараться быть ему и самому для собственного своего любопытства.

Присланному ж с вышеписанными репортами Кизлярского второго баталиона сержанту Григорью Поговскому для съезда ево сюда и на обратной туда проезд прогонные деньги в Кизляре выданы на одну верховую лошадь. А теперь уже за отправлением с ним означенного холста по тяжелости ево на верховой лошади ехать уже будет не можно, того ради даны ему две татарские уездные подводы и на оное вдобавок к состоящим у него прогонным деньгам выдано еще три рубли 51 копейка и как оные, так и на покупку того холста деньги употреблены из астраханской губернской канцелярии из неположенных в штат доходов на счет берг-коллегии. До получения ж оных от кизлярского коменданта репортов присланы ко мне при сообщении из канцелярии главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов шихт-мейстер Старков, ундер шихт-мейстер Вонявин, (л. 108) один кунст-штейгер, двое штейгеров и двое ж подштейгеров, двое плотников, один кузнец и шесть человек бергауеров, в том числе из отправлен-

ных из Петербурга иноземцов двое, из которых один подштейгер знает разработку каменного угля, и на первой случай выдано всем им против их окладов двойное третное жалование, и на почтовые подводы прогонных денег на пятнадцать почтовых подвод на 1 882 версты 141 рубль 15 копеек, и на записку их дана за шнуром и печатью канцелярскую тетрадь, которую велено ему, Старкову, по приезде в Астрахань для счету представить ко мне; по данной же им ис той канцелярии подорожной значит, что они из Екатеринбурга отправлены сюда марта 12 числа, а прибыли маия 23. У меня ж явились 25 чисел, а о причине продолжения их в пути словесно мне шихт-мейстер Старков объявил, что они, яко бы за распутием вешним продолжились в Самаре с месяц и будто за означенную дачу прогонных денег по деньге на версту подвод им не дали, а требовали по копейке, но он Старков в разсуждении недостатка у него (л. 108 об.) прогонных денег на такую заплату поступить не осмелился и по вскрытии Волги реки нанял судно по контракту и на нем прибыли сюда; но когда он узнал, что у него прогонных денег оказывается недостаточно, в таком случае для чего он, будучи в Самаре и в других городах, их не требовал и о недаче им подвод не представлял; а естьли от него сие происходило, то имеет ли о сем какое в оправдание доказательство, для того данным ему Старкову ордером велено, как то доказательство, так и оную записную тетрадь, равномерно ж и помянутой контракт представить ко мне при репорте изъясняя при том, ради чего так долговременно сюда следовал, на которой ордер от него Старкова репортом ответствовано, что он по отправлении ево с командою от Екатеринбурга следовал лежащим трактом до Астрахани со всяким поспешением и зимним путем в Самару прибыл 4 числа апреля, а по прибытии наступило тамо вешнее распутное время, в кое по тяжелости инструментов ехать было (как настоящая дорога до Астрахани большею частию лежала по реке Волге), не безопасности, однако ж он (л. 109), не смотря на то, а желая поспешить сюда, требовал у тамошнего казачьего атамана Якова Чубарова 15 подвод по деньге на версту, и оной наряд им сделать и хотел да с дачею на каждую подводу по копейке на версту, объявляя, что апреля с 1 числа в силу указов велено по сему числу прогоны получать: но как оной атаман у тамошняго комиссарства состоит не в команде, то он Старков и принужден дожидаться водяного пути, а на ту плату по копейке поступить не отважился, в рассуждении том, что оставших у него прогонов было недостаточно, а что ему в таком случае чинить, о том он никакого у себя от своей команды повеления не имел, и так он сам собою денежной казны ниоткуда не требовал. Когда же река Волга льдом скрылась, то он и сыскивал для найму угодное судно плыть сюда водою, и апреля 15 числа явился у него города Самары купец Семен Шапошников, которой подрядился поставить своим судном и в том заключил контракт за договорную цену за 90 рублев. На первой случай в задаток отдано из оставших у него прогонных денег 45 рублев 80 копеек (109 об.) 40 рублев, а достальные отдать по прибытии в Астрахань пятьдесят рублев, в которое число и остальные у него деньги пять рублев 83 копейки здесь ему отданы и просил о выдаче ему недоданных денег, 44 рублев 17 копеек учинить резолюцию; данную же тетрадь от канцелярии для записки денег в росход и контракт от купца Шапошникова представил при том репорте; а понеже, хотя оной Старков тем репортом и представляет, что он в Самаре принужден продолжаться за вешним распутием, и якобы за недачею тамошним казачьим атаманом за заплату по деньге на версту лошадей, но сего в резон принять не можно, потому что надлежало б ему о ево таком упрямстве в самарском коми-

сарстве представить и по недостатку у него прогонных денег требовать их ис того ж комисарства, почему может быть оные ему и выданы были, а естьли б и выдачи ему тамо не сделали, то мог бы он темп прогонами доехать по недалекому расстоянию от Самары до города Сызрана, где б совершенно теми прогонными деньгами был удовольствован, и так бы он по должности своей надлежащее исполнил. Но когда он как сего (л. 110) не учинил, так и ко мне о сем чрез почту не репортовал, то к продолжению в следовании в пути времени сам он и притчиною состоит; при подаче ж им Старковым мне ис помянутой Екатеринбургской канцелярии о сей комиссии сообщения пакета оказалась печать на нем повреждена, а именно, некоторая часть небольшая совсем отпечатана, а от того места несколько надломлена, из чего не без сомнения было, что он Старков для любопытства тот пакет иногда не отпечатывал ли: но по посажении ево за сие на гобвахт под караул и при забрании с квартиры ево имеющихся у него писем найдена в них с посланного в тое канцелярию из берг-коллегии об отправлении их сюда указа копия без всякой скрепы, из которой не можно было ему, зачем он сюда отправлен, не знать,— а потому видится, что помянутая печать повреждена от ево небрежения: он же Старков, видя ис той копии, сколь нужна сия комиссия, а в скорейшем сюда следовании никакого рачения не имел, чрез что оная желаемого успеха не предприяла, ибо, как выше значит, назначенной для ея предводитель осетинской архимандрит Григорий, (л. 110 об.) отъехав от своего места в Меретию, и будучи тамо набегшими татарами убит до смерти, в чем не иной кто, как он же Старков притчиною ж состоит, потому что естьли б он ранее сюда с командою прибыл, и они все ко исправлению порученного им дела отправлены были, то б и оному архимандриту не было время туда отлучиться, и так бы ни он архимандрит до такой крайности не дошел, ни сей бы комиссии остановки не последовало; по каковым обстоятельствам реченной Старков явно оказал себя к дальнейшему ея исправлению неудобным. А как при сей команде находится помощником ему ундер-шихтмейстер Вонявин, который может тоже исправлять, что и Старков, к тому ж сия команда в рассуждении оного препятствия до времени отправлением в свое место удержана здесь, и так в нем Старкове и совсем теперь надобности не усматривается, в разсуждении чего и дабы по такой ево неудобности по бытности в Астрахани не мог он напрасно к единому только казенному убытку двойное жалование получать, для того помянутой Старков отпущен отсюда к ево команде в Екатеринбург, и о свободном ево туда пропуске дан (л. 111) ему пашпорт и о том в Екатеринбургскую канцелярию, также и в берг-коллегию сообщено, и требовано, чтоб благоволено было с ним Старковым за все оное по ево должности небрежение, яко с неисполнителем главной команды повеления поступить по указом: представленная ж от него записная прогонным деньгам тетрадь отослана к господину тайному советнику кавалеру и оренбургскому губернатору князю Путятину при сообщении с тем, что как оной весь от Екатеринбурга до Оренбурга, а оттуда до Самары тракт в Оренбургской губернской канцелярии известен, в таковом бы случае и приказать по ней учинить поверку и что окажется об оном, в екатеринбургскую канцелярию дать знать. Вышепомянутому ж самарскому купцу Шапошникову по его контракту за своз той команды до Астрахани на судне следующие к додаче деньги 44 рубли 17 копеек выданы из астраханской (л. 111 об.) губернской канцелярии из неположенных в штат доходов на счет берг-коллегии. А ундер-шихт мейстеру Вонявину велено тое команду иметь в своем

ведомстве, о чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу в известие.

Вашего императорского величества всемилостивейшей государыни всеподданнейший раб

Бекетов.

Проект письма к осетинским старшинам, 31 мая 1768 г.

Почтенные господа осетинского народа старшины.

Будучи я в Астрахани губернатором несколько времени, не имел случая с вами знакомства завести, однако ж напоследок, узнав ваши добрые поведении чрез архимандрита Григория, который мне ваше усердие к нашей стороне уверил, принял ныне намерение по соседству с вами изъясниться о моей потребности, которая для вас, я думаю, очень сносна быть может, а ради меня весьма надобна, за что я вас без награждения не оставлю.

Я уведомился, что в ваших и около вас в окрестных местах по горам обитают дикие бараны, называемые туры, коих необходимо мне надобно для куриозности у себя содержать, но как они в разных местах находятся, для того посылаю при сем моих надежных мне людей трех человек, которым прошу приказать те места указать, где б они могли их поймать. Однако ж, дабы вам самим и вашим людям в поимке их не трудиться, и сего ради требовал я от превосходительного господина генерал-маиора и кизлярского коменданта Потапова, чтоб он к поимке их с моими людьми отправил из ево команды двенадцать стрелять хорошо умеющих казаков, и, когда им удастся по щастию живых наловить, то их самих, а естьли по дикости оных живьем достать будет не можно, то хотя б из ружей застрелить и снять с них кожу и набив соломою чучалы их, позволить ко мне вывести; чего для прикажите тем посланным по всем тем местам их пойскать, а при том и о в произрастения в ваших местах по малой частичке как хлеба (л. 115 об), а особливо из чего солод делают, так и других фруктов дерев семян достать; и по окончании всего того прошу наших посланных из ваших мест с конвоем вашим выпроводить.

При первом же сем случае посылаю при сем к вам делаемого из нашего произращения холста десять концов, в коем, как мне известно, имеете вы недостаток; в протчем пребуду вам доброжелательным ея всепресветлейшаго императорского величества всемилостивейшей и всеавгустейшей государыни моей генерал-маиор ковалер и астраханской губернии губернатор

Никита Бекетов.

Рапорт кизлярского коменданта ген.-майора Н. Потапова в коллегию иностранных дел, 2 августа 1768 г.

21 числа минувшего маия господин генерал-маиор астраханский губернатор и ковалер Бекетов, досылая сюда ради осмотра в Кафказских горах рудников пробирного искуства гитен-форвальтера Степана Вонявина и шихмейстера Ивана Князева с принадлежащими к произведению там пробы инструментами, определил мне их во Осетию под приличным претекстом отправить, а для указания тех мест, где руды находятся, употребить осетинской комиссии архимандрита Григория и, каким образом будучи им тамо поступать, снабдить их моим наставлением и во всем по требованиям чинить вспоможение, почему в рассуждении последовавшей смерти архимандрита соответствовал я господину губернатору разными, особливо пробу там на месте делать, не-

возможностьми и соглашенность с его стороны и моей, наконец, послать одного Вонявина только очевидно усмотреть места металлические и приличные к построению иногда заводов, как и уведать тракты, способной лес и протчее, куда он Вонявин с губернаторским и моим к старшинам письмами под видом губернаторского егеря к получению обитающих (л. 127 об.) в горах туров и протчих произрастеней отправлен был с пристойными подарками из Астрахани, в холсте досланными, к томашним старшинам, под предводительством ротмистра Киреева и двенадцати человек лучших гребенских казаков гулебщиков или стрелков. А Князев, к отнятию и здесь об них любопытства, одновременно возвращен мною в Астрахань. И яко же Вонявин, в том виде употребясь, имел случай, въехавши в Осетию, исследовать, поелику ево возможности допустили, примечании о рудах и протчем, то по возврате его оттуда, каков от меня ему дан был ордер, и от него по тому подан ко мне примерной план, описание и изъяснение оные государственной коллегии иностранных дел в высокое рассмотрение при сем представляю, и с моей стороны доношу, ежели предприняты будут какие намерения, клонящиеся точно заложить плавительные заводы, в таком случае нужно будет содержать там защищающую заводы и осетинцов особливую военную команду не из числа здешней, ибо оная и для здешних расходов недостаточна: в протчем подношу ж при сем из доезда ротмистра Киреева копию к потребному известию о состоянии грузинского владетеля Ираклия.

Вонявин же с собранными им металлическими знаками возвращен в Астрахань к господину губернатору.

Генерал-майор Николай Потапов.

Ордер кизлярского коменданта ген.-майора Н. Потапова штен-фервальтеру Вонявину, 18 июня 1758 г.[1]

(л. 128) Понеже вы в силе высокого сената и потому государственной коллегии иностранных дел указов употреблены мною под посторонним видом ко осмотру лежащих в Осетии в Кафказских горах минералов и имели уже случай всякое там примечание взять, а как с стороны моей обо всем подробно надлежит государственную коллегию иностранных дел уведомить, то рекомендую вашему благородию по получении сего, учиня всем тем местам, где вы были обстоятельную карту, ко мне представить, с показанием на ней жилищ, дорог, рек и гор, минеральных, также и лесов, и при ней приложить журнал с ясным описанием всего вашего туда и обратно проезда, а главнее всего, объяснить во оном подробно, в каком расстоянии какие реки и леса от минеральных мест и каким способом можно леса получить, ежели б иногда соизволено было горны заложить; следовательно, народы тамошние к такой должности полезны ль или ненадежны, также нужные ль в них проезды, и по каким обстоятельствам или способные, буде ж нужные, то какое средство вы находите ко исправлению того. Не меньше того описать же (л. 128 об.) надлежит и то, в которых местах какие руды и в самых тех местах есть ли такие леса, чтоб первоначально нужное застроение учинить так, чтобы вся ясность во описании была, а на карте противу описания знаками доказывалось. Тут же во описании или во особливом репорте можете объяснить: жители тамошние 1) какого свойства, и согласны ль между собою или в распрях живут; 2) склонны ль к христианству и к державе ея императорского величества нашей всемилостивейшей монархини; 3) еже-

[1] Копия.

ли б их в такую работу употребить непринужденно, а произвольно,— поступили ли б они на сие? Но как они по се время есть независимые здешнему месту, то 4) какими б средствами их для переду привесть в отменную к здешней стороне усердность и преданность, крещением ли и защищением от империи, или чрез дачу награждения, и 5-е) не обманчивы ль они, и в достатке ль, или в самой бедности живут. И присовокупя к тому по очевидности вашей; как о народе, так и о минеральных заводах ваше мнение, представить ко мне, как наискорее, причем, вам дается в секрет знать, что Большая и Малая Кабарда теми осетинскими народами несколько господствует и присвояет, то ежели б те народы, пренебрегши их кабардинцов, едино возжелали протекции здешней, могут ли они упорствовать только собою (л. 129) противу кабардинцов, или потребно им защищения и не вызывались ли они о таком случае.

Впротчем, ежели вы и еще что взяли в примечание, весьма нужно с стороны вашей все подробно в репорте ль или описании объяснить, не умалчивая ни о чем, что может касаться в пользу высокого монаршего интереса.

Рапорт ротмистра А. Кирсова кизлярскому коменданту ген.-майору Н. Потапову, 21 июня 1768 г.[1]

По отправлении моем с известным вашему превосходительству человеком[2] из Кизляра, ездили мы во осетинские жилища, и переправясь в Червленном казачьем городке, проезжали по той стороне реки Терка, и во-первых заехали в жилище Малой Кабарды владельца Раслам-бека Тау-султанова, но не получа его в доме, явились той же Кабарды ко владельцу Батоке Тау-султанову, коим принеты ласково и под провожанием его проезжали во осетинское подворье, а оттуда в Куртатинский уезд, где оный владелец Баток остался, а мы отправились на реку Иордан в жилище, Лягири называемое, с проводниками из куртатов и вызванными мною из оного жилища Лягири двуми старшинами, куда по прибытии нашем как куртатские и лягиринские, так и протчих осетинских жилищ старшины же многие к нам приезжали, и просили вашему превосходительству донести, чтоб они принеты были в подданство ея императорского величества и от кабардинцев защищены, а при том из нынешних их мест, яко тесных, выведены б были на поселение в пространные места по рекам Иордану, Фоке и Татартупу (л. 141 об.) ближе к Осетинскому подворью, а они всеусердно желают принять христианский закон, в котором предки их состояли, но препятствует им сильное кабардинцев притеснение, которое они всегда от них сносить принуждены, и ежели им и от Российской империи защищения не будет, то они все время от времени пропадать могут в заблуждении.

В бытность же нашу в Куртатском уезде приехали туда от грузинского владетеля Ираклия посланцы, чрез которых он Ираклий призывает к себе осетинских старшин и Малой Кабарды владельцев, якобы для уговору с ними о проложении из Грузии, для всякой проезжающим караванам и другим людям безопасности, новой к Хуртатам дороги, ибо старою дорогою от многих горских народов чинятся грабежи, и люди попадают в плен. Но один крещеный старшина Андрей, а по их названию Алегука, секретно мне сказывал, что хотя он Ираклий и призывает их, якобы для совету о проложении новой дороги к безопасному проезду караванам, но,— как он примечает и у них

[1] Копия.
[2] Вонявиным.

есть известие,— что персидской Векиль Керим-хан и с ним высланной из России грузинский князь Александр Бакаров[1] приближаются с войском к Тефлизу, для доставления с стороны Керим-хана Тефлиза оному князь (л. 142) Александр Бакарову, то Ираклий, будучи от сего во опасности, яко же все тефлиские жители имеют больше склонности к князь Александре, видно желает, проложа такую дорогу, при неудачливом ему времени оною сам с фамилиею укрыться во осетинские пределы, и по призыву его старшины и Малой Кабарды владельцы ехать к нему Ираклию намерены, а куртатцы начали уже убираться.

Прапорщик Иван Рычков.

Изложение доклада Вонявина, 28 ноября 1768 г.[2]

(л. 113) Во исполнение правительствующего сената посылан я был от государственной берг-коллегии сего года около половины июля месяца для осмотра в Осетии металлических признаков, где будучи и нашел, особливо в Хуртатском и Лагирском осетинских жилищах нарочито богатой блейгланцовой серебряной руды признаки, простирающиеся близко на тридцать верст, и при том с близь лежащими лесными угодьями. Между приискиванием же мною показанных металлов, уведомился я от осетинцев, которые довольно изъявляли свое желание, что они давно желают, по склонности своей к христианскому закону, быть (л. 113 об.) под протекциею российского двора, и чтоб оных вывесть на степь подле осетинских Кавказских гор Малой Кабарды; сих осетинцев числом будет около десяти тысячь человек, и притом никому не зависящих.

Сверх сего, во время ж моего в показанной Осетии металлических признаков осмотра, случилось мне там видеть в одном местечке, называемом Хуртатах, в доме новокрещенного осетинца Андрея Цалеукова, присланного от грузинского владельца Ираклия посланца для найму людей в военную показанному владельцу службу, который при том также, обольщая оных осетинцов, старался истребовать свободной пропуск чрез места осетинских гор для того, чтоб в случае нужных

---

[1] Векиль-Керим хан (ум. в 1779 г.) — начальник зендов, принявший титул «векиля» («поверенного») номинального персидского шаха Измаила III, с 1760 г. правитель почти всех персидских земель, за исключением Хорасана.

Александр Бакаров, — царевич Александр Бакарович Грузинский, капитан русской гвардии, сын царя Бакара Вахтангова, выехавшего вместе с отцом, грузинским царем Вахтангом VI, в Россию из Грузии в 1724 году,— принадлежал к старшей ветви грузинского царствовавшего дома.

1768—1774 годы первой русско-турецкой войны времени Екатерины II, закончившейся Кучук-Кайнарджийским миром (10 июля 1774 г.). Усобицы, начавшиеся в Персии после смерти персидского шаха Надира (в 1747 г.), дали повод грузинскому царю Ираклию II, воспитывавшемуся при дворе шаха Надира, вмешаться в персидские дела и даже сделать своими данниками Эриванского и Ганджинского ханов. Но в Карталинии положение Ираклия было не совсем прочно; здесь действовали против него приверженцы наследников царя Вахтанга VI, удалившегося в Россию. Желая обеспечить себе и своему потомству Карталинское царство, Ираклий искал русского покровительства. Когда в 1768 году началась русско-турецкая война, Ираклий действовал против Турции совместно с Россией. Несмотря на то, что по Кучук-Кайнарджийскому миру была признана независимость Карталинии и Кахетии от Турции, Ираклий II, не чувствуя себя и после мира в безопасности от Турции и Персии, в 1783 г. признал над собой власть русского самодержавия.

[2] Копия, в начале которой находится приведенная в копии же помета Екатерины II на имя гр. Н. И. Панина: «Граф Никита Иванович, при сем к вам посылаю сказку штен-фервальтера, кою я приказала написать, дабы лучше можно было оную понять».

военных крайностей владельцу Ираклию от царевича (л. 114) грузинского Александра иметь можно было убежище на степь Малой Кабарды; однако осетинцы тогда ж на все оные им требования совсем отказались. Сию вероятность доказывали мне показанной новокрещенной осетинец Цалеуков и находившийся при мне кизлярской команды ротмистр Киреев, тем, что показанной владетель Ираклий искоренением своим грузинских князей Амалаихоровых, привел себя против оставших их фамилий людей в неудовольствие, а другие частию отошли к персидским границам и желают лучше быть в подданстве грузенского царевича Александра.

Гитенфервальтер Степан Воиявин.

Рапорт астраханского губернатора ген.-майора Н. Бекетова в коллегию иностранных дел, 18 декабря 1769 г.

(л. 145) Сего декабря 3 числа присланным ко мне из государственной берг-коллегии сообщением дано знать во исполнение де объявленного в ту коллегию чрез господина действительного статского советника оной коллегии и монетного департамента президента графа Мусина-Пушкина, а ему чрез господина генерал-прокурора и кавалера князь Александр Алексеевича Вяземского изустного ее императорского величества высочайшего указа, коим ее императорское величество повелеть соизволила: для разработания лежащих около Кизлярской крепости гор точным уже горным порядком и для заведения в тамошних местах некоторых заводов под дирекциею и предводительством моим по секретной экспедиции взять с казенных назначенных в том сообщении горных и заводских обер-офицеров и служителей, коим уже государственная берг-коллегия, во исполнение того высочайшего ея императорского величества указа, и наряд сделала, приказав всем им' явиться у меня. По которому я, хотя самым делом приступить ко исполнению и должен был, но понеже ныне настоит с Отоманскою Портою война [1], и все горские народы, приятствуя той стороне противу России, скоропостижно и прежде, нежели турецкое войско успело быть в воинских действиях, в здешнем краю уже начали войну, надеясь приобресть удачю, смотря на бессилие здешняго места, не уповая столь скорого быть им супротивления наряженными войсками в прибавок к регулярным казаками и калмыками (л. 145 об.). Чрез что воспрепятствуемы от главного их намерения силою обе Кабарды, то-есть Большая и Малая и несколько кубанцев отдались на присягу, которую всегда они в состоянии откладывать, не будучи точными российскими подданными, как скоро чем тронуты будут, состоя в своих пределах, распространяющихся до Черного моря и Крымского владения, из разных народов, и из них, которые малосильны, те превозможением кабардинцев почитаемы им подчиненными, как от государственной коллегии иностранных дел предписано, что кабардинцы с них действительно подать собирают, а и от осетинцев, где назначено быть заводам, иногда вымогают же, почитая и их себе подчиненными ж. Итак само по себе доказывается, что осетинцы, будучи малосильными в поступлении собственных своих угодий для заводов, будут упреждаемы утеснениями от кабардинцев и других горских народов, которых весьма многочисленно сыщется к препятствию здешней стороне на произведение таких полезных дел, как-то за заведение при урочище Моздоке крепости и Осетинского подворья к содержанию построенной для приему в христианской закон осетинцов церкви приняли многие пре-

[1] Турецкая война 1768 - 1774 гг.

тензию, и крымской хан, имев оную, не оставил жаловаться турецкому двору, что надлежащим спокойствием по долгом времени еще решиться не могло, как пространно значит в высочайшем ее императорского величества рескрипте из государственной коллегии иностранных дел от 5, полученном здесь 21 декабря 1767 года. В нынешнее ж, яко колеблющееся, время тамошние народы не только подозрительны, но и самым делом (л. 146) опасны к повреждению Российских людей; сколько прошедшим летом по окончании главного их возмущения вредностей происходило и чрез репорты бывшаго кизлярского коменданта господина генерала-майора Потапова государственной коллегии иностранных дел и ко мне дано знать оное за потребно. Я нахожу изъяснить:

1) Употребленный из Кизляра в посылку до Тарков для примечания поступок Тарковского шефкала и других ближних к нему дагестанских владельцев и кумык подполковник Абакум Шергилов 18 июня в проезде из Аксайской до Брагунской деревни воровскою человек более сорока партиею под предводительством Топлинского владельца Али-Салтана Казбулатова племянников Казбулата и Хамзакая ограблены и взяты в плен и увезены прямо в Чечни к реченному владельцу Али-Салтану, где оный подполковник от мучения и побоев в дороге на другой день по привозе в деревню умре.

2) По известию одного узденя доказывано, что владелец кабардинской Мисост Баматов, удалясь от присяги и от дачи аманата, тайно по ночам принимается кабардинским же владельцем Касаем Атажукиным в его коше и имеют с ним тайные ж от протчих владельцов советы, а по утрам паки укрывается в горы, что подает важную притчину сумневаться и на Касая и по учиненной уже им в верности в подданство ея императорского величества на нынешней раз присяги.

3) На вышеписанное осетинское подворье, состоящее в Малой Кабарде, 2 сентября учинено нападение горскими народами, называемыми куртатинцами, человеках во сте собравшимися, побито ими (л. 146 об.) казаков пять человек, церковь и пажить у попов и казачья разграблены, и раззорению подворье предано.

4) Нынешней комендант господин полковник Неимчь, по сообщению из Грузии, господина генерал-майора и кавалера графа Тотлебена уведомил, что все мосты чрез реку Терек не только де, чтоб на счет казенной делать он граф приказал, но и всем осетинским старшинам генерально подарки чинил, которые де ему графу, как обещанием утвердились, так и присягою обязались ея императорскому величеству верными состоять и тем мосты содержать в целости в случае проезжим и для проходимого войска, причем и всякое вспоможение чинить. Ныне же де он уведомлен, что все мосты сломаны, и следующий де с эскадроном порутчик Соловьев принужден был за те мосты паки вторительно плату производить, а как скоро переправился, то те мосты осетинцами разломаны, а напоследок.

5) Начатые в здешнем краю воинские действия чрез прошедшее лето совсем кончиться не могли, по непокорению в подданство ея императорского величества кубанского вора Асокура Расланбека, усилившагося с подобными себе единомышленниками и в своих пределах от покорения укрывающегося, за которым поиски только по нынешнему зимнему времени пресеклись, а с будущей весны опять начнутся, и на какой конец сие решится неизвестно.

Но как из того ясно видно, что не один сей главной кубанской вор Асокур, но и протчие народы злодейски на российских людей нападают и, несмотря (л. 147) на учиненную присягу, нарушают как осетинцы оное в разломании мостов самым делом вскоре после присяги

своей преступили — и в рассуждении всех сих обстоятельств государственной берг-коллегии от меня сообщено, что ныне к требуемому горному порядком разработыванию лежащих около Кизлярской крепости гор, доколе начатая война с турками благополучно совсем не окончится, приступить нимало не сходно потому, что кабардинцы едва только в самом деле более усилием, нежели добром приведены в подданство, и они ж те осетинские места к себе по силе своей присвоивают и не будучи успокоены доныне Моздоком, вновь получа такое себе от нас возражение, конечно, на наглую войну пойдут и по силе своей, а здешней в войске слабости, великой вред причинить могут, особливо когда кубанцы и протчие приятели их, на горах к Черному морю простирающих живущие, в послушание наше не приведены. Итак я при нынешних обстоятельствах ни под каким видом требуемого государственною берг-коллегиею исполнить не в состоянии и не берусь, а советую выкомандированных уже для сей экспедиции людей опредилить до времени к правлению их должности в ближайшее отсюда место, дабы они, живучи здесь, праздно жалование втуне не получали, а при том бы, при открытии туда желаемого пути, без дальнего замедления доставлены быть могли. Да и посыланной от берг-коллегии гитен-фервальтер Вонявин во мнении своем полагает наперед живущей в горах (л. 147 об.) народ для приласкания их постараться перевесть в места, считающиеся принадлежащими к Малой Кабарде, и тем их одобря, склонивать к доставанию руд, а без того он сам исполнение сего намерения невозможным почитает. Итак, сверх того, за нужнейшее дело почитаю я государственной иностранных дел коллегии о сем от берг-коллегии дать знать, что ея императорского величества высочайшая воля на заложение в тех местах серебренных заводов уже воспоследовала, то б оная по силе своей и возможности при благополучном окончании войны, чего каждой сын отечества желает, те места старалась выговорить в вечное и беспрекословное владение Российское, и тогда по точным и прилежном розыскании, может быть, откроются еще полезнейшие к достижению сего намерения способы, особливо когда присовокупление к Российской империи всего кубанского кряжа, буде может, учинится по успехам оружия против главнейших неприятельских сил и по уступке от Порты Отоманской, о чем из государственной коллегии иностранных дел от 15 генваря сего года в рескрипте к командующему в здешнем краю генералу упомянуто, что река Кубань с принадлежащими к ней жителями останется в подданстве ее императорского величества всемилостивейшей нашей государыни, ибо та река имеет множество лесу, а при том гораздо глубжее протчих, потому и к сплаву по себе получаемого из гор удобна. Сверх всего того где б что завесть ни разсудилося, то, по утверждении в верности и подданстве тамошнего (л. 148) края жителей, нигде никакого и ни от кого помешательства быть не может и употребления на то интереса будет верное и совсем безопасно. Обождать же того, как ныне уже война настала, не так долго, сколько приступление к тому без того сумнительно, что и предано на рассмотрение оной государственной берг-коллегии, прошено меня извинить, что я в толь для государства полезном деле принужденным нашелся против воли моей отказаться. А для обстоятельного усмотрения дела приложена учиненная по сему в секретной экспедиции полная выписка, о чем и государственной коллегии иностранных дел во известие сообщаю и при том упоминаю нынешнее кизлярского коменданта господина полковника Неимча по сообщению к нему от графа Тотлебена представление, что осетинцы мосты для переходу, перепустя команду, опять разламывают. Сие чинится, по мнению моему, не для чего иного, как только за

делание оных получать себе всегда плату, которая по частым отправлениям превзойдет такой суммы, на которую б содержать можно было для сего единственно пристойное число солдат, сделав для них небольшие редуты, снабдя чугунными пушками, а из сего произошло бы не только во всегдашнее время безостановочная комуникация, а при том бы то же послужило и впредь к покорению сих варвар для удержания от помешательств предприемлемого и государственною берг-коллегиею для государства преполезного дела. Ибо от сей дороги осматриваемые гитен-фервальтером Вонявиным (л. 148 об.) удобные для заводов места лежат в близости. Сии же осетинцы не так благоразумны, чтоб довольно было одним пристращиванием на словах привесть их, по совету графа Тотлебена, кизлярскому коменданту к послушанию и содержанию нерушимо данной ими присяги, что государственная коллегия иностранных дел сама более меня ведает.

На сих же днях от полковника Томского полку, следующего в Кизлярской край, получил репорт, что он везет с собою более 129 тысячь на содержание вверенного графу Тотлебену корпуса, из сего я заключаю, что естьли не весь оный полк туда пойдет, то, конечно, для препровождения такого числа денег по диким тем народам, за неимением здесь других воинских людей, не менее баталиона из него послать туда будет надобно. А по уведомлению генерал-майора Потапова осетинцы за перепуск чрез моста и их места в один конец берут с каждого человека по восьми рубах, а с возвратом сделают по шестнадцати, в рубаху же полагается у них по осми аршин, каждой ценою от шести по крайней мере и до пяти копеек, а по пребыванию в Грузии реченного графа Тотлебена такие пересылки не только часто, но и в большем числе неминуемо последуют и причинят невозвратного и безполезного, а притом и к соблазну им впредь служащаго убытку немало, и, уповательно, более того (л. 149), во что бы содержание для того особливой команды и построение редутов стало, сверх того оныя укрепления во всегдашнее время остались к пользе российской, что однако ж оставляю на лутчее разсмотрение государственной коллегии иностранных дел, и естьли оное ею опробуетца, то б благоволено было, с кем еще надлежит о том снесшись, снабдить непродолжительно резолюциею.

Н. Бекетов

(л. 149 об.) Употребленной от государственной берг-коллегии в посылку в Осетию к приискиванию металлических признаков гитен-фербальтер Вонявин по возврате оттоль каковы 1768 года сентября 13 дня, подал описание и изъяснение о многом наперед заведения заводов надобном основании, которые тогда берг-коллегии были доставлены во арегинале, а ныне, в потребное по сему обстоятельству, государственной коллегии иностранных дел разсмотрение копии с них сообщаются.

(Продолжение следует)

Постановление жюри Правительственной Комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР

Жюри конкурса на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР устанавливает, что ряд учебников из числа 46, представленных на конкурс, отошел от прежнего типа учебников по истории, осужденных в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 года. Вместо отвлеченных социологических схем в этих учебниках соблюдается при всех их недостатках историко-хронологическая последовательность в изложении исторических событий, дается описание важнейших исторических явлений, дается перечень основных хронологических дат и характеристика исторических деятелей.

Отмечая этот факт, как достижение на фронте исторической науки, Жюри вместе с тем обращает внимание работников исторической науки на наличие в этих учебниках ряда общих недостатков, кои должны быть устранены как в дальнейшей работе по изучению истории СССР, так и в преподавании истории в школе.

1. При описании Великой Социалистической революции в СССР авторами ряда учебников смазывается тот факт, что власть в результате завоевания диктатуры пролетариата перешла к советам, что победила власть советов. Исторические события Великой Социалистической революции изображаются так, что в головы учеников внедряется неправильная мысль о том, будто бы государственная власть в СССР осуществляется непосредственно коммунистической партией. Роль советов, составляющих политическую основу СССР, смазывается. Роль ВКП(б), как передового отряда трудящихся и руководящего ядра организаций трудящихся, извращается. О том, как советы выросли и окрепли в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата, не рассказывается. Советы некоторыми авторами прямо трактуются, как одна из многочисленных организаций, рядом с профсоюзами, комсомольской и пионерской организациями.

2. Совершенно недопустимо, когда авторы, вместо изложения нескольких важнейших пунктов Конституции, которые ученики обязаны знать и к усвоению которых они должны быть подготовлены всем изложением истории СССР, заполняют целые страницы напыщенной болтовней о самой счастливой стране в мире, из которой ученик не получит никакого представления о том, что такое вообще Конституция.

Ряд авторов при изложении Конституции СССР забыли упомянуть о том, что политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, или не упомянули о том, что выборы в Советы, согласно

Конституции, будут производиться на основе не только всеобщего, но и равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

3. Сталинский тезис о том, что Россию били «за отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную», который дает один из важнейших ключей к истории России последних столетий, не понят рядом авторов учебников. Не показано, в частности, что во время империалистической войны именно в результате промышленной отсталости русские солдаты остались без снарядов, в результате сельскохозяйственной отсталости рабочие в нашей стране остались без хлеба, в результате отсталости общественного строя армией руководили плохие офицеры — помещичьи сынки. Не дав ясной, четкой и доступной детям характеристики отсталости России при власти помещиков и капиталистов или ограничиваясь в этой части общими фразами, авторы затрудняют понимание учащимися великой роли советской власти в деле превращения нашей страны из убогой и бессильной — в страну могучую и обильную.

4. Зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западно-европейского остается не проиллюстрированной на конкретных исторических фактах. Не показано, что зависимость России от западно-европейского капитала была прямым последствием хозяйственной и политической отсталости страны. Не дав ясной характеристики зависимости России от западно-европейского капитала, авторы затрудняют понимание детьми значения Великой Социалистической революции, «как освободительницы России от ее полуколониального положения» (Сталин, Жданов и Киров).

5. Нередко, характеризуя власть дореволюционную или те «правительства», которые образовывали классовые враги для борьбы с советской властью, авторы говорят о капиталистах, в то время как речь должна итти о помещиках и капиталистах. Известно, что развитие русского государственного строя, в последние десятилетия перед революцией, шло в направлении превращения российской монархии в буржуазную монархию (причем этот процесс так и не закончился до революции),— помещик разделял власть с капиталистом (что отнюдь неравнозначаще полной уступке власти капиталистам). Говоря о «капиталистах» там, где речь должна итти о «капиталистах и помещиках», авторы вместе с тем забывают, например, упомянуть о том, что германские оккупанты на Украине первым делом заставили крестьян вернуть землю помещикам, что так же поступали и другие оккупанты. В результате может получиться искажение исторической перспективы и затушевывание той роли, которую сыграл рабочий класс, как освободитель крестьян от ига помещиков.

6. Авторы учебников не охарактеризовали в точных цифрах соотношения помещичьего и крестьянского землевладения. Тем самым затушевывается роль рабочего класса в деле передачи крестьянам помещичьей земли. Факт, что ни один из учебников не приводит ленинских цифр о дореволюционном землевладении: «У десяти миллионов крестьянских дворов 73 милл. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 милл. десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю» (Ленин, т. XI, стр. 337).

Авторы, как правило, не привели также того факта, что в результате Великой Социалистической революции крестьяне в СССР получили более 150 миллионов гектар бывших помещичьих, казенных и монастырских земель.

Эта забывчивость авторов приводит к тому, что при изложении со-

бытий Великой Социалистической революции зачастую не рабочие в союзе с крестьянами противопоставляются капиталистам в союзе с помещиками,— а только рабочие противопоставляются только капиталистам. Тем самым против воли авторов открывается недопустимая лазейка антиисторическим и антимарксистским взглядам на Великую Социалистическую революцию, изображающим рабочий класс не вождем всего трудящегося народа, а классом, совершившим революцию будто бы только для себя.

7. Большинство авторов учебников не сумело показать истории гражданской войны, как войны, в которой русские помещики и капиталисты с их агентурой (эсерами и меньшевиками) выступали как передовой отряд и наемники иностранного капитализма. Не получает ясного освещения тот важнейший для истории СССР факт, что российские капиталисты и помещики, потерпев поражение еще в конце 1917 года почти на всей территории СССР, решили продать свою страну и ее независимость германским империалистам, затем империалистам Антанты. В результате значение гражданской войны в СССР суживается до роли события чисто русского и затушевывается международный характер нашей революции. Недостаточная ясность в изложении этого вопроса смазывает роль большевистской партии и советской власти, которые подняли весь народ на защиту родины против нападения со стороны иностранных буржуазных держав (германский поход 1918 г., три похода Антанты), спасли нашу страну от иностранной кабалы и порабощения империалистическими государствами, обеспечили государственную независимость, отстояли свою землю («Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский». Ленин, т. XXVII, стр. 362) и создали условия для развития и преуспеяния народов СССР.

8. Раздел, посвященный истории 1917—1920 гг., страдает, как правило, тем крупным недостатком, что он сводит историю этого периода почти исключительно к гражданской войне и не дает представления о той перестройке общественного строя страны, которая была осуществлена советской властью в этот период. Необходимо рассказать, хотя бы об основном, т. е. о том, что советская власть за этот период:

а) Уничтожила частную собственность на фабрики и заводы, принадлежавшие ранее капиталистам, и установила социалистическую, всенародную, государственную собственность на фабрики, заводы, банки и т. п.;

б) Передала крестьянам помещичьи, монастырские, казенные земли, объявив всю землю в СССР национализированной;

в) Дала нациям СССР равные права с русским народом, приступив к образованию национальных самостоятельных или автономных республик;

г) Сломив государственную машину буржуазии и помещиков, стала строить новую государственную машину на основе советов.

9. Большинство авторов эпоху построения социалистического общества в СССР описывает больше восклицательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками плюс перечисление 3—4 наиболее популярных первенцев первой пятилетки вместо того, чтобы точно, ясно и просто показать, как в итоге двух пятилеток создана мощная промышленность, крестьяне объединились в колхозы, сельское хозяйство переведено на базу тракторной техники, а для защиты рабоче-крестьянского государства создана мощная, технически оснащенная Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Большинство авторов также не сумело дать, не отрывая от общего изложения, описания той непрерывной борьбы с врагами рабочих и

крестьян, которую пришлось вести советской власти и ВКП(б) для того, чтобы обеспечить победу социализма в нашей стране (кулацкий саботаж хлебозаготовок, вредительство шахтинцев, промпартии, вредительство, заговор, шпионаж, попытки распродажи СССР иностранным империалистам со стороны троцкистских агентов фашизма и т. д.).

10. Жюри отмечает, как крупное достижение авторов учебников, тот факт, что их учебники перестали быть историей одного только великорусского народа, однако же задача — ввести в качестве субъектов истории также и другие народы, порабощенные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой Социалистической революцией, не решена ни одним из авторов учебника.

11. Отрыжки схоластических методов, заменяющих марксистское освещение исторических событий, приклеивание ярлыков различным общественно-экономическим формациям и событиям находят, например, свое выражение в неумении понять и оценить историческое значение французской буржуазной революции, которая разделалась с абсолютизмом и феодализмом, как никакая другая буржуазная революция, и роль якобинцев, как наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии. Якобинцы изображаются одними авторами учебников, как представители интересов только самостоятельных мастеров и мелких лавочников, другими авторами якобинская диктатура изображается, как диктатура, которая якобы ничего не могла дать народу, третьими — как власть, направленная против буржуазии.

Не дав ясной характеристики достижений французской буржуазной революции в деле борьбы с феодализмом, авторы вместе с тем не сумели охарактеризовать ограниченности французской буржуазной революции, которая сменила один вид классового господства и эксплоатации другим видом классового господства и эксплоатации — более прогрессивным.

12. Отрыжки взглядов антиисторических, немарксистских встречаются у авторов учебников, представленных на конкурс, почти на каждом шагу при описании СССР до советского периода:

а) Авторы идеализируют дохристианское язычество, они не понимают при этом того простого факта, что введение христианства было прогрессом по сравнению с языческим варварством, что вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры;

б) Авторы игнорируют прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси, как рассадников письменности и колонизационных баз;

в) Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами, как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом;

г) При освещении крестьянских восстаний до начала XX столетия преувеличивается их организованность и сознательность. Авторы учеб-

ников недостаточно, видимо, отдают себе отчет в том, что крестьяне вне руководства рабочего класса были способны лишь на стихийные и неорганизованные движения. Авторы, видимо, недостаточно поняли десятки раз повторявшуюся Лениным мысль о том, что организованный характер крестьянскому революционному движению придали только рабочий класс и большевистская партия, когда они окрепли и выросли в многолетней борьбе против помещиков и капиталистов. Недостаточность марксистского подхода к историческим событиям приводит к тому, что некоторые авторы идеализируют даже такие реакционные движения, каким был, например, стрелецкий мятеж, направленный против попыток Петра цивилизовать современную ему Россию;

д) Большинство авторов, как правило, не дают правильной исторической оценки битвы на Чудском озере новгородцев с немецкими рыцарями, когда было приостановлено движение на Восток германских оккупантов (разбойничий тевтонский орден — «псы-рыцари»,— как называл их Карл Маркс), осуществлявших колонизацию путем поголовного истребления и грабежа покоряемых народов. Отсутствие марксистской оценки именно этого события в истории СССР тем более недопустимо, что в отношении его имеется определенная оценка Маркса: «1242 г. Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы».

Жюри Правительственной Комиссии **постановляет:**

1. Первой премии не присуждать никому из авторов учебников, представленных на конкурс.

2. Вторую премию в размере 75 тысяч рублей присудить авторам учебника, составленного кафедрой истории СССР Московского государственного Педагогического института под редакцией профессора А. В. Шестакова.

3. «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова считать одобренным Правительственной Комиссией и рекомендовать в качестве учебника для третьего и четвертого классов.

4. Выдать нижеследующим авторам учебников, представленных на конкурс — Минцу, Нечкиной, Генкиной, Панкратовой, Гудошникову и Глязеру по 5 тысяч рублей каждому в качестве поощрительной премии.

Жюри конкурса

Из записной книжки архивиста

Царские министры о всеобщем избирательном праве

Публикуемые ниже документы наглядно и ярко вскрывают отношение виднейших слуг царизма ко всеобщему избирательному праву. Совет министров решительно отклонил законопроект 34 членов Государственной думы «о всеобщем избирательном праве в Государственную думу».

Министр внутренних дел Маклаков, отклоняя данный законопроект, указывал председателю совета министров Коковцову, что такое избирательное право «не обеспечивает избрание состава членов Государственной думы, необходимого для успешной законодательной работы».

И. Ковалев.

Отношение канцелярии Государственной думы председателю совета министров В. Коковцову, 28 февраля 1913 г. № 830 [1].

На основании ст. 56 учр. Государственной думы имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству печатные экземпляры законодательных предположений, внесенных членами Государственной думы в порядке ст. 55 учр. Госуд. думы: 1) о всеобщем избирательном праве в Государственную думу и 2) об учреждении окружного суда в г. Майкопе, Кубанской области.

Секретарь Государственной думы
И. Дмитрюков.

Отношение канцелярии Государственной думы министру внутренних дел Н. Маклакову, 28 февр. 1913 г., № 831 [2].

На основании ст. 56 учр. Государственной думы имею честь препроводить к вашему превосходительству печатный экземпляр законодательного предположения, внесенного членами Государственной думы в порядке ст. 56 учр. Государственной думы о всеобщем избирательном праве в Государственную думу.

Секретарь Государственной думы
И. Дмитрюков.

Письмо министра внутренних дел Н. Маклакова председателю совета министров В. Коковцову, 12 марта 1913 г. [4].

Владимир Николаевич!

Письмом от 6 сего марта за № 1617 [4] ваше высокопревосходительство изволили просить моего заключения по содержанию заявления 24 членов Государственной думы [5] о всеобщем избирательном праве в Государственную думу.

Сущность пожелания членов Думы, выраженного в этом заявлении, сводится к установлению права участия населения в выборах в Государственную думу на началах всеобщего, прямого, равного и закрытого голосования. Избрание членов Государственной думы предположено производить повсеместно в империи, для чего вся территория империи делится на особые избирательные округа. Каждый округ избирает членов Думы из числа всех лиц, пользующихся в империи избирательным правом. Самые выборы производятся по системе пропорционального представительства.

Таким образом заявление членов Думы предполагает: 1) предоставить, на одних и тех же основаниях, право участия в выборах в Государственную думу как активное, так и пассивное достигшим гражданского совершеннолетия лицам сбоего пола, при полном уравнении в избирательных

---

[1] Ленинград, Архив внутр. политики, культуры и быта. Госуд. дума, 1913 г., д. № 3919, л. 5.

[2] Там же. Госуд. дума, 1913 г., д. № 3919, л. 6.

[3] Там же, ф. совета министров, 1913.

[4] Это письмо пока не обнаружено.

[5] В письме Н. Маклакова и в справке канцелярии Госуд. думы ошибочно указывается 24 члена Гос. думы. Законодательное предположение о всеобщем избирательном праве в Гос. думу было внесено за подписью 34 членов Гос. думы (см. дело Гос. думы, 1913 г., № 3919).

правах женщин с мужчинами; 2) допустить прямое избрание членов Государственной думы из числа всех лиц в империи, имеющих право участия в выборах в Государственную думу, с применением к выборам системы пропорционального представительства, и 3) установить, на общих для всей империи началах, представительство в Государственной думе от окраин, в частности от тех местностей, население которых в настоящее время в выборах в Государственную думу не участвует.

Признавая организацию выборов в Государственную думу в империи на указанных основаниях, нисколько не обеспечивающую избрание состава членов Государственной думы, необходимого для успешной законодательной работы, я, с своей стороны, нахожу, что изложенные выше предположения по сему предмету представляются совершенно неприемлемыми, и потому полагаю, что правительству надлежит отказаться от принятия на себя разработки законопроекта на началах, указанных в заявлении членов Государственной думы.

Об этом считаю долгом уведомить ваше высокопревосходительство.

Н. Маклаков.

СПРАВКА

к законодательному предположению 24 членов Государственной думы от 30 января 1913 г. о всеобщем избирательном праве в Государственную думу.

(По канцелярии Совета министров).

24 члена Государственной думы внесли законодательное предположение об установлении права участия населения в выборах в названную Думу на началах всеобщего, прямого, равного и закрытого голосования, при полном уравнении в избирательных правах женщин с мужчинами и с применением к самим выборам системы пропорционального представительства. При этом намечается разделение всей территории империи на особые избирательные округа, с предоставлением каждому из них избирать членов Думы из числа всех лиц, пользующихся в империи избирательным правом, и с распространением проектируемого порядка также на окраины, в том числе и на те местности, население коих в настоящее время не участвует в выборах в Государственную думу.

Министр внутренних дел признает изъясненные предположения неприемлемыми и полагает, что правительству надлежит отказаться от принятия на себя разработки законопроекта на началах, указанных в заявлении членов Государственной думы.

Из росписи личных расходов фабриканта М. А. Морозова

Видный представитель торгово-промышленной буржуазии М. А. Морозов (1871—1903 гг.) с 1895 г. был одним из директоров правления товарищества Тверской мануфактуры.

Расцвет его деятельности в качестве главы правления падает на вторую половину 90-х годов, ознаменовавшихся тремя крупными забастовками в 1897 и двумя в 1899 гг.

С именем М. Морозова связывается его упорное стремление ликвидировать все завоевания, которых добились морозовские рабочие после большой забастовки 1885 г. Он выступает противником учреждения театра и чайной для рабочих, он против постройки новых казарм, руководимое им правление отказывает пострадавшим на фабрике рабочим даже в том грошевом пособии, которое некоторым из них выплачивалось до этого времени. Он не одобряет хитрой политики своей матери В. А. Морозовой, которая пыталась своей филантропией завуалировать эксплоататорскую деятельность предпринимателей. Он открыто высказывался о необходимости восстановления на фабрике того, ничем не прикрытого каторжного режима, который господствовал в 60-х и 70-х годах прошлого столетия.

«Я первым делом ваши затеи отменю — чайные там, театры ваши, фонари, казармы»,— такова программа Лариона Денисовича, героя пьесы Сумбатова (Южина) «Джентльмен», в котором современники без труда угадывали М. Морозова. «Каждый человек должен быть своей партии: либо капиталист, либо рабочий».

Если вспомнить, что Михаила Морозова в купеческих кругах Москвы знали под именем «джентльмен», станет понятна судьба пьесы Южина, из которой приведена здесь выдержка. Все попытки поставить ее в Твери оканчивались неудачей. Агенты Морозовых заранее скупали билеты, и спектакли не могли состояться из-за неявки зрителей.

Что касается записи расходов М. А. Морозова, которые воспроизводятся нами по тетрадке, сохранившейся в фонде т-ва Тверской мануфактуры из Калининского областного исторического архива, то они характерны и по размерам и по характеру расходования средств.

1901 год, к которому относятся расходы, был едва ли не самым неблагоприятным

периодов в истории Тверской мануфактуры. В связи с промышленным кризисом производство резко сократилось, предполагалось закрыть на некоторое время фабрику, выбросив тысячи рабочих на улицу. Начиная с 70-х годов, правление впервые не выдало пайщикам дивиденда, так как чистая прибыль за этот год оказалась по сравнению с предыдущим годом значительно ниже. Итоги в тетрадке подведены Морозовым лишь ориентировочно, так например в записях расходов — «Вино», «Покупка картин, икон и проч.» и «Ремонт дома» итоги не сходятся с графами произведенного расхода.

Резко снизилась заработная плата. Как всегда в годы кризисов, выросли штрафы. Средний заработок Тверского рабочего в 1901 году исчислен в 190 руб. за год И в то же время только один из трех братьев Морозовых расходует на личные нужды 196 657 р. 49 к., что составляет заработную плату 1 035 рабочих. Только на стол, на вино и на вечеринки падает расходов 36 504 р. 56 коп., т .е. годовой заработок 192 рабочих.

Дорогостоящие поездки за границу, дачи, лошади, иконы, портреты — таковы важнейшие статьи расходов. Что же касается взносов в ученые и литературные общества и пожертвований на филармонию, то они имели целью открыть перед Морозовым вход в литературную среду, тем более, что сам он мнил себя великим ученым и незаурядным литератором.

Н. Журавлев.

Расходы по дому М. А. Морозова за 1901 г. [1]

г. Михаилу Абрамовичу	
Выдано вам наличными и заплачено за ваш счет	12 181 р. 03 к.
г. Маргарите Кирилловне	
Выдано вам наличными и заплачено за ваш счет	8 753 » 40 »
Экономке на расходы	6 170 » 75 »
Выдано под отчет разным лицам	1 276 » 22 »
Выдано жалование служащим	14 111 » 55 »
Выданы харчевые служащим	3 349 » 97 »
Проезды в Москве и проч.	604 » 31 »
Благотворительные суммы:	
По Успенскому собору	2 162 » 10 »
Остальные расходы	23 949 » — »
	26 111 р. 10 к.
Членские взносы:	
В Филармоническое общество	102 р. — к.
В музыкальное общество	100 » — »
В Строгановское училище	30 » — »
В Московское купеческое собрание	25 » — »
В общество ревнителей просвещения	40 » — »
В общество любителей художеств	20 » — »
В общество литераторов и ученых	36 » 30 »
В общество охоты	25 » — »
В общество учительниц	5 » — »
В общество при селе Зуеве	25 р. — к.
В общество литераторов	20 » 90 »
	429 р. 20 к.
Содержание хозяйского стола	
Повару по счетам	5 144 р. — к.
Бр. Смирновым	2 000 » — »
Петрову М. П.	1 025 » — »
Жижину Н.	655 » — »
Кирпикову	135 » — »
Шафоростовым	423 » — »
Колганову	109 » — »
Бабанину	140 » — »
Альберт	83 » 75 »
Выгодчиковой	23 » — »
Егорову	107 » 50 »
Арсеньеву	24 » 85 »
За хлеб	19 » — »
	9 889 р. 10 к.
Вино	
Лове Е.	5 900 р. — к.
В. Хотцен и К° за вино	600 » — »
Бауер и К° за вино	954 » — »
Джонстон » »	397 » 34 »
Шванебах » »	954 » 71 »
Перпичиан и Сорпа за вино	880 » 17 »
Кюльвейнс за вино	335 » — »
Лове и Зейдлер за пошлину и расходы	890 » 39 »
Гергард и Гей за пошлину и расходы	393 » 80 »
Российскому обществу	452 » 63 »
Шумилину Н. С. за разлив вина	210 » — »
За провоз вина от Кизляра до Москвы	39 » 91 »
	12 008 р. 15 к.

[1] Калинин. обл. истарх, ф. т-ва Тверской мануфактуры, д. № 1804а.

Покупка картин, икон и проч.

Остроухову за картину	1 000 р. — к.
Бенуа А. за картину . .	5 643 » 05 »
Англяд » » . .	751 » 50 »
Васнецову за картину .	300 » — »
Головину » » .	100 » — »
Серову за портрет . . .	1 000 » — »
Гоберман за портрет . .	205 » — »
Арцыбашеву за портрет	175 » — »
За провоз икон из Петербурга	8 » 05 »
Рыжову за книгу . . .	35 » — »
Савостину за топорик из слоновой кости . .	50 » — »
Черномордик за разное	250 » — »
	12 142 р. 60 к.
Покупка движимого имущества	8 488 р. 92 к.
Библиотека	594 » 66 »
Поездка за границу . .	18 364 » 05 »
Покупка платья г.г. хозяевам	1 893 » — »
Покупка платья прислуге	569 » 75 »
Дача в Проскурове . .	2 398 » 25 »
Дача в Крыму	4 977 » 40 »
Отопление	3 619 » 34 »
Освещение	6 305 » 15 »

Содержание конюшни

Куплено лошадей . . .	5 400 р. — к.
» коров	53 » — »
На чай кучерам	25 » — »
Нижникову за овес . .	249 » — »
Сметанкину за овес . .	1 050 » — »
Кондратьеву за сено . .	1 950 » — »
Марковым за починку экипажей	185 » — »
Гоммель за ковку лошадей	158 » — »
Циммерман за разное .	860 » — »
Захарову за вывески .	18 » — »
Стулову за разное . . .	100 » — »
Ечкиным [1]	660 » — »
Митареву	115 » — »
	10 823 р. — к.

Ремонт дома

Расходы по дому . . .	5 508 р. 67 к.
Московской гор. управе: налог и пр.	3 941 » 27 »
Груздеву за прокат цветов	350 » — »
Ноеву за прокат цветов	500 » — »
Полиции	91 р. — к.
Прочие расходы	10 298 » 31 »
	15 180 р. 58 к.

Устройство вечеров

Гостинице «Эрмитаж»	2 855 р. — к.
Ноеву Ф. Ф.	2 800 » — »
Сиу и К°	44 » 25 »
Фокину	248 » — »
Ракову	112 » — »
Риго за оркестр	250 » — »
Лабад и пианисту . . .	200 » — »
Фокуснику	50 » — »
Израсходовано буфетчикам и др.	421 » 05 »
На чай официантам, полиции и другим . . .	359 » — »
Номера для платья . .	24 » 12 »
За принадлежности для котильона	169 » — »
Дмитриеву—пианисту .	75 » — »
	7 607 р. 42 к.

Расходы разные

Докторам	1 545 р. — к.
За лекарство	40 » 76 »
На чай разным	90 » 32 »
За билеты в театры и концерты	595 » 20 »
За починку разного . .	27 » 25 »
За конторские принадлежности	7 » 93 »
За контрамарки и прописки паспортов . . .	66 » 82 »
За прокат рояля	153 » — »
За телеграммы и пр. . .	63 » 02 »
За реставрацию фарфоровых фигур	120 » — »
Поденщикам	60 » 85 »
За морение тараканов .	100 » — »
Мокквит на поездку за границу	100 » — »
Саблину Б. М. на поездку по Волге и др. местам	300 » — »
За багаж	16 » 35 »
За песок	27 » 01 »
Куплено 2 собаки . . .	3 » — »
За фотографические карточки	29 » 50 »
За опилки	2 » 70 »
За метлы и пр.	2 » 71 »
За хранение ковров . .	32 » 85 »
За обрезание деревьев .	6 » — »
За елки	13 » — »
Нотариусу	32 » 20 »
Разных мелких расходов	30 » 45 »
	3 375 р. 92 к.
Всего расхода . .	196 675 р. 49 к.

[1] Содержатель известных «троек» в Москве.

1902 г. февраля 4-го дня А. Морозов.

Содержание

Постановление 4-й сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР VII Созыва об утверждении «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» . . 2

Положение о выборах в Верховный Совет СССР 3

Коммунистические субботники тыла—Красному фронту в годы гражданской войны. Вводная статья *П. Деркач* 14

О Ленском расстреле. Вводная статья *М. Л. Лурье* 35

Положение рабочих на постройке Петербурго-Московской железной дороги. Вводная статья *М. Крутикова* 45

Русский доброволец в рядах испанских инсургентов в 1830 г. Вводная статья *Эм. Кацмана* 107

Москва в 1812 г. Из записок **Адэма Глушковского** 121

М. Е. Салтыков-Щедрин—ревизор. Вводная статья *Н. Журавлева* 160

Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии. Вводная статья *А. М. Бирзе* 184

Постановление жюри Правительственной Комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР 219

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Царские министры о всеобщем избирательном праве. Вводная статья *И. Ковалева* 224

Из росписи личных расходов фабриканта М. А. Морозова. Вводная статья *Н. Журавлева* 225

Редакционная коллегия

Сдано в производство 4/VIII—5/IX 1937 г. Подписано к печати 27/IX 1937 г. Статформат Б. 176×250 14¼ печ. л. 60 480 зн. в печ. л. О.-Э. (п.) № 36. Заказ 1035. Уполномоч. Главлита РСФСР Б—30128. Техред-выпуск. А. Налимов. Тираж 4 450 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10